

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Малорусскіе рассказы, сказки и пр.

Гринченко, Борис

Б. Д. Гринченко.

Приложение въ № XII «Земскаго Сборника» 1900 г.

Черниговъ, 1900

GR
203
43
487

Печатать дозволено.

105a-289116

31
2593
3A

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	V—VIII
I. Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ	1— 18
II. Примѣты и повѣрья	19— 42
III. Знахарство, заговоры и проч.	43— 87
IV. О сверхъестественныхъ существахъ	89—128
V. О жертвецахъ	129—142
VI. О людяхъ съ чудесною силою	143—176
VII. О кладахъ	177—188
VIII.	189—206
IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.	207—283
X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ	285—306
XI. Преданія о мѣстностяхъ	307—328
XII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія	329—376
Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги	377—401
Прибавленіе: Старая рукопись	402—420
Примѣчанія и параллели	421—454
Указатель содержанія	455—488

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга должна была-бы составлять новый, четвертый, томъ изданныхъ мною раньше „Этнографическихъ Матеріаловъ, собранныхъ въ Черниговской и со-сѣднихъ съ ней губерніяхъ“. Но, подобно предыдущимъ, и этотъ томъ долженъ первоначально появиться въ видѣ приложенія къ „Земскому Сборнику Черниговской губерніи“, и форматъ какъ приложенія, такъ и отдѣльнаго оттиска всецѣло зависитъ отъ формата „Сборника“. Между тѣмъ послѣдній въ настоящемъ году свой внѣшній видъ измѣнилъ, и если-бы я оставилъ старое заглавіе, то новый, четвертый, томъ настоящаго формата выглядѣлъ-бы довольно странно рядомъ съ тремя своими, очень высокими, старшими братьями. А такъ какъ, кромѣ того, прежде, слишкомъ длинное, заглавіе не вполнѣ отвѣчало содержанію книги и появилось на ней въ силу случайныхъ причинъ, то этотъ томъ и получивъ новое имя, болѣе краткое и болѣе точное.

Какъ и прежнія, настоящая книга составлена изъ матеріаловъ, сообщенныхъ разными лицами. Болѣе всего доставлено было г-жею *М. С. Чудновскою* (свыше ста рассказовъ, не считая мелкихъ примѣтъ, заговоровъ, по-словицъ и проч.), а затѣмъ г-жею *М. Н. Гринченко* (болѣе сорока рассказовъ, кромѣ прочаго), принявшей на себя также подборъ части малорусскихъ параллелей. Кромѣ того,

въ книгу вошли еще записи слѣдующихъ лицъ: *В. Т. Андриевскаго* (сообщившаго также и записи *Я. Бондаренко*), *В. В. Боржковскаго*, *Н. Д. Билоконя*, *Е. Н. Гаврилея*, *В. П. Горленко*, *Е. С. Грибенюка*, *Н. Б. Г...*, *Ю. Н. Долинской*, *Г. В. Дорошенко*, *А. В. Заблоцкаго* (отъ г-на *В. Г. Кравченко*), г-жи *Наталии Кобринской*, *И. Е. Коновала*, *Ө. Кондратовича*, *М. М. Коцюбинскаго* (сообщившаго и запись *А. Дуляка*), *В. П. Кошового*, *М. Л. Кропивницкаго*, *Д. К. Лебеда*, *А. П. Лукашевича* (отъ *В. П. Горленко*), *Г. С. Неводовскаго*, *В. В. Полуботко*, *И. М. Руденко*, г-жи *Одарки Романовой*, *В. Ф. Степаненко*, *В. П. Цымбала* (сообщившаго и записи *Т. Галушки*), *В. Г. Шевченко* и, наконецъ, составителя книги. Нѣсколько неизвѣстно кѣмъ записанныхъ номеровъ найдено было мною въ случайно доставшемся мнѣ собраніи разныхъ бумагъ.

Кромѣ этихъ, вновь появляющихся, матеріаловъ, читатель найдетъ въ книгѣ, по большей части въ видѣ вариантовъ къ печатаемымъ впервые записямъ, нѣсколько перепечатокъ изъ двухъ-трехъ старыхъ изданій, сдѣлавшихся такой большой библиографической рѣдкостью, что, напр., даже въ самомъ Черниговѣ я не могъ найти полнаго экземпляра „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“ за всѣ годы. Такимъ образомъ все, напечатанное тамъ, является совершенно мертвымъ капиталомъ, недоступнымъ для научнаго изслѣдованія. Простое указаніе варианта, помѣщеннаго въ такомъ изданіи, въ сущности было поэтому бесполезнымъ. Вслѣдствіе этого уже и раньше гг. Рудченко, Номисомъ и П. П. Чубинскимъ перепечатано было изъ упомянутыхъ „Вѣдомостей“ все, что попало въ руки составителямъ „Южно-русскихъ народныхъ сказокъ“, „Украинскихъ пръказокъ“ и томовъ „Трудовъ этн.-стат. экспедиціи“, посвященныхъ юго-западному краю. Слѣдуя ихъ примѣру, и я внесъ въ свою книгу нѣсколько такихъ перепечатокъ, между которыми есть имѣющія большой интересъ записи П. С.

В. Т. Ефименко, П. Кузьменко и др. Одна или двѣ неболь-
 енно) шихъ перепечатки изъ современныхъ газетъ объясняются
 оверн) желаніемъ сохранить сообщеніе отъ обычнаго для такихъ
 Г... извѣстій исчезновенія вмѣстѣ съ истребленіемъ газетныхъ
 блоч) листовъ. Всѣ перепечатки отмѣчены или при текстѣ ихъ,
 Коб) или въ отдѣлѣ „Примѣчаній и параллелей“.

М) Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ 369 номеровъ съ де-
 яко) сяткохъ записей, быть можетъ, могли бы и не появляться
 бода) въ печати, такъ какъ представляютъ слишкомъ близкіе
 олов) варианты уже раньше опубликованнаго. Но условія из-
 ажи) данія книги были таковы, что я долженъ былъ или
 блм) совсѣмъ отказаться отъ опубликованія ея, — по крайней
 во и) мѣрѣ, на весьма долгое время, — или начать печатаніе
 тѣм) въ то время, когда матеріалъ подвергся только первой,
 айне) предварительной провѣркѣ по печатнымъ сборни-
 нта) камъ. Впрочемъ, эти записи взяли не много мѣста, и
 ва) я постарался вознаградить читателя, обставивъ ихъ воз-
 пе) можно обширнымъ указаніемъ параллелей.

тѣс) № 112 и „Прибавленіе“ (стр. 402) не подходятъ
 пр.) подъ избранное для книги заглавіе, потому что являются во-
 аго) спроизведеніемъ рукописей; но такъ какъ изученіе фольклора
 го) и подобныхъ рукописныхъ произведеній тѣсно между со-
 ла) бою связано, то мнѣ и показалось не лишнимъ опубли-
 мѣ) ковать ихъ здѣсь.

ив) Систематизація матеріала осталось та-же, что и
 бл) въ первыхъ двухъ томахъ моихъ „Этнографическихъ Ма-
 ше) териаловъ“, а относительно правописанія я придерживался
 не) тѣхъ-же основаній, которыя изложены мною на стр.
 тѣс) XVI—XVII предисловія къ третьему тому помянутаго
 д.) моего труда. Прибавлю только, что при перепечаткахъ изъ
 вѣ) „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ я сохранялъ
 ил) правописаніе оригинала, стараясь объ этомъ даже тамъ,
 вѣ) гдѣ приходилось переводить установленное фонетическое
 о) правописаніе на употребленное въ настоящей книгѣ, крайне
 с) неудобное для малорусской фонетики. Нѣсколько запи-
 сей въ отдѣлѣ третьемъ (онѣ всѣ отмѣчены) напеча-

VIII

таны съ рукописей со всѣми неправильностями правописанія — за невозможностью установить съ точностью текстъ. Относительно передачи двухъ вышеупомянутыхъ старыхъ рукописей сдѣланы примѣчанія въ соответствующихъ мѣстахъ. Извиняюсь за искаженіе чешскаго и польскаго правописанія (въ „Примѣчаніяхъ и параллеляхъ“): оно обусловлено недостаткомъ соответственныхъ буквъ въ типографіи.

Всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ приношу мою глубокую благодарность за оказанную ими, въ составленіи настоящей книги, помощь, вызванную ихъ благороднымъ сочувствіемъ дѣлу народоизученія.

1900. XI. 24.

Черниговъ.

Б. Гринченко.

1. Сонце.

Убытойи гадюкы не кыдай на видноци—сонце пла-
катыме.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

2. Змiй летивъ (метеоръ).

Я уже не докажу, куды той змiй летивъ и кому
винъ нисъ гроши,—кажуть люде, що винъ носыть тому
шевцю, що на краю села,—а що свойимы очыма бачыла,
якъ винъ летивъ. Я йшла додому, колы летыть—дов-
гый, довгый, икразъ якъ коромысель; стала я къ плетню
и нагнулась, бо винъ такъ нызенько летивъ, та усе и
хыляється, та блестыть же такъ! Чуть-чуть не зачепывъ
мене и пролетивъ удовжъ села.

М. С. Чудновская отъ крестьянки г. Березнаго Черниг. у. 1898.

3. Змії носять гроши.

Багато насъ, хлопцівъ, йихало на ночлигъ и бачылы, шо змії, увесь красный та блискучый, то подыметься вгору, то зновъ опустыться и такъ до трохъ разъ, а у трейте пиднявся и полетивъ. Мы бачылы, якъ винъ пролетивъ скрызъ церкву и повернувъ до П-ча. Кажуть, шо сьому чоловіку змії носять гроши.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, Чернигов. у., отъ Демьяна Конопки въ 1898 г.

4. Змії якъ куль соломы.

Одынъ чоловікъ ишовъ селомъ и бачывъ, якъ надъ його головою пролетивъ змії—икразъ якъ куль соломы, а зъ того куля такъ и сыплються искры, и винъ такъ увесь и сяе. Чоловикъ дуже злякався, та все такы хотивъ подывиться, кому се змії несе гроши. Ажъ винъ такъ и полетивъ на кутокъ, и якъ долетивъ до Б. хаты, то де и дився, тилькы дымъ пиднявся вгору.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Захарія Леуса, въ 1898.

5. Змії видьми гроши носять.

Мій батько бувъ разъ обходчыкомъ. Иде винъ зъ другимъ и бачыть, шо на стреси у однійи бабы щось блищыть, наче жару насыпано. Пидойшлы воны блыжей, щобъ розглядить, шо воно таке, ажъ изъ хаты выйшла хазяйка, щось промовыла, и тее блискуче загуло такъ страшенно и провалылося. Кажуть, шо се змії носять гроши сій баби, а баба та—видьма: вона и змія прыймае до себе, и зъ нечыстою сылою знаеться.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, 1898.

6. Змії скидає свої крила.

У одній хати зависилась молодиця, и ставъ туды шо ночи литаты змії. Прылетыть було, покладе коло хаты крыла, а самъ зробіться чоловікомъ и йде у хату. Постеригъ разъ челядникъ, якъ змії скинуть крыла, и зробіть такъ, якъ раелы люде: перехрыстывъ йихъ (крыла). Выйшовъ чоловікъ той зъ хаты, да не може узять крыль, и давай винъ кланяться та просыть наймыта подать йому крыла.

—Насыпъ,—каже наймытъ,—мени повну шапку грошей, тоди подамъ.

Ставъ змії сыпать у шапку гроши, а шапка да була зъ диркою. Насыпавъ уже стилько, шо ажъ пидъ самый бовдуръ.

— Ну,—каже тоди наймытъ,—на твои крыла, та бильшь до насъ не летай, бо останешся безъ крыль.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Владимира Ковпыты,
въ 1898 г.

7. Одуреный змії палывъ чоловіка.

Ученые не вирять, шо сатана може зробіться чымъ завгодно и йиздыть, чы тамъ летать до того, кого вже уподобае, адже жъ сьому правда. Мени самій хоть и не траплялось бачыть, а багато людей розказують, якъ у опивничъ вельчезный, якъ коромысель, та блискучый, блискучый, мовъ золотый, змії летавъ до Б., того чоловіка, шо живе на конци села. Не скажу вже, якъ вони потоварышылы, и змії помився сьому чоловіку наносыть мирку грошей. Б. забажалось грошей ще бильшь видъ миркы; выкопавъ винъ у хливи глыбоку яму и всунувъ туды бездонну зелизну мирку. Ставъ

дн
ло
ту.
ла,
хъ
же
ы-
и,
ла
ъ
а

змій шо нocy лeтaть дo тoгo чoлoвикa и нaсыпaть тy миркy грoшымa; тилькы якъ винъ нe стaрaеться нaсыпaть пoвну,—нiякъ тa й гoди!

А дaли змiй якoсь тo ужe прыдыввeсь, щo мужыкъ йoгo oдурывъ и щo грoшeй тaмъ ужe бaгaтo, нe миркoю пaхнe.

Рoсeрдывсь тoди змiй, звeливъ мужыкy уризaть пaлцa и крoвьoу рoспысaтьсa, щo грoши винъ пoлучывъ; a тoди спaлывъ тoгo мужыкa рaзъ, спaлывъ удругe, и дaвaй йoгo щo гoду пaлыть.

Людe и прымитылы, щo якъ ужe усe кoнчaтьсa, пoзaлывaють, бeрe тoди сeй чoлoвикъ зaступъ, выкoпae грoши и клункaмы тoди ужe зъ сынaмы й нoсaть y другe мистo. Oпрoтывeлo чoлoвикoви гoритъ тa тaскaтьсa зъ тымy грoшымa, и дaвaй винъ хвaлaтьсa людeмъ, щo «тaкъ и тaкъ, кaжe, нaнoсывъ мeни змiй грoшeй, a тeпeрь пaлыть,—щo йoгo въ свити дiять?»

Ну, звиснo, y кaжнoмъ сeли e тaки людe, щo видъ усoгo знaють, и пoрaялы вoны йoму кaжeнъ рикъ рoбыть якy нeбудъ нoву прыстрoйкy, чы тaмъ хливъ якый, чы пoвиткy, чы пoкривлo пeрeкрывъ, aбы тo щo нeбудъ нoвe.

И съ тыхъ пoръ пeрeстaвъ тoй чoлoвикъ гoритъ. Винъ и тeпeрь жывъ, пaлeць y йoгo и дoси нe зриссa и рoбыть винъ тaкъ, якъ йoму рaялы людe; тилькы, звиснo, ужe збиднивъ, бo килькы рaзъ гoривъ, пoдилывсь зъ сынaмы, къ тoму жъ и дoрoгy дo шынкy дoбрe знae, тa тaкы, пpaвду кaжучы, дe тo вжe дьявoльськымy грoшымa й зaбaгaтiєшь?..

М. С. Чудновская отъ Хведоры Непомнящей въ с., Выбляхъ Чернигов. у.

8. Визъ (зиркы).

Когда «визъ» перевернется «до горы ногамы», т. е., когда «кони» будутъ впереди—начинаетъ свѣтать.

В. П. Горленко, Прилуцкій уѣздъ, Полтавской губ.

9. Витеръ.

Якъ витеръ дуже великый, такъ люде кажутъ:

— Це десь йому жинка товсту сорочку дала, такъ винъ сердиться та й рве ййи.

А якъ маненькый, такъ кажутъ:—О, це десь жинка тонку сорочку дала.

Записала Н. Г. С. Жеведь, Черниговск. у.

10. Грядъ.

Грядъ того буває, що въ празныкъ люде на поли роблють,—се Божа кара. Щобъ грядъ переставъ,—выкыдають на двиръ, тоди якъ винъ иде, лопату або соқыру. А то святу вербу кыдають на огонь, якъ грядъ або гроза.

С. Жеведь, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

11. Зима стае теплиша.

Се видно уже земля поворачується другимъ бокомъ, бо колысь, кажутъ, булы таки холода, що хай Богъ мылуе. Птыци, кажутъ, на лету замерзали, одмерзали у скотыны хвосты, а якъ лынуть було угору воду, то вона за-

е,
разъ и замерзне, не вспившы упасты на землю. А теперь, бачте, якъ тепло, и не похоже, що зима. А мо скоро у насъ и зовсимъ не буде зимы?

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, въ 1898.

12. Чомъ зима безснижна.

I.

кб
н-
Бачте жъ яка сей рикъ зима—нема снигу та й годи. Се, кажуть люде, тому, що у одній слободи родылось якесь дытя. Повезлы його хрестыты, и куды не привезуть—нема попа дома. И такъ багато зъ йимъ попойздылы, помы вже десь застала. Ставъ той пипъ хрестыты и саме якъ умочывъ його у воду, воно якъ закрычыть:

— Йисты хочу!

н
— Оце,—каже пипъ,—яке! Не давайте жъ йому хлиба, бо буде голодь, а давайте йому тилькы снигъ, то буде симъ рокивъ безснижна зима.

Стала тее дытя годувать снигомъ и не ставъ снигъ иты, або колы хочъ и упаде, то де й динеться.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

II.

Отъ я сьогоднѣ чула, шо, кажуть, десь оце вродылаسه дытына, и понеслы йѣи до попа, хрестыть, значыть. Несуть, а воно просыть іѣсты. Значыть, говорыть: «Іѣсты!» Стала хрестыть, а воно зновъ: «Іѣсты!» Батюшка каже:

— Отъ, Боже мой, шо йѣи дать іѣсты?

А кумъ пошовъ та грудку снѣгу зліѣпывъ да й давъ йѣи, у рота пхнувъ. Такъ уже якъ перехрестылы, такъ вона, та дытына, вже й каже:

— Ну, щастя ваше, що дали сніґу! А якъ бы дали хліба, то три годы хлібъ бы не родывъ.

А теперъ, кажуть, три годы отака зима буде безъ сніґу, шо значыть кумъ давъ тій дытны сніґу ззіѣсты.

с. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1898 г.

13. Обизяны.

А обизянь, кажуть, такъ ловлють. Вони жъ у ліси жывуть, такъ бабы пойдуть по абабкы (грыбы) та й поскыдають постолы. А обизянамъ антыресно. Вони повбувають постолы и почнуть ліѣзты на хвою, та ніякъ не зліѣзуть, а бабы йихъ и поберуть. Та ото йихъ тоди и водють.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниг. у. въ 1899 г.

14. Вовкамъ св. Юрій роздае шо йисты.

I.

Правду кажуть, шо вже якъ найменуе яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмутъ. Отъ и намъ була разъ така прыдыбачка. Оралы мы и тилькы шо выпряглы воливъ зъ плуга, вони одійшлы одъ насъ може сажнивъ пѣять,—колы наскочылы вовкы и задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

II.

У насъ було прудке славне лоша. Якъ нападуть звиры, то воно завсегда впереди; а то якъ судылась йому

злы
езь
ты.

смерть, то воно зосталось позаду и не тика; вовкы вхопылы й задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

III.

Йихавъ одынь ганчаръ зъ Рипокъ, прыйхавъ у долину, остановывся, колы бижыть сыла вовкивъ. Винъ бачыть, шо беда и злизъ на дуба. Потимъ того прыйшовъ якыйсь чоловикъ (а то бувъ Егорій святой).

у
та
ны
сь
ли

— А злизъ,—каже,—якъ тоби смерть, то й на дуби буде смерть. Злазь, ничего тоби не буде, лягай!

Той чоловикъ злизъ и лигъ. Винъ (св. Юрій) ставъ йихъ расправлять: тому туды, тому туды, а дванадцять чоловика у двиръ до знахаря, кажучы:

— Колы винъ знахаръ, то я луччый за його знахаръ.

А въ того знахаря та була *саросня* (сорокъ) коней. Такъ вони йихъ усихъ до свита й выложиы. А той чоловикъ уставъ уранци й поихавъ.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

IV.

Ночували ночлижныкы трыдцять чоловика. Вовкы выють та й выють коло одного дуба. Отъ вони й кажутъ, шо якъ бы найшовся такый, шо переночувавъ на тому дуби. Отъ одынь и каже:

— Я переночую.

Согласылысь даты йому одъ души по рублю. Отъ той прыйшовъ до дуба, злизъ, сивъ мижъ роскаракамы; колы прыйижжа на билимъ кони св. Георгій и вовкивъ передъ нымъ чоловика трыдцять; тому каже вивцю ззисты; тому—ягня, тому—гуся, «а тоби, кривый—що на дуби». Тилькы приходять парубкы на другой день, ганяють, ганяють вовка, винъ не йде, насылу одбылы. Отъ злазыть той и каже:

— Вже мени, братця, не животиты.

Винъ и не бере тыхъ грошей, и каже, щобъ похоронъ одправылы. На другу ничу полягалы, посередыни положиылы його, и вси головаы на його ляглы. Свитомъ прокынулысь ночлижныкы — нема товарыша — хто його зна, де й дивсь.

Записаль С. Д. Носъ въ Черниговской губ.

V.

Заночувавъ разъ польованныкъ въ лиси на дереви та й чувъ, шо його назначено вовкови. «Не злизу жъ — миркуе, — зъ дерева, хочъ умру тутъ — не злизу». Лежавъ, лежавъ вовкъ биля древа, а дали й пишовъ. Тоди польованныкъ зъ древа та додому. Прыходыть, ажъ дома въ брата хрыстыны. Братъ його просыть выпыты горилкы. А винъ:

— Ни, — каже, — братику, не хочу: вже мени не животиты.

Та й полизъ на пичъ. Вранци зшукалысь брата. Колы глянулы на пичъ, ажъ тамъ тилько кисткы, — а то вовкъ зкынувь котыкомъ, вбигъ у хату да, якъ вси поснулы, и ззивъ його на печи.

Городницкій у. Черниговск. губ. А. А. Тишинскій.

Разказы этого № номера I—IV взяты изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1859, № 23, а разказъ V-й — изъ № 38.

15. Вовчый богъ Полисунъ.

Крестьянинъ разказывалъ записывателю сказку, напечатанную у Рудченка, I, № 2. Сказка начинается словами: «Не давъ богъ прокорму вовкови». Записыватель спросилъ: «Що то за богъ?» Разказчикъ отвѣчалъ:

У вовкивь есть пастырь Полисунъ. Винъ, значыть,

по-
ли-
зи-
то
гоне йихъ якъ овецъ; де война, то винъ туды й турять
йихъ на прокормъ. Винъ увечери якъ свысне пугою, то
й чуты. Винъ великый и похожъ на чоловіка; безъ йо-
го ярмарка никола не буде, винъ на все цину зводитьъ.

Х. Николаевъ, Борзенскаго у. П. С. Ефименко.
Изъ № 23-го «Черниг. губ. вѣдомостей» 1859 г.

16. Лисунъ годуе вовкивъ.

ш
ъ
ъ
ъ
ъ
ъ
и
Було колысь два браты. Одынъ багаты, другы бид-
ны, бо въ сього (бидного) нищо не велось. Оце було посіе
що,—на помижній ныви вродыть таке, що любо й мыло;
на його жъ ныви голе якъ колино, неначе ничего й не
сіяно. Терпивъ винъ, сердека, терпивъ, а дали годи й
господаруваты.

— Колы,—каже,—нищо мени не ведеться, кыну все
й пиду свить за очыма.

Отъ и пійшовъ тыняться по лисахъ,—не то щобъ
тамъ зробивсь розбышакою, або що, а такъ—пишовъ,
щобъ и помижъ мыромъ не жыты... Чы довго, чы ко-
ротко винъ тынявся—не скажу; тилькы разъ и зустріла
його ничъ у лиси, такъ саме якъ разъ передъ Юрьемъ.
Злизъ винъ на дуба ночуваты... Колы такъ опивничъ
якъ загуде въ лиси, якъ пиде гоминъ, та все бльжче,
бльжче... Жде винъ, що зъ сього буде. Ажъ бачыть,
якыйсь чоловікъ гоныть сылу звіря, а позаду другы
чоловикъ йиде на вози. Отъ прыгнавъ Лисунъ (се винъ
бувъ самый), звіря, да якъ разъ пидъ того дуба, де
сыдивъ чоловікъ, и почавъ розделяты вовкамъ ти окрай-
ци хлиба, що булы на вози. Эге, бакъ! я й забувъ ска-
заты, що визъ бувъ накладены окрайцямы хлиба,—такъ
кулыдка переризана навхрестъ, на четверо,—дакъ отакы-
мы то окрайцямы и бувъ накладенъ увесь визъ. Визьмне
зъ воза окраецъ та й дасть вовкови. Вси чысто роздавъ,
зоставъ на вози тилькы одынъ. Отъ Лисунъ и каже:

— Кому його виддаты? Виддамъ,—каже,—хочъ отому чоловікови, що на дереви... А ну,—каже до нашого сердєкы,—годи тобі тамъ сeditы, злазь, беры свою дильню та йды додому!

Злизъ, узаявъ. Ти люде пишлы своєю дорогою, а винъ пишовъ своєю.

Прыходять додому, хвалыться брату та жинци про сей окраецъ. Братъ и каже:

— Се тобі давъ Господь щасте. Зъ цього окрайця ты вже певне що розживешся.

Ажъ и взаправду—такъ розживсь, що ставъ багачый надъ брата. Ажъ брату стало завидно. Окрайця жъ того ніякъ не можно ззисты: оце що надійдять до половыны, на завтре винъ зновъ и стане такы, якъ бувъ,—ніякъ його не ззидять, усе прыростае. Завидно братови:

— Пиду,—миркуе,—й я проты Юря въ лисъ, чы не дасть Богъ и мени такого окрайця.

Дождалы Юря. Роспытавсь винъ, де те древо. Прышовъ, злизъ, дожыдае... Такъ, зновъ прыходять ти люде, зачалы роздильять звирюкъ; роздильлы,—одному й не стало.

— Ну, вовче, колы тобі не стало хлиба, нехай тобі оте, що на древи.

Почувъ мій багатыръ сю ричъ, да такъ злякавсь, що ажъ не вдержевсь на древи, та якъ снпгъ и скотывсь додолу. Вовкъ його заразь и розирвавъ. Оттакъ Господь завсегда дае тымъ, въ которыхъ ажъ зъ глоткы преться, а ймъ ще мало *).

Городницікй у., Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

*) Кромѣ того, разказчикъ сообщил мнѣ, что Лисуна въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ, а что онъ живетъ только въ литовскихъ. Онъ же сообщил, что узнать Лисуна на ярмаркѣ можно только потому, что у него лѣвая пола свитки наверху, а всѣ обыкновенно носятъ одежду правою полою наверхъ. *Примѣч. записывателя.*

17. Лисунка выкупила свою дытыну.

Колысь баба ходыла въ гай по грибы да знайшла Лисункыне дытя. Взяла його и пишла додому. Ажъ ось чуе, щось доганя ййи. Гляне—ажъ то Лисунка. Догнала.

— Жиночко,—каже,—голубочко, оддай дытя! Кажы, що тоби треба, всього дамъ тилькы оддай!

— На, беры! Мени жъ опричь хлиба святого бильшь ничего не треба.

— Иды жъ додому,—буде все, чого забажашь.

Прыйшла баба додому. Якъ же глянула въ комору, ажъ жахнулася: повнисеньки засики борошна, а не було ничогисенько. И було оце, чого схоче, такъ и вродыться. Багата така зробылася, що страхъ. Якъ преста- вылася ся баба, Лисунка ажъ тры дни ходыла пидъ хату тужыты. Оце прыде, ходыть кругомъ хаты, да такъ жалибно тужыть, що ажъ сумно. Тры дни тужыла, а дали взяла та й запалыла и двиръ, и все.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну.

Лисунъ такы, якъ чоловикъ, тилькы въ його нема тини. Усе мае тинь, а винъ—ни. Въ його й жинка е. Колысь мій батько носывъ лысты изъ Бречи въ Тополивуку. А Лисунка да вкрала въ соннойи жинкы дытыну да й держала його въ лиси. Небагато жъ вона його держала: висимъ недиль держала... Дакъ ото, кажу, носывъ батько лысты въ Тополивуку, до ейи жъ треба йты лисомъ. Отъ батько, увійшовшы въ лисъ, лигъ спочыты. Колы чуе—щось голосыть. Схопывсь та й угледивъ биля древа дытыну. Винъ до його:

— Чого ты,—каже,—туть?

Мовчять. Удруге—ни пары зъ усть, усе тильки пхыка. Тоди винъ узявъ те дытя на руки, укутавъ його въ свытynu, бо воно, безщасне, зовсимъ голе, тильки ковнирець зостався зъ сорочки да рубчыкы съ пазухы, а то вся на йому сорочка попадала. Якъ то його ще не зайиы комари,—звисно вже вона його зоберегла... Прынисъ його батько въ Тополиву да й пытае:

— Чы не чутно, шобъ хто дытynu загубывъ? Ось я знайшовъ у пуши.

-- Чулы,—кажуть,—його вже давно шукають, вже й обидь по йому становылы. Несы ты його въ Погорильци до оттакого й такого чоловика.

Отъ батько й понисъ. Ради булы и чого то вже не надавалы батьку! Господы! и пыты, й йисты— всього, всячыны.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

19. Виль и кинь.

Виль съ конемъ заспорылы—кто швыдче бига. Кинь каже, що винъ швыдче, а виль: «Я бъ ише дужшей за тебе побигъ, да въ мене сылы багато, дакъ боюся, шобъ земля не провалылася.»

Ну, а такы побиглы вдвохъ наввыпередкы. Отъ виль бигъ-бигъ, та набигъ на ривъ та такъ и загурчавъ туды. Лежыть та й думает: «Оце жъ уже земля провалылася!»

Такъ съ того часу воы вже й не бигають, тилькы бигають зъ дроку.

Черниговск. у. 1900 г. Б. Д. Гринченко.

20. Чомъ ежакъ схожый съ свинею.

ьны
ого,
ьны
хъ,
не
ны-
сь
й
ь-

На Велькдень нисъ чоловікъ изъ церкви паску и порося. Хата його була за селомъ на хутори; чоловіку треба було иты гаемъ, а у тимъ гаю стояла хата. Доходять чоловікъ до хаты и бачыть, що у йій свитыся. Поставывъ винъ те, що нисъ, а самъ зайшовъ у хату, а у хати та всякого краму розложено. Не прыдумае чоловікъ, за що й узятъся. Думавъ винъ, думавъ и узывъ нижъ. Выходыть зъ хаты, узывъ ящыкъ, а въ ящыци тилькы паска, а порося де й дилось. Прыходыть винъ додому, жинка седыть уже за столомъ, — жде розговляться.

е
,
е

— Ты,—каже,—тутъ седышь, а порося зъ ящыка утекло.

— Такъ выдно онде воно прыбигло,—каже жинка— я бачыла, що щось бигло у хливъ.

Пошлы воны у хливъ, а тамъ седыть ежакъ.

Такъ выдно порося тее, що нисъ чоловікъ зъ церкви, було заколдоване—стало ежакомъ, и зъ того часу и пошлы ежы.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, Чернигов. у. отъ Петра Муцкаго, въ 1898 г.

21. Сорока.

На Хресте сорока починая гнздо, положывшы на-
вхрестъ палкы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

22. Бусоль.

— Ну, нехай уже це й брехня, а оце такъ уже правда. У насъ у слободи есть ясенъ и такой же старый та высокій-высокій. И на йому гнздо було: жылы бусель и буслыця. И хлопци взяли, зробылы довгый-довгый штыхъ и тыхъ штыхомъ поранылы йихъ: и бусла, й буслыцю. И воны попадалы и попропадалы, бо воны йихъ дуже поранылы штыхомъ. И тоди впгяты бусоль на тому ясени оселывся. Такъ отъ же кажуть мужыкы наши и божуться, шо правда. Оце, кажуть, по весни возьме винъ и выкыне зъ гнзда хочъ бусленя таке, шо трошкы тилькы пиръямъ обросте, хочъ яйце. Уже неодминно шо небудь выкыне, и мужыкы знайдуть. Такъ, кажуть, якъ бусленя выкыне, такъ гарный годъ буде, и хлибъ уродыть, а якъ яйце выкыне, такъ голый годъ буде. Це такы правда. Отъ винъ уже годъ 15 живе, и шо году хочъ яйце, а хочъ бусленя выкыне.

С. Жевель, Черниг. у. М. П. Гринченко въ 1899 г.

23. Дятель.

Боже бороны всякого хрещеного робыть всяку роботу у светую недѣлю: Буогъ покарае за це и въ полѣ и въ домѣ. Колы хочте, хлопцѣ, декъ послушайте мене, я вамъ раскажу про бѣднаго дятла, шо нема ему, бѣднязѣ, угомону: всякій Божій день товче носомъ объ дуба, а къ вечеру и головы своѣ не чуе; ни годна птица такечкы не трудитця, якъ той бѣдны дятель. А за шо жъ такъ Буогъ ему давъ? Отцей дятель бувъ колысь чалавѣкомъ. Чалавѣкъ сей усе було рубае дрова;

ав-
та
у-
эв-
й
хъ
ю-
ш
м
ш-
ш
ъ
о-
ш
ь

чы то празныкъ еки, чи светая недѣля, усе вуонъ рубае; декъ Буогъ его и накоривъ: коли, каже, ты усе рубаешъ дрова, а недѣлѣ моѣ не почитаешъ, то будь же ты дятломъ; коли ты усе рубаешъ, то рубай носомъ дуба до вѣку вѣшнаго. — Отъ якъ, братцѣ, буде тому, хто светоѣ недѣлѣ не почитае и Божихъ празниковъ за святость не считае.*)

Черниговскій у. Записаль Г. Лѣневичъ.

24. Журавли.

I. На дванадцятій вылітають журавли зъ ырія.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка, Нѣжинск. у.

II. Якъ летять журавли, дакъ стань оце да кажы: «Веселокъ, веселокъ, колесомъ, перевъязы дорогу краснымъ поясомъ!» Такъ шо люблють! Заразъ такъ и почнуть кружкомъ, кружкомъ надъ головою. А якъ скажы: «Журавель»,—такъ не люблють.

С. Жевель, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

25. Лыпа та осыка.

(Де дивається жоноча клятьба.)

Не дай Богъ якъ бы те ставалось, шо жинкы бажають чоловікамъ у лайци! Звелися бь чоловікы не

*) При чтеніи розказа о дятлѣ должно произносить букву ѣ нѣсколько какъ и (ъе), е—тверже, почти какъ э, ы и и нѣсколько мягче русскаго и; т передъ с и ц выговаривается почти какъ ц.
Примѣч. записивателя.

знать на що; та Богъ зробивъ такъ, що вся та нечисть-дурныця прыстає не до чоловикивъ, а до лыпы, та до осыкы й наростає наростнями, а чоловики ще й користуються—роблять наростневи люльки.

Е. Н. Гаврилей, въ м. Веркiевкѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

26. Чого стали неврожайи.

Колысь, якъ не було ученыхъ, та люде глядили на примиты,—яки були урожайи, Господы, яки були жыта, яки були лены гарни,—высоки, высоки! А теперь пересталы гледить на примиты, та сталы насъмихаться съ того, що робылы диды, ну и урожайи сталы плохи. Колысь було молодыця якъ несе обидъ ратаямъ, то убересться якъ на Велькдень: надине плахту гарну, распустыть намитку предовгу. Отъ и жыто и лены родылы таки гарни, высоки. А теперь повыводылысь и намиткы, и плахты выводяться. Теперь иде молодыця, просты Господы, якъ та расамаха: у однимъ чепци, ще й начосы повыпускає, а замисть плахты—задрипана спидныця. Учени усе понаставалы, не вирять ничому, усе у йихъ пустякы. Ни, се не пустякы! Якъ бы не заводылы нового, та слухалысь старыхъ людей, то й жылось бы луччей!

М. С. Чудновская отъ диды С. Муцкаго, въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

СТЪ
А. М.
ОРЪ

И НЕ
СМТА
ПЕРЕ
СА
КО
УБЕ
ТМЪ
ТАКА
И, П
ДО
ДВЪ
УСЕ
НИ
ЫСЪ

II.

Прилѣты и повѣрѣя.

27. Яка колы годына бувае.

1. Грыбы якъ чорни растуць—буде ранняя осінь, а жовти—пуізна.

2. Якъ до Стритення пивень нап'ється воды пидъ стрихою, то писля Стритення вже нескоро побаче воду.

3. Якъ зима холодна, то литомъ жара буде и на-
впаки.

4. Грыбы якъ растуць на гори весною—буде моча
влитку, а якъ на нызу—буде суша.

5. Якъ нап'ється на Стричанья пивень съ калю-
жи—буде лито мочлыве.

6. Въ день Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1-го октября, съ которой стороны пов'ѣтъ в'ѣтеръ, то должно ожидать, что по большей части и во всю зиму съ той стороны будетъ в'ѣтеръ, и если въ этотъ день погода будетъ благопріятна, хороша, то наступающая зима должна быть постоянна; если-же въ этотъ день погода будетъ подвержена различнымъ перем'намъ—это в'ѣрный знакъ непостоянности зимы.

7. Треба на Стричення до схидъ сонця набраты мыску вщертъ снигу, не натоптуючы. Якъ зъ його багато воды буде, то велька вода прыбулна по весни буде, а якъ мало, то й по весни вода мала буде.

8. Если дворовыя птицы—гуси, утки, сидя зимою на снѣгу, машутъ крыльями, какъ будто плещутся на водѣ,—то предсказываютъ этимъ значительную оттепель; то-же предвѣщаетъ и собака, качаясь по снѣгу.

9. Кишка лягае на доливци—буде тепло.

10. Если дымъ, выходящій изъ трубы, идетъ столбомъ вгору къ облакамъ,—означаетъ наступленіе сильныхъ морозовъ, ибо передъ оттепелью онъ всегда стелется, клубится по землѣ.

11. Попилъ у печи збывается у грудки,—буде морозъ, а розсыпается—одлыга.

12. Жабы у болоти почнуть крычать, буде вода одбувать.

13. Въ зимнее время часто видимъ луну въ кругѣ, что въ народѣ называется—*мисяць обгородився*. Это—вѣрный признакъ вѣтра.

14. Когда вороны и галки, при закатѣ солнца летая стаями, кричатъ и садятся на верху деревьевъ, то надобно ожидать вѣтра и съ той стороны, куда онѣ будутъ обращены головами. Предъ наступленіемъ же мятели, вьюги—*фищи*, онѣ всегда садятся на половинѣ деревьевъ, между вѣтвями.

15. Жаръ самъ соби розжеврѣется на витерь.

16. Гайворонье крикае—буде витерь, а взимку—хвыща.

17. Гайворонье сидае по деревьяхъ угори—буде година.

18. Цвиркунъ цвирчыть—на годуны, а мовчыть—на дощъ.

19. Лягушки при началѣ весны, по вскрытіи земли отъ снѣга, крикомъ своимъ возвѣщаютъ наступленіе теплой погоды; а лѣтомъ крикъ ихъ предъ закатомъ солнца предсказываетъ дождь.

20. Куры рано сидають на сидало,—буде дощъ.

21. Якъ не бувае цилу весну дощу, то сподивайся вже къ десятуси пѣятныци, або на Купального Ивана.

22. Якъ на жныва лаштуешся, то не внось у хату серпивъ,—зорвешъ дощъ.

23. Во время дождя, когда пузырьки вздуваются и плаваютъ на водѣ,—это означаетъ продолжительность дождя.

№№ 1, 3—5, 15, 21 и 22 записаны Е. Н. Гаврилесемъ въ 1897—1898 г.г. въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2—А. А. Тишинскимъ въ Черниговской губ.; №№ 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23—священникомъ Петромъ Огiевскимъ въ Данинѣ Нѣжинскаго у.; № 7—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у.; №№ 9, 11, 12, 16—18 и 20—М. С. Чудновскою въ с. Выбляхъ Черниговск. у.

28. Весилля.

1. Якъ на Покрову пройде по селу ганчаръ, буде багато веселивъ, а якъ дьогтяръ, то будуть дивки сидиты ще рикъ.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

2. Посватавшысь купуе молоды молодiй чоботы, насыпае одынъ жытомъ, а другый горихамы и дае, и якъ вуизьме молода попереду зъ жытомъ, то жытте буде злагодне, а якъ зъ горихамы, то нещасне.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

29. Дытына.

1. Вагyити жуинци не треба на празныкъ рубать мяса и сорочокъ качать—дытына буде калика.

2. Вагyитни жуинци Боже храны, воду бравшы, надлывать у колодязь—дытына блеватыме.

3. Если перемѣнить имя при крещенiи (священникъ дастъ одно, а потомъ, во время крещенья, по

просьбѣ родителей или кумовей — дадутъ другое), то тогда мѣняется счастье того человѣка.

4. Якъ кто хрестить дивчыну, въ того кобылы плодѣтуться.

5. По заходи сонця не вынось мытлю съ пидъ дытны, якъ купалы — не спатыме вночи.

6. Не годяться дытны рыбы давать, щобъ зубы швыдче росли.

№№ 1, 2, 5 и 6 — записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркѣвкѣ Нѣжинск. у.; №№ 3 и 4 — В. П. Горленко въ Прилуцкомъ у. Полт. губ.

30. Здоровле. Хвороба.

1. Наканунѣ Рождества Христова, Богоявленія Господня и Новаго Года, т. е. *на всѣ три кути*, если ночи свѣтлы, и на небѣ будутъ видны звѣзды, то наступающій годъ, по увѣренію стариковъ, будетъ благополучный — здоровый на людей; а когда, напротивъ, всѣ эти три ночи будутъ пасмурны, и звѣздъ на небѣ не будетъ замѣтно, — то въ наступающемъ году должно ожидать свирѣпствованія разнаго рода болѣзней.

Данина Нѣжинск. у. Свящ. Петръ Огіевскій.

2. Не потягайсь на людыну — не ростыме.

3. Не переступай людыны — не ростыме.

4. На заходи сонця не спы — поганка нападе.

5. Въ зеркало проты ночи не выдвляйсь — лице зминуться.

6. Не можна мочыться на дровянный трусокъ — на пальцяхъ задьоры будутъ.

№№ 2—6 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркѣвкѣ Нѣжин. у.

7. Не годяться росчисуваты голову, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

8. Якъ кажанъ голову вмаже, такъ голова облизе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

31. Сонъ,

Якъ лягаешъ спаты, такъ треба спершу на ливый бикъ хочъ трохи полежаты, бо зъ ливого боку нечистый, а съ правого янголь-хранитель. Такъ треба, щобъ винъ зверху бувъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

32. Поганый на езыкѣ.

Ни, вы бо уже мени не кажить, а погаңы очи и езыки е у людей, се я вже по соби знаю.

Служыла я у попа, ну, звисно, у батюшки усякого народу за день перевернется. А я була до работы охоча, такъ було коло работы проворно поворачуюсь. Ну було якый поганымы очыма гляне, чы то що скаже,—и почне тебе ламать, та мѣять,—хавкаешъ, хавкаешъ, чуть рота не роздерешъ.

Або хочъ и се: одного году у насъ такы, у батюшки, та такъ гарно утенята вывелись, утенятъ изъ сто вылупылось и уже таки були гарненьки. Колы прыйизжае якыйсь генераль, чы тамъ охвыцеръ якый зъ золотымы кгузыкамы; погостювавъ и выходитъ уже садыться у свiй хвайтонъ, щобъ йихать. А я тутъ саме утеня-

це зайі токъ годую. Глянувъ винъ на птыцю, та й каже: «Ого каже, какъ у васъ этой птыци много!» И що жъ бы вы думалы?—тильки шо генераль зъ двора,—якъ стали на-шли утенята дохты: перевернется догоры, дрыгне ниж-камы, та й нема. И такъ до вечера одно однимъ осталось. Зъ чога жъ бы воно такъ сталось? Звисно генераль бувъ поганный на езыкъ.

М. С. Чудновская отъ бабы Хвеськи, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

33. Смерть.

1. Якъ у пасци въ середины буде дирка, такъ той руикъ у симйи шось умре.

2. Якъ обручъ на пекельнй дижи лопне—хазайка умре.

3. Колы прысныться колодязъ або зубъ выпавъ, або въ хати вуголь розвалывся—такъ умре шось изъ родыны.

4. Якъ выносять мерця зъ двора и стринеться хто йдучы, то зновъ у туый хати той руикъ умре хтось.

5. Курка якъ заспивае, то треба ею перемирать хату видъ покутя до привалка и чымъ упаде, чы головою, чы хвостомъ, то треба одрубать хочъ голову, або хвистъ; а якъ сього не зробишь, то кому небудь у сй хати прыйдется скоро умерты.

6. Кажуть-говорять, что какъ прйдетъ священникъ къ больному да положить палку, такъ ужъ не вставать больше съ постели той *модыни*; а если поставитъ, то можетъ быть еще и выздоровѣть.

7. Не годыться пересажувать дуба, а то якъ пересадышь и дубъ выросте зъ того чоловика, который його садывъ, тоди винъ умре.

№№ 1, 3 и 4 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2, 5 и 7—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., № 6—священникомъ Ѳедоромъ Боровскимъ въ с. Крупицполѣ Борзенск. у.

8. Не можна стояты на межи або на порози, якъ гримъ гремыть, а то вбѣе.

М. Н. Гринченко. С. Коты Черниговск. уѣзда.

34. Мрець.

I.

Лубокъ. Першого вечора, якъ тило лежыть на лавыци, люды сходяться на *Лубокъ*, переважно дивчата й хлопци. Посидають коло стола та й граються:

1) «Перстенця».

2) Беруть такожъ кусень патычка, запалюють и борзо подае одень другому, ажъ докы патычокъ не згасне. У чыйихъ рукахъ згасне, той найскорше вмере.

3) Такожъ выпыхають михъ соломою. Оденъ лягае на той михъ зъ завязанымы очыма, а вси идуць йего быты; якъ згадае, хто йего ударывъ, тогди той мусыть на михъ лягаты.

4) Старшійи чоловикы и жинкы, шо сыдыть пры мерци, спивають:

Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе отець,
Бо вже прыйшовъ мій конець.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе маты,
Бо прыйшовъ вже часъ вмираты.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій.
Не поможе ридный братъ,
Бо прыйшовъ часъ акурать.
Ой же ой, Боже мій! и. т. д.

Якъ мають выносыты мерця зъ хаты, тогды мае
буты цила родына въ хати; колы вынесуть до синей, то
борзо замыкають двери, и вси сидають, де хто попаде,
на лаву, подушкы, де лежавъ мертвецъ. Найстарша жин-
ка бере зъ стола прылаженный хлибъ и силь, подае найстар-
шому зъ родыны и жычыть въ имени помершого шаслывого
поводженя. Одна зъ жинокъ замитае хату и выносыть
смитте на те, абы уже ништо бильше въ тій хати не
умерь, и ажъ тогды идуць за умершымъ.

У хати, съ котройи вынеслы мерця, горыть цилу
ничъ свитло и ставляють въ горнятку молока або воды
и хлибъ. Звычайно пры тимъ сыдыть якась стара жин-
ка. Рано дывляться, чы була душа и чы пыла и йила,
що для нейи було прызначене.

Похоронъ кгазды и жинкы однакый. Колы однакъ
трафыться, що жинка въ тяготи умре, то тогди якій
бидній жинци у вику помершойи дають курку зъ яй-
цемъ, а бо, якъ у богацтви діеса, то китну вивцю.

Шнурокъ, що булы звязани ноги мерця, ховають,
а тымъ потому колы кого щось болыть—перевязують; та-
кожъ ховають той шматокъ, що бороду пидвязують, и
тымъ видъ переполоху пидкурують.

Якъ тато або мама умре, то донькы (дивкы) идуць
зъ розплетенымы косамы за трумною. На цвынтари
жинкы заплитають йимъ косы на те, щобы довго не ту-
жылы.

Про душу покійныка говорятъ, що вона доты дер-
жыться тила, докы грибъ не запечатаный.

Наталія Кобрынська. С. Белелуи (подъ Снятиномъ, на границъ
Буковины, Коломійщина, Восточная Галиція).

II.

У насъ якъ умре удова, такъ подаркы якъ за
дівкою дають. Отъ я за маткою, якъ вона вмерла, такъ

тымъ бабамъ, що обмывалы, полотна на рукава одріъзала и тымъ, що надъ колывомъ сьдіѣлы. И впгъять тымъ, що неслы, по хустціѣ лянной. Такийи въ насъ хусткы добренныи та великыйи, мо копійокъ по восимъ, та де тамъ по восимъ, мо копійокъ по десять узять можно. На хрестъ рушныкъ унесла такий добренный натыканый довгый-довгый, и на віѣкко зновъ не полотно, а рушныкъ такий довженный, шо вдвое перегорнулы, перетканный. Матка ще сама поперетыкала упоперекъ, щобъ уже такъ рушныкомъ воно й було; а то якъ не перетыкане полотно, такъ попада возьме та й поріѣже то на те, то на те. А якъ перетканный, то вже такъ рушныкомъ и буде.

М. Н. Гринченко. С. Жевель. Черниговск. у. 1899.

III.

Не годыться переходыты мертвому дорогу, бо кгуля наросте.

М. Н. Гринченко. Харьковская губ.

IV.

Якъ зроблють кому труну такую вузьку, шо руки розсходяться, то то скупа людына була.

М. Н. Гринченко. Харьковская губ. 1899.

V.

На мертвого не годыться ризаты покривецъ, а треба драть.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

VI.

Мерцю гроши въ пазуху ввязують, щобъ мавъ чымъ у рай укупытъся.

VII.

У той день, якъ умре хто зъ ридни, не золы плат-
тя—спортышъ дорогу въ рай.

VIII.

Мерсва душа витае на тимъ мисци, де вмерло, до
40-ка днівъ—покы сорочыны одправлять, а тоди йде
въ Давыдовъ домъ, де вси души збираються.

IX.

Зъ якого краю нестынуть у висни мерця, тамъ бу-
де пожежа.

№№ VI—IX записаль Е. Н. Гаврилей—въ м. Веркiевкѣ Нѣж. у.

X.

Якъ хто вмирае у зелену недилю, то бабы насы-
пають у рукавець маку и кладуть мертвому у домовыну.
Се бѣ то уже на те, що покы мертвый поличыть макъ,
поты русалкы до його не прыступляться, и винъ не зро-
быться русалкою.

XI.

Якъ у хати хто умре, безпреминно треба напекты
хлиба, поламать и покласты на викна, щобъ ишла пара,
бо се страва дле душечкы мертвого.

На проводы ходять на кладовыще, гуляють тамъ,
угошаються, качають по могылкахъ крашанкы, а потимъ
польвають могылу горилкою, прыговаруючы: хай же й
його душечка напьеться.

Записала №№ X и XI отъ крестьянъ с. Выбель, Черниг. у., М. С.
Чудновская.

35. Той свить.

1. Однимъ рушныкомъ не можна утыраться удвохъ разомъ—на тимъ свити не побачышся.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

2. Щобъ побачыться на тимъ свити—писля пры-
частя обдилюються бублыкамы.

Г. С. Неводовскій, с. Евминка Остерскаго у. Е. Н. Гаврилей, м.
Веркіевка Нѣжинскаго у.

3. Скуилькы сeditымешъ не йившы за столомъ, по-
киль инши ще йидять, стуилько въ райи сeditымешъ,
хочъ и гришенъ.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у. и Г. С. Неводов-
скій въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

4. Выбравшы хлибъ зъ печи, вкынь ломаку дровъ
на те мисце, де вуинъ седивъ, и чымъ товща, то краще:
скоришъ загатышъ пекло, идучы въ рай.

Е. Н. Гаврилей, м. Веркіевка Нѣжинскаго у.

36. Йижа, напыткы.

1. Колы кусокъ *хлиба* падае до долу, треба пид-
нять, обдуть, поцилувать и ззисты.

2. Якъ неруивны *хлибъ* печешъ, такъ шо менчи вже
выпикся, а той ище въ печи, то Богъ храни ризать но-
жемъ выпечены, а ламны рукамы, якъ ничого бильше
йисты, а то отой, шо въ печи, буде глызвявий.

3. Якъ печуть *млынци*, такъ первого хлопцямъ не
годыться йисты—сокыра ламатыметься, а хай йидять див-
чата—хлопци хапатымутся *).

*) Въ с. Жеведи, Черниг. у., иначе: «На вечерныхъ вечерня мат-
ка первый млынецъ рве на шматочки и кожній дивци й парубкови

4. *Варыво* треба класты у трейтю середу и на сход-
нихъ дняхъ, не бачывшы ни старого, ни молодого, або
у посны дни.

5. Дивчата одъ Семена (IX. I.) не йидять свижихъ
оиркивъ, щобъ за пряжею не дрималося.

6. *Гуркы* треба солыть на молодыку и крайними днямы,
а якъ положить у трейтю недилу, то будуть мъяки.

7. Не наливай *квасу* у четвергъ, щобъ нищо не
топылось.

8. Якъ зайде сонце, не точы *соку*, *чы квасу*—зми-
неться.

9. Не тягай *зъ квасу яблукъ* уночи—почорніють.

10. Одъ обиду *по воду* до колодзя не ходы—нечысть
буде заводыться.

11. Колы *обидають*—не кладуть ложки такъ, щобъ
держално лежало на столи, а другый кинецъ на пругу
мыскы, щобъ злыдни не лазылы въ мыску.

12. *Дойимъ кусокъ*, щобъ слидомъ за мною не бигъ,
а то и вночи спокою не дасть. Якъ я була малою, такъ
мене страшылы: якъ не дойисы куска, то буде за тобою
ганяться. Такъ мени хочъ и не хочеться, то я вже дойимъ—
боюся. (1899 г.).

№ 1 и 11 записалъ Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерск. у.,
2, 3 и 8—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у., 4, 6 и 7—
М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., 5—М. Н. Гринчен-
ко въ с. Жеведи Черниг. у., 12—Б. Д. Гринченко въ с. Жеведи
Черниговскаго у.

13. Кто обидаетъ або вечеряе у шапци, у того буде
теща глуха.

(С. Голенка. М. Исаенко).

14. Попойившы не облазь кругомъ стола—блуды-
тымешъ и вдень.

15. Не годыться дивчатамъ йисты яйца оти, шо
восталысь розбовтнями—засыдяться на вики.

дае по шматочку: щобъ парубокъ першу высватавъ, до якои пиде,
а дивку щобъ першый той посватавъ, кого вона хоче». Записалъ
М. Н. Гринченко.

16. Вечеряючи на голодну кутю и обидаючи на Велыкдень не пий воды, шобъ на жнывахъ не хотилось.

17. Огришившысь не годыться проскуры йисты—напасть буде.

18. Якъ сятю паску йисы, такъ живо въ ротъ не несы—вдавышся.

19. Не лузай насинного насиння—останешся на насиння.

20. Не втырайся объ настуылныкъ—напасть буде.

№№ 14—20 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

21. Въ насъ на сели на *кутю* навить и слово бояться вымовыть: «макъ». Зроду не йидять кути зъ макомъ, якъ отуть у Києви. Знаете чому се такъ? Бо хто побаче у сей день макъ, на того блохы нападуть таки дрибни, якъ макъ, и нiякъ йихъ не выведешъ.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

37. Одежа, обува.

1. Снувать треба на сходнихъ дняхъ, або у другый овторокъ—пиде меншь пряжи, а якъ на молодьку, то пиде бильшь, бо молодыкъ на рижкы бере.

2. Якъ надумаешъ сновать уснову на що тамъ и внесешъ у хату зайвыхъ клубкуивъ, такъ мерщiй накрый чымъ небудь йихъ, шобъ воны не дывмысь на уснову, бо буде вона плутаться, та ще й пряжи не холыть на скуилько хочешъ основать.

3. У той день, колы снуешъ уснову, не переносъ ейи у другу хату, бо якъ стринешъ важку жуинку, такъ у нейи вродыться дытына зъ сухотамы. Та й ква-

на
пось
псты
ть в
ся в
уде
не
яты
, в
аче
и, в
не
не
не
не

суль тыхъ, чы гороху, шо пидъ клубкы пидсыпалыся, не йижъ—голова крутытymesя.

4. Шыючы сорочку, не йижъ ничего надъ нею, а то буде вошыва.

5. У понедилокъ не берутъ чыстойи сорочки, бо не шастытyme ни въ чому.

6. У сухой четвергъ годытсыя просушуваты одежу на двори.

7. У кого къ празныку не буде новынкы, тому горобецъ голову вмаже.

8. Якъ вертытъ кравецъ на столи ножницы, то не буде въ його работы.

9. Якъ хто зъ дивчатъ виддае квиткы з-за головы подругамъ носытъ—женыха перелюблять.

10. Не клады ношеного постола на огонь—пидошвы свербитымуть.

№№ 1 и 5 записала М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Чернигов. у., 2—4, 7—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркисвкѣ Нѣжинск. у., № 6—М. Н. Гринченко въ с. Исаковѣ Славяносербск. у. Екатер. губ.

38. Хата. Погрибъ.

1. Строить хату нельзя въ высокосный годъ, оттого наканунѣ высокоснаго года строится больше хатъ, чѣмъ обыкновенно. Если хата заложена въ простой годъ то въ высокосный можно доканчивать, но начинать нельзя. Другія хозяйственныя постройки можно строить и въ высокосный годъ.

В. П. Горленко. Прилуцкій у. Полтавской губ.

2. Якъ зробишь хату, то першого году не годытсыя билыты з-окола.

Б. Д. Гринченко. Харьковъ 1898.

3. Не замитай хаты, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. с. Выбли Черниговск. у.

4. Якъ будутъ на Великдень веретена у хати,—плodyтymуться гадюкы.

С. Голенка Конотопск. у. М. Исаенко.

5. Не свысты въ хати—черты заведуться.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинскаго у.

6. До погребѣ съ кускомъ хлиба не ходы, бо мыши та жабы заведуться.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговскаго у.

39. Урожай.

1. Якъ на щедруху буде иней, то буде й урожай.

2. Якъ выпадуть проводы у старому мисяци,—держысь старого хлиба.

3. Якъ на голе дерево груимъ загремыть,—буде й руикъ голы—на все незрожай.

4. Якъ багато сморшкуивъ або рыбы,—буде недоруидъ.

5. Якъ на Великдень иде дощъ,—незрожай буде на все.

6. Якъ журавли вылитають зъ ирiя по одному, а не низкамы, такъ чекай умолотного жыта той руикъ—по однуимъ снопу носытymesъ.

7. Якъ не вбачышъ до Микола (9 мая) колосу,—буде плачу й голосу.

8. Якъ на пару росте лобода, то й жатыmeshъ лободу.

9. Если май мѣсяць будетъ дождливый, то ожидать должно урожаю болѣе сѣна, чѣмъ хлѣба; если же напротивъ—сухой, погодный,—то будетъ много хлѣба, а мало сѣна.

10. Де на поли на Благовищення буде лежать снigъ,—на тому мисци хлиба не буде.

№№ 1—8 записаль Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.,

№ 9—священникъ Петръ Огiевскiй въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у.,

№ 10—А. А. Тишинскiй въ Черниговской губ.

40. Ъолы и якъ ораты й сіяты.

1. Йидучы уперше ораты, дывысь, щобъ хто, боронь Боже, не перейшовъ дороги зъ пустымы видрамы, а то у клуни буде пусто.

2. На дванадцятуй пахаръ уже наореться, та й удовынъ плугъ уже выходе.

3. Не носы на правуй руци каблучокъ,—не родытме жыто, якъ сіятымешъ.

4. Не сій жыта у дощъ, бо буде зъ метлыцею.

5. Жыто сій у той день, у який бувъ першый снігъ.

6. Якъ гречку сіешъ, такъ не можна йисты, ажъ покы досіешъ, бо порожня буде. Одынъ чоловікъ везе гречку съ поля, такъ на двохъ возахъ добра гречка, а на одному сама половка. А якась жинка пытае:

— Чого це въ тебе така гречка вродыла?

— Та то,—каже,—я проснидавъ гречку: сіявъ та здорово отошавъ, та й иззивъ манесенькый шматочокъ; такъ ото та, що до снідання сіявъ, а оце та, що писля сніданья.

Дивчына, чуючы сю розмову, озвалася:

— Бачъ, а я й не знала, чого то воно такъ, що було якъ пойдемо зъ братомъ на поле, винъ сіе, а я волочу, то винъ дасть мени хлиба, а самъ не йистъ. Я пытаю: чому жъ ты не йисы? А винъ каже: «Та я ще не хочу». И якъ досіе, тоди вже снідае.

7. Гречку сій у той день, у який бувъ першый иней.

8. Конопли сій у середу на молодыци—гарни будуть и нищо симъя не пытыме.

9. Конопли сій надъ вечиръ, и того дня вже ничего не робы, особлыво въ землю ничего не забывай, бо й конопли въ землю пидуть.

10. Якъ сіешъ льонъ, такъ терпы, не сидай на ныви про себе—вродыть серуха.

11. Примичай, откуль на Евдохы две витерь: якъ зъ горы—сїи льонъ на гори, а якъ зъ долины—сїи у долини.

12. Якъ ще въ себе льонъ не посїяный, такъ не можна никому даваты, бо въ себе зведеться.

№№ 1, 4, 5, 7 и 11 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 2, 3, 8—10—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинск. у., № 6 и 12—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Чернигов. у. въ 1899 г.

41. Садъ.

1. Не сады дерева тоди, якъ свитыть мисяць, бо буде пустоцвитъ.

2. Кто хоче заводитьь садъ,—не клады мерця въ труну.

3. На родючы садъ—на яблоню, чы грушу, якъ полизешъ у чоботяхъ, и найпаче жуинка, то на другый руикъ не вродыть, або й зовсимъ посохне.

4. Яблукъ шыягаця (??) пидъ яблунею не можно, бо на друге лито не вродяты.

№ 1 записанъ М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., №№ 2 и 3—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинскаго уѣзда, № 4—Г. С. Неводовскимъ въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

42. Городъ

1. Не *полы* у сухой четвергъ, бо будутъ сохты города.

2. Якъ до схидъ сонця на Благовищенне потрусыть качана, то зъ його посыплеться насинне. Зъ сїеи *росады* якъ посїешъ, добра буде капуста.

3. *Гарбузы* треба садыть тоди, якъ скотына лежыть.

№№ 1—3 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

4. У грядци не можно йисты *туркивъ*. Не можно чыстыть у грядку гурка.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

5. *Ошркы* садыть у той день у тыжни, въ котрый на весни першый разъ гремило.

Наталя Кобрынська. «Зъ Бойкившыны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиція).

6. На Велыкдень не лузають *сонешныку*, щобъ не пылы горобци його на городи.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

43. Свiйська тварь.

1. Яку шерстыну найдешъ на пасци, прынисшы йийи съ церкви—такойи масты й *скоть* держы.

2. Якъ пры торзи та *скотына*, шо купуешъ и зидеся вже на цину, каляе, то на таланъ, а якъ мочыть—лучче касайся ейи або переторгуй.

3. Оти *подарункы*, шо дарують на весилли молодымъ, ведуться туилько симъ рокивъ, а тоди вже зводтымутъся.

4. Стари люде кажуть, шо якъ погнать *скотыну* на Юрьеву росу, то вона буде увесь годъ лучча и гладчiйша, и жыто пиде лучче. У насъ на Юрiя скотыну выганяють вси хазяйины, несуть хлибъ и дрибокъ солы. Хлопци складаються, пьють и йидять на жытахъ.

5. Щобъ у *скотыны* не заводылысь червы, не треба шыть видъ Риздва до нового году и по усейидныхъ се-редахъ и пъятныцахъ.

6. Моя сестра ходыла въ степъ грошей зароблять. Такъ каже, шо тамъ у Полтавщыни и дали туды, такъ у дворiѣ привъязжуть *корову*, або й такъ непрывъязану доють и ничего. Ну, а въ насъ такъ не можна.

— Чому?

— У насъ якъ здойить такъ, такъ другого дни молоко пропаде, а тамъ ніѣ. Тамъ, выдно, люде добріѣйши.

7. Не крышы надъ молокомъ хлиба ножемъ—*корова* не стоятыме въ дойинню.

8. Я скрузь чысту сметану продаю. Бувае, шо якось тамъ бабы ростырають сырѣ та жовтокъ изъ яйца та съ того сметану роблють, кажуть, шо й крохмаль сыплють, а я ничего не роблю: и не знаю якъ, та й не хочу, бо кажуть, шо то *корови* погано та й гріѣхъ.

9. Боханця, помазаного сметаною, не рижъ ножемъ бо въ *коровы* дѣйки порепаються.

10. На перву кутю пида рано до *коровы*, якъ тильна, и куда лежатыме мордою, въ таку добу й теля знайдеться.

11. Якъ корова отелыться бычкомъ, такъ бильше молока даватыме, нижъ якъ тельчкою. И молозыва тоди бильше.

12. У той день, якъ найдеться *теля*, никому ничего не давай, а то буде блудыты.

13. Не бый *теляты* ганчуиркою—жоватыме одижъ.

14. Надовго *коню* хвоста не завъязуй—схудае.

15. Якъ у хазяйна шыя товста, то въ *конякы* його певно тонка.

16. Проты ночи писни не кинчаютъ—вовкъ *порося* зйишь.

17. Якъ *тыця* сыдыть на яйцяхъ, то не можна пекты у печи ни яецъ, ни картопли, а то позапикаються яйца.

М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у. (1900), М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниг. у., Е. Н. Гаврилей въ м. Реркѣвкѣ Нѣжинскаго уѣзда.

18. На Стричення дають *гусакамъ* та *пивнямъ* перець, щобъ зли булы та посылювалы чужыхъ гусакивъ та пивнивъ.

19. Якъ порве собака *гуску* зъ табуна, то ти гусы вже зведуться.

20. Пчиль пидризують у чыстый четверь, щобъ булы чысти.

№№ 1—3, 7, 9, 10, 13—16 и 19 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у., № 4—П. С. Ефименко въ с. Напоровкѣ, №№ 5, 12 и 20—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 6, 11 и 18 (с. Жеведь Чернигов. у.) и № 8 (Сядричи Чернигов. у., 1899)—М. Н. Гринченко.

44. Колы не треба робыты.

1. У п'ятницю Хрыстось страждавъ и тому у сей день не слидъ робыты нiякойи чорнойи роботы: ни пряс-ты, бо летыть кострыця, ни золыть, бо попилъ трусыть-ся, ни трусыть сажу, ни иншойи такойи роботы.

Записала въ с. Выбляхъ Чернигов. у. М. С. Чудновская.

2. Одна молодыця потрусыла сажу у п'ятницю и похвалылась на вулыци. Сусидкы ажъ полякалысь, почувшы, що вона таке зробыла. «Якъ, кажуть, у такой день, та трусыть сажу? За се Богъ покарае тебе и на симъ свити и на тимъ не простыть. Сама ще не тямышь чого, то треба пытаться людей,—а то за се великый одъ Бога грихъ».

Бидна перелякана молодыця такъ зажурылась, ждучы кары за свiй великый грихъ, що чысто высохла и на третiй тыждень Богу душу оддала.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ с. Буды Черниг. у.

3. У Велькодну суботу найменчъ роботы дила, щобъ литомъ спуирно роботылось.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

4. Понедилокъ и середа—важки дни.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

5. Якъ идешъ куды за диломъ, та куотъ переби-жыть дорогу, то луччей вернысь.

М. С. Чудновская. С. Выбли Нѣжинск. у.

6. Якъ перебижыть куитъ дорогу, або перейде хто съ порожнимъ видромъ, такъ лучче ворочайся назадъ— нещастя буде; хыба вже куды пыльно треба, такъ не инакъ иды, якъ перекинувшы черезъ те мисце хочъ паличкою.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

45. Съ краденого швыдче заведешъ.

У насъ кажутъ, шо съ краденого швыдчей заведешъ, нижъ исъ купованого. Я колысь ище якъ малою була та почувла це, такъ и нарвала въ Мыны повну хустку проса, а тоди вымъяла його, ссыпала въ торбынку и матци оддала. Такъ братъ клынчыкъ на новыни засявъ тымъ просомъ. И таке гарне вродыло. И съ того вже й стали мы сiяты. И льону два снопы вкрала, такъ гарный и въ насъ льонъ ставъ. А сестра моя гуску вкрала. Подумайте, верстовъ за петнадцять, чы мо й за симнадцять зъ однею дивчыною ходылы и такы вкралы по гусци. Такъ дуже добре гусы выводылысь и въ тiйи дивчыны и въ насъ.

— Значыть шобъ гарне шо въ хазяйстви було, такъ треба все съ краденого заводыты?

— Ни, всього не можна. Уже жъ коровы чы кобылы не вкрадешъ. А такъ шо посiять, чы птыцю—такъ лучче съ краденого.

С. Жеведь Чернигов. у. отъ дивчыны. М. Н. Гринченко. 1899.

46. Даваты.

1. Съ того чоловика, кому дарышъ шо небудь изъ хазяйства, треба узять килькы небудь копiюкъ, а якъ будешъ давать такъ, то можно у себе позводыть.

2. Якъ зайде сонце, не годыться даваты що небудь зъ двора, а найпаче не давай молока.

М. С. Чудновская. С. Выбли Чернигов. у.

47. Жылавый понедилокъ.

У жылавый понедилокъ (першый понедилокъ у великый пистъ) бабы не продають бурякового квасу.

Прымичають, хто першый у цей день увийде въ хату: якъ шо чоловікъ, то це добре, а якъ шо жинка, такъ погано въ симйи буде.

Цей понедилокъ зветься жылавый черезъ те, що ничего не варють, а йидять редьку та коржи на самій води мишени—*жыляныкы* зветься.

У цей понедилокъ не можна шыты, бо пучкы обирве.

Богодуховскій у. Харьковск. губ. и Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

48. Зустрічь.

Якъ идуть проты тебе два чоловікы, дакъ николы не йды усередыну, хоть бы вони й нарочыто розступались передъ тобою.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

49. Що вищуе.

1. Ньохти цвितуть—жды подарунка.
2. Якъ заплитаешъ косу та останеться пасмо—дорога.
3. Очи або нисъ свербыть—плакать.

4. Борода свербыть—горилку пыть.
5. Права долоня свербыть—гроши получать, лива—
оддавать.
6. Павукъ спустыться—почуешъ висть.
7. Якъ сиренькый павучокъ спустыться—добра бу-
де звистка, а якъ чорненькый—погана.
8. Китъ умывається—гостей сподивається.
9. Вугиль скаче съ печи—буде гисть.
10. Якъ пивень на покути спивае—будуть гости.
11. Якъ куйть умывається на якый край, звидтиль
будуть гости.
12. Якъ забудешъ по обиди ложки—будуть гости.

№№ 1—6, 8—9 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.,
№№ 10—12—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у., а № 7
М. Н. Гринченко въ Харьковск. губ.

50. Злодій.

На злодія пануе—на голе дерево груомъ загре-
міѣвъ. (Тобъ то: не знаходытymesя крадене).

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговскаго у. 1899.

ЛИБ-

бра бр-

КТИ.

ДАТЪ.

ГОСТЕ.

ВНГ. Г.

а №.

гр-

III.

Знахарство, заговори и проч.

51. Угадать, чы довго прожывешъ.

Назбиралы мы на Йвана Купала купальнычкивъ и позастыркалы у хати на усихъ: и на батька, й на матку, и на бративъ, на усихъ. На другой день подывылысь, ажъ батькивъ и старшого брата купальнычки повъялы, а наши уси порозывалысь. Такъ скоро батько и умерлы, а посла батька скоро и старшого брата на поли гримъ убывъ. А мы уси, слава Богу, и по сей день жыви.

Записала отъ Уляны Килочицкой, въ с. Выбляхъ, Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

52. Угадать, чы вси у симйи будутъ жыви.

Нарижъ трейчи по девъять гиллючокъ глоду и звары; якъ що вода буде сыва,—хтось скоро умре, а якъ вода буде жовта, то вси будутъ жыви.

Записала отъ Трыхвона Кныша изъ д. Песокъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

53. Щобъ быть здоровымъ.

1. Почувшы першый гримъ, стань коло печи и скажи: «Дай, Боже, быть такой здоровый, якъ пичъ, щобъ було биганне заече, волова сыла, щобъ не болила ни голова, ни спына».

Записала М. С. Чудновская отъ крест. Курской губ. Рыльск. у.

2. На Велыкдень попередъ паскы годыться иззисты хрину, щобъ быть крипкымъ да здоровымъ.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

3. У чысты четверъ умывайсь на бегучий води—чысты будешъ.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжин. у.

54. Щобъ щастыло на войны и на суди.

Иноди трапляється бачыть, якъ вужака нападе на жабу, щобъ иззисты ййи. Возьмы тоди ломачку и розбороны, та тилькы не убывай и тую ломачку ховай: чы прыдется иты на войну, чы на судъ—беры зъ собою: на войны не убьють, а на суди завсегда будешъ правый.

Записала отъ Арины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

55. Одъ усякойи болизни.

а) Передъ тымъ днемъ, у который случыться Сри-тенне, узять солы, завернуть у тряпычку да й укынуть у жаръ, а до схида сонця вынять. Кто занедужае чымъ, тому и йисты сюю силь.

б) Якъ хто нездоровъ чымъ, дакъ нехай у чыстый четверъ, чуть свитокъ, пйде на ричку, покъ ниhto ище воды не бравъ да й умыеться; тоди й болизнь усяка пройде.

М. Исаенко. С. Голенка Коноптоскаго у. Черниговской губ.

56. Передать болизь другому.

Щобъ изличить лышай, чы другу яку болизь, возьмы обмый водою болуче мисто и увечери, або вранци перелый тїєю водою вулицю. Кто першый перейде черезъ перелыте мисто, той прийме и болизь.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниг. у.

57. Одъ урокивъ.

I.

Ой дай, Боже, ой дай, Боже, щобъ день та й неділя:
Щобъ тая Маруся роботы не вмила.

А щобъ вона, молодая, конопель не мняла,

Ой щобъ ййи головонька пыломъ не прыпала.

Ой мы везлы, ой мы везлы зъ новымъ медомъ бочку;

Ой мы взяли, ой мы вкралы въ нашойи свахы дочку.

Бабська прымова, урокы, урочыны!

Я васъ прыклякау, господа мылосердные.

Въ помощь прыклякау! Господь зъ помощама,

А я зо словами, я васъ вышептую,

Выклякау зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, изъ нигъ,

Изъ семыдесяты жылъ, изъ румьяного лыця, изъ шырокого серця.

Тутъ вамъ не буты, тутъ вамъ не гуляты,
Буйнойи головонькы та й не ламаты,
Румяного лыця та й не цалыты;
Шырокаго серця та й не нудыты;
Семьдесяты жылъ та й не стягаты
И пидъ серденько та й не пидпираты.
Поты вы нудылы,
Покы я Господа мылосердного та на помощь не пры-
кыкала:

Господь зъ помощамы, а я зо словамы.
Я васъ вышептую, выкылаю на очерета, на болота.
Вызываю—йдить соби та й на очерета
Та й на болота,—
Тамъ вамъ столы застеляни,
Чаркы поналывани.
Тамъ вамъ пыты, гуляты и роскоши маты,
А одь рожденнойи, молитвованойи, хрещенойи
Рабы Божойи Маруси утикаты.

Подольск. г. А. В. Заблоцкій изъ альбома.

II.

Видкыля сонце сходить, видтыля помощь прыхо-
дыть; видкыль свить наставъ видтыль Богъ помощь
пославъ. Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща, лыхо-
радкы-лыхорадыща, тутъ вамъ не буваты и не ходыты,
червонойи кровы не пыты, серденька не сушыты, жов-
тойи косты не ломыты, билого лыченька не вьялыты. Я
васъ высылаю, вымовляю, вышиптую; я васъ посылаю на
очерета, болота, на густы лиса, де дивка косы не носыть,
де парубокъ коня не сидлае, де пивень не спивае. Баба
золотовыда, котора Хрыста прыймала, людямъ помощь
посылала, я вызываю, я вышиптую изъ ручокъ, съ пучокъ,
изъ очей, съ плечей, зъ семьдесяты суставовъ. Я вымов-
ляю, Маты Божу на помощь прызываю. Я словамы,

Маты Божая диламы; я хухомъ (дуетъ на крестъ), Маты Божа духомъ. Уроки-урочыща зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ, бурыхъ и понурыхъ, чоловичыхъ и жиночыхъ, парубочыхъ и дивочыхъ. Колы буду сыне море переплывати, тоди буду на уроки и на прыстриты горюваты. Сама соби сорочку мыла, сама и зносыла, сама соби прыстрить одходила.

Изъ бумагъ П. А. Лукашевича.

III.

Щобъ диты булы неврочлыви, то треба умывать ихъ зъ помыйныци.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣзда.

58. Видъ прыстриту.

1. Прыстриче, прыстриче, добрый чоловиче! Сядь соби на мистечку, на золотимъ крилечку, тутъ тоби не бушавать, не воевать и костей не ломать. Иды соби на море, на тимъ мори камень, на камени зрубъ стоявъ, самъ тамъ Богъ по имени называвъ, а тоби, мій малый, (чы мала), щобъ прыстрикъ бильшъ не упомынавсь.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Евдокии Чирковой М. С. Чудновская.

2. Якъ хто тебе изурочить, то возьми здымы зъ себе сорочку и положъ, звернувши, пидъ камень. Пройде. Отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

3. Навыворотъ сорочку носы, прыстрить не нападе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркиевка Нѣжинск. уѣз.

59. Одъ простуды.

Узявъ жывыци такъ якъ изъ куряче ейце, изтерты ййи да й укынуть у пляшку зъ пивквартою горилкы, да тоди поставыть у тепле мисто, помы добре настойить-ся да й пыть по тры чаркы на день.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговск. губ. М. Исаенко.

60. Одъ лыхоманкы.

1. Узять печене яйце да облупыть його такъ, шобъ шкурка цила зосталась на йому, да тоди и завязать у ластку пидъ ливою рукою, та й держать його тамъ, помы воно зовсимъ изсохнеться.

С Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговской губ. М. Исаенко.

2. **Одъ хынди.** Треба мовчки йты за домовыною мертвого до могылокъ, и якъ коло ямы уже уси попрошаються, поцилуй мертвого у мызынци на рукахъ и на ногахъ и йды до дому, ни съ кымъ не балакаючы.

Записала въ с. Гусавкѣ Черниг. уѣз. отъ крестьянки Христини Губки М. С. Чудновская.

3. Узять шматокъ хлиба, солы и яйце и треба петы до мосту, зъ мосту кынуты тее усе черезъ плече у воду, проговорывшы: «вась, титочки, симдесять симъ, прынесла я вамъ полуднувать усимъ». Додому йшовшы, не треба озыраться назадъ и балакаты. Писля сього хындя безпреминно покыне.

Записала отъ крест. с. Гусавки, Черниг. уѣз. Катерины Васьковой. М. С. Чудновская.

4. **Молитва отъ лихорадки.** «Взбунтовалося море взвольновалася вода, отъ туда выходитъ четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходитъ отъ царя Ирода

святой Мохнованій и спрашиваетъ ихъ, куда вы идете. Мы идемъ къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтїи кости ломити сердца вялити бѣлаго тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлатїй свой прїострїй мечъ и вдаривъ ихъ по четыре раза а они по отвѣчали ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будимъ на шесть лѣтъ минати». (Ореографїя подлинника).

Полтавск. губ.

61. Одъ жовтяныци.

На зори уранци треба пойти на ричку изъ суденцемъ изъ жовтойи миди, набрать у його воды, поставити на верхъ хаты да ѣ прыговорювать: «Зори зоряныци, возьми раба Божого № жовтяныци—ранни ѣ пиврани, денни ѣ пивденни, вечерни ѣ пиввечерни, ночнїи ѣ пивночнїи». Якъ пройде три дни, тоди изнять да ѣ умывать жовтяныци, прыговорюючи те саме.

С. Голенка Конотопскаго у. Черниговск. губ. М. Исаенко.

Одъ жовтяныць треба купаты у злоти: у купель кыдаты золотый перстинь.

Богодуховск. уѣз. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

62. Голова.

1. Острыгшысь, не кыдай чуба въ пичъ, або скуилько чубъ горитыме, стуилько голова болитыме, а кыдай чубъ пидъ вербу—буде скоро росты, якъ верба.

2. Мертяковымъ черепомъ давять свою голову, щобъ не болила, а щелепы на ротъ надивають одъ зубуивъ.

3. Изъ сятои вербы назбирай у церкви потерти й бережы, щобъ на злучай, якъ заболыть голова, такъ парытьсѣ тымъ окропомъ, що нагріешъ зъ тою потертю.

№№ 1—3 М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣз. Е. Н. Гаврилей.

4. Учадившы, треба положыты у вуха калыны (ягидъ), —вытягне чадъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

5. Щобъ булы довгы косы, треба на молодыку стать на порози и трѣхи пудризовать.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

63. Одъ болячкы у вуси.

Пидкурюють льономъ—лушыкомъ. (Насиння зъ льону, що саме высыпается). Насыпають у черепокъ жару и сыплють льонъ, а хворый нахылытьсѣ вухомъ до дыму, та ще й рядомъ його прыкрыють. Якъ добре пидкурыты, такъ болячку прорве, и вона вытече.

С. Жевель Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко. 1899.

64. Одъ зубивъ.

1. Якъ уперше побачышь молодыка, зупынысь и трейчи скажы: Молодыкъ молодой, чы бувъ ты на мори? Чы бачывъ ты морськихъ людей? Чы болятъ у йихъ зубы? Хай у йихъ болятъ, а мени (имья) не знать. Промовывшы, иды не озыраючысь.

Записала отъ бабы шептухи Вар. Мулочовой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

2. Побачывшы уперше молодыка, зупынысь, прокажы трейчи «Оче нашъ», трейчи плюнь черезъ ливе

плече и йды не озыраючысь. Щобъ не болилы зубы,
треба такъ робыть що молодыка.

Записала отъ Лук. Новиковой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С.
Чудновская.

65. Якъ охрынешь.

Якъ охрынешь, то пый сыри яйця, чы йижъ
гречани крупы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

66. Видъ очей.

1. На Благовищеня идуть люде дывытыся до рикы
на дрибну рыбу, та й кажуть тры разы: «абы мене
тогда очи болилы, якъ рыбу».—Ходять такожь дывы-
тыся на другый день Велькодна.

Наталiя Кобрынська. «Зъ Бойкыщыны зъ пидъ Вирла» (Восточная
Галицiя).

2. Въ страсны четверъ годытыся вмываться бегучою
водою, щобъ слепота не напала.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

3. Молодыця, якъ мае ще тилькы одно дытя и
хлопця, нехай свойимъ молокомъ капне у очи у кого
болять.

Совитуйте: вирне средство. Видъ сього и бильма
проходятъ.

Записала отъ Л. Новиковой въ с. Выбляхъ, Черниговск. у. М. С.
Чудновская.

4. **Отъ бильма.** Ехалъ святiй Ерiй на биломъ конѣ
набѣломъ сидлѣ въ бѣлой одеждѣ съ бѣлыми слугами
вилѣлъ бѣлимъ слугамъ бѣлое бильмо сикти рубати

мютламы смитаты тутъ тобы небуваты жольтой косты червонои кровы не ламаты. (Правописаніе подлинника).
Изъ рукописи «Примѣты разныхъ примовъ Просто-народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

67. Одъ грудной боли.

а) Узять того сала, що якъ бѣють кабана або свыню да хрестъ ножемъ пышуть, прыжарыть трохи да й мазать груди.

б) Потерты на тертушку чорну редьку да й выжать изъ ййи сокъ; сокъ той измишати изъ меншою часткою горилки да й пыть по тры маленьки стаканы у день.

в) Весною, якъ ище мале буває жыто, ходыть по йому уранци босымы ногами часивъ два.

г) Узять кинського гною, якъ перепріе добре, да й прыкладувать до грудей.

д) Запекать йоловийи шышки у горилци да й пыть.
С. Голенка Черниговскаго у. М. Исаенко.

68. Одъ живота.

1. Якъ йисты гориле, то жывить не болитыме.

Б. Д. Гринченко. Черниговск. у.

2. Одъ живота росколоты чарку солы чы попелу та й выпый, або иды на двиръ (про себе), хочъ и не хочеться.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Отъ затверденія желудка. На весни, до грому, нарвы деревію съ кориннемъ, горыщвиту съ кориннемъ, да возьмы вербы свяченои и, зварывшы, пый и плечи мажъ.

4. Употребленіе горьцивиту противъ серозныхъ скопленій. Въ перви десять днивъ лику: узятъ кварту воды, налить у полывьяный горшокъ и положить туды тры коринци горьцивиту, закрыть горшыкъ покрышкою та й замазатъ и варыть поты, покы выварыть ся кварта пята частка, и даватъ сього зилля на тры чашкы (чайныхъ) рано, въ обидъ и ввечери. На други десять днивъ лику узятъ тилько воды, якъ и перше, да тилько положить чотыри корини и выварыть стилько, якъ и перше, и пыть по тры чашкы въ день. За часъ передъ ликарствомъ и писля ликарства не можно йисты ничего. Писля двадцаты днивъ лику пыть первого ликарства (шо по тры коринци) по дви чашкы. Во вси разы, якъ сечи мало, прыбавляють у горшокъ лысту вьяленого изъ калачыкивъ, такъ якъ у пучкы взятъ, та й варыть разомъ. Рыбы и мясного жырного не можно йисты, зилля держатъ въ холодному мисти (у погреби) не бильше трьохъ днивъ (бо почне портыть ся). Якъ сечь дуже пиде, то й можно перегадыть одынь день зъ ликарствомъ.

Черниговск. г. (№№ 3 и 4 взяты изъ «Черниговск. г. вѣдомостей» 1860, № 6 С. Д. Носъ).

69. Якъ нудно.

Якъ нудно, то перекусы въ соломыни колинце.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

70. Одъ печайкы.

Одъ печайкы лыжы праву долоню на тимъ мисти, де пысавъ хресты на голодну кутю, або крейду йижъ.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

71. Одъ піяцтва.

1. Щобъ пъяныця кынувъ пыты, треба назбирать пины изъ утомленого коня такойи масты, якого цвиту косы у пъяныци, и дать выпыть зъ водою.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

2. Щобъ не воняла горилка зъ рота—жуй бумагу або гречани крупы, а щобъ не пъяны бувъ—выпы чарку карасину.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркиївка Нѣжинск. у.

72. Щобъ не болилы рукуы и ногы.

Вытягны зъ пояса красну шерстяну нытку и пережежи болочу руку, чы ногу,—перестане.

Записала отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

73. Отъ бежа, бешыхы и прыстриту.

I.

Отъченащъ: Богородице Дѣво: Честный Кресте. Иоане Крестителю и Всѣ Небесни Сили, и Св. Апостоли, Пророки, Пророчицы св: Святители Приподобныи Отци, св: Мученики Священо Мученики, и Преподобни Мученики св: Мученици. Преподобни жени, Преподобно Мученици и Сповѣдникъ и Безсребреники и Христароди Юродиви и вси въ Кіево Печерскѣ и Ерусалимской Почаевскѣ, и Перижловскѣ и Вси Святіи Станьте Мени въпомочи Господу Богу помолюся Пречистѣй святій Матери Божій Поклонюся ковсѣмъ Святимъ Станьте мѣнѣ въ помочи Бежа бишиху или пристрѣтъ тоже такъ само: 1 вызвать—2 Вишиптать Зѣмову Висняну Лѣтню

Осѣнну Гадину мѣсячну дену полудену, ночну, полуночну Часову, Чоловѣчу, Жоночу, Парубочу, Дѣвчачу, Хлопячу, Огнену Вѣтряну, Водяну, попѣвску, Паньску Лядьску наслану Подуману Погадану, Тута Тобѣ Небуваты Тута тобѣ небуяти Жовтоїи кости неламати Червоноїи Кровѣ, неспивати Бѣлого тѣла невялити Сердца не нудити кости и Составъ некрушити теперь тебе Визиваю зъ Три Девяти Составъ Вишѣптую Викликаю на Пуци и Нетри Отсилаю Де Сонце Праведне не Грѣе, де мѣсяць не свѣтитъ де люди не ходять и де христьянскій Гласъ не заходитъ тамъ Собѣ Гуляй, тамъ Собѣ Буяй,—

Пречистая Богородица, Обѣдъ Становила склепина и склепенивъ, въ Сѣхъ наобѣдъ звала бежа и бишиху незвала бежъ и бишиха сами пришли, Господня помѣщъ (дальше слово неразобрано) немѣй Духъ Господнѣй Духъ помагае Рожденному и хрещеному Рабу Божому Филиппу напомѣщъ Ставаеи тогда Духомъ подуть навхрестъ 3 рази говоря Сїи Слова, начиная отъ словъ не мїй Духъ Господнїй Духъ, Это одинъ штихъ, тогда начинай и Другой и третїй разъ отъ Словъ Пречистиї Богородици и Всѣхъ св: призывать напомощъ, акогда три рази переговоришъ То начинай опять Сначала Отъченашъ: Богородице Дѣво— такимже порядкомъ 3 рази якъ и Сначала отъ Слова до слова то будетъ шесть разъ тогда Возьми Красный плетеный поясъ Розложи на пухлое мѣсто въ одно Сталь и запали лянне либо и просто пачоски и тожъ другою сталкою пояса прикрой легко чтобы пламя помало зъ тухало и когда на Поясѣ на чинаешъ Это Дѣйствовать то знову начинай отъ Отъченашъ: Богородице Дѣво: и всѣ Слова, отъ Слова До слова какъ Сначала прописано, атолько Якъ Вишептуешъ Визиваю Вишептую Викликаю прибавъ и Спалю инапуци инетри, отъ Силаю: и такъ дали Доконца какъ и прежде отъ Слова До слова, и такимъ Способомъ 3 рази переговорить и 3 рази спалить тогда кончить—Отче-

нашъ Достойно—Воимя Отца 3 рази—+.+.+. — Это
Значить 9-ть разъ а Еще нужно такъ Само Дварази по
Девять разъ тозначить будетъ 3-ри Девять разъ, Этии
Дварази (слово не разобрано) послѣднии наветъ можно
и позаглаза шептать, Звѣсно Лучше Быть при Болящому
нежели заглаза. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

II.

Простое лѣкарство отъ Рожѣ которое принять то
нетолько что она и Счезнетъ и Виздоровѣетъ Больное
мѣсто А наветъ доказуютъ получивше или принявше
Этое Лѣкарство то и никогда небудетъ болѣе Возоб-
новляться на Этому Человѣку, нетолько На Этомъ Мѣстѣ.

взять на Ставетъ въ Чайникѣ, въ переваренной
Водѣ, тоестъ какъ изъ Самовара, и Дать въ Этотъ Чай-
никъ Кофii съ паленой припорцію какъ Слѣдуетъ, Чтоби
на Стояла тогда въ штаканъ налить тоже воды зъ Само-
вара съ хорошъ Кѣлѣшокъ и вложить туда Секретнаго Лѣ-
карства, необявленнаго Болящему какое потому что Дру-
гой Болящій не захочить Може принять въпользова-
ніе взять въ Чистую холстинку завинуть кусочекъ
конячого г. и завязать и въложить въ Этотъ штаканъ
чтобы натягло потомъ немножко поколотить Этую За-
веніонку и тогда Этое винуть прочь А настояна вода
пустъ одъ Стоить, и тогда Еще процедить можно на
холстинку и чистое Клярвное Употребить въ шклянку
До лить на Стояною кофiiю Для приятнѣишаго Духу или
вкусу До Дать Сахару попринадлежности и Дать Боляще-
му Принять Добраго Апетиту (Правописаніе подлинника).

Изъ старой рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

74. Опухъ.

Дивчына пилса скарлатины опухла. Баба порадыла таки лыкы: узяты гостройи водкы, вкынуты туды дванадцять товстыхъ голокъ. Воны ростануть, бо гостра водка йихъ пойистъ. Тоди пыты це по скилькысь тамъ крапель съ простою горилкою.

С. Алексѣвка Славяносербскаго у. М. Н. Гринченко. 1893.

75. Огныкъ.

Якъ нападе *огныкъ*, треба спалыты ганчирку и тымъ попиломъ затоптуваты.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

76. Одъ бородавокъ.

Щобъ зогнать бородавки, треба на тоненькій нытоци навъязать стилькы вузлыкывъ, скилькы е бородавокъ и закопать у землю. Якъ нытка перегные,—и бородавки пропадутъ.

Можно ще такъ зогнать бородавки: узять девъять гороховынъ, покачать йимы бородавки, загорнуть йихъ у чопурненьку латочку и кынуть на вулицю. Хто пудыме сіе гороховыны, до того перейдутъ и бородавки.

Записала отъ Ульяны Половецкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

77. Раны.

1. Якъ урижешъ палець, то треба на трапочку взяты нагидковойи горилкы та й прымочыты уризане мисце—заразь стягне.

2. Якъ попечешъ пальци зализомъ чы тамъ объ горшыкъ, такъ треба взятись за вухо и сказаты: «сьогодни п'ятныця»—не такъ пектыме.

№ 2 записала въ с. Жеведи Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко въ 1899 году.

78. Кровъ замовляты.

1. Щобъ перестала иты кровъ, треба сказаты: «За синимъ моремъ бувъ камень, на камени сьдило чотыри дивыци: одна голку держыть, друга нитку сажает, трейтя жылы зашывае, четверта кровъ замовляе.» Треба сее промовыть трейчи и кровъ перестане.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Троф. Атрошенка М. С. Чудновская.

2. Разъ на ночлизи одынъ хлопецъ, стругавшы пуговье, поризавъ соби руку; кровъ такъ и побигла. Шо мы не робылы—някъ не перестает. «Постойте жъ,—каже Омелько,—мени колысь дидъ казавъ, якъ треба замовыты кровъ, я знаю що треба казаты.» Тутъ Омелько перехрестывся и трейчи промовывъ: «Гуляю, гуляю, кровъ замовляю.» И кровъ заразь же перестала текты зъ поризанойи руки.

М. С. Чудновская отъ Митрофана Шульги тамъ-же.

3. Калыновымъ мостомъ йшло тры сестри: калына, малына и шыпшына. Не вмѣлы йены ни шыты, ни прятѣ, туольки вмѣлы сѣкты - рубаты, рѣкы пропускакы—одна рѣка водяная, друга рѣка огненная, третя рѣка кров'яная. Водяною огонь зальваты, кров'яною кровъ суниматы (трейчи).

С. Осняки Черниговск. у. В. В. Полуботкова.

4. Заовляніе Крєвы Двухъ Сортовъ.

1-й Въ неделю рано Причиста Дѣва плугомъ небо орала небо орала руту сияла Рута незшла чтобъ Кровь нешла. — Сей пунктъ виговариваетца заоднимъ духъ. аговорить Его Дольжно трижды.

2-й Ишла баба Камьяная Камьянимъ мостомъ съ Камяною Доюнкою Камяную Корову Доить какъ той бабы нельзя Коровы доиты шобъ такъ неможно схре- щенного порожденного какого имя кровы итить триж- ды нада говорить. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивничкимъ.

79. Дытячи хворобы.

1. Вагуитна жинка, якъ що вкраде, нехай лапнеться за що деревьяне, або за прыпечокъ, туилько жъ не за свое тило, бо въ дытыны буде родыме на тимъ мисци, за що вона себе лапнула.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркѣвка Нѣжинск. у.

2. Шобъ дытя поправлялось. Якъ у кого мрутъ диты, то треба, шобъ якъ дытя занедужае, хто небудь його закупывъ. Той, хто закупае, дае матци копійокъ дви, чы тры грошей и вишае на шыю дытыни хрещыкъ. Сей, хто закупыть дытя, и считается хрещенымъ батькомъ, чы хрещеною маткою. Часто писля сього диты по- правляются и живутъ.

Записала отъ Ольги Герасименко, въ с. Буда, Черниг. у М. С. Чуд- новская.

3. У насъ якъ дытына не спыть та крычыть, такъ маты положе ййи на порози на кожуси и трычи пере- ступыть, прыказуючы: «Яка породыла, та й одходыла». Тоди трычи злыже й сплюне.

— Воно жъ пособляе?

— У насъ пособляе, а въ панивъ хто-й-зна. Вони все сміються, кажуть: «бабськи выгадки». Вони заразы докторивъ клычуть, а мы по простому—злыжешъ його, такъ и засне. Я хотила сказаты Ганни Мыколаевни, та не смію, ще росердуются. А такъ жалко Володичкы, шо бидненьке такъ плаче.

Богодуховъ Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1899.

4. У новуїй колысци годыться кота на почынъ положить, щобъ дытя краше спало.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

80. Щобъ довго не було дитей.

Якъ молода сидае на посади, то хай пидъ себе положить стилькы пальцивъ, скилькы рокивъ вона хоче, щобъ у нейи не було дитей.

Записала отъ Ганны Индачевой въ с. Выбляхъ Черниг. уѣзд. М. С. Чудновская.

81. Кумування.

Кумовью годыться переходыть черезъ жаръ, якъ несуть до хреста, щобъ одъ усього злого очыстыться.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

82. Змовленіе гада.

Насионской горѣ во Египетской Зимлѣ стоить Дубъ Евгимъ ивтомъ Дубу гниздо въ томъ гниздѣ гадока сивилуха Гадюко сивилуха прикажы своимъ слу-

гамъ очеретянимъ, болотянимъ, стиповимъ, водянимъ
камянымъ ивсимъ находящимся пущай сію Ядь Роз-
быруть. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», со-
общенной М. Л. Кропивницкимъ.

83. Знахарка.

Раздѣвъ больную, врачъ увидѣлъ на ея шеѣ цѣлую
связку талисмановъ.

— А это что?

— Да все-жъ «лики»: бабы давали.

Въ одномъ сверткѣ оказалась еще влажная лягуш-
ка, издававшая зловоніе, въ другомъ—иконка, въ треть-
емъ «выписка», на которой карандашемъ было написано:
«Рожденному, молитвенному, крещенному рабу Божію,
помоги Господи! На морѣ-океянѣ, на островѣ Буянѣ
есть на камнѣ груша, на той грушѣ гнѣздище, а въ
томъ гнѣздищѣ три царевны—Хивря, Вивря и Олипа.
Хивря, Вивря и Олипа! И спеняйте, и стягайте по заповѣ-
ди моей, слуги вы мои...» и. т. д. Въ числѣ прочихъ
амулетовъ былъ за паянный со всѣхъ сторонъ флакончикъ
съ прозрачной жидкостью.

— Это для чего?

— Съ святыхъ мѣсть... странникъ далъ... Носи, ска-
заль, на шеѣ и, ежели вода убавится, умрешь, значить,
а если нѣтъ—будешь жить.

Изъ газеты «Приазовскій край» перепечатано въ Кіевлянинѣ 1897,
№ 212, а оттуда заимствовано нами.

84. Позихання.

Якъ позихаешъ, то хресты ротъ, щобъ духы зли не нализлы.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

85. Одъ вовкiвъ.

Якъ оступлять вовкы чоловика, то треба назвать якого небудь умершого чоловика мення, чы родыча, чы знакомого, то й пидуть геть.

С. Напоровка Черниг. губ. П. С. Ефименко.

86. Щобъ плаваты гарно.

Якъ йисты цвилый хлибъ, то плаватимешъ гарно.

С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. 1885. Б. Д. Гринченко.

87. Спать лягаючы, промовляты.

За гораы, за рикамы тамъ мы спать лягали. Матиръ Божа въ головахъ, Исусъ Хрыстось у ногахъ, ангелы хранители по бокахъ—хранять мою душу до самого ранку одъ ножа, одъ меча, одъ лыхого чоловика.

С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. 1885. Б. Д. Гринченко.

88. Щобъ не посердытыся, даючы.

Даючы кому голку, кольны його до кровы, щобъ не посердытыся.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

89. Любощи, сватання, весилля.

I. Пряныны зъ любощама.

У насъ на храму уже звычайно хлопци купують дітвкамъ пряныкивъ. Ну, я брата брала, а іѣсты не іѣла. Возьму та небожатамъ або такъ дітвкамъ пороздаю.

— Чому жъ вы самы не йилы?

— Боюсе. Думаю, що може вуонъ до бабы ходывъ, щобъ нашептала. Та ще якъ иззіѣмъ, то якъ прыйде свататы, то й нехотя пиду.

С. Жеведь Черниговскаго у М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

II. Шобъ хлопци вѣязлы.

Дивчатамъ годяться носыть завѣязаною вѣ кышени першу бубешку пивоны, щобъ хлопци вѣязлы.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

III. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ).

Треба на червоному пояси самою правою рукою завѣязаты тры вузлыкы, якъ лягаешъ спаты. Завѣязавшы першый вузлыкъ, прокажы: Узлыкъ вѣязу, на сонъ закладаю, деньочки счытаю: четвергъ за пѣятницею, субота зъ недѣлею, понедѣлокъ зъ овторкомъ, а середа одыныця, то моя сестрыця, вона меніѣ правду скаже. Уши чуйте, очи бачте, меніѣ сповіѣщайте: хто мене желае, той меніѣ прыснуться.

Завѣязавшы другый вузлыкъ, каже те саме, тилькы кинчае такъ: кого я желаю, того я побачу. Третій вузлыкъ вѣязавшы—те саме, тилькы на кинци таки слова: зъ кіѣмъ пудъ віѣнцомъ стану, той меніѣ прыснуться.

С. Осняки Черниговск. у В. В. Полуботкова.

IV. За якого выйдешъ замижъ.

На багату кутю треба питы, де ночують коровы и

заплющывши очи, простягты руки до коровы: якъ падешъ за хвистъ, то пидешъ за багатого, якъ за рогы— за бидного, а якъ за спыну, чы за що инше—то за середнього хазяйна.

Записала отъ Ив. Сапъги, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

V. Старосты.

У туій хати, де есть дивчата, годыться сидать разъ прышовшы, щобъ старосты сидалы.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

VI. Сватання.

Якъ парубокъ ніякъ не высватае соби дивкы, то треба питы до батюшкы, попросыты пирога и зъ тымъ пирогомъ иты свататься,—буде удача.

Прышовшы свататься, треба ступыть попереду правою ногою на поригъ, а правою рукою узяться за колочокъ и сказаты: йиду на судъ, йиду на ведмеди, гадыною поганяю, стою якъ овечка,—не мовте про мене ни словечка.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

VII. Весилля.

Годыться на весилли въ хати по куточкахъ повишати немолоченого жыта, щобъ молодымъ було жытте шаслыве.

М. Веркѣвка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

VIII. Щобъ зъ чоловікомъ зійтыся.

Щобъ исъ чоловікомъ зійтыся, треба питы до церквы, купыты дви свичкы, поставыты передъ царськымы вратамы, статы навколишкы и казаты: Во имъя Отця и Сына, одступыся, нечыста сыла, да вселыся Духъ святыи и возлюбы насъ такъ, якъ насъ Богъ возлюблявъ, якъ

мы возлюбленно пудъ винцемъ стоялы, и якъ насъ батюшка благословлявъ, и на насъ винци надивавъ, щобъ такъ мы й вику доживалы у радости, веселосты и благословенно неосужденно.

И треба симъ разъ сказать: Господы, помылуй! Господы, просты грихы мойи! Господы, благословы!

Черниговъ. М. Н. Гринченко 1900.

90. Варыво.

Якъ шо варыво стане слызьке, треба його помишати гарячою кочергою, або укынуть у дижку конопель плоскуней.

Записала отъ Горпины, крест. с. Лукашевки Черниг. у., М. С. Чудновская.

91. Дижа.

1. Глянувши въ дижу, колы въ ній сходыть тисто, треба безпреминно цмокнуть, щобъ хутній сходыло. Не цмокнуть—грехъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

Не можна лыты въ дижу окропу—дижа запарыться и хлибъ не буде сходыть.

Славяносерб. у. Екатериносл. губ. М. Н. Гринченко. 1892.

2. У чыстый четверъ до сонця бабы выносять у сины пекельну *) дижу, покрывають чыстою скатертью и одна уже пытае: «Де це дижа?» А друга одказуе: «Пишла говить.» Себъ то уже на те, щобъ дижа не портылась, и щобъ бувъ смашный хлибъ.

С. Выбли, Черниг. у М. С. Чудновская.

*) Ту, шо въ дий хлибъ печуть.

92. Одежа.

1. Щобъ плаття биле було—перы його на масныци, або якъ сады цвितуть.

2. Якъ надинешъ навыворотъ одежыну, — напастъ буде, а шобъ пройшла, — кынь на землю и тоди вже вдруге надивай.

Оба номера: М. Веркiевка Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

93. Чы гарна на жыття хата.

Якъ закладають хату, то кладуть на туимъ мисци на нуичъ повернету сковороду, и якъ сковорода буде мокра, то жыття буде погане, а якъ суха, то гарне.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

94. Щобъ у хати не велыся прусы, жуки, жабы.

1. Отъ якъ я въ своейи сестры звела цыхъ *москалювъ (прусы)*. Мени одна баба сказала, та не знаю, чы на смiѣхъ, чы й справди, шо такъ треба йихъ изводить. Ну, я такъ и зробыла. До схуодъ суонца набрала йихъ изъ добру жменю, высыпала въ постуоль и везу на рынокъ.

— Шо жъ то за рынокъ?

— То въ насъ у селiѣ такъ: одна вулыця туды пошла, а друга туды, а мижъ йимы такъ якъ бугоръ—ото зветься рынокъ, або ще ростанне. Такъ я везу йихъ, а сама собiѣ голошу: «Ой Боже муой, Боже муой!...» Такъ значыть баба менiѣ сказала. Вывезла на бугоръ и тамъ покинула съ постоломъ, а сама пошла не оглядаючысь. Такъ шо вы скажете? Не буольшъ. якъ недiѣль черезъ тры чысто всiѣ звелысе.

С. Жеведь Черниг. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины.

2. Прийшовшы зъ похорону, лапайся за комень, або за прыпичокъ, щобъ жуки звелысь.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Щобъ у хати не було жабъ, треба у чыстый четвергъ обместы хату виныкомъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

95. Огонь у хати и на поли.

I. Щобъ огонь горивъ.

— Оце въ васъ и доси въ груби не горыть? Вы огонь постыдуйте, такъ и займеться.

— Якъ то огонь стыдовать?

— А отъ я заразы: «Стыдно огню, що дрова на верси!» (каже голосно й зъ докоромъ).

— Отъ и не пособылося, и не займається.

— Треба дужшей: «Стыдно огню, що дрова не верси! Ай стыдно! Ай—яй якъ стыдно! Ай, шо то за вогонь, шо дрова на верси! Ай стыдно!» О, бачыте — уже й зайнялося.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговск. у. 1899.

II. Щобъ огонь горивъ.

Мы якъ пасемъ овечкы, такъ огонь кладемъ: мы соби, а хлопци соби. Такъ мы въ хлопцивъ крадемъ щобъ у насъ бильшыи бувъ, а то ще, й приказуемъ:

Горы, горы жарко!

Прыйиде Захарко.

Самъ на кобыли,

Диты на лошатахъ,

Слугы на собакахъ.

Такъ и-и жарко горыть!

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко. 1899.

III. По огню ворожыты.

Мы весною якъ пасемъ овечкы, такъ день такъ *истегається*.

— Якъ то *истегається*?

— Значыть довгий дуже. Такъ мы огонь кладемъ и по огню визнаемъ, чы довго до вечора. Якъ биластый огонь, такъ швидко вечиръ, а якъ червоный, такъ нешвидко.

С. Жеведь Черниговс. у. М. Н. Гринченко. 1899.

96. Скотына.

I. Щобъ пишло у руку.

Якъ купышь у кого яку скотыну, чы птыцю, та вона почынае хворить та марнить—не йде у руку, то треба, щобъ хто небудь изъ симъйи перекупывъ, щобъ скотына, значыть перейшла, черезъ руки, и тоди вона поправыться и можпо буде розвесты. А то бувае така погана рука, що зроду нельзя ничего завесты.

Записала отъ Горпины Ермоленко изъ с. Лукашовки Черниг. у. М. С. Чудновская.

II. Яна масть буде у руку.

Щобъ угадать, якои масти заводыть скотыну, коней, чы тамъ яку птыцю, треба, побачывшы уперше ластивку, пиднять зъ пидъ правойи ноги земли, высушыть ййи и тоди, розломывшы, знайдешъ тамъ волосыну. Якого цвиту буде волосына, такойи масти и заводъ чы коней, чы що инше: буде добре вестысь.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. См. № 43 й этой книги.

III.

Якъ идешъ кумувать байстряты-хлопця, такъ объ-

яжы по голому тилу обротъ, а дивчыну—такъ налыгачь: скотъ у руку йтыме.

Якъ идешъ кумоватъ до дивкы, такъ кумови годыться пудвязатся обротею по тилу, а куми налыгачемъ, щобъ скотъ водывся.

IV.

Новитню скотыну заговудей мишаныною зъ пашни—гладке буде й привыкне скоро.

V.

Выганяючы вперше скотыну на пашу, треба розослатъ поясъ у воротяхъ, зачепывшы середъ його замкнутый замокъ, тоди й переганяй черезъ його скотыну, взявшы въ руки шматокъ стали, пугу й сятю воду и тоди вже махны трычи пугою й кропы сятою водою; зробывшы осе усе, не страшно щобъ скотына заблудыла, або ййи вкрадено, чы вовкъ иззивъ.

Уперве пастуху не годыться хлиба брать и ничего не йсты, щобъ циле лито скотъ уберигся одъ вовкуивъ.

VI.

Якъ сохне и чавядіе людына, чы скотына—годыться, щобъ хто закупывъ и давъ задачи хочъ бы й шагъ—вылюдніе.

№№ III—VI записалъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

97. Корова.

I.

Куплену корову обведы трычи въ хлеви кругомъ сохы, щобъ скорій привыкла.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II. Щобъ у коровы прыбуло молоко.

Обвязавшы ниткою окраецъ хлиба, треба спустыть його у колодезь, такъ, шо якъ за ничъ прыбуде вода, щобъ винъ бувъ у води. Вранци вытягны сей хлибъ зъ колодезя и дай зысты корови. Одъ сього у коровы побильшае молока.

III. Щобъ корова давала багато молона.

Якъ корова тильна першымъ телямъ, то на послиднихъ дняхъ треба повертить йй рога и положить туды ладану: буде давать багато молока.

IV. Якъ добувають гарну сметану.

Ты хочешъ мать такую сметану, якъ у мене? Добре, я тебе навчу якъ се зробыть. Возьмы икону и уопивночь заходь по мене.—Я такъ и зробыла. Уопивночь узяла икону и прыхожу. Повела вона мене на растанькы.— Поплюй же, каже, на икону и жды, та ничего не бйсь: заразы до тебе будутъ прыходыть усяки звыры и гады.— Усе сее, хай мене Богъ простыть, я зробыла и бачыла, якъ стали пидходыть велькы табуны жабъ, гадюкъ, ящерокъ, усякыхъ звырюкъ и птыць. Я дывылась и не пужалась, покы шось не загурило и не прыйшли страшенни черты зъ рогамы й съ хвостамы. Я дуже злякалась, хопыла зъ пидъ себе икону и стала хрестыться. Черты стали утикать и крычаль:—А колы молышся Богу, то насъ не зовы!— Косы у мене стали дыбомъ, я не своимъ голосомъ стала крычать, звать ту жинку, шо привела мене сюды.

— Бачъ, каже жинка, якъ достається намъ гарна сметана. Мы й самы знаемъ, шо грихъ, та не можемъ уже одкастаться одъ биса.—Писля такого страховыння я занедужала, пролежала цилый рикъ и чуть-чуть не умерла; та ще выдно Богъ пустывъ душу на покаяние.

V.

Якъ несешъ молоко черезъ дорогу, то трошки посолы.

VI.

Якъ берешъ у кого молоко, то выльвышы, вкынь у гладышку хлиба й солы.

VII. Направыты порчену корову.

У опивночь треба узять великый, якый хочешъ, щобъ корова давала молока, глекъ, набрать зъ колодезя воды и идучы додому, штовхны глекомъ першого, кого зустринешъ, бо то буде видьма. Такъ якъ зробишь, порчена корова поправытся и буде багато давать молока.

VIII. Перелогы у коровы.

Треба даваты корови тры зори по тры жмени усякойи пашни. Тилькы якъ корови зроблено,—треба просыть знахара, бо корова не буде сійти пашни йисты.

№№ II—VIII записала М. С. Чудновская, изъ нихъ № II въ с. Лукашовкѣ Чернигов. у., №№ III—VI и VIII—въ с. Выбляхъ того же у., а № VII отъ крестьянина Курской губ. Рыльского у.

IX. Змовленіе перелоговъ.

Литѣль орелъ сизокрилий дай сѣлъ наколючей груши якъ тую грушу нельзя безъ сокири срубаты безъ огня спалиты чтобъ такъ неможно перелогамъ жольтой косты червоной крови какой шерсти ломиты три раза въ одинъ Духъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ кривовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

98. КИИЬ.

1. *Щобъ кони не рушылы зъ мисця.* Казавъ мени дядько зъ Дивыци, що якъ знайдешъ таки стрючки, що по девъять горохвынь, то три такихъ стрючка положи у визъ молодымъ и скажы: девъять четвертей гороху, десята невеста, щобъ не повезлы кони зъ миста—и кони зроду не повезуть. Я такъ разъ и зробыла. Коней пидъ молодыхъ такихъ страшенныхъ запрегли: такъ ажъ хропуть, та рыють землю копытамы. Выведемъ, кажуть, йихъ зъ двору, щобъ ще молодыхъ не побылы. Сталы выводять, такъ ажъ дуга скрыптыть, такъ рвуться. Ну, думаю що съ сього буде! Дрыжать кони, насылу молодойи посидалы. Посидалы, и кони утышылысь: Но, но!—та хочъ ты що, не йдуть кони; былы, былы, такъ трохы рвонулы, та й зновъ сталы. Пывылазылы тоди молодойи зъ саней, усе поскыдалы, и тоди вже кони такъ пошлы, що ажъ страшко було. Сьому правда, ось колы хочете и самы звирте. Такихъ стручкивъ по девъять горохвынь улитку можно багато найты, а слова си замитьте.

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

2. *Потного коня якъ напувашь.* Якъ пойишь потного коня, то треба сказать: Добрыдень, водыце-царыце! Богъ тебе создавъ, попъ светывъ и намъ пыть веливъ. Ты, скотынкo, не опывайся и на себе не оглядайся, воронойи шерсти, воронойи масти.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Муцкаго М. С.
Чудновская.

99. СвѣНИ.

1. Першымъ хрестовальныкамъ дають по пари яецъ, щобъ родылысь кабанци чысти, а не кишкуны.

2. Щобъ не було икловъ, поросятамъ одкусують хвосты крузь пелену.

3. Побачывшы на поли въ жныва першы полукипокъ, вырвы зъ його скуилько тамъ колоскуивъ и ными загодуй кабана.

№№ 1—3 записаль въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

4. Щобъ поросять не хваталы вовкы, треба йимъ поодкусувать зубамы кинчыкы одъ хвостивъ да й поховать за пазуху.

М. Исаенко въ с. Голенкѣ, Конотонск. у.

100. Ягнята.

Пры кинци молотьбы, оддай снуипъ жыта овечкамъ, щобъ ягнята кучеряви родылыся.

М. Веркiевка, Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

101. Гусенята да курчата.

1. Моя покуойна матка було якъ вылуплютьсе курчата, такъ забере йихъ у прыпуоль та й переносыть черезъ поруогъ сюды та туды—не знаю, чы шiѣсть, чы сiѣмъ разувъ, щобъ вороны та коршаки не хваталы. А гусенятокъ було якъ почне мучыть, такъ ажъ дывытьсе жалко. Заразъ запалыть страшну свиѣчку и прысмалое йимъ голуовкы. Да прысмалыть, а тоди ще й капне. Господы, жалко дывытьсе! Тамъ же голуовочка така, що такъ наче до муозку й пропече. Тоди набере пуху съ кубла, де гуска сыдiѣла и вербы святойи, а гусеняць пудъ решето та тымъ пухомъ та вербою и пудкуруе. Такъ вони такiе стануть, якъ п'яные. И шо вы думаете? Не хваталы въ насъ вороны. Ну, та въ насъ, сказаты, й гусакы такiе булы злые, шо не дадутъ, бо мы йихъ перцемъ загодувалы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины въ 1900 г.

2. Щобъ гусенятъ да курчатъ не хваталы шулякы, треба йимъ попрысмалювать страсною свичкою головки тоди, якъ повывуцлюються.

М. Исаенко. С. Голенка, Конотопск. у.

102. Бджолы.

1. Пасика, се таке дило, що треба багато де чого знать, щобъ велысь пчолы, щобъ получать зъ йихъ барышъ. Другый пасишныкъ якъ ходыть коло йихъ, а глядышь, то рій утикъ, то нападь, то гнылецъ, або зовсимъ пропадутъ зимою. А хто знае, то ничего сього не бойться. Отъ хоть бы мій батько, царство небесне, винъ усе знавъ и яка въ його була пасика! Знимаючи роя, винъ каже, не светою водою треба побрызкаты пчолы, а тиею водою, шо набрато у чыстый четверъ до скидъ сонця. А рій було зроду не втече: выйде, и якъ нема никого у пасици, сяде и дождыдае хазяйина; а одынъ разъ не було батька, а я ще не вмивъ ходыть коло пчоль, отъ ажъ тры ройи и втекло, не дождавшысь хазяйина.—Такъ и такъ, кажу, батьку, утеклы ройи.— Ну, дарма, иды на скидъ сонця и дывысь, воны вернутъся.—Пишовъ я, дывлюсь—летыть одынъ, другой, а потимъ и третій. Поприлеталы и посилы у пасици, тамъ батько йихъ и познимавъ.

Также знають пасишныкы и одъ напади, и одъ гныльця, и пчолы у йихъ добре ведуться.

2. Щобъ не було напади на бджолы, щобъ бжолы булы злые и дужые, треба заготовать йихъ медомъ зъ перцемъ.

Записала оба номера отъ Хведора Новица въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

103. Садъ.

1. Щобъ добре родыла садовына, треба на голодну кутю об'язать дерева соломою.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

2. На риздвяныхъ сяткахъ годяться до щедрой кутти смиття въ хати замитать пидъ покуть, а тоди обкурювать йимъ садъ и трусуть пидъ жодне дерево, щобъ хвыля не нивечыла й зрожай добры бувъ.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

104. Городъ.

1. Щобъ *гарбузы* byly солодки, треба посадыты у пичъ коржа, а тоди иты садыты гарбузы.

2. Щобъ було на гарбузахъ багато завези, треба попереvязувать ихъ тыма ныткамы, що перевязували ковбасы.

3. У той день, якъ збираються садыть *цыбулю*, не можна сердыться и лаяться, а якъ идешъ садыть, треба поцилуваты чоловика, чы такъ кого, щобъ *цыбуля* була солодка.

№№ 1—3 въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

4. У насъ на Покрову де не пойды, такъ бабы зъ вiткымы бiтгають,—*цыбулю* черезъ огонь переводють, щобъ у стрiлки не йшла. Оце запалють солому, да всiѣ чысто вiткы й попереvодють черезъ огонь.

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

5. Щобъ не *йивъ чергякъ* городыны, встромы въ городи зъ труны триску.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

105. Поле.

1. *Щобъ у хлиби не було спору.* Одна жинка хотила, щобъ у ййи ворога та жыто не було спорне—щобъ то вже увесь споръ перейшовъ у ййи хлибъ. Отъ вона и посылае наймычку на ворогову ныву исказать таки й таки слова. Дивка полинылась иты на поле, та пидйшовшы до дуба и промовыла той заговоръ. Не вспила вона ще й додому вернуться,—якъ понесе зъ дуба лyste, та усе до сйи жинкы у двиръ,—такъ за яку годуны дубъ чысто и оголыло. Оттакъ бы було и зъ хлибомъ: чысто увесь споръ перейшовъ бы у хлибъ до сйи видьмы.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговскаго у М. С. Чудновская.

2. *Заговорыть споръ.* Колы хочешъ, щобъ у твого ворога не було спору у хлиби, тобъ то, якъ стане пекты, то щобъ хлиба выходыло не бильшъ нижъ муки, то треба на Юръя до сонця намыткою зобратъ на його жыти росу.

Записала отъ Ульяны Килочичкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

3. Увесь риздвяный тыждень печуть хлибъ зъ несіяного борошна, щобъ жыто родыло.

4. Щобъ бувъ гарный головныстый льонъ, треба у коробку, якъ сють, положить двое вареныхъ яецъ.

5. Якъ забудешъ у печи хлибъ печучы, то не йижъ його—забудышь, а якъ хочешъ повернуть його на корысть соби—обойды зъ нымъ до схидъ сонця трычи просо, чы конопли—птыця не нападе.

6. На куттю годыться пидкладать довгого сина на покути, щобъ льонъ высокы рись.

7. Щобъ горобци не пылы проса, треба, роздягышьсь, трычы оббигты круга того мисця, де посходыло просо.

№№ 3, 4 и 7 записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская, а №№ 5 и 6—въ м. Веркйевкѣ Нѣж. у. Е. Н. Гаврилей.

106. Щобъ дощъ ишовъ.

Пидъ засуху, щобъ дощъ ишовъ, вишай на тынъ
земляного рака.

М. Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

107. Бычь на щипъ.

Молотныкы миряють дубынку на бычь корхамы й
прыказують, переменяючы корхъ за корхомъ, такъ:—Ма-
гай-би!--Здоровъ! Чого ты прышовъ?—Дубынкы на бычь,—
позычь!— А покъ?—Одпоты.—Одрубай!

М. Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

108. Щобъ була удача.

Якъ хочешъ, щобъ гарно ловылась рыба, чы щобъ
побывать багато дычи, чы тамъ що инше, то якъ ска-
жуть на первый день Паскы: «Хрыстосъ Воскресъ!»—ска-
жы: а у мене рыба, чы що друге, е.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

109. Щобъ була удача на охоти.

На первый день празныка треба питы на кладовы-
ще зъ ружжомъ, и якъ тилькы уперше ударять у дзво-
на на утреню, треба выстрелыть. Якъ се зробишь, то
будешъ багато побывать дычины.

Записала отъ Ул. Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

М. С. Чудновская.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа.

Одрижъ видъ звона, що на звоньци, шматокъ верьовкы, укачай, розскубшы, у вискъ, и тоди сюю свичку поставъ у церкви догоры и прымичай: якъ свичка згорыть уся, то й злодѣй прыбизыть и пропажа знайдеться.

Записала отъ Васылыны Шульгиной въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

111. Злодѣеви одъ суда спосибъ.

— Знаете, у насъ такъ кажуть, шо якъ оце горыть у печи або въ груби, и высочыть вугиль, такъ його злодѣи ховають и якъ идуть на судъ, такъ изъ собою беруть. Такъ, кажуть, хочъ який злодѣй, а высочыть.

— А якъ же по вашому — це такы пособляе?

— Якъ справди попадеться, такъ лыха пособыть, — посыдыть увъ острози.

С. Жевель, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

112. Изъ старой рукописи.

Ниженапечатанное представляетъ выписки изъ старой рукописи въ четвертушку, бывшей въ полотняномъ синемъ переплеѣ. Осталась въ цѣлости только верхняя доска переплета, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить, не утраченъ-ли конецъ книжки; въ срединѣ же нѣкоторые листки цѣликомъ или частью вырѣзаны. Записи (малорусскія, отчасти церковно-славянскія и польскія) сдѣланы различными почерками. Главная часть рукописи озаглавлена: «Инструкци албо тежъ Способи Довшелякихъ писарскихъ Потребъ Информаци Доклади: всей книжци обрѣтаются Розмаитие». Внизу на лист-

кахъ этой части приписка: «Сия книга глаголемая Листовня Священого Иерея Даниела Родомъ слободки; Богушковой; Заха риевича Попрозвиску Гирмана; и Братовъ его Демяна И мойсея; А сия списася вся вмяртводѣ наперевозѣ; взѣмовнику; Богомяртвоводскомъ; Року .д; ѱ; к.. (1720) мѣсяца Декамъврия;..... рукою его». Это ничто иное, какъ собраніе различныхъ шаблонныхъ формъ (до 40), по которымъ въ то время писались официальные бумаги. Оригиналъ, съ котораго списывалъ іерей Даниилъ Захаріевичъ Гирманъ, былъ, однако, старѣе 1720 года, такъ какъ въ первомъ номерѣ образцевъ («Листъ Подорожній Который якимъ Способомъ пишеться») стоитъ фраза: «Подреементомъ Ясне Велможнаго Его Милости, Пана Івана Іллѣча с(к)оропадскаго, обохъ сторонъ днепра; *ново избраннаго* Гетмана». Къ этой основной тетради кто-то прибавилъ меньшія тетрадки, даже отдѣльные листки, писанные иными лицами, и переплелъ все въ одинъ переплетъ. Въ добавочныхъ частяхъ заключаются, кромѣ всякихъ пробъ пера и чернилы, такіе-же образчики, какъ и въ основной части, «лекции зписма святого», нѣсколько польскихъ стихотвореній и образцевъ писемъ, различныя замѣтки (записи дней рожденія и смерти дѣтей, отрывки, повидимому, черновиковъ проповѣдей и пр.), нѣсколько стихотворныхъ «Нарождество Христова орацѣй», «на воскресеніе Христова повѣншование», «суплѣка навеселье» и затѣмъ то, что напечатано ниже.

Печатаемое находится въ рукописи не вмѣстѣ, но записано въ разныхъ мѣстахъ, прерывается иными записями. Мы печатаемъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно стоитъ въ рукописи, опуская «орацѣи» и всякія замѣтки, относящія къ инымъ предметамъ,

Вслѣдствіе ограниченности средствъ типографіи нельзя было не только сохранить церковно-славянской азбуки, но пришлось раскрыть и титла. За этимъ исклю-

ченіемъ мы старались точно передать всѣ подробности рукописи. Если случалось иногда вставить пропущенную переписчикомъ букву, то каждая такая буква стоитъ у насъ въ скобкахъ.

Рукопись сообщилъ намъ И. М. Руденко.

**Сие Сказаніе Опчелахъ Любото отсвятаго зосима чоия
не знаю;**

Сказаніе И наука; Насвятї вечеръ Рождественскїй. Потреба достати Риби щуки Изробити ей отрѣзати голову албо иноу Риби аби зикроу толко щобъ била живая вибери знеи икру исховай исушивши Іякъ будешъ пчели годовати, Розотри тую икру измѣшай змедомъ ичебрецемъ, изборсуковимъ саломъ, и мало потрусить Ледовою солъю, и тое даучимъ мовитъ, Якъ риба тая по водѣ гуляетъ, албо вморѣ или врѣкахъ, плодна иродна, и весела, божимъ повеленіемъ исвятаго Зосима аминь; такъ би мой пчели весели били. Сврида и врида; замолитвами Святаго Зосима;

Насвятї богоявленскїй вечеръ якъ святитимуть воду возми жъ тоей води наперед, и мовитъ такъ, якъ до тоей води т(о)вплятєся люде з(о)хотоу веселячись, та(къ) би мой пчели радовались и веселились испасѣки у поле по роботу идучи, а исполя допасѣки, абимоцни й здорови, Забожиею помощію, и замолитвами Святаго Зосима; потреба мовити я(къ) безтоей води Люде не могутъ обйтися такби мой пчели от моей пасѣки немогли нѣгде отйти, толко абися множили Ройли и плодили, Замол(и)твами пречисто богородици исвятаго отца Зосима, И тую воду отроку дороку упасѣцѣ своєї держати; а на каждый урочитїй празникъ тоєю водою окропляти;

А коли будешъ випускати пчели, насвятаго Алексѣя Человѣка божия то посеред пасѣки викопай дернину малую и обнеси пасѣку тоєю дерниною трижди; Затре-

тимъ же разомъ притикай тую дернину до каждой улѣи и мовь такъ, якъ тая земля не можетъся рушитъ Истого мѣста и мисли тоей немаєъ; такъ би от мое пасѣки нѣгде розно немислили ити рой и парой от мене Господаря своего през божие повеление и молитва ми святаго Зосима, И положи тотъ дернокъ его викопавъ и приби приколнемъ найденимъ тимъ що конь припинають—А когда будешъ выпускати то пускай скрозъ щучую Голову; и мовитъ такъ якъ тая Роба вморѣ гуляеть буяеть Родна и плодна и весела, такъ би мой пчели Гуляли буяли и били весели,—плодни и родни, якъ шуки Роби вшелякая Роба боитъся, и лякаеться такъ би и отъ мойхъ пчоль, чужие пчоли лякали и моцне втѣкали, молитва ми Святаго Зосима;

А коли будешъ выпускати то возми огню на вушо положи ладану цвѣту житнаго; акъ упершое побачишь та нарвешъ тотудажъ изладаномъ искин и рибячую икру тую що на святи вечеръ заховашъ и покади каждый улѣи, И мовь Господи Боже приди мнѣ на помощь, и вси святи помогите мнѣ тактеж молитва ми святаго Зосима; а васъ пчели выпускаю на вшелякй цвѣтъ от бога даннй, идѣте божимъ повелениемъ начотири штуки; свѣта се-го; аби есте Гуляли Зродостию молитвамъ святаго Зосима Амин: Аще Хладно будетъ насвятаго Алексея виставляти пчоль то влѣзши впогребъ поворушити мало, каж каждый улѣи и мовити божиею Помощию святаго зосима нуте пчели Роботу зачинайте бо уже часъ вамъ пришоль, зачинати дѣло богу на офѣру и мнѣ на пожитокъ;

На Благовѣщение когда дадутъ Просфору всенощную то принести до пасѣки тактеж и оливи естественния, И мазати улѣи **) Господи Боже когда благовѣствовал Архангель дѣвѣ зачатие, и зачатъ предвѣчное слово

*) Т. е. ройи и парой. Рукопись не различает **И** отъ **ИИ** и въ обоихъ случаяхъ ставитъ надъ **И** одинъ и тотъ-же значекъ:

**) Т. е.—улѣи.

такъ благослови и моймъ пчеламъ зачати дѣло робити, начастй рой (*) на густй меди; от влаги земной и от роси небесной и от всѣхъ зель цвѣтущихъ; и держи гую проскуру у пасѣцѣ, и на великден освяти медъ, и коли будешъ Загодововати то давай тотъ медъ для врокувь I для зносу;

На воскресение что возмешъ дари, и артуса то тое сушити и ростерши пчеламъ давати; и мовити я(къ) тиснулися люде до дари и артоса так би тиснулися до моей пасѣки пчели и рой; божиею помощию и молитвами Святаго Зосима; Аминъ;

Когда по бачишь перше цвѣтъ нажитѣ то на брати вплатъ, и держати; Когда купишь у кого Пчели то нахилившись Заглянь внихъ и возми трема персти Землѣ и кинь наних навхрестъ, я не з(е)млю то беру. но беру себѣ спчела ми Рой и парой (**), до своей пасѣки; божиею Помощию И молитва ми Святаго Зосима Заего Святыми Молитва ми Спаси нас Аминъ Конецъ.

Аще ехидна кого угризеть: и хто тебѣ искажетъ тоистого мѣсяца нейди; и непоступи; кажи води принести; и сие трижди измовъ; дай напитись и рану омити;

На полѣ на потоцѣ стойтъ дубъ крѣсловатй, А(на) томъ думѣ гнѣздо золотое крѣсло; аутумъ Гнѣздѣ сидитъ гадина царица черница; и приходила до ней лютая половая Гадина; и прохала ей; Гадино царице чернице ходи до меце вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона ей не послухала и не пошла и я Рабъ Божй; имя рекъ: пришовъ до ней и ставъ ей прохати Гадино царице Чернице Ходи до ме(не) вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона мене послухала и пошла; и тая Гадина Котора шкodu учинила; Рабу; или статьячнѣ ткой масти] то нехай бѣжить доакян моря Где Собѣ право Знаидеть, тамъ ей хвустъ понерестѣю отпадеть;

(*) Т. е. на частыйи ройи—см. примѣчаніе выше.

(**) Т. е.: ройи и паройи.

А сей Рабъ Божй Где води напеться та(мъ) ему и минеться (другими чернилами:) скоропаха; путиха домаха;

Аще перелогы Ко(н)я нападуть; то трижды мовь такъ;

Ишовъ Господъ Богъ моремъ золотимъ мостомъ
Стрѣвь потокъ; мару покусу Згинь маро покусо; ставъ
Господъ Богъ судй судити; Господу Богу нагавицѣ
судьямъ Рукавицѣ; а чорту перелогы; через божое Рос-
казане возми ти чорте свой перелогы отрижой; отъбѣ-
лой кости и пуди намхи на болота Где и голос христи-
янскй незаходитъ; И потягти трижды зачолку; и за-
фостъ; и по боках ницѣ рукою ударити; трижды по-
трижды:

Кровь человекви замовляти;

Е вморѣ шука та врѣжу пупа та кровь не пуйде]
—Цмокни трижды пучки стуливши: Палцей трехъ догори
своей руки;

Черви вишѣптовати; учеловѣка;

Ишовъ святй Адамъ несъ четверть мяса А втой чвер-
ти тридевятъ червяковъ; неединъ; недва; нетри нечтири;
непять; нешѣсть; несѣмъ; неосмъ; недевятъ; трижды такъ
мовь Заеднимъ духомъ;

Кровь опять; замовляти и такъ;

Ехавъ Святй Юрей истрема хортами Кривѣ замов-
ляти, а тй *) хорти кривѣ хлептати; кон ставъ и онъ
ставъ, хорти стали и кровь стала; И се трижды Заед-
нимъ духомъ;

Аще норичя у коня Ежели есть Тжаби сѣкти тие
що у погребѣ и класти до тих ран и еше зѣлемъ

*) Т. е.: тыйи.

му и въ
домашн
засипати, тимъ що нашталятъ бедринцю; или мура-
вею Парити И тие рани промивати;

Лѣкарство статчинѣ;

мосток
; стѣ
нагави
ое Рѣ
отбѣ
христе
; и з
ли по
Ящерицѣ палити и ока засипати; аще естъ бѣльмо;
то гадячее Линовище терти; та засипати.

Зѣлье Старовина аще дитя накричитъ луно то тое
класти, варивши И окладати;

Аще кого утроба животъ возьметъ то потреба Горѣлки
Ладану Галуну, И тое у невеликій Горщикъ И вхлѣбъ.
Замазати та уже Пити натъще

Аще у кого волосъ естъ то потреба шукати по-
долинкахъ зѣлье естъ, коло краю зубчики, а оно на-
шталятъ буквицѣ толко трохи круглѣшее; *)

Аще гостецъ уротѣ псуеть; то потреба Сапарину
напродѣ утерти, А потомъ мишаку; Селемоняку; Мар-
кури; бѣлила того що жонки малюються; А иктимъ
теди речамъ естъ Зѣлья и тое Зѣлье противку тихъ
усе удвое потреба давати; испатокою измѣшавши; и
паутини потреба умѣшовати; и шванокъ тотъ шмаро-
вати; Опять ялового Репяха; и потреба варити противъ
каждой суботи; идосходѣ слонца напиватися и голову
банити: а у борщъ варити;

Бѣльмо у коня albo у вола:

То знайшедши пчоль Спалити и тимъ засипати;
Аще непородитъ яка невѣста оттрочати то треба ко-
колю, и курит, albo мови тие слова.... **)

Отфрибрибри, виписовать на просфурѣ, небеснихъ
войнствъ, albo тропар аверкию, и кондакъ albo соборъ.

*) Затѣмъ слѣдуетъ маленькій рисунокъ двухъ листиковъ съ
«зубчиками».

**) Нѣсколько словъ выцѣло и неразобрано.

святи аггелъ; и тою просфору подкраи подложити подъ
антимисъ, наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Камень синій Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ,
полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, щавей великій, Борщъ уваривши на одномъ
мѣсцу держати, и тое подъ трема топливами варити,
и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами,
варити, аще гостецъ уротѣ плуеть; *)

аще есть рана ножная,

Петровъ батогъ корѣня, товкти, любо исметаню,
любо масть робити

Гостецъ аще ломить кость

Вербу тую которую вѣтеръ albo громъ вивалить
то того Голъя нарѣз(а)ти и варити моцне; мѣсяця под-
повня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водѣ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди начетверѣ и до-
сходѣ слонца исти, также мѣсяця подповня и насходѣ;
Конямъ вудкашлю давати коренъ отмановъ увоброцѣ;
Свершокъ у ухо когда улѣзеть то чорнаго кота

*) Слѣдуетъ *исуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ
гостця упомянутое выше («Сапарину» etc).

подъ давити щобъ умочився и тое пересолити и взяавши *) сипати у вухо и то наскоромъ часѣ;

Аще увого францѣ;

Потреба меркури перше у подлой горѣвцѣ; и то по малой части терти а потомъ удоброй поболше удуху великомъ; мазатис; а пити так треба якъ поболше макового зерна утрое: яр палити; и минѣю не палячи галун палити: и тое укупу усипавши пити угорѣлцѣ

аще жона не погодуе дитяти, то воробинаго проса треба и тое пити..... той хлѣбъ що..... **)

Аще укого Зуби болятъ; То ивину Рубати; и ивернѣ тие варити, и тоєю юшкою парити зуби; албо на сѣнѣя блекоти увоскъ мѣшати; и свѣчку исукать скрозъ цѣвку смоктати

Отрушницѣ отмовляти;

на чорномъ морѣ Стоить чорнй паколъ, а начорномъ паколѣ сидитъ чорнй ворон, носомъ откловуе крилами отбивае; а ногами отгрѣбае, хвостомъ откивуе, вроки врочища очи очища; очи сѣрие: очи бѣлие очи карие; очи чорние, и ненавистние, Слѣпие, отмоей слоти; вроки, челоуѣчие, жоночие, удовиние, парубочие, дѣвочие; хлопячие, дивчачие; отмоей слоти;

*) Слѣдуетъ: *взявши*.

**) Не разобрано, такъ какъ вышѣли чернила.

IV.

О сверхъестественных существах.

КТО, В
И НАР
— Ну
А
— Ш
СЛОВА
СЛОВА

113. Чорта не страшно.

— Одарко, чого вы дужче бойтєся: чорта, чы русалкы?

— Чого жъ його чорта боятєся? Одъ чорта перекрєстєвєся, то винъ ничого й не зробитъ, а русалка якъ попаде, то й до смерти залоскоче. Я чорта зогласна зустрітє, а русалку ни.

— А кого страшнїше зустрітє: чорта, чы видьму?

— Хто його зна: одъ чорта хрєстъ е, а видьма якъ сядє на плєчи, то возытємєшъ, покы схоче.

С. Жеведь, Черниг. у. Отъ дивчины. Б. Д. Гринченко. 1900.

114. Чортъ конємъ.

Устя та Олена пошлы ловыть бродныкомъ рыбу. Дывлєтєся—ажъ коло ричкы стойитъ высокый, сирый кинь. Олена була баба смїла,—пидїйшла до коня, та рукою його по крыжахъ: рука йїи такъ и угрузла. Догадалась тоди Олена, що се за кинь, та давай гукать на Устю, щобъ скорїшъ утїкать, а то винъ, каже, насъ потопыть у рици. Кынулысь вони утїкать, а вода якъ

загуде, наче гримъ. Одбиглы воны геть одъ воды, Олена и каже:

— Ну, теперь не боюсь—не утопышь.

А кинь обизвався:

— Щаслыви, шо втѣклы, а то бѣ знали якъ мене по крыжахъ быть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Р. Поляницы, М. С.
Чудновская.

115. Чортъ панычемъ на пасици.

Ночувавъ я одного разу у пасици. Ничъ була темна. Зибралась гроза. Гримъ потроху починавъ гуркотить, блискавка де-не-где мыгала. А потимъ якъ блысне, такъ и освитыла вкруга, хочъ голкы збирай. Дывлюсь,—коло мене панычъ, якъ есть справжній панычъ: и зъ золотымы кгудзыкамы, и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Шо воно за таке, думаю, видкиля винъ узаявся? Тутъ уже и дощъ ставъ накрапать.

— Бувайте, кажу, здорови, суньтесь пидъ свитку.

Тилькы шо я сее промовывъ, зновъ якъ блысне! Теперь я уже зовсимъ розглядивъ паныча, шо сыдивъ. Била мене: винъ бувъ дуже худый и дуже чорный, такий чорный, якъ земля. На йому бувъ сиренькый каптанецъ зъ золотымы кгудзыкамы и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Не вспивъ панычъ до мене посунуться, якъ загуркотыть гримъ, я перехрестывся и дывлюсь туды, де сыдивъ панычъ, а його и слидъ простывъ. Сказано сатана, бойиться хреста.

Записала отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С.
Чудновская.

116. Нечыстый на кони.

Прыйшлося мени разъ побачыць, якъ нечыстый йихавъ на кони. Бувъ я на ночлизи. Дывлюсь, ажъ йиде на высокымъ сиримъ кони; кинь такый ажъ бильй, та такъ и зихотыць, наче увесь у огни. Проскакавъ винъ мьмо насъ, а тоди зъ кручи у Десну.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С. Чудновская.

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ).

Прыйхалы мы пизно на ночлигъ, посидалы у круга и сыдымо, колы звеныць. Дывымось, ажъ йидуть два на тыхъ машынкахъ, що на двоухъ колесцахъ. Держаться руками за правыла, коло рукъ телипаються били шыроки рукава, и десь звоночки бряжчатъ. Не знаю и що воно таке було, выдно манея яка, або нечыста сыла, та йиде жъ такъ скоро, тилькы зъ мордъ у йихъ искры сыплються. Пройихалы вони кризь насъ по трави, а тоди такъ прямо зъ кручи у Десну—и пошлы по води. Се я свойимы очыма бачывъ и такъ налякався, що Господы! Хоча се мени и не вперше приходыться бачыць.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго, М. С. Чудновская.

118. Нечыста сыла голосыць.

Чоловикъ зъ сорокъ хлопцивъ було насъ на ночлизи. Тилькы що мы розложилы огонь и посилы укру-

та дожидать вечери, щось якъ спугне нашихъ коней, кони видъ насъ—куды видно. Бигалы, бигалы, а потимъ и прыбиглы до насъ табуномъ, мовъ йихъ хто видтиль гнавъ. Прыгнало коней, а тоди щось якъ заголосыть; голосыть и прыказуе:

— На шо жъ мене маты породыла?

А потимъ давай стукать объ пень, наче молоткомъ. Такой насъ ошанувъ страхъ, шо не знаю, якъ мы посадалы на коней и втекли зъ того мѣста. Се мы попали въ недобре мѣсто, де гуляе нечыста сыла.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы. М. С.
Чудновская.

119. Нечыстый просыть перевозу.

Ловылы разъ уночи наши бабы рыбу, тягнуть бредня, ажъ на тимъ боци хтось крыкнувъ, просыть перевозу. Глянулы воны—стойить щось високе: мовъ чоловікъ у чоботяхъ зъ довгымы халявами.

— А куды вамъ,—спыталы бабы,—и хто вы?

— Я,—каже,—пепа и треба мени до П—ча.

Якъ почулы бабы, шо йому до П—ча, то булы чысто повмирала на мисти. Кажуть же, шо до сього чоловіка змій носыть гроши, и наша баба бачыла, якъ надъ його хатою пролетило щось блыскуче. Кынулы воны и бродныкъ, и рыбу та задыхавшысь попрыбигалы додому.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Ивана Ревки М. С.
Чудновская.

120. Нечыста сыла, несе гроши.

I.

Передъ смеркомъ мы гналы додому коней. Йихало насъ чымало хлопивъ, и уси мы бачылы, шо передъ нами пролетило красне довге полотно, а искры далеко видъ його такъ и сыплються. Хлопци, котріе бачылы сее, казалы, шо се нечыста сыла до когось несе гроши.

Записала въ Выбляхъ, Черн. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

II.

Жывъ у с. Муравейци бидный чоловикъ, а потимъ той чоловикъ усе багатіе, та й багатіе. Ну, звисно, людямъ и цікаво—видкиля у бидного чоловика берутся гроши? И сталы прымичать, шо уночи и летыть шось до бидного у двирь—чысто якъ индыкъ, тилькы безъ головы, та дуже блыскуче, з-за пирья усе наче искры сыплються. А разъ такъ люде пидслухалы, якъ той индыкъ прылетивъ и пытае у того чоловика Петра:

— А шо, багато вже я тоби наносывъ?

А той и каже:

— Та вже чымало, та ще бъ треба мени хоча зъ тысячу.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца. М. С. Чудновская. См. №№ 2—7 этой книги.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ.

Бувъ я на ночлизи недалеко коло пасикы и ночувавъ зъ дидомъ пасишныкомъ коло будкы. Тилькы шо я ставъ засыпать, колы шось стогне пидъ будкою и каже:

— Я одно, та васъ подавлю.

А потимъ стало ворочать будку.

— Що се,—пытаю у дида,—а морозъ такъ у мене и ходыть по шкури.

Мовчыть дидъ, тилькы чытае молитвы, а воно такъ гуде, такъ гуде, шо ажъ деревья стогнуть. Погуло такъ трохы и не стало. Що тоди мы зъ дидомъ полякалысь!

Записала въ Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцаго. М. С.
Чудновская.

122. Чортъ коней ганяе на ночлигахъ.

Тамъ *) увечери не можна довго побуть,—дуже сумно покажется, и холодъ пиде по всьому тили,—звисно вже нечыста сыла тамъ е. Разъ ночовалы тамъ ночлижныкы, коней узялы та й позагоньлы у Городокъ, а самы полягалы на валу, тамъ, де мовъ ворота зроблени. Отъ уночи якъ посхоплюються кони, якъ почнуть гасать по Городку, мовъ йихъ шо ганяе, ажъ земля стугоньтъ, да ледви къ свиту вже пересталы; дакъ тоди вже годи тамъ коней пасты,—нехай йому всячына.

С. Голенка, Конотоцк. у., Черниг. губ. М. Исаенко.

123. Нечыста сыла возыла.

У пятныцю проты Велькойи суботы, пишовъ я зъ ружжемъ на поле, бачу йиде карета шестерыкомъ. Дойихалы, зупынылыся.

*) Рѣчь идеть о крѣпости въ с. Голенкѣ, Конотоцк. у. Черниг. губ., называемой *Городокъ* и оставшейся отъ шведовъ.

— Якъ намъ,—пытають паны,—дойихать до парому?

Я росказавъ, що першъ держитъ прямо, ажъ поки буде дви дороги, тоди повернете управо, а тоди зновъ прямо, а тамъ буде уливо.

— Нѣ,—кажуть,—такъ не найдемо, сидай та проведы насъ, мы тоби заплотымъ.

Сивъ я коло кучера и пойихалы. Дойизжаемъ до порому, я злизъ, а воны зйихалы на поромъ; гроши оддалы и подякувалы. Ставъ я коло Десны на кручи и закурывъ люльку, и якъ закурывъ, то неначе у мене очи одкрылысь: дывлюсь—я не коло Десны, а у якимсь незнакомимъ сели, сежу пидъ хатою. Роспытуюсь, колы я бильшъ якъ за трыдцять верстъ одъ Выбель у Холявыни сежу пидъ шынкомъ, Такъ отъ якъ завезла мене нечыста сыла, та й не розплатылась за се якъ слидъ: лапнувъ я за кышеню, ажъ у мене не гроши, а черепгья. Насылу вже я на первый день празныка дйшовъ додому.

Записала отъ дида Колиньки, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ.

Умерла одна моя родычка. Кажуть, що вона зналася зъ нечыстымъ, отъ теперъ нечыстый и ходыть пужать ййи дитей. Звисно, душа ййи не може прыйтн, бо якъ ховають, то душу заклынають, а бисъ може.

Отъ, якъ умерла вона, то й стало уночи чуть, що наче хтось ходыть по хати у постоляхъ и помалу стукотыть, або пыщыть. А то одну ничъ старшого сына не було дома, невестка и диверь полягалы спать. Не вспилы ще воны заснуть, якъ на покути щось запыщыть,

а потимъ затупотыть, та й давай изъ комена кыдать на
йихъ почынкы, а вони поляглы на печи.

— Якый се чортъ тутъ кыдається?—крыкнула невестка.

Тоди воно ще бильшъ затупотило и лынуло на
йихъ сыроваткы: молодыцы такъ чысто и залыло очи, а
хлопцю попало на рукавъ. Палылы вони свитло, дывы-
лысь усюды—и нема ничего, а якъ тилькы потушать, такъ
зновъ и почынае: и свыстыть, и стукотыть, и замкомъ
брязкае. Посвятылы оце вони хату, не знаю, чы буде
й ще нечыста сыла до йихъ прыходыть, чы ни.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С.
Чудновская.

125. Чортъ до молодойци ходыть ййи чоловикомъ.

Одна молодыця йшла полемъ и знайшла клубокъ
усякыхъ стьожокъ и зъ тые noci ставъ до нейи ходыть
нечыстый, зробывшысь чоловикомъ. Першъ вона думала,
що се ййи чоловикъ прыйизжае зъ ночлигу, а потимъ
роспыталысь,—ни, не винъ. Знахарка и нараяла ййи систы
у опивночь, колы винъ саме прыходывъ, на пороzi, че-
сать голову и йисты конопляне симъе, а якъ спытае, що
вона йистъ, то щобъ сказала, що тее, що вычисуе зъ голо-
вы. Вона такъ и зробыла. Отъ у опивночь щось загуло,
зашумило, и уходыть у сины чорный, якъ земля, чо-
ловикъ.

— А що ты, каже, йисы?

— Казюку,—каже молодыця.

Винъ тоди якъ росердыться, та якъ почне плю-
вать, такъ чысто ййи усю и обплювавъ, а самъ зъ хаты
и загувъ... зъ того часу уже бильшъ и не прыходывъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Хведоры Непомнящей
М. С. Чудновская.

126. Чортъ однявъ дытynu.

Пошла разъ жинка у плавлю ламать калыну, за ею увезалась и дивчынка ййи, годковъ трохъ. Бачыть жинка, шо пидходятъ до ейи таки красыви панычи; тилькы прыдивылась баба, а у йихъ рижкы и хвостыкы. Господы, думаетъ баба, се жъ нечыста сыла, а не панычи, а утекатъ никуды. Вырвалы воны у жинкы сылоу дытynu, а ййи дали у руки деркачъ и головешку.

Пройшло зъ того часу багато рокивъ, а про дивчынку нема й чуткы. За селомъ стояла пуста хата, шо ночи стало у тйи хати свитытсья. Хочеться людямъ побачыты, шо робытсья у хати, та тилько уси боятсья туды пидйты.

— А шо,—каже сынъ тейи бабы, шо ходыла по калыну,—купыте пивкварты—пиду побачу, шо у хати.

Люде помилысь купыть йому пивкварты, и винъ пишовъ. Глянувъ хлопецъ у викно и ажъ морозъ пишовъ по за шкуроу: у хати сыдила дивка и пряла; винъ угадавъ свою сестру, шо забрала нечыста сыла. Якъ бы, думаетъ хлопецъ, мени ййи вызволыть видъ чортей? Уходыть у хату, поздрастувавсь, та не довго думаячы:

— Я хочу, дивчыно, узять тебе за себе.

— Добре,—каже дивка,—та треба позвать попа, та посвятыть сюю хату.

Побигъ братъ, прывивъ попа, и якъ посвятылы, то де воно усе и дилось: першъ загуло, а потимъ и провалылось скрызъ землю. Стоять попъ зъ парубкомъ, та тилькы дывуютсья, шо творыть нечыстый.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

127. Парубокъ гравъ чортамъ.

— Кажуть, шо нема чортуовъ, а вони такы есть.

— Ну, де жъ вони есть?

— Та и въ нашуомъ селіѣ. Отъ у однойи жуонкы сннъ на скрипку гравъ. Ну, прыйшовъ разъ пъяный да й каже матціѣ:

— Я пойду грать.

— Та куды жъ ты пойдешъ?

— Онъ до тыхъ двоохъ парубкуовъ, — вони мене кльчуть.

Ну, поышовъ да й гравъ усю нуочъ, а парубкы й діѣвки скачуть. А вранціѣ глянувъ, ажъ уже никого нема, а вуонъ сыдыть у болоти на купныку. Ну, кому жъ то вуонъ гравъ? Звіѣсно, чортамъ, бо вони ходють по свіѣту парубкамы, а чортыци діѣвкамы.

С. Жеведь, Черниговск. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

128. Чортъ платыть за танци.

Икразъ проты первого дня Паскы пишовъ одынъ чоловикъ на лугъ. Иде соби. Доходыть до болота, ажъ мижъ купама стойить скрыня зъ грошыма, а коло скрыни нечыстый и грае у скрипку. Чоловикъ бувъ не боязькый, ставъ та й дывыться. Гравъ, гравъ нечыстый, та й каже:

— Скачы, я тоби дамъ грошей.

И давай чоловикъ скакаты. Скакавъ, ажъ покы звальвсь на мисти. Давъ тоди бисъ чоловику грошей, и винъ розбагативъ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Чечни. М. С. Чудновская.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловіка.

На Юрѣя пишовъ я поглядить жыта. Було ще рано, и до церкви не дзвонили. Иду я та иду, колы здоганя мене знакомый чернецъ. Поздрастувались, идемо удвохъ, балакаемъ.

— Сядьмо,—каже,—оддышымо.

Посидали. Выйнявъ винъ изъ кышени пляшку горилки, чарку и бублыкивъ:

Що,—каже,—мо выпьемъ?

— Та воно бѣ,—кажу,—чому не выпить, та ще рано: спасьби, не хочу.

А винъ, проклятый, держить чарку передъ очыма, та такъ пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани скусыть чоловіка?—скусывъ и мене гришного. Узявъ я видъ його чарку, положывъ коло себе бублыка и ставъ хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чарки у руци ломачка, а вмисто бублыка таке, що и казать не хочу. Самъ же чернецъ якъ кризь землю провалывся.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Мих. Новика. М. С.
Чудновская. 1898.

130. Чортыци частують чоловіка.

Иде разъ чоловікъ и бачыть, що знайоми бабы сыдятъ и любенько соби выпивають и закусюють. Чого вони, думае, тутъ зибралысь угощаться? А вони и його гукають:

— Иды,—кажутъ,—Мытрохване, зъ нами выпьешъ.

Винъ пидійшовъ. Налылы вони йому чарку, пидносять. Узявъ чоловікъ чарку и перехрестывсь. Перехрестывсь—колы уже ничего й нема.

Записала въ д. Гусавкѣ, Черниг. у. отъ бабы Мавры М. С.
Чудновская. 1898.

131. Чортъ та русалкы частують чоловика.

Вранци у недилю пишовъ одинъ чоловикъ погледить жыта. Иде соби помалу, ажъ доганяе його якыйсь чоловикъ у червоныхъ чоботяхъ, а самъ такой страшкый: чорный, та ще зъ краснымы очыма. Ставъ той страшкый чоловикъ чогось пытать, и пишлы поручъ. Увійшлы у жыта, и бачыть хазяйинъ, що у жыти стоить стилъ, за столомъ сыдять жинкы у билыхъ сорочкахъ зъ покудовченымы косамы, и одна держыть на рукахъ дытыну; а на столи наставлено усякойи стравы и горилкы. Дывується чоловикъ, чого сей стилъ тутъ у жыти, а той страшкый, выдно самъ чортъ, и каже:

— Мо выпьемъ?

— Ще,—каже чоловикъ,—трохы рано, ще не звонылы. А той такы наливае и пидносить.

Ну, сказано, горилка, якъ одказаться? Узявъ чарку у руки и ставъ хрестыться. Перехрестывся, та тилькы тоди уже ничого було пыты, бо вмисто чаркы у руци стала кистка, вмисто пляшкы рогожа, а тамъ, де стоявъ стилъ изъ стравую, лежала тилькы куча земли; нечыстый и русалкы де й дилысь. Перехрестывсь тоди чоловикъ ще разъ, та скорышъ додому, годи уже и жыта гледить.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

132. Позычае въ чорта гроши.

Жывъ соби чоловикъ; и працьовытый бувъ, та ниякъ не роскомашыться у хазяйстви: що загорюе, то не 'дна вже дирка й готова;—одно слово сказать—семејство зъ голоду пропадало. Мучывся винъ, мучывся, дали й подумавъ: «пиду до чорта грошей добувать».

А колысь давно дакъ чортивъ багато водылося: де болото таке, шо купыны заввышки съ чоловіка, то вже знайдешъ його; бувало й коло гребли, де гуркотъ чы прирва, його здыбаешъ, або въ лузи темному такому, шо тилько зозуля куде та соловейко вытьохкуе, и тамъ инди зуспышъ. Дакъ ото знявся той чоловікъ та й подався на Роменський шляхъ. Ажъ ось назустрічъ йому козакъ.

— Здоровъ!

— Здоровъ!

— Куды це такъ выпроставсь?

— Та пиду до чорта, чы не роздобуду грошей.

— Якъ же це ты такъ? Чортамъ же душу треба видаваты.

— Та колы треба, то й виддамъ, абы жинка не сохла, та диты не кавчалы зъ голоду.

— Ну, то я жъ саме той, кого тобі треба. Ходимъ!

Пидійшли до вербы. Чортъ полизъ на вербу, спустывсь у дупло и вынисъ виды торбу грошей.

— На!—каже—та рожжывайся; а въ годъ щобъ прывставывъ.

— Якъ же я тебе найду?

— Пидійдешъ до вербы та вдарышъ трейчы къемъ та й гукнешъ: «магай бувъ». Отъ я й выскочу.

Подякувавъ чоловікъ, пишовъ додому. И якъ ставъ орудувать тымы грошыма, де те й багатство узялось: чы бджолы купыть—у руку йде, чы скотыну—тожъ по двору пиде; за годъ розвивъ таке господарство, шо й не снылось йому. И гроши зибравъ, щобъ чортови видаты. Прийшовъ на те мисце, ударывъ у вербу, гукнувъ: «магай бувъ!»—Выскочывъ, та не той.

— Чого тобі?

— Та торикъ я тутъ гроши бравъ, дакъ прынись.

— А, дакъ це у такого то. Погуляй же трохи, винъ побигъ саме у Батурынъ ковши одбирать.

— Дакъ колы я його диждусь! — ажъ крыкнувъ чоловікъ.

— Та винъ заразъ буде.

Колы справди бижить, засапався, ажъ языкъ вывалывъ.

— А той же де? — пытае чортъ, — ось чоловікъ його жде.

— Де! пропавъ: вовкы на дорози розирвалы, а я ледви втикъ.

Порадылысь тоди чорты та до чоловіка:

— Ну, що жъ, — кажуть, — не мы ци гроши наживалы, не намъ ихъ и брать; а хазяйина, чуешъ, нема грошамъ, — несы назадъ да поживай самъ — знать, тоби воны судылысь.

С. Рожновка Борзенск. у. В. Т. Андріевскій отъ козака Павла Бондаря. 1898.

133. Чортъ у неволи въ глечыку.

Тяглы бредень по озеру якъ разъ у Петрівку чоловікъ та жинка.

— Чоловиче, — каже жинка, — чого воно такъ важко цупытсья? Бачышъ — поплавки потонулы: мабуть мы щось важке піймалы.

— Та ничего — вытягнемъ хоть чортяку зъ рогамы, то диты ззидять, абы не каменяка яка.

Вытяглы, колы глечыкъ завъязаный шкураткомъ, а рыба хочъ бы тоби однисинька на смихъ.

— Що воно таке? може червинци?

Заглянулы усередыну глечыка, ажъ тамъ плиточка хлюпощеться и грае.

— Эчь, яка манесенька, — каже жинка. — Злый, чоловіче, воду на берегъ!

Колы перехылылы глечыкъ, вода хлюсь на кгрунтъ,

шльопнулась плиточка обь землю и перекинулась бра-
вымъ молодцемъ зъ рижками да кае, вклонывшысь:

— Спасыби тоби, чоловиче, що ты мене вырятовавъ.

Жинка злякалась и не знае, чы лыце йй закры-
ваты руками, чы шо друге.

— Ого! Вырятовавъ?.. Що ты таке?—пыта чоловикъ.

— Хыба тоби повалазыло? Чортъ—вже жъ не шо!

— Овва! брешешъ, бисивъ сыну! Не пійму тоби ви-
ры. Якымъ же побытомъ забрався ты у глечыкъ?

— А отъ якимъ... Тутъ така повшехна чудасія була,
шо ты не чувъ за дида й придида. Литъ трыдцять на-
задъ спокутувся тутъ бия озера у печеряхъ пустель-
ныкъ, и вже винъ такой бувъ святой чоловикъ, шо ци-
ле наше пекло ничего йому не врадыло, щобъ загубы-
ты його душу. Уже мы зъ нимъ возылысь, возылысь, наче ти
собаки зъ воловою кисткою, повною мозку: и не пере-
кусятъ, и языкомъ мозку не достануть, а тилькы морду-
ються. Такъ мы зъ нимъ мордувались, ажъ обрыдло
усимъ. Полынуло наше товариство: инши зъ попамы за-
лягли у перынци, други у судейськи кышени повлазылы
та робылы тамъ диркы, щобъ тымъ кышенямъ никола
и дна не було... Де яки повіялысь у Мѣсковщину... Ос-
тавылы мене, хытрійшого, спокушати пустельныка.

И вже чого я не чынивъ, якои праці не прыкла-
давъ—усе ничего! И курипкою прыбигавъ до нигъ його,
щобъ винъ піймавъ мене да ззивъ. Що жъ винъ? Визьме
мене у руку полоскоче-полоскоче да й скаже: «Пырхъ!»—
махнувшы чотками... Плескався я и голою дивчыною пры-
повнимъ мисяци на озеры, роспынаючы ручки и нижкы
и, повертаючысь до його и выдомъ, и бокомъ, и спы-
ною, брызкавъ на його водою. Що жъ ты думаешъ, у
його жыжкы трусылысь? Э, ни!... Винъ заплющытъся да
белькоче якисъ страшенни молитвы, а дали тебе и хрес-
томъ попоштуе. Звисно, заразъ зныкнешъ. Якосъ пи-
шовъ винъ увечери у литній пистъ воды зачерпнуты. Я мер-

щій перекинувся плиткою и вльвсь въ глечыкъ зъ водою. Несе винъ мене додому. Я плещусь, радію... Миркую: зваре винъ сьогодни юшку, спокусыться, обрадує все пекло. Що жъ бы ты думавъ?—каже чортяка, чухаючы потылицю,—прынисъ винъ глечыкъ додому, хотивъ напытыся воды, колы побачывъ, що тамъ хлюпощеться рыбка, не схотивъ и до губъ тулыты тїеи воды, ще гирше,—не схотивъ и пыты съ того глечыка, де рыбка була, а взявъ, перехрестывъ трейчи глечыкъ, завязавъ якымсь гыдкымъ шкураткомъ, однисъ до берега и кынувъ у озеро... Оттаке то!—каже чортяка зитхаючы, наче той становый, що замисць мошенныка нахватывся на шановного чоловика. Трыдцять литъ сыдивъ я пидъ тымъ страшнымъ хрестомъ, вже въ пекли давно мене зъ метрыкы вычеркнулы наче по двохъ ревизіяхъ въ бигахъ состоявшему. Нудывся я гирше тыхъ, що въ кайданахъ копають золоти руды. Лякалы мене хресты бильше нижъ дивчатъ на вечерныцахъ фабрени москалы...

— Брешешъ, брешешъ! Самъ ты москаля пидвозышь!—каже чоловикъ,—якъ такы можно, щобъ такый здоровый козарлюга, якъ ты, влизъ у глечыкъ?

— Але не брешу!

— Але брешешъ!

— Ты думаешъ—не влизу?

— Не влизешъ!

— Давай навзакладъ!—каже чортъ.

— Здоровъ пывъ! Оттакъ пакъ выгадавъ! Буду я съ чортякою навзакладъ! Ото бъ здуривъ! Улизай такъ! Та ты тамъ не помистышся, не зобгаешся.

— Одначе помишусь,—каже чортъ,—дывысь!

— Зробывсь дымомъ и пишовъ у глечыкъ.

— А що,—каже, показуючы рижкы,—улизъ же!

— Ну, колы влизъ, такъ сыды тамъ, братику!—каже

чоловикъ. Взявъ, перехрестывъ глечыкъ, зяв'язавъ упъ-
ять шкураткомъ и шпоргонувъ въ озеро, якъ вже тамъ
чортъ не заприсягався и не молився.

— Хай тобі бись!—каже чоловикъ, — тымъ и рыба
не ловыться, що гаспыдськи чорты располохалы.

Записано неизвѣстно кѣмъ и гдѣ. Подпись: *Пидводный.*

Вариантъ этого разсказа помѣщенъ въ № 12 «Черниговскихъ Губерн-
скихъ Вѣдомостей» за 1857 г. стр. 98. Вотъ этотъ вариантъ, оза-
главленный тамъ: «Мужыкъ ворона—хытрый чорта»:

Ото, бачъ, лучылось одному чоловику, звисно не
кому другому, а нашому брату мужыку, узять пидсаку
да й пійты рыбы ловыть. Прыйшовъ, кажуть, винъ до
болота, зобравъ соби мисце, де, здрилось, рыба е, та й
ну совать пидсакою, щобъ уюна, чы що другее злапать.
Засунавъ разъ—нема, друге — и вдруге нема, а дали
втрейте—чуе, шось цупыть. Винъ израдывъ, вытягъ пид-
саку, гледыть—ажъ пляшка та ще й заткнута... Дай,—
каже—одоткну! И одоткнувъ... що жъ? Мужыкъ ды-
выться и самъ соби не вирыть: зъ тоейи пляшкы выско-
чыло шось, неначе чоловикъ у жупани, да таке цикаве
да фацьке, що чоловикъ той дывомъ ставъ. Тилько во-
но тутъ йому и каже:

— Спасыби жъ тобі, дядку, що ты мене изъ сьоейи
пляшкы выслободывъ.

А чоловикъ и пытае його:

— Скажите же вы, мени, добродію, хто вы таки, що
въ сюю пляшку зализлы?

— Я,—каже воно,—чортъ.

Чоловикъ пры симъ слови и перехрестывся, а дали
зыркъ—чорта вже й не стало. Чоловикъ той озырнувся
кругомъ—никого нема; винъ глянувъ на пляшку—пляш-
ка лежыть доли порожня и заткало валяється. Дыво-
вався мужыкъ, дывовався, а дали перехрестывсь да й ну

ловить рыбу впясть пидсакою. Шо жъ вы думаете?—якъ тилько пидсаку у воду, то гледыть—хочъ жабуру повно, хочъ каменюка де визьметься, або зацупыть уюна и тилько шо хоче взять у руку, а зъ того уюна выйде впясть той панъ, шо зъ пляшки вылезъ да ще и регоче надъ йимъ:

— Ворона,—каже,—ты, а не мужыкъ! Ище й тоби ловить рыбу! Седивъ бы дома та гледивъ бы готового.

Сказано, глумыться, а съ чортомъ не змагаться стать...

— Постой же, псова ты худоба!—думае соби той чоловикъ:—я тоби покажу, яка я ворона, будешъ мене знаты!

Подумавъ самъ соби такъ, а дали й каже чорту:

— Якъ же се вы, пане чорте, чы якъ васъ вельчать, якъ вы, будучы стало быть таки вельки, та въ такую малую пляшку влизлы? Я виры не пойму, щобъ вы булы таки могущи, щобъ такечкы зробыть!

— Эхъ! Справедна ты ворона!—чортяка йому каже:—отъ я заразы улизу, колы хочешъ; ты и не вгадасшь якъ!

— А нуте жъ, нуте,—чоловикъ йому каже:—покажить, якъ се робыться. Я побачу, да тоди й повиру, шо вы справедливы чортъ...

Чоловикъ не доказавъ своей речи, а чортъ скикъ у пляшку да ще и каже:

— А шо, бачышь, якъ улизь я?

— А нуте жъ я прыдывлюся, чы вы й тамъ похожи на того, шо бувъ на двори, чы може ни?—каже чоловикъ, а дали взявъ, заткнувъ пляшку та ище й перекрестывъ.

— Оттеперь, пане чорте, знайте,—каже,—шо мужыкъ хочъ ворона, та хытрый чорта!

А дали взявъ пляшку да й кынувъ знова у воду.

Черниговская губ. Ал. Шишацкый-Илличь (?).

134. Стрелець застрелывъ чорта.

У с. Свняхъ бувъ одинъ панъ. Отто и пишовъ винъ на охоту. Ходывъ, ходывъ,—ничого не вбывъ, а тутъ и гроза почыналась, панъ и повернувъ додому. Иде винъ соби, а гримъ такъ здорово гуркотыть. И чуе панъ: якъ тилькы гримъ перегримыть, такъ шось почынае бурмотать. Зупынывся панъ, дывыться, ажъ се нечыстый перекрываетъ Бога, якъ Винъ сварыться. Подумавъ панъ, шо його казаты зъ проклятымъ чортомъ, а потимъ узавъ и стрильнувъ у його: бисъ упавъ на землю чоловикомъ. Панъ тоди злякався и не озыраючысь побигъ додому. Ажъ де не визьмысь старенькый дидокъ и гукае пана, а панъ зъ переляку такъ розигнавсь, шо и зупыныть ся не може.

— Пожды,—каже дидокъ,—я шось скажу тоби.,

Насылу догнавъ винъ пана и пытае:

— Чого ты втикавъ?

Панъ йому и розказавъ, якъ було дило. Тоди дидъ и каже:

— Не бійсь ничого и просы у мене, чого хочешъ, чого тоби треба.

— А чого я хочу?—каже панъ.—Чымъ занимаюсь, того мени й треба.

И зъ того разу, якъ ни пійде на охоту, то насылу несе. Се йому такъ Богъ давъ за те, шо убывъ биса.

Записала въ с. Выбляхъ, Черн. у. отъ Р. Чечни М. С. Чудновская. 1898.

135. Водяныкъ дытыною.

Мій дидъ ловывъ рыбу топтухою. Вытягуе винъ топтуху, колы тамъ замисть рыбы дытя у сорочечци и сміеться. Перехрестывся дидъ, такъ тее дытя ще засміялось та й шубурхнуло у воду.

Записала въ Черниг. у. отъ О. Волошки М. С. Чудновская. 1898.

136. Манея не пускала.

Колысь одынь псковський чоловік ишовъ одъ ричкы додому. Було уже пизно, темно. Чуе винъ: щось перелизло черезъ плитинь. Винъ думавъ, що се мо собака, и йде соби смило, колы ни, не собака, а щось довге, довге, сире—легло поперекъ вулицы, такъ що и пройты нельзя и мурчыть. Бачыть чоловікъ, що погано йому буде, що манея його не выпустыть, та давай чытатъ молитвы, а потимъ якъ шарахнувъ весломъ, такъ манея де й дилась.

Записала отъ Николая Кянца, въ д. Пескахъ, Черниг. у.
М. С. Чудновская. 1898.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловіка.

Ишовъ я зъ вечерныць, ще колысь то, якъ бувъ паробкомъ; тилькы шо мынувъ церкву, якъ насило на мене шось важке, отъ якъ бы узять мишокъ у пъять пудовъ, такъ мене згорбыло, насылу дойшовъ додому. И бувъ я, не думайте, не пъяный, бо у насъ и моды сійи не було, шобъ напываться на вечерныцяхъ. Дойшовъ до свойихъ синей: ну думаю, лапну хочъ я, шо воно таке у мене на плечахъ, и тилькы шо я хотивъ сее зробыть, а воно мене якъ пыхоне, такъ двери очынылысь, и я упавъ у сины. Шо воно таке було, чы манея, чы домовыкъ, я и самъ не знаю, а тилькы дуже воно мене налякало.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ефима Ювенка М. С.
Чудновская. 1898.

138. Домовыкъ душывъ.

Батька не було дома, осталась тилькы мачуха сама, та я, ще невеличка дивчына. Мачуха спала на полу, я на лавци. Скризь сонъ мачуха почула, шо на ййи шось важке навалылось и душить ййи. Вона прокынулась, та нйякъ не пидниметься и ни рукою, ни ногою не двыне, такъ ййи прыдавыло, а по морди водыть шось, мовъ лапою. Якъ то уже вона рванула руку зъ усией сылы, пидняла и хватылась за шось волохате; а тоди и сама пиднялась и сыдыть. А домовыкъ скочывъ зъ полу, та тилькы тупъ, тупъ по хати. Хватыла мачуха свою дытыну пидъ руку, та зъ хаты; зъ синей вона почула, шо я скризь сонъ трейчи поклыкала: тату! (Мо то винъ и мене душывъ, та тилькы я такъ крипко спала, шо ничего и не чула). Выбигла мачуха, якъ була, зъ хаты и двери покыдала. Насылу вона достукалась до сусидкы и тамъ заночувала; а на завтре зъ сусидкою прыйшла до дому, колы и двери позачынени, и домовыка уже нема, и я соби любенько сплю.

Записала отъ Олимпіады Ювенковой въ с. Выбляхъ Черниг. у.
М. С. Чудновская.

139. Домовыкъ не любить, якъ ночують у хливи.

Росказувавъ мени одынъ чоловикъ, якъ винъ пишовъ одынъ разъ ночувать у хливъ до коней. Заснувъ винъ и саме у опивночь скризь сонъ почувъ, шо шось шамотыть и прокынувся. Дывыться, ажъ зъ горы лизе шось—наче мйшокъ, та якъ бухне на чоловика, та такъ його прыдавыло, шо винъ, бидняга, и дыхаты переставъ. Потимъ узяло його на оберемокъ и кынуло изъ сел-

ныка. Насылу той чоловикъ уставъ, та писля такойи оказійи уже и не ходыть у хливъ на ночь, та й другимъ не совитуе.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла.

Що прыйде чоловикъ вранци до своего коня, конь и лежыть було у яслахъ, та такъ туды забъесться, що нельзя и придумать, якъ туды йому и влизты. Лигъ чоловикъ разъ ночувать коло коня, щобъ побачыты, хто се такъ робыть зъ конемъ. Саме у опивночь уходыть домовыкъ, такъ бы икразъ, якъ чоловикъ, хватывъ коня и кынувъ його у ясла.

Записала въ Черниг. у. отъ Дмитрія Ювенко. М. С. Чудновская.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня.

Ночувавъ у насъ недавно онушныкъ—казавъ, що де йому тилькы не траплялось ночувать, то домовыкъ зачепае усюды його сирого коня. Чы винъ такъ його улюбывъ, чы хто його знае. Такъ позапутуе що ночи грыву, що и не думай расплутаты. Та выдно и скотына чувствуе домовыка, бо иноди такъ уся ажъ у поту, та ажъ дрижыть.

Записала въ Черниг. у. отъ Никиты Глузда. М. С. Чудновская.

142. Домовыкъ не дае робыты вночи.

Одынъ чоловикъ та бувъ такой невсыпущый та роботящый, и вночи йому не було сну: усе було робыть.

Отъ разъ уночи вѣявъ винъ жыто и сивъ оддыхать. Закурывъ люльку, сыдыть, ажъ изъ засторонка сунеться щось вельке- вельке, а очи таки блыскучи, страшки, и такъ йимы уставылось на чоловіка. Прыснулось воно до чоловіка и не пускае його изъ клуни. Шо тилькы чоловікъ ступыть до дверей, такъ воно и загородыть йому дорогу. На вельку уже сылу винъ утикъ одъ домовыка.

— Ну, щасте твое, — крыкнувъ домовыкъ у слидъ, — што ты утикъ, а то бь бильшь не вѣявъ.

Съ того часу переставъ чоловікъ ходыть у клуню вночи.

Записала въ с. Выблякъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

143. Домовыковѣ треба окропу.

Прышовъ одынь парубокъ зъ гульни и лигъ спаты коло викна й чуе, двое домовыкивъ гомонять. Одынь каже:

— У мого хазяйина й окропу въ печи нема, ничымъ и горло помочыть.

— А у мого, — каже другой, — два горкшы.

Отъ першый и каже:

— Я свого хазяйина спалю.

А другой каже:

— Ни, не палы, тамъ мого хазяйина хомуть.

Першый прынесъ хомуть товарищовому хазяйину, а свого спалывъ. Парубокъ розказавъ, видъ чого згоривъ сусидь, и съ тыхъ поръ стали ставыть укрить у пичь.

Записалъ школяръ Выбельской школы Черниг. у. Иванъ Мосичъ.

144. Домовыкъ на ночлигахъ.

I.

Колысь ще улитку пойхавъ мій дядько на ночлигъ. Дойизжае до того миста, де паслы коней, ставъ гукать хлопцивъ. Здається йому, що хлопци озываются; ставъ винъ йихать на голосъ. Килькы не йихавъ, а хлопцивъ не знайшовъ, хоча и чувъ, будто вони до його гукалы.

Злизъ дядько зъ коня и лигъ пидъ стогомъ, попутавшы коней. Тилькы що винъ заснувъ, колы чуеть, що його щось стало душыть, та такъ на його навалылось, мовъ стогъ сина на його перекрынувся. На велику сылу дядько вырвався одъ домовыка, та такъ уже и не ложывся цилу ничъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

II.

Одынъ хлопецъ вивъ коней на ночлигъ, и уже было дуже пизно, то онъ не знавъ, де хлопци ночують, и сталъ йихъ той хлопецъ гукать, и крыкнувъ: «Хлопцы го!» Дакъ и пошовъ гласъ, и йому здалось, будто-бы за ричкою. И винъ пойхавъ туда, ажъ нема тамъ хлопцавъ. Дакъ винъ и лигъ спать, ажъ на його щось навалылось, винъ не злякався та й каже:

— Десь моя пуга—я тоби дамъ!

Домовыкъ злякався и де дився, - и бильшь не было.

С. Выбли Черниг. уѣзда. Записалъ Школяръ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

145. Дви чирточкы зъ нашихъ русалокъ.

(Ввивъ у запись изъ сливъ жытелькы хут. Петрушовки Борзенск. пов. Палашкы Кнѣчинойи у 1854 р. Марко Вовчокъ).

I.

Якъ пошла моя маты у поле на Святу Недилу, на Зелену-то, до жыта, побачыть, чы гарне жыто. Да обійшла кругомъ, да «гарне», каже, «слава Богу; пійду ще и долину побачу», каже. Колы прыйшла до долины—ажъ повнюсенька долина дитокъ маленькихъ та все, каже, такъ: скачуть одно проты дногу угору да ручкамы плещуть:

«Не мый ноги объ ногу,
Не сій муки надъ дижу;
Ухъ, ухъ,
Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты уродыла,
Нехрещене положила».

А воны тилько у плащечкахъ у билесенькихъ... Дакъ вона, каже, якъ злякалася, да въ-сылу додому дойшла. Воны йій и не бачылы, а вона йихъ бачыла.

II.

Померла баба така стара, а дочка все плаче по матери; то йій и прыснылось... Каже, наче прыйшла дивка да даже йій:—«Не плачь по свойй матери: твоя маты русалкою». Дакъ вона каже: «Де жъ вона?»—«Дитокъ малесенькихъ гледыть.»

(Собщ. А. В. М—чемъ).

Изъ «Черниговскаго Листка» 1863, № 10, стр. 80.

146. Русалкы женуться за жинкою.

Однесла жинка чоловіку обидъ и верталась додому. Бачыть—у жыти седыть двое дитей у билыхъ со-

рочечкахъ. Жинка заразъ догадалась, що се русалки, и не успила вона повернуть назадъ, якъ изъ тыхъ дитей зробылись вельки русалки и погналысь за жинкою. Якъ то уже вона добигла до села и такъ бидна перелякалась, що проболившы тры тыжни, умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская. 1898.

147. Русалкы не далы ловыты рыбы.

Дви жинкы пишлы уночи ловыть рыбу,—икразъ на Русалкы. Половылы трохы и чують, що у води русалкы граються и плещуть по води рукамы. Бигомъ побиглы жинкы одъ ричкы. Недалеко ночувалы ночлижныкы: жинкы туды и прыбиглы.

— Та то вамъ,—каже одынъ старый чоловикъ,—такъ здалось, идить соби смило додому.

Одна молодыця ни за що не хотила а друга—«Ходимъ та ходимъ!» и пишлы. Дійшлы вони уже до села, озырнулысь назадъ, ажъ за йимы женуться дви русалкы у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы косамы. Жинкы такъ чысто и померлы зъ переляку, насылу ускочылы у село, а русалкы тоди у воду, закрычалы и заплескалы по води. Молодыци дуже поперелякувалысь и довго писля того нездужалы.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы М. С. Чудновская. 1898.

148. Русалкы прогналы чоловика зъ работы.

Копавъ разъ чоловикъ канаву на саранчу. Копаетъ и чуетъ—шось зашумило. Пиднявъ винъ голову и бачыть, выходять изъ жыта русалкы, уси у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы расплетенымы косамы, и перша русалка дер-

жала у руци книжку. Якъ побачывъ чоловікъ русалокъ, то кынувъ заступъ, та давай Богъ ноги, а русалки кынулысь за йимъ у погоню. Прыбигъ чоловікъ у село мовъ несамовытій и довго писля того нездужавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

149. У русальну недилю не можно робыты.

Икразь у Русальну недилю пойхавъ одынъ чоловікъ зъ жинкою полоть просо. Полють вони, колы бачыть жинка, у проси стойить баба у билій сорочци зъ роспушенымы по плечахъ косамы и на вси боки хыляеться. Перелякалась жинка и кынулась до чоловіка. Посадывъ чоловікъ жинку на визъ, щобъ вона чытала молитвы, а самъ, ухопывшы сокыру, обвивъ визъ и воливъ кругомъ и давай тикать додому. Чоловикъ усю дорогу махавъ сокырою, и русалки боялысь до його прыступыться. И килькы вони йихалы, то на кожній ныви бачылы по русалци. Дуже перелякани вернулысь чоловікъ и жинка додому и вже бильшь не йиздылы на Русалокъ ни на яку роботу на поле.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго. М. С. Чудновская.

150. Чоловикъ сховався видъ русалкы.

Пишовъ я на поле рвать травы у межахъ. Нарвавъ и иду до додому, колы у межи лежить щось у билій сорочци и укрыте косамы, а косы дуже довги. Я тыхенько, озыраючысь пройшовъ крозь його, а воно устало, та за мною. Недалеко була клуня—я у клуню и сежу. Воно пидійшло до клуни, понюхало плитинь, а тоди одійшло, та якъ заспивае, а потимъ загукае. Я не знаю,

Руса-
лки
у
ь.
М. С.

якъ и додому прійшовъ, такъ перелякався. Се було дило икразъ передъ Русалками, такъ се и було нищо, якъ русалка.

Записала въ Черниг. у отъ Андр. Нищенко. М. С. Чудновская.

151. Русалка не може переступыты круга.

Бы-
ло
ны
ни
вс-
Пос-
в м-
Сне-
рост-
кы-
ны
ь в
жъ

Одынъ чоловикъ пошовъ жыта стерэгты на Русал-
кы, ажъ изъ жыта выбигла русалка и напала на його, а
винъ узавъ кругъ себе обчиривсь такъ, шо вона не до-
ступылась до його, и винъ стоявъ у томъ крузи той
чоловикъ, а русалка бигала, бигала кругомъ и пошла
изновъ у жыта, и тоди той чоловикъ вернувсь додому.

С. Выбли Черниг. у. записаль школяръ Иванъ Новикъ.

152. Русалкы гойдаються на гилькахъ.

Чоловикъ ишовъ лисомъ и побачывъ, шо на де-
ревахъ гойдаються русалкы, та така жъ йихъ тамъ бу-
ла сыла и велькыхъ, и маленькыхъ. Почеплялысь за гиль-
кы руками и колышуться, якъ на ореляхъ. Чоловикъ
повернувъ, та скорій утекать. Не успивъ тилькы винъ
утекты, такъ щобъ русалкы його не бачылы. Уси во-
ны кынулысь за чоловикомъ и такъ його налякалы, шо
на другый день той чоловикъ умеръ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская.

153. Оддавъ русалкамъ дытя.

На Русалокъ йихавъ чоловикъ зъ поля, и выско-
чылы зъ жыта русалкы, щобъ залоскотать чоловика,
тилькы ниякъ до його не доступляться, бо куды не зай-

дуть, то чоловікъ йихъ пугавъемъ. Такъ дойхали воны до перехрестной дороги:

— Стій же тутъ,—крячать русалки,—бо усе равно умрешъ.

— Ни,—каже чоловікъ,—я лучше оддамъ вамъ дытя,—та по коняхъ и утикъ. Що жъ бы вы думалы?—прыйижжае додому, колы застаетъ дома мертву дытыну. Ставь тоди чоловікъ плакать и каятьса передъ усима людмы, що се винъ самъ уморывъ свою дытыну, отдавши ййи русалкамъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

154. Русалкы залоскоталы дивчыну.

У Зелену недилю зибралось насъ чымало хлопщивъ и дивчатъ и пишылы гулять на поле. Мы тамъ добре погулялы, дивчата понарывалы соби волошокъ да куколю, уквитчалы головы и верталысь, ще рано, додому; колы тилькы поривнялысь мы зъ тымъ кругомъ, що коло гамазея,—якъ выскочать зъ жыта на насъ русалкы: уси голйи, зъ довгмы, довгмы роспущенымы косамы, зъ зеленымы, якъ у жабъ, очыма; попростягалы упередъ руки, та за намы. Мы съ переляку кынулысь навпростецъ и скоро добиглы до села; одна тилькы дивчынка осталась, и ййи залоскоталы русалкы.

Дядько якыйсь пиднявъ ййи на дорози и привизъ у село, вона була ще тоди жыва, а дали и вмерла.

С. Выбли Черниговск. у. записала М. С. Чудновская. 1898.

155. Добра смерть.

— Прыйшовъ чоловікъ до хазяйина найматься.

— Що жъ,—пытае хазяйинъ,—визьмешъ за рикъ?

— А шо,—каже чоловікъ,—ничого: поставышь мени одынъ обидь.

Прослужывъ наймытъ рикъ поставывъ йому хозяинъ обидь.

— Се жь обидь за покойного батька,—каже чоловікъ—ты поставь мени!

Поставывъ хазяинъ другой обидь.

— Се,—каже,—за покйну матирь,—поставь мени!

Поставывъ хазяинъ у трейте. Позабиравъ тоди наймытъ усю тую страву и пишовъ. На дорози стрекае винь бога и каже:

— Оце якъ бы стрить доброго чоловіка, то бь умисли побидалы бь.

— Давай,—каже богъ,—обидать зо мною—я чоловікъ добрый.

— Ни,—каже чоловікъ,—якъбы ты бувъ добрый, то бь и мени було добре,—и пишовъ dalej.

Иде, колы стрекае жинку.

— Куды ты,—пытае вона,—идешь?

— Иду,—каже,—додому.

— Шо жь се ты несешь?

— Несу обидь: я робывъ хазяину рикъ за одынъ обидь. А ты,—пытае,—хто така?

— Та я смерть.

Посидалы воны и давай удвохъ обидать; пойилы усе, тилькы остався окраецъ хлиба.

— Чы е у тебе хто дома?—пытае смерть.

— Е,—каже,—у мене жинка и диты.

— Ну, несы жь дитямъ сей окраецъ,—се буде йимъ за гостынецъ.

Прыносятъ чоловікъ той шматокъ и давай ламать дитямъ, и скилькы винь не ламавъ, а окраецъ не уменьшався. А уставшы на другой день, чоловікъ побачывъ на столи цилу кулыдку хлиба, и усе воны йилы той хлибъ. Прошло скилькы день,—прыходыть до того чоловіка смерть.

— Здрастуй,—каже,—брате!

— Здрастуй, сестро!

А жинка почувшы сее, та за кочергу:

— У тебе,—каже,—багато такихъ сестеръ найдеться!—
та й хотила ии зъ хаты выпроводыть.

— Не твое се,—каже чоловікъ,—дило,—и не давъ.
Посадывъ винъ смерть за стилъ и давай поштувать.
Погостювала смерть, та й пытае:

— Чы е у тебе, брате, хлибъ?

— Оце увесь, що на столи.

— А йды,—каже,—пошукай у комори зернять жыта.
Чоловикъ знайшовъ трохи зернять.

— Ну, роскыдай сійи зернята по зусикахъ.

Чоловикъ роскыдавъ, и на другой день уси зусики
стали повни жыта.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца.
М. С. Чудновская 1898.

Другой вариантъ о побратимствѣ чловѣка со смертю былъ напеча-
танъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ» 1852 г. (№ 52,
стр. 570). Вотъ этотъ вариантъ, записанный въ с. Данинѣ Нѣжин-
скаго у. священникомъ Петромъ Огіевскимъ и озаглавленный: «Вер-
ты—не верты, а треба вмерты»:

Колысь то и десь то, звисно не въ якій небудь
басурманщыни, а въ нашій православній Малороссіи,
живъ бувъ чоловікъ и жинка. Та булы соби дуже
бидни та журлыви: одно те, що вони незамижны, а
бильшь усього йихъ крушыло, що диты въ йихъ усе
мерлы. Отъ и давъ йимъ Богъ дочку. Якъ же то вони
йій булы ради—Господы!... И стали соби радытыся: ко-
го бъ то кумою узяты? Жинка й каже:

— Ось визьмемо лышень соби куму стричну; адже жъ,
бачъ, стари люде кажуть, що въ кого диты мрутъ, треба
тому браты кумивъ стричныхъ.

— Э, добре оце ты, жинко, кажешъ, ось пійду я.

И пійшовъ удовшъ села ще зъ досвитка, щобъ
хто тилькы йому на зустрічъ попадеться, того узяты до
свого дытаты кумою,—звычайно вже боявся, щобъ и

се йому не вмерло, такъ якъ ти першійи його диты померлы. Попадається йому назустрічь баба стара та курноса *); винъ їй и каже:

— Здоровенька була, бабусю!

А вона йому въ одвить:

— Здоровъ бувъ, сыночку!— та й попередыла його спытаты:—Чого се ты такъ позаранкамъ блукаешъ,—чы не зійшла съ твого двора товарына противъ ничкы, и ты оце шукаешъ?

— Ни, бабусю, за товарыну мени ничого бояться—и шерстыны у двори катъ ма. А мени давъ Богъ дочку, такъ я оце иду прохаты того въ кумы, хто першый зустринеться. Та, спасыби вамъ, що я оце на васъ такъ хутко наткнувся: прошу васъ покирно, будьте ласкавы, не видцюрайтесь хреста, ходите до мене кумою—чы не дасть Богъ, що и я такы, якъ люде, хотъ пидъ старистъ дожду соби помочи.

— Добре, ходимо.

И пійшлы. Та идучы винъ їй и каже:

— Не во гнивъ вамъ буде, що я васъ пытатыму: якъ маемо васъ зваты?

— Я—Смерть.

Якъ почувъ винъ сее, та ажъ злякався, а описля обдумався трохы та й каже самъ соби: аджежъ смерть иднаково ни кымъ не перебирае, усихъ за-сплишъ бере: и панивъ, и нашого брата мужыка, бидныхъ и замижныхъ, старыхъ и малыхъ; що жъ маю робыты?—не треба їйи цуратыся, поведу лышень до своейи господоы, може вона зглянетъся на мене... Сее подумавшы та й каже:

— Ходимо, кума, до мене!

И пійшлы.

*) Кырпата. Прим. записувателя.

Покумовавшы и выдпывшы хрыстынкі, якъ Богъ давъ, звисно по убыжкы, бо той чоловикъ, кажу, бувъ соби бидиснькый -- смерть йому й каже:

— Слухай, кумочку, за те, що ты мною не познушався, я тобі щось искажу, та тилькы никому ты не видкрывай и свойій жинци не кажи, а робы самъ соби, що я нараю, то ты матымешъ такого добра, що не тилькы тобі, та й дитямъ, унукамъ и правнукамъ твойимъ буде.

— Добре, кума.

— Слухай же: якъ тилькы ты почувешъ, що хто небуть и де небудъ занечогіе, иды до його та й дывся: колы я буду стояты у недолугого въ ногахъ, то той выздоровіе и певно берыся його выличыты: извелы даваты йому пыты тилькы холодну воду, и винъ буде живъ; а якъ уздрышъ мене у його въ головахъ, то втикай видъ того, то вже певно мій—я тилькы його прычавлю трохы, щобъ винъ спавъ изъ тила, щобъ легше мени зъ нымъ борушкатыся та й потягну його на той свить.

Сказавшы сее, попрощалыся любенько.

Чуе нашъ кумъ, що десь то великый и дуже багатый панъ та й давно вже хыріе; и чого то вже йому не роблять, якихъ до його ликаривь не возятъ, та ба, немає помочы. Отъ винъ и пійшовъ до його та й каже челяди, бо звисно у панивь вона на рундуци такъ и блукае:

— Здорови булы, хлопци! Я чувъ, що вашъ панъ давно вже хыріе и помочы ни видкиля йому нема. Пустите лышень мене, щобъ я на його глянувъ, бо я такый чоловикъ: якъ побачу, то заразы скажу, чы винъ умре, чы ни, и якъ ни, то заразы поличу, и винъ вычуняе.

Пустылы мужыка до пана, и тилькы що ввійшовъ винъ у свитлыцю та глянувъ, ажъ стойить кума била

нигъ недужого. Отъ винъ зъ радыщъ ажъ крыкнувъ:

— Не журись, пане! ты будешъ жыты та ще й якъ! Ось кете лышень, пани, у пытунъ водыци непочатойи, я дамъ йому напытыся, то де та и хвороба його динеться.

Ковтнувъ панъ тоеи воды разъ, друге, утрейте, освижився трохи—агу!—стало йому легше нибы; день, другый—уже панъ самъ и пыдыметься, уже й по хати валасаеться; дальше ще—уже у пана и пузо знова становыться таке, якъ було. Що жъ тому мужыкови-знахыру: чого то йому не робылы, якъ не шановалы и чого не надарувалы! И грошей, и воливъ, и коривъ, и печенымъ, и варенымъ: чого тилькы душа його не забажала. Пийшовъ нашъ кумъ жыты та Бога хвалыты, стали його уси знаты, стали до себе запрошаты та шановаты, та усякымъ добромъ його надиляты; нажывся нашъ знахыръ, буде зъ його стилькы,—ставъ винъ заможнійшый видъ усихъ на сели.

Ажъ ось и до його черга дошла. Скъльки не жывы на симъ свити, а того свиту такы не мынуты—треба йты такы у свою госпуду видвичаты за грихы свои передъ Господомъ. О! довго жъ то винъ сердешный боровся зъ горемъ, усе такы не подавався, жалко було съ худобою розстатыся, а дали знемигъ такы та й злягъ на Божу постиль: хырие бидураха та все поглядуе: чы нема кумы у ногахъ? такъ нема, не видно ййи; винъ и радие: ну, ще трохи такы поживу на свити. А дали якось то зыркъ черезъ голову угору—ажъ стойть вона у головахъ, голубка кума його люба. Якъ побачывъ ййи, то мовъ окропу хто на його зльвъ, такъ зъ його питъ видъ ляку полывся; а писля, одумавшысь трохи, та й каже:

— Жинко моя, диты, ходите сюды! А переверните лышень мое лижко; що я лежу такъ, де теперъ голова моя, поставте туда ногамы.

Перевернулы, такъ що жъ—и смерть посунулась

слидомъ за нымъ и вѣять стала быля голивъ його. Бачыть винъ ййи бидолага та знову просыть:

— Поверните лижко та поставте оттакъ, отсюда! А нуте ще й оттакъ!

Ни, не помагається! кума його любя усе быля головы въ його. Отъ винъ бачыть сердешный горе свое, здыхнувъ тяжко, перехрестывся та кризь сльозы й каже йимъ:

— И-вже! Годи мудроваты! Постановите лижко такъ, якъ воно спершу стояло, та готуй, жинко, сорочку на смерть мени та свичку у руки, бо вже *верты—не верты, а треба вмерты.*

156. Смерть увиходе въ хату.

У одного чоловіка умирало невелике дятя. И чулы люде, якъ коло тіей хаты ходыло шось и голосыло, а потимъ увійшло у хату биле, биле, якъ снигъ и, ничего никому не сказавшы, скоро и выйшло. У ту жъ саму годину, якъ смерть (бо то була смерть) выйшла зъ хаты, и дытына умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

157. Смерть — домовыною.

Маты моя та ще одна жинка ишли пизно зъ гостей. Ничъ була мисяшна. Идутъ воны по вулицы, колы проты йихъ, попидъ плетнемъ, сунеться домовына. Воны обыдвѣ дуже поперелякувались, и маты кинулась назадъ, а тая жинка упала на мисти. Маты зъ людмы прыбиглы до жинкы и застали ййи уже мертвою.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Александры Базилевичъ М. С. Чудновская. 1898.

158. Смерть зострила на вулицы.

Занедужала у жинкы дытына. Понесла вона ййи да знахаркы; пошептала знахарка дытыну, и жинка верталась додому. Дило було уночи. Поворачуе жинка у улыцю, а изъ другойи выходыть смерть у билій сорочци, висока.

— Дорова,—промовыла жинка, не догадуючысь, що то смерть. Смерть на сее ничего не одказала, тилькы такъ крипко заголосыла. Прыходыть жинка додому, ажъ на рукахъ у нейи мертва дытына. Догадалась тоди жинка, кого вона бачыла на вулицы, и чого воно голосыло.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

159. Манея звищае смерть.

I.

Ишовъ чоловикъ зъ беседы пизно уночи и бачыть винь, шо сунеться щось высоке у чорній одежи и каже:

— Усе село смерть выбрала, а сйи улыци не зачепыла.

— А тоби,—каже чоловикъ,—треба тутъ ходыть? Геть выдсиля!

Такъ манея и посунулась далей, а у того чоловика заразы же диты померлы, а потимъ пошлы мерты и по всй тйи вулицы.

Записала отъ Митрофана Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

II.

Оце зновъ якъ почалы у насъ у сели мерты диты, такъ бачылы, шо по вулицы йшла такъ вродь бы жинкы, иде, та такъ же голосыть, та прыплакуе:

— Боже жъ мйи, диточки мойи любйи, диткы мойи голубьяточкы!

Плачучы и пишло удовжъ села. Выдно, зновъ багато дитей помре, шо манся голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская. 1898.

160. Смерть' голосыла.

Тожъ то, мойи голубъята, шо воно таке й буде? Сю ничъ чую—шось иде вулицею и голосыть, та такъ голосыть, якъ по мертвому, та й пишло на кладовыще.

— Э, кумасю, такъ се буде поморщына: се смерть голосыла. Такъ одного году було, такъ шо дитей передушывъ оттой дихтерыкъ!

Записала отъ крестьянокъ с. Выбель Черниг, у. М. С. Чудновская. 1898.

161. Моровыця трычи на рикъ ходыть.

У насъ, а мо и по усихъ селахъ, моровыця ходыть по вулицяхъ тры разы у годъ. Сама вона похожа на корову, и якъ иде, то почмыхуе и часто коло дворивъ становыться. У ту пору, якъ вона иде, коровы страшенно ревуть, а собака ни одынъ не забреше, покы вона обйде село. У тимъ двори, куды вона зайде, безприминно подохнутъ уси коровы и собаки.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

162. Моровыця конемъ.

Одного году люде бачылы, якъ середъ ночи по селу трейчи пробигъ кинь, тилькы не настоящий кинь, а одни кисты необтягнутые шкурою. Люде кажуть,

що то була моровиця, бо у той годъ багато пропало усякой скотыны.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

163. Моровиця лякае молодежи.

Було уже пизно. Хлопци и дивчата сѣдили на колодкахъ, спивали, балакалы. Колы жъ пидходить до йихъ щось страшне зъ блискучымы очыма; якъ дойшо до колодокъ, закрычало и зупынылось.

Се видно була моровиця, бо якъ тилькы вона крыкнула, заразы по селу заревлы коровы. Хлопци и дивчата полякалысь и сѣдили ни жывы, ни мертвы. Моровиця трохи постояла, а потимъ де и дилась, тилькы щось загуло, мовъ гримъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

164. Чудо.

Бувъ у чоловіка сынъ парубокъ. И винъ його оженивъ—узявъ молодыцю. Отъ разъ на празныкъ Чуда винъ загадавъ йимъ кудысь на роботу йты. Вони пишылы, а ввечери прыйшлы додому, повечерялы й пишылы спаты въ коморю—молоди.

Отъ той чоловікъ спыть, колы щось якъ застукое въ двери. Винъ пытае: «Хто тамъ?» А воно каже:

— Одчыны, Даныло, я Чудо.

Винъ излякався, не видчыняе. Отъ воно разивъ пятнадцять стукало, а винъ не одчынивъ. И якъ излякався, такъ довго не спавъ, а тоди такы заснувъ. Уранци уставъ, колы коровы ходять по двору. Винъ думае: ото якъ довго молодыця спыть и до коровы не встала доси. Пишовъ будыты: стукавъ, стукавъ

у двери — не чутъ никого. Винъ тоди злякався, пишовъ до сусиды, поклыкавъ його. Тоди ломомъ двери выломылы, ажъ молодыци немає въ комори, а сынъ його стойить за полубочкомъ и руку держыть и йисть. Сама рука зосталася, а то всю жинку ззивъ. А руку не съ пальцивъ почавъ йицты, бо тамъ винчальни перстини булы, а съ плеча.

Його пытають:

— На що ты ййи ззивъ?

А винъ:

— Я й васъ усихъ пойимъ.

То винъ не самъ йивъ, а то въ йому нечыста сыла. Чудо такъ його покарало, шо робывъ на його.

Такъ його й розстрелылы.

Це ходылы люде у Хвойкы, тамъ якась икона есть,—такъ тамъ це й чулы.

С. Жеведь Черниг. у. Отъ дивчины. 1898. М. Н. Гринченко.

ИЗДАНИЕ
1874
С. ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
КАПИТАЛА

V.

О жертвецахъ.

165. Мертва маты прылітае до сына.

Умерла у насъ одна жинка; закопалы ййи, та не запечаталы, бо никому було: тоди саме й пипъ умеръ. Сынъ сйи жинкы пишовъ на ничъ у млынъ. Иде и бачыть, шо саме у тимъ мисти, де заховалы матиръ, свитло горыть. Подыввсь винъ и пишовъ. Прыходыть, колы маты на крылахъ прылітае до млына и почала здыратся на млынъ и гукать сына. Коло млына недалеко була и хата сього чоловика, — винъ гукнувъ собакъ и ставъ ййи цьковать. Собаки ййи и одогналы. На другый день сынъ розказавъ людямъ. Одкопалы ййи, колы вона лежить уже не такъ, якъ слидъ мертвецамъ. Пробылы тоди люде жинку осыковымъ колкомъ.

Записаль въ с. Муравейкѣ, Черниг. у. Отъ Мир. Лобуса Иванъ Муцкій. Сообщила М. С. Чудновская.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе.

Одна дивчына выйшла съ хаты и бачыть — у церкви свіѣтытьсе. Вона пишла туды, ажъ тамъ мертвыи го-віѣють. А хресна матка ййѣ вгледила та й каже: «Иды, дочко, швыдче, а то якъ угледыть тебе руодна матка, такъ иззіѣсть». Такъ вона и втекла. А друга тожъ побачыла, шо свіѣтытьсе, прыйшла, а руодна матка и вгледила, прыйшла до нейи и стала распытувать:

— Шо тобі, дочко, саме важче?

А та каже:

— Мени, мамочко, саме важче мачуси годять та сорочку робить.

— Якъ же тобі важко сорочку робить?

— А якъ же? Покры ййи посіѣй да попопы, тоди воно поросте, треба його побраты, тоди посушыты и помолотыты, тоди помочыты, потягаты, посушыты, потерты, помъята, помыкаты, попряты, помотаты, посноваты, навыты, у нить кыдаты, у бердо, тоди въ набылкъ и заткаты, и выткаты, и вбіѣлыты, и пошыты, и надиты...

И такъ вона розказуе матци, а сама задкы йде, а матци здається, що вона стоить изъ ею гомоныть. Тоды вже й до хаты такъ дойшлы, а дивчына задкы одчынула хату и вскочыла въ сіѣны и двери засунула. А матка тоды каже:

— Ну, щасте твое, а то бѣ я тебе ззіѣла.

— На що бѣ же вона ййи ззила?

— Такъ дуже зрадѣла, що побачыла.

С. Жеведь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

167. Завишєный не мае на тимъ свити спокую.

У сели Муравейци повисывся одынъ чоловікъ, и отъ якъ його закопалы у землю, и ставъ винъ по вулицяхъ ходыты. Иде та й спиває писни, а якъ дайде до своей хаты, то такъ голосыть, що ажъ сумно стане, якъ почувешъ. Така тамъ, кажуть, и жинка е, вона тежъ ходыть по селу и спиває, або голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С.
Чудновская.

168. Мертви говіють.

— Чы у васъ бувае въ пуость глухый тыждень?

— Ни, не бувае. А въ васъ же колы бувае? И шо жъ то за глухый тыждень?

— То такъ зветьсе: глухый тыждень. У пуость на другому тыждни бувае. Тоды не говіють, и въ церкви не правытьсе. Кажуть, шо тоди опасно правыть у церкви, бо тоды мертви говіють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

169. Мертвыхъ треба помынаты.

Почувъ одынъ багатый чоловикъ, шо його бидна сусидка на диды ничого не варыла, и позвавъ ййи до себе. Погостювавшы, уже пизно жинка верталась додому. На вулыци обступылы жинку мертвякы, и вона чуть живая ускочыла у свою хату. Замкнула вона двери, колы дывытьсе: уси тйи мертвякы пидъ викнамы и плямкають ротама. Поставыла скоришь жинка пляшку зъ водою и чарку, бо такъ, кажуть, годытьсе, щобъ мертвякы у хату не загледалы. Тоди вони годи плямкаты и пишылы соби зъ пидъ виконъ.

Записала въ Черниг. у. Отъ Марьяны Новицовой М. С. Чудновская.

Другой разказъ на ту-же тему, записанный въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. Ал. Шишацкимъ Илlichemъ, напечатанъ въ № 24(стр.269) «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1853г. Такъ какъ въ настоящее время почти нѣтъ возможности пользоваться этимъ изданіемъ, ставшимъ большою рѣдкостью, то мы перепечатаемъ здѣсь этотъ разказъ.

Уже то наши покойные диды не дарма выдумалы помершыхъ помынаты... Стало быть тутенькы е такы якась польза, якъ вы зволыте мовляты. Бо старые люды кажуть, шо екъ не стать помынаты покойныкывъ, дакъ

йимъ таменькы тяжко буде лежаты. Видъ того воны и сняться частенько и по хатамъ опивничъ мусяць блука-ты, и шкоды часомъ роблять. Отъ, прымиромъ сказаты, у насъ,—усе село про тее знае, що баба Семена Кова-лева,—винъ, бачъ, держыть Федорцивну, изъ роду Ма-лышивь,—якъ тилькы вмерла, то й почала ходыты у го-споду. Було, якъ тилькы пивничъ глупая зайде, ще до трейтихъ пивнивъ, то въ хати, якъ уже вси хропуть соби смертелно, тыхесенько видчыняються двери, и ба-ба Семенова у билому покрывали й суне... Бува, хто не-будь, то й чуе, и бачыть, якъ вона посудною на по-лыци стука, то по хати росхожа, то ухватыть, бувало, метлу, выйде у садъ та й ну роспужувать воронне, що спыть на яблони, чы то на груши, а сама распатлана, выскальвышы зубы, усе знай махае митлою та крычыть: «Го-го! Го-го!..» Разъ, кажуть, прыйшла опивничъ, а въ печи выпекався хлибъ; такъ що жъ вона зробыла?—Екъ ухватыть лопату, що хлибъ сажають, та екъ почала ми-сыты уси хлибы умисто, то таке накойила, що ни блызь-ко... Хлибъ—хоть собаки выкынь!.. Ще й лопату у печи зоставыла... Капосты такые частенько вона, бувало, ро-быть; а знаете видъ того, що зроду було ништо обь ній не помолыться, ни шага попу не дасть на часточку, ни паныхыды не поставыть, а екъ стали паныхыды правыты та зъ людмы помынаты, то й перестала опивночи хо-дыты...

170. Панъ-упырь.

I.

У Чарнигови бувъ одинъ панъ. Отъ якъ винъ умеръ, його заховалы; та ще тоди мабутъ не печаталы, якъ те-перъ, не заклыналы душу, щобъ не ходыла, отъ и по-чавъ винъ йиздыть зъ того свиту. Прыйиде та й давай наймытивъ роспытувать, якъ що робыться, а якъ що не

по його, то и бывъ. Наймыты стали докладаться объ симъ архиерею. Архирей ставъ пидстерегать того пана. Йиде разъ панъ у карети тройкою, а на зустрічъ йому йиде архирей, та й прочытавъ молитву,—се було на Красномъ мосту. Панъ и зарывся пидъ мостъ. Позвали людей, почалы на тимъ мисти копать и одкопалы пана. Лежыть панъ и съ пидъ лоба дывыться и сміється. Узялы тоди осыковый колокъ и пробылы йимъ пана, а кровь якъ свыснула цивкою, то ажъ на тры аршыны угору была. И писля сей панъ уже зъ того свиту не йиздывъ.

Записала въ Черниг. у. отъ М. Плиски М. С. Чудновская.

II.

Давно колысь, ще якъ у Чернигови бувъ архиреемъ св. Θεодосій, умеръ одынь багатый панъ Б. И ставъ винъ съ того свиту йиздыть по Чернигову. Тилькы було смеркнеться, то винъ уже и йиде у карети, четверыкомъ вороныхъ, съ кучеромъ и хварейторомъ на козлахъ. И такъ винъ йиздывъ щовечера.

А одного разу ще не смерклось добре, а Б. уже йиде по Трысвятській гребли. «Хто йиде?» пыгають люде.— Б.,—каже хварейторъ. Тутъ одынь чоловикъ махнувъ хрестомъ: «Будь же ты, Б., проклять!»—каже винъ. Заразъ и кони, и карета де й дилысь, тилькы у болоти, що николы не высыхае, дуже загуркотило. И съ того часу Б. уже бильшь не йиздывъ.

Запис. въ с. Выблякъ Черниг. у. отъ М. И. Черниской. М. С. Чудновская.

171. Не беры ничего въ мертвяка.

А то разъ парубкы й дивкы ишлы черезъ гробкы. Багато йихъ, такъ и не бояться. Колы встае проты йихъ мертвякъ—высокий, высокий у билому, и голова билую

хусткою накрыта. Одна дивка пидбигла та й исхопыла зъ головы хустку. А воно якъ загуде, такъ той мертвякъ не зная де й дився. Воны полякалыся та тикаы. И та дивка хустку кынула та тикае. Прыбиглы на досвіткы, двери зашипнулы, думаютъ—слава Богу, втеклы. А та дивчына дывытсья—ажъ хустка въ нейи. Колы чуютъ—якъ загуде, якъ загуде—ажъ то той мертвякъ—прыйшовъ пидъ викно, каже: «Подай мое!» Воны полякалыся, ажъ трусютсья, а воно все: «Оддай мое!» И такъ ажъ покы пивни заспивалы. Тоди загуло й не стало його.

Отъ тій дивци й кажуть:—«Пиды на гробкы и положи хустку йому на могылку!» Вона такъ и зробыла: однесла хустку и положила йому на могылку. Отъ попрыходылы воны зновъ на вечорныци. Колы такъ опивночи якъ загуло, и впъять воно пидъ викнамы ходыть, крычыть: «Оддай мое!» А хустка вже впъять у дивчыны. И такъ якъ почало, такъ шо ноци. И палылы ту хустку—ни, не пособляеться, упъять и стане въ нейи. Та вже дивка бидна ажъ иссохла, такъ журытсья. Одъ тоди й присовитувалы люде, щобъ поклыкаты батюшку його заклынаты. Батюшка прыйшовъ у ту хату, почалы правыты. Колы воно такы прыйшло и крычыть: «Оддай мое!» Отъ батюшка вже повычытувавъ усе, тоди ту хустку начепывъ на рогачъ и давъ дивчыни, щобъ вона такъ подала. Тоди каже: «Одчынить двери!» Одчынылы двери, воно увійшло и крычыть: «Подай мое!» Дивчына дае хустку на рогачи—не бере: «Рукамы брала, рукамы й надинь на мене!» Тоди дивчына накынула йому хустку на голову, а воно ййи за руку—якъ загуло, такъ не зная, де й дилося. А дивчыны й по сей день не бачылы.

— Де жъ вона дилася?

— Соби забрало.

Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

172. Макъ держыть мерця въ труни.

— Оце Амосъ умеръ, такъ я боюсь и за воротымы сьдѣть.

— Чого?

— Вуонъ було якъ іѣде, такъ стане на мосточку та й погомонить изо мною. Такъ я й боюсе теперъ, шо побачу його тамъ.

— А хьба вы чулы, щобъ мертви ходылы?

— Хто-й-зна, кажуть, шо ходять. Отъ у насъ у слободѣ якъ умерла одна баба, такъ хьба не ходыла до дому у ступи товкты?—Колы не віѣрыте, такъ попытайте оту дѣвчыну Параску, шо ходыть до мене, то ййи баба.

— Ну, розкажить же, якъ вона ходыла?

— Значыть, якъ поховалы ййи, такъ перву нуочь бабы надъ колывомъ сьдѣлы. Тожъ уже въ насъ такъ шо старыйи бабы надъ колывомъ сьдять. Отъ вони чують—товче шось у хлеви въ ступи. Ну, бабы не побоялысе: узялы свѣтло и пишы въ хлѣвѣ, одчынылы двери, подывылысе—ничого нема. Увойшылы въ хату—впѣять товче. И на другу нуочь товче. Вони тоди, значыть сынъ та невіѣстка, вынялы товкачъ изъ ступы до дванадцаты день. Йимъ такъ сказалы, шо вона до дванадцаты день ходытыме. Тоди якъ выйшло дванадцать день, вони однеслы товкачъ у ступу, и впѣять вона товче. Такъ, кажуть, шо привозылы вони батушку тыхенько рано-рано на гробкы, щобъ заклянавъ, такъ тоды вже й не стала ходыть. Ще жъ и макомъ за нею сѣялы, та й то ходыла.

— Якъ же макомъ сѣялы и на шо?

— То вона, бачыте, шось знала, ну просто, кажуть, шо вона віѣдьма була. Такъ уже ййи якъ ховалы, такъ невіѣстка завѣязала маку-выдуть у вузлыкъ и въ домыну положила и мойой матци дала маку тожъ выдуть,

УНН : щобъ за домовною сіѣяла. Такъ моя матка прыходыть
та й каже:

ВОРСТ : — Ну вже Васылыха шось знала, недурно мени дали
за домовною макъ сіѣяты.

ОЧН : — На що жъ макъ сіють?

Ю ПОС : — Ото жъ вона якъ устане щобъ иты, такъ йой треба
макъ поличыть и той, шо въ дымовыни, и той, шо по
дорозіѣ. Покры поличыть, то вже й не вспіе дойты. А
ця така була, шо й поличыть, и прыйде.

Ъ У С : С. Жеведь М. Н. Гринченко.—См. въ этой книгѣ въ отдѣлѣ II № 34, X.

173. Мертва живе на земли.

УОЧН : Була у однійи жинкы тилькы одна дытына и та
сь ПС : умерла. Такъ моыла маты Бога, щобъ хочъ у снн по-
Б КС : бачыть свою доньку. Иде вона на диды, колы идуть
НЕ С : йійи покійни батько, матирь и зъ йимы и йійи дочка.
ИМНБ : Ухопыла жинка свою дытыну та скоришь додому. И
ЛНТ : такъ прожыла зъ ею ажъ цилый рикъ, никуды не пуска-
И СС : ла видъ себе свою дочку. Прыйшлы зновъ диды.—«Ну,
НЕ П : каже дочка,—пишлы наши—пиду й я!» И де й дилась.
Ю СС : Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Марьяны Новиковой М. С.
ЛНТ : Чудновская.

174. Закладъ.

— А я мертвыхъ не боюся.

— Бо дурна! Грихъ мертвыхъ не боятыся.

— Чого тамъ грихъ? Я бъ наче й на гробкы вночи
сама пишла.

— Пишла бъ, такъ уже вдруге не ходыла бъ.

Стара баба:

— Ни, якъ такъ питы, такъ воно ничего, а якъ за-
кладатыся, такъ грихъ, и то вже не мынется. Одынъ

парубокъ закладався, що, каже, пиду на гробкы въ глупу пивничъ. Хлопци кажуть:

— Не пидешъ!

А винъ:

— Пиду. Отъ давайте обь закладъ, що пиду!

— Ну, а почому жъ мы визнаемо, що ты тамъ бувъ? Ты жъ насъ одурышь.

— Идить слидкомъ за мною, то й побачыте.

— Ни, мы не пидемо: якъ за тобою поженеться, такъ тоди й намъ не мынеться.

— Ну,—каже,—такъ я оцю хустку гвиздомъ до хреста прыбью.

Ну, добре, узявъ винъ молотокъ и гвиздокъ и пишовъ. Пишовъ, а ти дожыдають. Ждать-пождать—нема; ждатель-пождатель—нема. И до свиту нема. Якъ розвыднылось,—ти хлопци на гробкы, ажъ винъ коло хреста мертвый лежыть, и хустка до хреста прыбыта. Сталы його пидниматы—шось не пускае. Вони полякалыся, а тоди роздывылыся, ажъ винъ изъ хусткою чумарку свою до хреста прыбывъ.

— Отъ бидный! То жъ винъ мабутъ подумавъ, шо його мертвякъ держыть та й умеръ съ переляку.

— Дурни вы! А черезъ шо жъ винъ чумарку гвиздомъ прыбывъ? Ото жъ його й накарало, шобъ не закладався.

Славносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

Два варианта этого разсказа, записанные неизвѣсто кѣмъ въ Черниговскомъ уѣздѣ были помѣщены въ № 27 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1852 г. (стр. 286 и 287). Такъ какъ это издание представляетъ въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, то перепечатаваемъ ихъ оттуда.

1. Да тее Бухъ его знае, чи можно (иты въ закладъ) *), чи нѣ, а все таки тее кажуть, шо Божому

*) Записыватель говоритъ, что по понятію поселянъ закладываться или держать пари—ужасный грѣхъ, или, какъ они выражаются, грѣхъ *непрощенны*; что закладъ выдуманъ самымъ старшимъ чортомъ; что въ закладъ идти все равно что лишить себя жизни или умереть *намо*.

чоловѣку нѣякъ нельзя. Аже жъ бачте, якъ старыя люде кажуть: борони Боже ити въ закладъ. У насъ колись було таке диво, пане... Ось послушайте, коли хочете.— Колись муой покойный дѣдъ, нехай царствуе, перомъ ему земля... Аже жъ ты знаешъ его, Майсѣй?—А якъ же таки я не знаю? Лаврѣнъ Криволапенко, що живъ колись на концѣ кле Чепелихи вѣдьмы? Ге, ге, знаемо усѣ!—Декъ от-той же дѣдъ намъ колись розказувавъ, що екъ бувъ вуонъ парабкомъ ище, такъ, бачте, збирались на масляну недѣлю гулять, наняли уже, бачте, того музыку, напилисе усѣ гарѣлки, да й ну гулять; а деле вже, екъ понапивались добре, декъ одинъ паробокъ и каже:

— А нуте лишень, братцѣ, хто пуойде въ закладъ со мною: нехай хто трейки оббежить кругомъ старого шпиталя, где, кажуть, щось такее усе гуде, неначе собака, да ще, обѣгши кругомъ, нехай и палочку устыркне у землю супротивъ того угла, гдѣ образы Божіѣ колись стояли; тому, хто сее такечки изробить, кварта горѣлки.

Отъ одинъ обобрався, каже, такій знатны, хибѣтливый хлопецъ, да й пошовъ бѣгати. Три разы оббѣгъ, да й ставъ палочку устыркати у землю супротивъ того Божого угла, гдѣ образы стояли; нагнувсе, да якась и прыстыркнувъ тею палочкою полу одъ своѣ свиты; прыстыркнувъ да й сидить тамечка; ждали, ждали—немае паробка.—Що це тее за знакъ,—кажуть,—пуойдемъ, подивимось. Пришли, ажъ сидить; гукать—не чуе; коли пришли, ажъ вуонъ мертвы. Тутечка усѣ полякались да оттудова утекомъ. На другій день наѣхавъ судъ: зняли паробка того зъ землѣ, вертѣли довго, глядѣли, питали, каже, у насъ; мы кажемо: Не знаемо нѣчого, хто его знае. Декъ уже стали усѣ у селѣ казати, що оце все одъ закладу, що вже оце чортъ икъ сабѣ его взявъ да на юомъ теперечка ѣздитъ, бо вуонъ себе заложивъ

ему.—Оттакее то, вашіѣ высокіѣ благородіѣ, лыхо одъ сего закладу.

2. Що це, пане, за причта, що тутечка за диковина? Отъ то диковина, що колись, кажуть, десь тутечка кле мѣгилоть, у нашуомъ, бачте, таки й селѣ, стояла церква Божа и звониця кле тоѣ церкви була, теперь уже и мѣста того не знать; дакъ кажуть, що оттакечка на каляды позбирались хлопцѣ и дѣвки гулять, да вже, сказано, не безъ горѣлки гуляють; гуляли от-то вани до самоѣ пуовночи; нуочь була хотъ око выколь, така вельми темна, а хуртовина така зняласе, що й свѣту Божого не видно, мете й несе.

— От-то, братцѣ, кажуть, яка знялась хуртовина и нуочь темная екая; от-теперечка екъ бы хто бувъ добры молодець да одваживсе пробѣгти до церкви, да послушавъ, що тамечка теперь спѣвають мертвяка.

А одинъ такъ зарезъ и каже:

— А що жъ, що минѣ за тее буде?

— А то жъ и побѣгъ бы?—кажуть ему.

— А що жъ, пойду; ще, коли хочте, каже, полѣзу на звѣницу да зниму серце зъ звона и сюды ще й принесу.

— А нужъ, ну,—кажуть ему,—отъ же бо не зробишь сего.

— Отъ же зроблю, давайте хто у закладъ.

Тутечка одинъ подбѣгъ и заложився объ повкварты; а паробокъ за двери. Тутечка давай зъ его усѣ смѣятця:

— Нехай,—кажуть,—добре пробѣгаетця да якую небудь вѣдъму поносыть на плечахъ!

Ажъ, коли сее кажуть, вуонъ уже и стукае у двери:

— Очинѣть, каже, хлопцѣ!

Вани очинили, диветця, ажъ у его у рукахъ справдѣ сердце одъ звона. Уже тутечка, якъ не були пъяны, а такечка одъ сего усѣ и помлѣли; страхомъ такечки и ошибло усѣхъ: одинъ за другого ховаютця, и самъ тей паробокъ, що закладався да знявъ зъ звона сердце, такій прибѣгъ бѣлы, екъ полотно; ничого нѣкому не говорить, стоѣть кле порога, да ажъ увесь труситця; дѣвки усѣ полякались, ховаютця; а деле вже одинъ якось одумавсе да й каже:

— Що це, братцѣ, мы робимо,—аже жъ намъ бѣда за сее буде; нехай скорѣй несе да повѣситъ; а то нѣчимъ буде й до церкви Божоѣ позвонить.

А тей уже, що знявъ, и каже:

— Нѣ, братцѣ, уже самъ не понесу, боюсь, щось уже за мною бѣлее гналось, да все крычало: а на що, каже, ты знявъ, на яку потребу, яке твое дѣло, на що, каже, заложивъ свою душу?

От-тутечка ще й буольшъ усѣ полякались, а дале и кажутъ:

— Понесѣмо, братцѣ, усѣ: воно, може, побоѣтця, якъ насъ буде богато.

Взяли тее сердце, понесли, причепили зновъ, якъ воно було, да й вернулись, щобъ, бачте, провести дѣвокъ додому, коли туольки що въ хату, ажъ екъ схватитця вѣтеръ, да засвище щось такее у окна, да зареве, декъ ажъ стены у хатѣ затрѣщали; а деле викно ододрало да й каже, кинувши сердце одъ звона на стуолъ:

— Оце табѣ сердце; коли самъ изнявъ, дакъ самъ иди и повѣсь!

От-тутечка усѣ якъ мертвы постали; а тей, бѣд-няга, кажутъ, узавъ сердце да й пошовъ на звоницу, щобъ причепить, бо вже, бачъ, робить тутечка нѣчого, коли велено. Пошовъ да оттудова й не вернувсе. Серце на завтре було причѣплено такечки, якъ воно й булс, не-

наче, казавъ паламаръ, нѣхто нѣколи его ѣ не знимавъ, да паробка не знайшли: хто его знае, де вуонъ дѣвсе. Уже нескоро матцѣ покуйнаго приснивсе сонъ, неначе гледить вона, «ажъ сынъ, каже, муой знимае нашось сердце зъ звона, коли бѣлее щось, вано неначе ѣ чаловѣкъ, такъ забѣгло ему ззаду, ухватило посерединѣ да зъ ѣмъ уземлю ѣ пошло».—Отъ якъ закладъ сей робить, пане, и що вже тутечка чалавѣку супротивъ Божаѣ силы ити!...

ЗНИМА
Ъ ДЕН
Ъ, ВЕЩ
НАЩЕ
И ЧА
ДНЕ
РОС
БОС

VI.

О людяхъ съ чудесною силою
(вѣдьмы, ворожки, волшебники и пр.).

175. Видьмы вчаться видьмыты.

I.

Якъ повибывала Устя Гордіенчыха ноги, падаючи зъ воза, то йій пораялы привезты зъ Смилы костоправа (а костоправъ той славывся на всю округу). Отъ и привезлы його у Иржавецъ. Зробывъ винъ, що знавъ тимъ ногамъ Устынымъ и попрохавъ одвезты його назадъ. Запрягли коня, и сама Устя налагодылась йихаты зъ нымъ. Це було дуже рано, удосвита. Йидучы черезъ иржавську греблю, дидъ штовхнувъ ликтемъ Устю и показавъ рукою на берегъ. На берези стоялы дви жинкы, а коло йихъ несчылenna сыла усякого гаду.

— Ото бачышь тыхъ жинокъ,—то дви видьмы доучуються видьмыты, а ту гыбиль гаду, що коло йихъ, бачышь,—безъ того гаду навчытысь видьмыты не можна.

Устя съ переляку заплющыла очи и мерщій погнала коняку. Усю дорогу вона боялась балакаты съ костоправомъ, навить глянуты на його не насмилялась.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

176. Въ науки у знахарқы.

Давно колысь, ще за панщыны, у насъ такы въ Иржавци та жыла моеи бабы баба—Рыхвенка. Багацько де чого волошебного знала вона, а тымъ и ославылась навкругы, якъ найкраща знахарка й шептуха; люде до нейи такъ и рнулы, такъ и рнулы за всякымы порадамы. О, вона була дуже знахоровыта людына!—усимъ помагала, а кого, то й навчала де чого. Одного разу прыйшла до Рыхвенкы моеи такы бабы свекруха—Хвесья та й прохае:

— Навчить мене, бабусьо, хочъ де-въ-чимъ знахоруваты!

— Добре, моя дытыно, навчу,—вже кого-кого, а тебе навчу—я стара людына, день мени вику, та воно й не потрибне вже мени,—хочешъ, я видьмуваты навчу тебе?

— То й навчить,—одказала Хвесья,—а за се я вамъ дурно не схочу, шось та перекрыну.

Отъ баба Рыхвенка й каже:

— Пиды жъ ты спершу на базарь та купы нового горшка, намитку и съ пивъ моташкы заполочи,—тыльки жъ гляды, не торгуйся ажъ ни трошкы, щобъ не заправылы, те й давай. Якъ все це вже здобудешъ, тоди й приходь до мене, та тыльки на ничъ.

Хвесья все такъ зробыла, якъ велила Рыхвенка и одного вечора прыйшла зъ покупкамы до нейи. Рыхвенка поралась коло вечери и звелила Хвеси посыдиты покы шо. Незабаромъ Рыхвенка упоралась. Насыпала вечерять, повечерялы уси, и дидъ—старойи такы чоловикъ—полизъ соби на пичъ, а воны, обьдвѣ, взялысь мыскы та ложки мыты. Якъ почувла Рыхвенка, шо старый вже хрищъ, вона штовхнула Хвесью та й каже:

— Ходимо, моя дытыно зо мною! Якъ разъ гарна по-

ра настала, теперь нигде вже й никого немае на шляху, безпечно буде йты,—ходимо на гробкы!

Выйшлы на двиръ, а на двори хочъ въ око влипы, такъ темно. Идутъ вони по пидъ тынню, а Рыхвенка й каже:

— Гляды жъ, щобъ за однимъ духомъ набрала писку въ горшокъ на гробкахъ, бо якъ не наберешъ за однимъ духомъ, то дило не вгорить.

Прийшлы ото вони на гробкы. Хвесю такъ страхомъ обгорнуло, що якъ набирала того писку въ горшокъ, и нигъ не чула пидъ собою, такъ ии трусыло—навить согришыла килка разивъ. Якъ вже нагребла писку, тоди Рыхвенка звелила Хвеси, щобъ вона обвинула той горшокъ намиткою и объязала по пидъ винцямы намитку заполоччу. Зъ гробкивъ пишлы вони прямо до ричкы—на Пылявську греблю, що була ще колысь за пана Янька зъ невеличкымъ млынкомъ. Надійшовшы до самойи ричкы, Рыхвенка й каже:

— Хвесю, я хочу все свое знахирство здаты на тебе, бо я вже совсимъ нездуженна до сього, а ты людына ще молода и кремезна.

— Навищо воно мени здалось!—ажъ крыкнула Хвеса,—мени тилькы хотилось знаты, якъ заговорюваты панивъ, та де яки шепты одъ пошестивъ... всього мени не треба знаты, цуръ йому, пекъ!...

А Рыхвенка и каже йй:

— То було бъ же такъ и казаты, що не хочешъ, а теперь вже ничего не поможеться, мусышь те робыть, що скажу: розъязуй горшыкъ та скыдай намитку зъ його й накынь ййи соби на плечи!

— Ой, матинко, не хочу, я цього, нехай йому ледащо!—крыкнула Хвеса и кынула намитку, заполочъ та горшыкъ зъ пискомъ додолу, на писокъ. Якъ упало все те дыво коло ричкы, то вода такъ и зашумила, и заклекотила у ричци, мовъ у лотокахъ, або де инде.

Хвесья стояла сама не своя и трусылась съ переляку, якъ одъ пропасныци.

— Ну, про мене, якъ не хочешъ, то й такъ буде,— якось сердыто промовыла Рыхвенка:—визьмы жъ писку зъ горшка, та, прынамне, сыпны разивъ два у воду!

Хвесья съ переляку не знала, що й робыты—вона то въ той, то въ другой бикъ нибы порывалась бигты, дали нахылылась до того горшка, достала писку, та—порось, порось! нымъ у воду. Якъ глянула жъ вона на берегъ, а тамъ—ажъ кышыть, ажъ шыпыть увесь берегъ гадомъ... та ще й якымъ гадомъ—якъ полозьямъ! Юртується той гадъ, лазыть одно на одного й до Хвеси наблыжається... Якъ закрычыть вона, якъ заверещыть на все горло, та звидтиль мерщій—хода до дому... Съ того часу цилый мисяць вона не вставала съ постели, ажъ занедужала съ переляку. До Рыхвенки не тилькы сама бильшь никола не ходыла, а й другимъ заказувала не ходыты и не вчытысь усякыхъ хымородивъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

177. Одъ видьомъ.

1. Щобъ видьмы не ходылы до коровъ, треба нарвать на Ивана Купала конопель и поховаты у хливи. Тымы коноплямы выганяты коровъ у пастушь и якъ женуть, видьмы будутъ пидходыты и просыть оддать конопли.

Ще годыться у сей день нарвать кропывы и поставыть круга виконъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

2. Якъ видьма видбере молоко, то добре пидкурюваты корову зиллемъ священимъ на Ивана, робыты па-

ру зъ цыганськихъ жужливъ або зъ назбираного зъ
дорогы каминня.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

178. Якъ побачыты видьму.

1. Щобы видьму бачыты, треба засидаты на ню у
великий четверъ, або ще липше на Юря, бо тогды
найбыльше видьмы шастаються.

2. Якъ трафыться полино, шо мае у соби сукъ,
то якъ той сукъ выпадє, треба подывытыся черезъ дирку,
то тогды абы яка видьма, то мусыть показатыся.

№№ 1 и 2—Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Запи-
сала Н. Кобрынська.

3. Якъ хто умре на заговини на маслену, то выберы
у трискахъ изъ труны таку трисочку, щобъ була ди-
рочка одъ сучка, и якъ подывышыся у тую дирочку—по-
бачышь усихъ видьомъ.

4. Наличы трейчи по девъять голокъ, положъ на
сковороду, налый молокомъ и уставъ у пичъ. Якъ такъ
зробышь, видьма прыбижыть до тебе у хату.

5. На Велыкдень, якъ обійдуть на утрени круга
церквы и стануть уходыты у церкву, треба де небудь
недалеко стать и дывытыся, колы хочешъ побачыть ви-
дьомъ. Вони будутъ уходыть позаду усихъ, и кожна бу-
де цилваты у замокъ.

№№ 3 и 4 (с. Выбли Черниг. у.) № 5 (Рыльскій у. Курск. г.)
записала М. С. Чудновская.

179. Чымъ видьма является.

I. Видьма людыною.

А. Разъ одинъ чоловікъ пошовъ гулять, ажъ бачыть, щось попередъ його иде вродли чоловіка, дакъ винъ ставъ його наганять, а далей каже: «Чоловиче, пожды мене!» А воно мовчыть, дакъ винъ тоди бигомъ за нымъ, а воно навпроты його да давай його давыть, а чоловікъ не могъ промовыть слова, а далей давай чытать молитвы, дакъ воно и пошло одъ його, и винъ никоы того уже не бачывъ. Се видьма.

С. Выбли Черниг. у Записалъ ученикъ нар. школы Иванъ Новикъ.

Б. Одного разу чоловікъ ишовъ изъ гульни; да тилькы що дойшовъ до Павла, ажъ щось у хвортчку иде, глядь—видьма, да за йимъ, а винъ не вельмы испужався, да давай ламать колокъ зъ плетня, а вона и иде до його, дакъ винъ на ейи замахнувся колкомъ; а видьма все такы на його лизе, тоди чоловікъ куды выдно и утикъ.

Записалъ ученикъ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

II. Видьма овечною.

Чотыри годы уже пройшло, якъ бачывъ я сюю нечысть. Гулялы мы весилля якъ разъ на святу недилю. Проты четвертого дня святойи мы упъятьохъ, пъяненьки правда, такъ якъ опивночы ишлы по домамъ изъ весильного дому. Колы дывымось, бижыть по улыци проты насъ чорна овечка; мы за нею; колы изъ овечкы зробывся чоловікъ; мы й за нымъ; винъ тоди якъ чкурне, тилько його й бачылы,—хто його зна, де винъ и дився. По моему то буда видьма.

Отъ рабочаго Платона Бартоша (неграмотнаго) въ с. Свѣтильномъ Остерскаго у. Черниг. губ. И. Е. Коноваль 1899.

III. Видьма щенямъ, сорокою.

У насъ у Кулыковци у одного чоловіка, звывайте, отелылась коровка, ну чоловікъ и жинка сядять ждуть, щобъ узять телятко у хату. Колы дывляться, де не возьмысь щеня, та туды жъ до коровы. Вони и байдуже, думалы, що мо сусидське. Забралы телятко и коровку погналы у хату—и щенятко слидомъ. Уходятъ у хату, колы уже изъ щенята та зробылась сорока. Поймавъ чоловікъ ту сороку и выйнявъ йй ножемъ око; колы передъ йимъ уже жыдовка Юдыха, и кровь бижить изъ ока. И давай тоди жыдовка кланяться чоловіку та просыть, щобъ винъ никому не казавъ. «На, каже, тоби пятьорку, та здилай мылость не росказуй!» Узявъ той чоловікъ пятьорку, а на завтра и росказавъ людымъ, якъ було дило: «Оде, каже, у мене пятьорка и Юдыхине око: бережиться йи, бо вона видьма. Одговарувалась, одговарувалась Юдыха: «Се я, каже, сама себе шпырхнула у око, розбиравшы курку», а дали одъ сорому и зовсимъ убралась изъ села.

С. Куликовка Черниг. у. отъ М. Ревкиной М. С. Чудновская.

IV. Видьма собакою.

Одынъ чоловікъ ишовъ, а сучка йому на плечи скуокнула и лапы поклала. Вуонъ узявъ за лапы и несе и такъ лехко, шо и не пудсовуе. Ньюось, ньюось, а тоды вона выковзнулась, скуочыла за плуотъ ще й зареготалась. А моейи хресной маткы батько, такъ той у хату внюось и хотіѳвъ лапы поодрубовать, такъ вона зробылась жуонкою. Ще й яка жуонка—кума його. Стала просытьсе, такъ вуонъ и пустывъ. Такъ у його не можна выковзнуться, бо серга золота у вуси.

— Значыть у кого серга у вуси, у того не выковзнеться?

— Ніѳ, не то шо серга, а въ кого золото е: хочъ

серга, хочъ перстинь золотый або гроши, такъ у того и не выковзнетъсе.

С. Жсведь Черниговск. у М. Н. Гринченко.

Вариантъ разсказа о явленіи вѣдьмы собакою, записанный П. Косменко въ м. Понорницѣ Кролевец. у. Черниг. г. находится въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 г., № 17, стр. 113—114. Приводимъ его оттуда, какъ изъ изданія сдѣлавшагося библиографической рѣдкостью.

Нѣ добродію, що не гомонѣть, а нечиста сыла пахождае таки помежъ народу! Отъ, недалека кажучи и теперь ище живъ чалавѣкъ,—нехай йому легка згадаеще!—на *Пиваравци*...*) якъ бу його? Дай, Боже, дураку память!... Салабай!... Ишовъ, каже, разъ позенькѣ адъ Шендрика, да вже звѣсна, якъ идутъ адтуля,—геть-геть пудъ чаркою, колы оттамъ, у Грицаевой юлочци, вадкуль не вазьмись сучка йому на плечи... «Э!—каже,—знаемъ, що се таке! пастой же бѣсова ведюга, я тебе адучу народъ лекать!»—взявъ за лапы да й несе,—думка: дома распитаемось! Звѣсна, въ сущи вагата не велька, а то, каже, неначе сто пудовъ... «Дарма жъ, буду несты,—дума Салабай: нехай и шлунки забалать, дарма, а данесу!» Такъ то вѣунъ думавъ, да не такъ вышло. Бѣсова вѣдюга постерегла, що вѣунъ ийи несе не на размову, да давай, каже, и сюды, и туды... «Э! нѣ, дудки, не въ такіе руки попалась, щобъ выкрутыця!»—да маторѣй дадому. Що жъ вы думаете? пересадыла, каже, морду черезъ плечи да й лызъ езыкомъ по щечи, що ажъ въ очахъ позеленило. «Дарма,—каже,—донесу!» А вана його вдруге... втрейте... Салабай и свиту не вбачивъ да зъ усихъ чатырохъ шибиряхъ объ землю. «Бѣулшъ ничего,—каже и не знаю...». Люде на завтра гналы череду, дакъ пуднелы його, а шкуры на щечи наче й не було,—и теперь ще шрамъ видны!

*) Часть мѣстечка.

— Раскауйте, добродію,—выдумавъ! Хай бы се выдумавъ одынь Салабай, а то жъ скыльки народу все одно да одно раскаують. Злучаетце зъ нашимъ братомъ, що иногда и лышню выпьешъ, и пудъ плотомъ заночуешъ, а все жъ такы бува шкура на пыци цѣла.

— Вано такъ, вистымо, злучай злучаю розъ, да про сыхъ проклятыхъ віѣдямъ знае й старе, й мале, и куды не пайды—все те жъ гомонять, що воны апавночи то въ клубки, то въ свиней, то въ сучокъ перекидаютьце та коровъ доеть. Ярчукъувъ даветъ або людей лекають, або ще й иншіе капосты робеть. Нѣ такы добродію, нѣчого, е воны, проклетушійи, на свѣти. То що вы ще мало на свѣти живете,—поживете болшъ дакъ може—въ добры часъ поговарить, а въ лихи помовчатъ,—и вамъ злучитце пабачить йихъ нечистыхъ.

V. Видьма сытомъ, праныкомъ, котомъ.

Видьма чымъ хоче, тымъ прокынеся: сытомъ, праныкомъ або котомъ.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

VI. Видьма полотномъ.

Вы сміетесь, шо мы вирымъ у видьмы, та у инше, а шо жъ бы воно було таке ось хоть се. Иду я разъ у обходъ, дывлюсь—середъ вулыци роскынуто красне полотно. Се, думаю, не къ добру. Узавъ я та палкою и одкынувъ полотно, пройшовъ и дывлюсь. Ничъ була выдна, мисяшна. Дывлюсь, нема коло мене никого и нѣкого полотна нема. Такъ якъ бы се не видьма—де жъ бы воно дилось? И я не пьяный бувъ, щобъ, скажете, мени замыгало у очу.

С. Выбли Черн. у. Отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

VII. Видьма стиною.

Икъ разъ у опивночъ, колы саме ходять видьмы, одынь паробокъ вертався изъ вечерныць. Тилькы шо

винъ повернувъ у вузеньку вулочку, шо по надъ боло-
томъ, колы передъ йимъ била, блысуча стина и заго-
родыла собою дорогу.

Постоявъ паробокъ килькы тамъ уже, а тоди якъ
розженеться, да у стину; такъ вона и розійшлась на
два боки, а паробокъ, мовъ полотно, прыбигъ додому.
С. Выбли Черниг. у. Отъ Васылысы Шульгиной М. С. Чудновекая.

180. Черезъ видьму убывъ чоловіка.

Ишли два чоловіки изъ шинку, колы жъ откуля не
возьмысь—видьма, та й скочыла на плечи одному чоло-
вику. Другый, побачывши сее, хопывъ ломаку, та й да-
вай ййи быть. А люде жъ, бачте, кажуть, шо видьму
такъ прямо нельзя быть, а то не попадешъ, а треба,
щобъ попасты, быть ййи тинь. А той чоловікъ та сьо-
го не знавъ: бье, та й бье видьму, не знае того, шо
винъ не ййи попадае, а чоловіка, та такъ и убывъ би-
долагу.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Емел. Лукаша М. С. Чудновская.

181. Видьмы на Велыкдень.

— Може въ городи й нема віѣдкомъ, ну, а въ насъ
есть. Оце на Велыкдень на всюношній якъ идуть круга
церквы,—якъ уже до Христа дочытаються, та тоди й
идуть—такъ душъ коло двадцяты мужыкуовъ батюшку
бережуть, щобъ вони за рызы не тягали.

— Хто?

— Та віѣды жъ.

— На шо жъ вони тягають?

— Значыть такъ йимъ треба.

— А вы бачылы?

— Вже жъ бачыла. Такъ идуть люде круга церкви, а коло батюшки мужыкы й парубкы. Парубкамъ особлыво цикаво віѣдуюмъ одштовхувать та быты. Такъ оце вони ліѣзуть, щобъ такы лапнуть за рызы, а парубкы якъ потурять изъ схуодцовъ та бѣють! А всіѣ люде дивляються, кого бѣють. А вже вполи лаються бабы:—Ты сяка-така, тоби тольки попа за рызы тегаты!—И ще вони вспіѣшаються, щобъ попередъ попа за клямку въ церкви лапнутьсе. Двери жъ зачынени, якъ круга церкви пойдуть, а якъ пудходять уже до дверей, такъ вони й бижать, щобъ попа попередыты, ну, й ихъ мужыкы та парубкы й потурять одъ дверей. Знаете, яка штука разъ була: ота баба, шо я казала, шо якъ умерла та прыходыла въ ступи товкты, такъ, значыть, вона ліѣзе, щобъ потягты попа за рызы, а сусіѣда одштовхнувь йіѣ та й каже: «Шо се, всіѣ будемо попа за рызы тегать»? Ну, вона мовчыть. Отъ повходылы въ церкву, поставалы. И та баба стала коло того сусіѣды. А въ його коло верхнихъ штануовъ було два кгудзыкы та такъ кріѣпко вшыты. Постоялы, а вона йому й каже: «Хведоре, а шо це, всіѣ будемо штаны пудтягать?» Вуонъ глянувь, ажъ штаны опалы. А якъ же кріѣпко булы кгудзыкы вшыты. Такъ вуонъ тоди каже: «Теперь уже не буду й ихъ чіѣпаты,—хай йимъ усячына».

Ну, теперь уже не такъ сталы, якъ одну добре повчылы. Ліѣзе та й ліѣзе, такъ йіѣ якъ штурхонулы изъ сходцуовъ, а тоди ще й набылы добре та й положиы у хатіѣ, у сторожціѣ. А тоди просли службы сказалы сынови йіѣ вже:

— Запрежы коня та заберы матку, а то вона впала та забыласе дуже.

Не хочуть уже, значыть, йому казаты, шо вона віѣдьма, та такъ и кажуть. Такъ не менчъ якъ недіѣль сіѣмъ не вылазыла съ постели просли того.

— А батюшка знае, шо його бережуть одъ видьомъ?

— Звісно знає.

— А може жъ и не знає?

— Ніѣ, знає. У насъ у хатіѣ чоловікъъ одинъ, Микола Семенцовъ, казавъ, що батюшка йому колысь казавъ: «Спасиби вамъ, господа, шо бережете мене, а то були бъ звалылы мене бабы».

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1899 г.

182. Видьма на процессіи.

Якъ зъ процессією обходять церкву, то видьма николи не може тры разы обійты, якъ други обходять, лышь прыпреся до паркана та й чекає, ажъ обійдуть. Восточна Галычына. Болахивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

183. Видьма вночи видьмує.

Не знали дивчата, що баба Палажка видьма, та й пошлы до ййи на досвиткы. Прялы тамъ вони, шылы до пивночи и збиралыся уже ложыться спать, щобъ ще и вранци устать на роботу. Не успилы вони полягаты, колы уси четверо дверей зразу одчынылысь, мовъ бы йихъ одчыныла нечыста сыла. Баба стояла середъ хаты. Перелякани дивчата глянулы на нейи, ажъ изъ ейи сама спала одежа и баба страшка зъ распатланымы косамы, зъ страшенно скрывленнымъ выдомъ, зъ пиною на губахъ, хопыла рубель и качалку и давай бигать по хати. Дивчата зъ переляку не знали, шо робыть; екъ бы не мій батько, котрый ту ничъ бувъ обходчыкомъ, то вони бъ мо тамъ и повмиралы. Батько, побачывшы сее у викно, гукнувъ дивчатъ и прививъ ихъ до насъ ночувать безъ платкивъ и безъ юпокъ, бо зъ переляку вони и одежи одщуралысь.

С. Выбли Черниг. у. Отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

184. Видьмыне молоко.

Выслужывъ москаль двадцать пъять рокивъ, колысь же бачъ служылы двадцать пъять годъ, и ишовъ до дому. На ничъ зайшовъ винъ до однійи бабы. Тильки у опивночь вернулась баба додому. Москаль не спавъ и бачыть, якъ почала вона блевать, такъ молоко зъ ййи и лизе у тазъ, а у послидній разъ якъ блонула, то ажъ загорилось. На завтра и подае вона москалю тее молоко.

— Ни,— каже москаль,— не хочу.

— Не хочешъ, каже, а поглянь, килкы молока, нема, каже, тиейи коровы, щобъ я не подоила.

— Ну,— розказувавъ потимъ москаль,— и родывсь, и хрестывсь— не бачывъ такойи видьмы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

185. Видьма продае масло.

Оця баба, шо у осень умерла, кажуть була видьма: дойила чужыхъ коровъ.

Понесла вона разъ на базарь масло прѳдать, а панъ и затрывавъ ййи съ тымъ масломъ.

— Шо се,— каже,— ты за масло таке продаешъ?— та за його та у польщю.

А баба скоришъ мижъ люде и утекла.

Несе панъ тее масло у горшку, а воно, кажуть люде, такъ изъ горшка и летыть, скано видьма: изъ чого вона його не робыла! Не знаю уже, чы донисъ панъ його скилькы небудь, чы мо такъ усе и повыскакувало.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Анастаси Шульгиной М. С. Чудновская.

186. Будякове масло.

О, есть люде та ще й не абы яки знаючи. А отъ хоча бѣ и се. Одынѣ панѣ та найнявѣ поденныхъ робитныхъ на своихъ харчахъ. Отъ, вырядывѣ винѣ йихѣ на поле, давѣ йимѣ хлиба, а до хлиба хоча бѣ що небудь,— хоча бѣ цыбульну, гирочокѣ, чы то солы дрибокѣ, або що. Отъ якѣ прыйшла обидня пора, посидалы уси у кружокѣ та й давяться тымѣ черствымѣ однимѣ хлибомѣ. Йидять соби мовчки, а одна зѣ жиночѣ и каже: «Ну, та й скупа жѣ наша пани, ажѣ ничогисинько до хлиба не дала; симѣ коривѣ на обори мае, здається, не зубожила бѣ, колы бѣ маслычка хочѣ трохи дала». Друга молодыця, почувшы се, пидвелась и пишла соби геть на бикѣ одѣ гурту; пидйшла вона до будяка, що цвивѣ било, та й почала за верхню квиточку його крутыть. Такѣ крутыть, такѣ крутыть, а дали пустыла ту квиточку, нагнулась и взяла сѣ пидѣ будяка здоровенну грудку масла. Принесла те масло до гурту та й каже: «Йижте на здоровъя!» Взялыся уси лусомѣ до того масла и ажѣ онѣ якѣ поналуплювалысь, тилькы воду попывають та дякують тйй молодыци за масло. Увечери робитныкы позиходылысь у двирѣ до пана, а пани и хвалыть ся йимѣ, що бильшѣ двохѣ годынѣ удень колотыла масло й хоча бѣ ознаку бачыла, що воно злиплюється у сметану—не кажы, що сыроватку бовтала. Позырнула та жинка на всихѣ молодыцѣ, пидморгнула йимѣ, а вони йй та й мовчать соби—догадалысь, де дилось те масло, що пани цилый день войтузылась зѣ нымѣ. Онѣ бачыте, яки люде трапляются! Отъ же розказуй теперешнимѣ молодымѣ жевжыкамѣ про се, то вони ще й не поймутъ виры, на кглузы пидймутъ.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

187. Завитка и видьма.

Пишлы люде жаты, колы у жыти завитка. Полякалысь воны, бо завиткы роблять на смерть, або на яку небудь пакость. Кынувсь чоловикъ по батюшку. Прышовъ попъ и тилькы шо хотивъ вырвать завитку, колы летыть видьма на крылахъ и давай просыты, шобъ попъ не чытавъ молитвы и не чипавъ завиткы; «Я, каже, вамъ бочку молока прынесу». А потимъ хватыла борону, та шо вона ййи попотягала, та попросыла, та тилькы ййи не послухалы.

С. Выбли Черниг у. Отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового ОГНЮ,

Якъ дивкы й хлопци поросходылысь одъ купала, товаришъ мй и каже: «Вернимось до купала, та будемъ бачыть, якъ видьмы попрыбигають за попилемъ». Вернулсь. Пождали коло купала, шо уже стало затухать. Товаришъ мй держыть у руци лозынку. Колы бижыть видьма, та тилькы шо хотила хватыть попилу, а винъ ййи лозынкою, такъ вона и одскочыла. Тоди друга прыбигла, хотила хватыть попилу, товаришъ и ййи лозынкою. А третя бигла, та ажъ пина зъ рота, та шо вона попроскакала круга купала, шобъ ухватыть попилу, а товаришъ усе лозынкою, лозынкою, ну и не допустывъ ни одну.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Маркела Непомнящаго. М. С. Чудновская.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка,
що на заговини варють.

I.

Одного году молотывъ я въ чужомъ сели. Заговлялы на писть. Кто, пытаю, хлопци, хоче побачыть видьму, оставте у роти сыру. Посміялысь, а я усе такы сыру за губою оставывъ. Полеглы спаты. И сныться мени, що якась жинка просыть оддать йій сыръ. Прокынувсь я—нема ничего; заснувъ зновъ, и зновъ мени сныться сее саме, а потимъ и утрейте. Давай я тоди будыть хлопцивъ: уставайте, кажу, бо видьма одыма у мене сыръ. Уже и на зору почало займаться, повставалы мы. Вынявъ я зъ рота сыръ и завязавъ у поесь. У обида дывлюсь—бжыть дядьковъ сынъ Антонъ: «Иды, каже, скоришь додому—жинка зовсимъ умирае». Що воно думаю таке, мо се такъ видьма зробыла? Вынявъ я сыръ изъ пояса, щобъ ще бильшь не дратувать видьму, засунувъ у щиль и побигъ додому. Черезъ килькы день я зновъ вернувся до хазяйина, кынувся сыру, а його и слидъ простывъ: видьма украла, щобъ я на Воскресеніе йихъ усихъ не побачывъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ефима Ювенка М. С. Чудновская.

II.

Якъ липлють вареныкы на заговини, такъ треба першый якосъ намитыты, а якъ зварыться, то высушыты його и увесь писть носыты въ пояси.

На Велькдень, идучы до утрени, положи його за шоку. То видьма пидійде, торкне за плече и прохатыме: «Дай мени вареныкъ!» А йій треба сказаты: «Дай неминый рубъ!» Вона довго не даватыме, а тоди такы дасть рубъ той за вареныкъ. И того рубля вже чоловикови

на весь виць стане, абы тильки не купуваты одразу на весь. Треба такъ, щобъ хочъ копійку здачи зъ його взяты, то й вернется уп'ять. А якъ не взяты здачи, то вже не вернется.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

190. Видьма краде нехрещену дытыну.

Якъ бы на двирь кинувъ нерозвязане помело, то прыйде видьма и выдуе зъ його видьмину, а потому кобы де лышь захопыла нехрещену дытыну, то заразъ пидминяе. Тому докы дытьна нехрещена, мусыть свичка гориты въ хати.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

191. Видьма выплюе часточку.

На першому тыжни велького посту у суботу килькы чоловикъ у церкви бачылы, якъ одна жинка и хлопецъ, запрычастывшысь, выплюнулы зъ рота прычaste, и часточки св. Тила зробылысь пчилкамы и пиднялысь угору.— Я чувъ, шо такъ роблять охотныкы, щобъ на охоти була йимъ удача, а жинка зробыла се выдно тому, шо була видьма.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Маркела Непомняцаго М. С. Чудновская.

192. Видьма здіймае зиркы зъ неба.

Якъ була я у Мошнахъ въ монастыри, то ось яке дьво розказувала мени квиткивська молодыця про тыхъ видьомъ. У нашимъ,—кае,—сели, у Квиткахъ такы, та живе одна жинка, шо здійняла зъ неба зорю тымъ пив-

миткомъ, що не скидався зъ мотовыла уси велькодни святкы. На нейи такы подейкувалы уси селяне,—кае, що вона була, не при хати згадуючы, видюга добра.

Отъ вона,—кае,—здійняла його на Хомыну недилу, увечери, та такъ якъ опивночи выйшла на двиръ,—а зори, якъ ти золоти цяпечкы блыщать на неби,—махнула тымъ пивмиткомъ и збыла одну зирочку. Узяла ту зирочку, поклала ййи у новый горшокъ, накрыла покрышкою, однесла у погрибъ и поставыла на масли, а сама пишла на роботу. Удень ййи та сусидыны диты гралысь соби у пижмурокъ (певно ховалысь и у погриби), та й зняли съ того горщыка покрышку. Колы се,—кае,—якъ заблыщыть усюды, якъ засяе, то не кажы, що пожежа, хай Богъ бороныть, де трапылась! Зирочка вылетила зъ горшка, пиднялась геть надъ оселямы и полетила на небо. Есть гаспыдськы волошебныцы, що й зирочки за нымы не вдержаться—тымъ то йихъ и поменчало теперъ на неби. Шо хочте кажить, а теперъ йихъ далеко менче на неби стало, нижъ колысь було, якъ я ще зазнаю!

Каневскій у. Записалъ В. Ф. Степаненко.

193. Видьма боиться йирчука.

— Ну, нехай уже й немає відьдомъ, нехай то такъ бабы одна до одной ходять коруовы дойти, а все жъ за йимы не можна собаки йирчука вдержаты. Отъ уже такъ добре знаю, що муой братъ у хати йирчука державъ, шобъ не задавыла відьма. Місьяцуовъ тры державъ, и такый уже гарный, здоруовый собачка ставъ. Тогда вже куды жъ його держать, якъ уже йому місьяцуовъ тры,—выпустывъ, а вона, проклята, йому куосткы й потрощыла. Якъ бы маленький, такъ задавыла бъ, а то чысто куосткы въ суставахъ потрощыла. А оце въ осень

якъ я додому ходыла, такъ розказувалы на вечорныцяхъ, шо тамъ до одного чоловіѣка прыйшла пуодъ повіѣтъ така въ кожусіѣ и косы распатланы, та й заходылась йирчука давыть и задавыла. А невіѣстка угледила та й впознала ту бабу та на зоввыцю:—Ходіѣмъ!—А вона така небоязька. Побіѣглы вони городамы и прыбіѣглы швыдчей за ту бабу. Колы вона йде у кожусіѣ, распатлана. Увойшла у хату, а вони у вкно дывлютьсе. А вона кожухъ искинула и давай косы пудбирать пудъ чепокъ. Такъ вони дома розказалы, та й просють, шобъ никому не розказувалы, шобъ не сердылась вона, значыть. Такъ хыба жъ Иванъ, парубокъ йихъ, утерпивъ?—Побачывъ йийи да й каже: «А ты, стара сучко, на шо мого собаку задавыла»? Такъ мовчыть.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

194. Видьмы возылы видьмака.

Жывъ соби такой чоловікъ, шо знавъ усихъ видьомъ и казавъ про йихъ людемъ. Узлылысь видьмы на сього чоловіка, прышлы разъ до його уночи, а вонъ да спавъ на вози, и вывезлы його на ростаньки. А чоловікъ сей бувъ видьмакъ и зробывъ такъ, шо видьмы не можуть одыты одъ воза. Простоялы вони тамъ цилу ничъ, уже и на зору стало займаться,—бабы погналы до череды, а вони усе стоять коло воза. Тоди уже якъ уси люде побачылы видьомъ, чоловікъ пустывъ йихъ додому и сказавъ, шобъ вони не дойлы чужыхъ коривъ.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Якова Вишневецкаго М. С. Чудновская.

195. Дядько Хведоръ знахарь.

I.

Ну, дядько Хведоръ, чы винъ видьмакъ, чы колдунъ, чы хто його знае: що захоче, то и зробить. Чы скотына захворіе—поклычуть його, винъ подывытсья, та щось пошепче—и пройде; чы зубы заговорыть—до вику не будутъ болить. А що зупыныть млынъ, або коней, такъ йому якъ разъ плюнуть. И що воно таке за чоловікъ, и чого винъ тилькы не може зробить!.. Оце недавно йихавъ якыйсь панычъ на ласапеди. Дойихавъ до кузни, а тутъ и дядько Хведоръ стоявъ, та й каже: «Оце якъ летыть!» Такъ заразъ панычъ и гепъ зъ ласапеди; сивъ, та й зновъ гепнувся и такъ килькы разъ: якъ сяде, такъ и злетыть. А дядько стойить и усъмихається. —Се ты, дядьку,—каже панычъ,—выдно зъ мене пошутывъ?

— А ну жъ сядьте, каже, якъ вы на сій машыни йиздыте?

Тоди панычъ сивъ и уже бильшь не падавъ, а такъ и побигъ, тилькы дзенькае, щобъ диты утекалы зъ дороги.

Такъ онъ якый дядько Хведоръ! Винъ мабутъ бы и чугунку, що коло Муравейки, зупынывъ. (Записано отъ школяровъ).

II.

Ни, такы не кажить, а Хведоръ багато де чого знае: онъ и млыны, и машыны ти, що на двоохъ колесахъ йиздять, зупыняе, а разъ и намъ було, що прышлось стать середъ дороги, чого й що. Се було якъ Хведоръ отдававъ небогу у Ковчынъ, и йихало насъ шиснадцять пидводъ зъ подаркамы. Хведоръ йихавъ позаду и крычавъ намъ, щобъ мы зъ чоловікомъ пидождалы, а мы не послухалы и пойихалы.

— Ну, погуляйте-жъ—каже винъ,—не пидождали—
усе равно заразь остановытесь.

Колы жъ икъ разъ якъ сказавъ, такъ намъ и случылось. Йидемъ мы по ровнй дорози, колы зразу визъ нашъ якъ пидскочыть, мовъ бы хто його пиднявъ, колесо спало, и мы попадады.

— А шо,—каже Хведоръ, здоганяючы насъ,—я казавъ: погуляйте мене, а то усе равно остановытесь, вы не хотылы—отъ и сталы. (Отъ Насти Шульгиной).

III.

Йихалы мы зъ поля. Дойизжаемъ до млыновъ.

— А шо,—каже дядько Хведоръ,—хочете шобъ сей млынъ замоловъ на другый быкъ?

— А нужъ, ну,—кажемъ,—зробить.

Дядько ничего и не робывъ, а тилькы глянувъ на млынъ, и винъ замоловъ на другый быкъ. (Отъ Орины Непомняшей).

IV.

Чыстылы мы одного году болото и землю возылы на ныву. Дойизжаемъ до мосту, шо пидъ селомъ, колы йиде дядько Хведоръ, глянувъ на наши кони, такъ воны й сталы. Былы, мы былы, та ничего не врадымо—не рушаты кони зъ миста, хочъ ты шо хочъ, наче шо пидъ колеса пидложено.

— Возьмить,—каже дядько,—розпряжить, та переведить коней черезъ дугу.

Мы такъ и зробылы: перевелы черезъ дугу, запрягылы, и тоди кони повезлы не весьма важкый возъ зъ землею на мость. (Записано отъ Клима Новика).

V.

Узявъ я ружже та й иду, колы стрекаю дядька Хведора.

— Се ты, каже, за уткамы.

— Эге, кажу, пиду чы не вбью чого.

Идемъ умисти.

— А ну,—каже,—покажь ружже.

Я здуру й давъ: нате, кажу, подывитьсяя.

Подержавъ винъ и отдавъ, а самъ звернувъ у пасику. Иду я, колы летыть циле стадо утокъ, я выстрельвъ—не попавъ, зновъ выстрельвъ и зновъ не попавъ. И такъ икразъ цилый день: птыци багато бачывъ, а що выстрелю—не попаду. И такъ уси кажутъ: якъ тилькы дасы дядьку Хведору подержать ружжа, ну и не жды добра,—зроду не убъешъ. Та що про птыцю—колы повисыть картузъ, або держать руку на десять ступеней, и не попадешъ! (Записано отъ К. Новика).

VI.

Дуже добре було у насъ ружже: багато наши охотныкы побывалы йимъ усякойи дычи. Прыходыть разъ до насъ одынъ чоловикъ. Балакалы про те, про се, а дали винъ и каже:

— Продайте—каже,—мени ружже.

— Э, ни,—каже старый,—ружжа я своего не продамъ.

— Ну, не продасте, такъ стриляйте йимъ сами,—одказавъ той чоловикъ, Хведоръ, и пишовъ зъ хаты.

Такъ ружжа и не продады, та тилькы воно перестало убывать птыцю. Оце було стриляють, стриляють, пиръе такъ и сыплеться зъ птыци, а сама летыть далей и ни односенькойи и не убылы съ того часу, покы не одвезлы ружже у городъ до майстра, и винъ не розобравъ його, та не повставлявъ усе нове. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VII.

Йихалы мы разъ ловыть рыбу ситкою. На улыци стрекаемъ дядька Хведора, того, що серчавъ на насъ за ружже.

— Не йидте, каже винъ, бо усе равно ничего не піймаєте.

Мы не послухалысь, пойихалы, думалы, а мо що небудь такы піймаемъ. Та ни, уже якъ дядько сей скаже, такъ тому и быть.

Багато разивъ мы закыдали ситку и ни одніей рыбки не бачылы: скрутыться ситка такъ, наче ййи рукамы хто крутывъ, та такъ и вытягнемъ ни съ чымъ. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VIII.

Пишла я у гай по грибы, прохожу мимо пасики, та якось то и не сказала дядьку Хведору, шо сыдивъ коло будкы,—зрастуйте. Походила трохи по гаяхъ, ничего не набрала и бижу додому, бо дома диты сами. Та шо зо мною таке сталось?—Не траплю до села, та й годи: похожу, похожу, та й зновъ неначе хто мене назадъ поверне. А гай же нашъ и невеличкый и икразь пидъ селомъ. Ось и церкву на гори выдно, и село, а ниякъ не дойду. Водыло такъ мене, водыло и привело до пасики.

— Зрастуйте,—кажу теперь уже,—дядьку!

— Зрастуй,—каже,—ну сядь же,—каже,—молодыце, оддышь, мо ты утомылась.

Я такъ трошки посыдила, и тоди уже неначе очи мени одкрылысь, и пишла прямо додому. (Записано отъ Леусовой).

Въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

196. Видьмакъ занапастывъ чоловика.

Одынъ чоловикъ косывъ съ половины сино, та й перекосивъ. Росердився той чоловикъ на сього, шо перекосивъ и помывся йому оддячыть. А той чоловикъ Ш., та бувъ колдунъ: чы дасть було кому шо выпыты, або хочъ и понюхать, то и загыне чоловикъ. Отъ и ставъ Евхымъ, той шо перекосивъ його травы, бережыться Ш.

и до його не ходывъ, и ничего зъ його рукъ не бравъ, и боявся и стрекаться зъ видьмакомъ. Такъ скилькы и прошло. А дали сей видьмакъ не утерпивъ и приходьдыть до Евхыма у хату, глянувъ йому у очи и выйшовъ. Такъ той чоловікъ заразъ занедужавъ. Побиглы до Ш. просыты, щобъ помигъ, а винъ и каже:

— Ни, уже пизно, не поможеться, не треба було перекочувать, се усе коса вынна.

И не помигъ. Такъ бидный Евхымъ на четвертый день и Богу душу отдавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Насти Шульгиной М. С. Чудновская.

197. Свекоръ ворожбыть.

Гулялы мы на весилли. Стала я уже збираться додому, а свекоръ пъяный и каже: «Подай воды!» Ну, думаю, балы, наберешъ и самъ, та й пишла зъ хаты. Було не дуже темно и дорогу добре знаю, та ниякъ не найду додому. Що пройду трохы, то у таку грязь улизу, що насылу выберусь. Хожу, хожу, та й зновъ вернусь на те мисто. Ходыла я такъ, ходыла и прыйшла зновъ на весильный двирь. «Подай же,—каже свекоръ,—воды». Я подала.—«Ну теперь же—каже,—иды та знай, що у тебе е батько и що його треба слухать».—Я выйшла и теперь уже не бачыла тиейи й грязи и не блудыла, а такъ прямо й прыйшла додому. Такъ отъ який мій свекоръ.

Записала отъ М. Новиковой, въ Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку.

Бувъ у насъ на сели такой чоловікъ, що було якъ захоче горилкы, такъ и иде до хазяина: дай, та й дай,

каже. А служивъ винъ за старшого рыбалку у жыда. Ну, жыдъ першъ дававъ, а то уже ставъ одказувать. Отъ рыбалка тоди якъ свысне: такъ жыдивська хата и наповныться усякымъ гадомъ. Тоди жыдъ уже й самъ просыть пыть горилку, та скоришъ выгонить зъ хаты сюю капость. И такъ дидъ рыбалка частенько зывавъ вуживъ, жабъ, ящерокъ и усякыхъ тамъ гадовъ, абы угостыться горилкою.

Записала отъ Мотри Товстолѣсь въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

199. Якъ коняча шкура полизла у шынкъ.

Шынкаръ та хотивъ, щобъ одинъ заможній хазяйинъ роспывся. Отъ винъ попрохавъ наймычку того чоловіка выстрыгты у хазяйина косъ и принести йому—шынкару. Дивка помилась, и разъ було уже зовсимъ намирылась,—ни, сумно. «Не на добро, видно, шынкару треба косы. А що, якъ я зъ цієї шкуры та выстрыжу килькы волосынь? шынкаръ не вгадае». Спочыла вона на лаву, а на жертци высила коняча шкура; выстрыгла дивка трохы волосынь и однесла шынкару. Того жъ дня у обидъ дывляться, ажъ коняча шкура сама тыхенько злазыть изъ жерткы на лаву, а тоди на доливку и полизла зъ хаты до шынку. Оттакъ бы було и тому чоловіку, якъ бы дивка выстрыгла у його косъ.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

200. Гончаръ видѣмакъ.

Йихавъ гончаръ и обладнавсь на лузи ночувать. Прийизжають туды и ночлижнныкы.

— Давайте,—каже одынъ,—выпросимъ у гончара горшка, а не дасть—напугаемъ.

— Дядюшка, дайте намъ горшка!—просятъ хлопецъ.

Гончаръ не давъ.

— Ну,—каже—колы не даете, то убирайтесь видселя!—и давай усякъ гончара лаеъ. Мовчыть гончаръ, слухае, якъ його лае хлопецъ, а потимъ запрегъ коня и одйихавъ одъ того миста. Тилькы що гончаръ одйихавъ, у хлопця голова узяла, та й повернулася назадъ. Пойихалы скоришь ночлижныкы у село, сказали матци того хлопця. Здогнала маты гончара, та давай кланяться, просятъ за сына.

— Иды,—сказавъ гончаръ жинци,—голова буде на мисти, дай тилькы йому выспаться, скилькы схоче, та учы сына, бо винъ погано робыть, що чепае людей.

Вернулася маты, положила сына спать. А якъ винъ уставъ, голова зновъ стала на мисто.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ.

Колысь, бувъ я ще тоди малымъ, може було мени рокывъ зъ пъять,—зйбралися мы вси коло хаты: мій батько, дидъ ще бувъ жывый, та сусиды посадалы на прысьби, балакають соби про се та те. Уже вечерило. Се було весною. Колы мій батько почавъ прыдывляться та й пытае:

— Що се таке, наче якась птаха пролетила?

Тоди вже й я бачу, що летыть якась велька птаха—наче журавель. Мій дидъ якъ схопыться, та за колесо (у насъ на двори лежало старе, поламане колесо). Винъ узявъ те колесо, поклавъ середъ двора та ломакою обчеркнувъ кругъ. Тая птаха спускається на те колесо

ныжче, ныжче, та промовляе: «Пыть, пыть!» Колы дывимось, ажъ то не птаха, а москаль. Учорнивъ якъ земля. Побигъ я въ сини та принисъ у глечыку воды. Винъ напывся, тоди заговорывъ. Тутъ його, конешне, люде обступылы, почалы роспытывать. А винъ моему диду въ ноги кланяється:—Колы бъ вы мене заразы, диду, не порятувалы, то я бъ пропавъ: розбывся бъ на смерть або объ дерево головою, або въ ричку бъ упавъ.

— Кто жъ це тоби такъ зробывъ?—пытае дидъ.

Отъ винъ и почавъ росказувать:

— Прыйшовъ я у шынокъ; пью соби горилку, закусю. Колы увійшовъ лывтынъ:—Почастуй—каже—мене, въ мене грошей нема.

А я повернувся до його, та кажу: «Оце ще всихъ буду частувать»!—Не давъ йому ни грошей, ни горилки.

Тый лывтынъ зкоса зырнувъ на мене та тилькы промовывъ: «Будешъ же ты мене знаты!» И пишовъ зъ шынку. Гилькы шо я за поригъ, колы чую, мене вгору тягне: якъ почавъ махать рукамы, якъ почавъ, та й полетивъ. Летивъ я, летивъ ажъ зъ Черниговськоїи губернии. Якъ побачывъ, шо вже черезъ Днипръ лечу, то дуже злякався: сылы у мене вже немае, у горли засохло. Отъ, отъ упаду. Ставъ я Бога прохать, щобъ не давъ умерты наглою смертю. И якъ я теперь,—каже,—додому дойду?

Тутъ його люде обступылы и почалы йому давать грошы: хто копійку, хто дви—хто скильки мигъ. Переночувавъ у насъ тый москаль та й пишовъ додому.

Записала Одарка Романова отъ крестьянина деревни Мышеловки Киевской губ. Ивана Дидусенко.

202. Лывтынъ одъ чаривъ вызволяе.

Жылы колысь у Нижыни заможни люде, була въ ихъ одна дочка. Отъ, и посватавъ ййи одынъ пару-

бокъ. Вона не знала, що въ його була друга, що мала двоухъ дитей. Хотивъ винъ такъ повинчатся, щобъ перша не знала; але йій хтось сказавъ. Вона прыбигла до церкви и стояла коло дверей, щобъ побачыть, якъ молоди вже будуть выходыть. Якъ тилькы молоди выйшлы зъ церкви, а вона й обсыпала молоду якимсь зиллямъ. Заразъ почула молода, що зъ нею щось койтись непевне, та й каже до молодого: «Куды це я прыйхала?» Якъ тилькы пидійшлы до хаты, а йихъ вже стричають зъ дижою та свичкамы його батько й маты. Хотилы йихъ благословыты, а вона й закрычала: —Що се вы руки зъ дижою здымаете?—Та якъ побигла, та й зновъ крычыть:—Рятуйте! Чы се пожаръ? Чы се весилля, що такъ людей багато, мовъ батько вмеръ.

А молодой ходыть та руки ламае. А його перша стойить зъ дитьмы та плаче, на дитей дывлячысь. Якъ побачыла вона таке горе, що скойилось зъ молодою, то йий вже й жалко ййи стало, та вже не може йий за-помогты: вернула бъ назадъ, та не можна. Потимъ вона иде зъ дитьмы, та й говоре:—Ходимъ, диткы! Наробыла лыха ваша дурна маты. Може и вамъ такъ колысь буде!

А того молодого батько й маты стари думалы, що невестка зъ добройи семйи, то й йимъ добре буде, бо дивка була хороша, а отъ що скойилось. Сумують. Тая невестка вже жыве въ йихъ хати, бо воны бачуть, що сынъ дуже вбывається, то воны ййи держалы, хочъ вона ничого вже не тямла. Жыла вона отакъ у йихъ годъ. Иноди заховається та плаче, а то квитокъ поначиплюе на голову, а то лежыть и не поворухнется: не може ничого въ руки взять.

Намучылыся зъ нею и чоловикъ, та й маты зъ батькомъ отакъ ажъ до самойи Покровы, а на Покрову у насъ бувае ярмарокъ. Позйизжалыся люде то зъ тымъ, то зъ симъ. Йихавъ лытвынъ зъ горшкамы, та на гребли обламався якъ разъ проты того двора, де жыла тая нещасна хора молодыця. Лытвынъ увійшовъ у тую хату и просыть:

- Дядечку, голубчыку, помогите мени—обламався.
Хазяйинъ клыче його въ хату.
- Идите, дядьку, въ хату, а я вамъ ось скину зъ горы.
Якъ тилькы лытвынъ зайшовъ у хату, поздоров-
кався, та й пытае:
- Що се у васъ хора, чы шо?
А свекруха й говоритъ:
- Голубчыку, оце цилый годъ мы отакъ зъ молоды-
цею мучимся.
Лытвынъ тоди каже:
- Розкройте ййи, я подывлюсь, яка вона.
Свекруха одкрыла рядно и держыть молодыцю по
пидъ руки, бо вона не може вже й сидить.
- Ой, дочко, якъ же тебе дуже обсыпалы!—каже той
лытвынъ, та й каже свекруси:
- То вона якъ стала на поригъ, а тая жинка ййи
сыпнула пидъ ноги, то вона якъ уступыла, та й збоже-
вилыла.
Свекруха вже бачыть, шо чоловікъ щось знае.
Якъ почалы його просыть батько и маты:
- Дядьку, змылуйтеса, бо молодыця пропадае.
Якъ тилькы лытвынъ помолывся Богу, та щось по-
шептавъ надъ молодыцею, вона стала роздывляться, та
й пытае:
- Титко, чого се я у васъ? Служу, чы шо? Хыба ме-
не маты наняла?
Тилькы вона це приказала, и ййи чоловікъ увій-
шовъ у хату, та й каже до жинкы:
- Се я тоби прянычка кұпывъ. На, ззижъ!
А ййи такъ стыдно стало, шо винъ пры матери дае
ййи пряныкъ, бо вона жъ не знае, шо вона вже його
жинка. Каже:
- Не хочу. Мени стыдно. Онъ твоя маты стойить
та дывытеса.
А ййи чоловікъ каже:

— Дакъ що жъ, що маты дывыться? Вона твоя й моя.
Тоди свекруха почала плакать та обнимать ййи,
та каже:

— Ты жъ теперь и моя дытына, бо ты повинчалася
зъ мойимъ Иваномъ.

Тоди лытвынъ каже:

— Слухай, Иване, колы ты на вульци стринешъ свою
першую, то бережыся, иды дали, бо якъ вона тебе об-
сыпле, то вже и я ничего не вдию.

Зъ того часу тая молодыця одужала.

Дакъ отъ що може скоятысь, якъ двоохъ жинокъ
маты.

С. Филевка Нѣжинск. у. Записала отъ Василисы Наконечной Одар-
ка Романова.

203. Якъ лытвынъ дивчыну покаравъ.

Гулялы на вульци дивчата, парубкы у насъ на сели.
Вже стали расходыться по хатахъ. Уси дивкы жылы
на одной вульци, а одна дивчына, Мылашка, жыла да-
ли—на шляху. Дойшла вона до своего двора, стала та й
дывыться на панськый садокъ; а тамъ лытвынъ ночувавъ
зъ горшкамы била садка.

Вона пидкралася тыхенько до того лытвына, що
спавъ, та думае матери вгодыть: узяла два великыхъ
горшка въ одну руку и въ другу, та думае: Отъ гарно
въ ныхъ буде плаття зольть.

Та й пишла зъ тымы горшкамы до двора.

До двора не дойшла, та й вернулась до лытвына,
та такъ усе й ходыть: одъ двора та до лытвына. Ось и
сонце почало сходыть. Женуть жинкы череду, та й по-
бачылы, що ходыть Мылашка зъ горшкамы та й кажуть:

— Чого се ты, Мылашко, ходышь зъ горшкамы по
шляху? Отъ ходня напала!

Та регочуть зъ нейи, а вона вже й очей не пид-

нимае вгору, та плаче—бо соромъ. А лывынъ то конямъ овса пидсыпле, то сина пидгорне. И не зырне на нейи. Приходьтъ тая дивчына до лывына, та йому въ ноги кланяється:

— Дядечку, голубчыку, простить и одпустить мене! Поки жыва—не буду ничего чужого брать.

А лывынъ сміється, та говоре:

— Ну що жъ, нагулялася? Тоди каже:—Поставъ горшки на землю, та бильшъ никола не беры.

Колы вона пишла додому, то вже й не знае, якъ йй у хату увійты. Уси жъ бачылы. Се жъ соромъ. Тоди вона якъ занедужала, дакъ ажъ тры тыждни лежала. Отъ що наробылы горшки.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки села Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

204. ЛЫТВИНЪ ПРОСЫВЪ ВОДЫ.

Кольсь наши дивчата ишлы въ поле жыто жать та неслы зъ собою глекъ зъ водою. На дорози йиде лывынъ зъ горшкамы.

— Дивчата, дайте мени воды!

А вони кажуть:

— Може намъ самымъ буде мало, бо до села далеко, а воды бльзько нема.

Не дали йому воды. Лывынъ пойихавъ, ничего имъ не сказавъ. Колы вони зыркъ! Ажъ зъ глечыка не вода, а пина такъ и льеться на землю. И глечыкъ порожній. Дакъ отъ яки мудри лывыны.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомуть.

Гулялы одни люде весилле. Отъ батько молодойи чымсь то не вгодывъ боярыну.— «Ну, стой же колы такъ, каже боярынъ, я жъ тоби угожу!»—Та узявъ хому-та и перевивъ черезъ його молодыхъ, и стали молодойи вовкамы и повтекалы у гай. Довго вони такъ бигалы вовкамы по гаяхъ и поляхъ, а якъ захочуть було йисты, то бижать до хлопцивъ ночлижныкывъ. Ночлижныкы знали, що се за вовкы и годувалы ихъ хлибомъ.

Батько усихъ людей просывъ, щобъ чы не поймае хто тыхъ вовкывъ, то щобъ перевелы ихъ черезъ хомуть. Отъ одынъ чоловикъ и поймавъ одного и зробывъ, якъ йому казалы, и стала зъ того вовка молодойи, невестка уже значыть того чоловика, а другой вовкъ—сынъ—утикъ и по сей часъ ще не поймався и бигае вовкомъ.

Такъ онъ еки е погани люде, и якъ вони багато роблять зла.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Параски Попрушной. Записала М. С. Чудновская.

206. Панъ вовкулакою робыть.

Кажуть, що и мижъ панамы е вовкулакы. Бувъ и у насъ у сели одынъ такой панъ. Моловъ винъ одному чоловику муку, та й узявъ багато за помоль. Мужыкъ не змовчавъ пану: вылаевъ його за сее усякъ.—Ну, стой же,—каже панъ,—будешъ ты знаты, якъ мене ласты!—Везе панъ муку, а мужыкъ седыть на мишкахъ и бачыть, що у його на тили росте шерсть. Якъ обросъ мужыкъ шерстю, панъ пхнувъ його зъ воза, и мужыкъ побигъ вовкомъ. И бигавъ винъ такъ ажъ симъ рокивъ. Вовкы не любылы сього вовка-чоловика, покы винъ ставъ йисты зъ нымы дохлыхъ коней, а тоди прыняли його до себе.

Забигъ разъ сей вовкъ у село и заховався на селныкъ у сино. Почулы собаки вовка и чуть було не роривалы. Высочывъ винъ изъ селныка, та у степь, добигъ до хлива и захотилось йому вытягты овечку. Ставъ вовкъ перелазыть черезъ плитинь, а тутъ у двори та живъ вовкулака: побачывъ винъ вовка и угадавъ, що се не справжній вовкъ, а що се такъ йому зроблено, и каже:

— Ну, лизь, лизь, бисивъ сыну!

Перелизъ вовкъ черезъ плетинь, а вовкулака и хватывъ його за хвостъ и знявъ зъ його шкуру. И ставъ тоди зъ вовка зновъ чоловикъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская отъ Марьяны Новиковой.

дѣвствъ
букъ
у степъ
вечку. Сѣ
у двора
главъ,
зробъ

вкуча
пкучу

арьянъ

VII.

О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ.

Передъ самымъ Великимъ праздникомъ, якъ уси люде пишы до церкви, уходыть у хату до однійи бабы, що осталась сама дома, хтось, вродъ бы паробка. Увійшовъ и просыть пойисты. — «Чого жъ я тоби дамъ»? пытае баба. — «Та чого хочешъ», — каже, — «того й дай». — Баба догадалась, що се не справжній чоловікъ, а чы не скарбъ ввійшовъ парубкомъ, бо якый же чоловікъ пиде у сю пору просыть йисты. Хопыла баба кочергу, та того паробка мизы плечи. И посыпалысь зъ його гроши. Баба згребла йихъ у мишокъ и стала багачча за всихъ на сели.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца въ 1898 г.

208. Скарбъ у скрыни.

Увечери хлопецъ йихавъ на ночлигъ и побачывъ, мовъ свичечка горыть. Хлопецъ чувъ, що свичечка горыть на тимъ мисти, де зарыто скарбъ и пудйихавъ бльжче. Бачыть, стойить скрыня, повна грошей. Набрывъ винъ червонцивъ и привизъ до маткы.

— Иды жъ, — каже маты, — та ще наберы, сынку, хоть сю торбочку.

Пойихавъ хлопецъ удруге, а потимъ и утрейте. И якъ набравъ утрейте, то йому прышлось улизты у скрыню, щобъ набраты бильшь грошей, а скры-

ня и провалысь у землю съ хлопцемъ. Не скоро вже сця скрыня вышла била Ерусалыма, и маты знайшла своего сына.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Демьяна Конопки, въ 1898 г.

209. Пожаливъ табаку и утерявъ скарбъ.

Ишовъ одинъ чоловікъ съ пасикы. Доходять до плавли и бачыть, стойить у лози скрыня, и въ скрыни брязчать гроши. «Дай, чоловіче, понюхать!»—каже голосъ изъ скрыни.—Нема,—каже чоловікъ. А у його и бувъ тютюнь, та винъ пожаливъ и не давъ.

—Ну,—каже писля сього голосъ,—лежала я зарыта сто рокивъ, пролежу ще сто,—и тутъ же на очахъ у того чоловіка загуркотила и провалылась. Почухавъ тоди чоловікъ потылицю, та ничего робыть—пожаливъ тютюну и утерявъ скрыню грошей.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

210. Скарбъ — Мазепына карета.

I.

Полаялысь мы одного разу зъ батькомъ; отъ я, щобъ у насъ ще до чого не дійшло, пишовъ зъ хаты. Було недалеко видъ опивночи. Иду я, куды очи глядятъ, а потимъ и думаю: пиду я на те поле, де, кажуть стари люде, зарыта Мазепына золота карета. Иду соби, колы щось блыснуло, я блыжче—блыщыть, неначе свичка стойить на одномъ мисти и горыть. И страхъ мене ошанувъ, и радисно мени стало, бо я чувъ, що на тимъ мисти, де зарыто скарбъ, безпреминно буде гориты свичка. Прогнавъ я свій страхъ, пидійшовъ блыжче и, розперезавшысь, кынувъ поесь на землю. Свичка заразъ

потухла, а земля такъ страшко загуркотила, неначе килькы скрынъ провалылось скризь землю. Поесь я кынувъ на те, що треба було шо небудь кынуть, и якои довжныи буде те, шо кынешъ, на такій глыбни треба буде шукать и скарба. На симъ мисти буде безпреминно якъ не Мазепына карета, то велычезна скрыня червинцивъ. Якъ пройде зима, я выкопаю тей скарбъ и заживу тоди паномъ.

М. С. Чудновская отъ Петра Карноуха, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. въ 1898.

II.

Е у насъ за селомъ гора, на ній ничего не росте, бо вона дуже писчана, и затимъ вона зветься Лысою горою. Дуже сумно робыться, якъ проходишь мимо ййи; такъ тебе страхъ и ошане, якъ зйдешъ на гору, а найпаче на те мисто, де, кажуть, закопана золота Мазепына карета. Тутъ пидъ землею щось гуркотыть, та ажъ наче земля колышетъся, и вовка тутъ разъ удень бачылы, а затимъ и не найдеться такого смильчака, щобъ пишовъ одкопувать карету. А, кажуть, шо на Велькдень на тимъ мисти горыть свичка, и якъ бы хто небудь писля всеношной прыйшовъ сюды зъ запаленою ще у церкви свичкою и потушывшы ййи, ставъ копать натимъ мисти, де горыть свичка, то безпреминно одкопавъ бы золоту Мазепыну карету повну грошей.

Записала М. С. Чудновская отъ Митр. Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у.

III.

Десь, кажуть, надъ Десною зарыта золота Мазепына карета, повна грошей, и черезъ каждыйи тры roky выходыть вона наверхъ, робыться конемъ и бигае по надъ Десною.

Прыходылось разъ бабамъ нашимъ того коня бачыть, та тилькы не прыдумалы вони, шо зъ нымъ робыть. Пошли

бабы по смородыну у плавли, бачеть, ажъ по надъ Десною бигае конь, та такойъ блыскучый та повный, видно, шо не простый конь; отто и була тая карета зъ грошыма, треба тилькы було махнуть по йомъ лозынкою, и конь бы россыпався грошыма. Мо бы мужчына, винъ бы такъ и зробывъ а то звисно бабы—не прыдумалы. Росказалы бабы про коня, вернувшысь додому, и пошлы зновъ люде на те мисто, та тилькы коня уже не бачылы, а на тимъ мисти найшлы скилькы мидныхъ грошей.

Записаль Митр. Шульга въ с. Выбляхъ Черниг. у. Сообщила М. С. Чудновская.

211. Злякався скарбу.

Чоловикъ ишовъ на всюношну. Дывыться: у городи на земли горять свичкы, и мижъ свичкамы стойить скрынъка. Ставь чоловикъ и дывыться, а у самого ажъ шапка росте на голови. А потимъ якъ забряжчатъ гроши, наче йихъ хто пересыпавъ. Здумавъ чоловикъ, шо треба, кажуть, шо небудь розослатъ, а гроши туды и скотяться. Выйнявъ винъ зъ кышени платокъ и хотивъ було уже розстылатъ, тилькы тутъ його такой ошанувъ страхъ, шо винъ и платокъ кынувъ та скоришь додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Павла Курильца. 1898 г.

212. Скарбъ зныкае одъ хреста.

Ишовъ чоловикъ изъ страстей у великий четверъ, дывыться—за селомъ горыть свичка. Винъ подывывсь на ту свичку и пишовъ додому. А дома була така бидность, шо Господы! Жинка плаче, шо ничего нема къ празныку, нема и рушныка на божныкъ, будутъ иконы рады празныка безъ рушныка. Выйшовъ чоловикъ у сины, узявъ заступъ и пишовъ на те мисто, де винъ

бачывъ свичку. Ставъ копать и выкопавъ двѣ скрини грошей. Поперетаскувавъ ѣихъ додому и оддае одну скриню жинци, а другу оставляетъ соби. Зрадувалась жинка и заразъ же побигла до сусидкы купляты рушныкивъ. Прынесла рушныкы, та до скрини, щобъ выйматы гроши. Колы жъ—бовъ у дзвинь! Вона перехрестылась, а скрини де ѣ дилысь: передъ ею лежалы двѣ гнылы колоды.

М. С. Чудновская отъ Ив. Муцкаго въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

213. Скарбъ коровою.

Иде разъ чоловикъ, ажъ передъ ѣимъ корова. Видкуля, думаетъ, ся корова? Дуже ѣому стало сумно, що корова передъ ѣимъ мовъ изъ земли выросла. А мо, подумавъ винъ,—се мени Богъ гроши посилае? Та друкомъ по корови. Якъ посыплютьса жъ гроши, якъ заторохтятъ, а коровы уже не стало. Набравъ чоловикъ грошей, прынесъ додому, заховавъ у скриню, а скриню прыкувавъ цепомъ, бо се таки гроши, що якъ не въ пору зачепыть ѣихъ, то вони такъ, якъ явылысь, такъ и скрыються, и слида не останеться.

М. С. Чудновская въ с. Павловкѣ отъ Луки Пимончука въ 1898.

Скарбы являються различными животными, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г. М. Исаенко въ м. Батуричѣ и взятаго нами изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1860 г., № 38, стр. 273—274.

На коропской дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Батурина, въ лѣсу, гдѣ сходятся три дороги: изъ Коропа, изъ Батурина и изъ хуторовъ, еще въ 1860 г. лежалъ стволъ вѣковаго дуба. Это такъ называемый *хрещатый дубъ*. О немъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Давно се було—ище за Мазепу... Якъ ишлы кудысь по сій дорози шведы, дакъ коло хрещатого дуба вони легчылысь. Багацько, значыть, понабиралы вони дорогою

у насъ всякойи худобы — и грошей, и всего; дакъ ото якъ ишли вони на войну, дакъ куды вже йимъ було нестысь изъ тїєю худобою. Отъ вони взяли да й закопалы пидъ оцимъ дубомъ гроши свои, да на дуби положылы й знакъ — вырубалы хрестъ. «Якъ вернется зъ насъ хто жывымъ сюды, того й гроши будутъ», сказалы вони да й пойшлы, куды треба було. Якъ вырубалы на дуби хрестъ, дакъ дубъ той и почавъ зваться хрещатымъ, и хотъ тепера тилькы колода одъ того дуба осталась, а все такы хрещатый да й хрещатый дубъ.

— Що жъ, гроши тїи никому не показувалысь?

— Де вже не показувалысь, що показувалысь! Чымало е такыхъ людей, котри розказують, що йимъ частенько такы доводылось у пизнюю пору бачыть билого коня коло хрещатого дуба. Якъ идемо було, кажуть, дакъ кинь той усе ирже, да такъ страшно тупотыть. Я именно знаю, що парубокъ изъ с. Обмачева не разъ бачывъ сього коня. Да тилькы то гирки гроши, що бильшь конемъ являются; тихъ грошей треба цураться — нехай йимъ абы що! Якъ бы ище ведмедемъ вони явылысь, або вовкомъ, або свичкою, дакъ можна було бъ добутъ тихъ грошей. А билымъ конемъ гроши являются тилькы на лыхо людямъ. Тымъ то гроши ти лежать, и нихто ихъ не бере; да й будутъ вони лежать, паныченьку, покы свить стоятыме, бо хто захоче на свою пагубу орудувать проты билого коня?...

— Чого жъ гроши сїи билымъ конемъ являются, а не ведмедемъ, або вовкомъ, або свичкою?

— Недобри люде, значыть, поклалы ихъ тамъ...

Другія лица, на вопросъ записывателя, отчего дубъ называется *хрещатымъ*, не сообщали никакой легенды, а говорили, что онъ росъ крестообразно, почему и получилъ свое названіе. Впрочемъ деревья чѣмъ нибудь отличныя, вообще возбуждаюгъ среди народа мысль окладахъ подъ ними, какъ то видно изъ одного изъ нижепомѣщаемыхъ разказовъ, записанныхъ тѣмъ-же г. Исаснко въ Черниговскомъ уѣздѣ отъ погоньча Трохыма (напечатано было

тамъ же, въ № 51, стр. 363). Разсказъ былъ сообщенъ, когда записыватель проѣзжалъ Бубликовымъ хуторомъ (между Трисвятскимъ и Черниговомъ).

— Дурныйи ти люде, що не хочуть шукать тутъ грошей!

— Да тутъ, може, нема ніякихъ грошей,—замѣтилъ записыватель,—и ты, значить, дурно тильки сердышся на людей.

— Ни вже, панычу, вы що хочте, а я чувъ одъ батька да матери, що тутъ е багацько грошей, а стари люде завсегда правду кажуть.

— Що жъ тоби казали батько да маты?

— Не росказавъ бы я зроду вамъ, якъ бы дидь мій самъ у вочевыдячки не бачывъ того, що казавъ мойму батьку, а батько мени.

1. Отутечкы десь у Бубликовому хутори рисъ давно колысь дубъ, похожий на выла и звався винъ *выловатый дубъ*; мижъ людьмы ходыла чутка, що коло того дуба булы закопани гроши; отъ хтось и выбравсь такой, що захотивъ одкопаты йихъ. Позиходылысь люде да й дывляться; одни кажуть, що будутъ гроши, а други—ни, кажуть, що се бабськы выдумкы. Дидь мій казавъ, що винъ зроду не вирывъ, щобъ у землю закопували гроши, да отъ же прыйшлось такы повирять. Копалы, копалы, уже здорову ямку выкопалы, колы заступы почалы стукотить объ щось—мовъ зализне; прочыстылы землю, ажъ тамъ казанокъ здоровенный, а въ казанкѣ булы гроши. Коло казанка закопано було багацько всякого оружья, а бильшь усього закопано тамъ було вылокъ, изробленныхъ навхрестъ изъ сокыркамы. Хто вже його знае, що то воно таке було, да тилькы такъ росказувавъ мойму батьку дидь мій.

— А чы не знаешъ, хто положывъ тамъ гроши да оружье?

— Да вы жъ, мабутъ, пысьменни, дакъ у кныгахъ може есть що небудь напысано.

— Хыба жь мало книжокъ есть? Усихъ не можно перечытать.

— Эге! Отъ вамъ и книги! Я хоть и непысьменный, да знаю, що якъ воювавъ колысь братъ на брата у Чернигови, дакъ одинъ братъ узявъ да й позакопувавъ свій скарбъ отутечкы. «Якъ буду живъ,—каже винъ,— дакъ визьму назадъ, а якъ не буду живъ, дакъ добри люде визьмутъ!» Отъ бачте, хоть нескоро, а найшлысь такы ти люде, що одкопалы той скарбъ.

2. — А се вже не скажу вамъ, колы воно було, чы давно, чы недавно, тилькы й се батько мій одъ дида чувъ. Люде почулы, що у одному мисти, у Бублыковому хутори, лежать закопани гроши. Отъ вони заразь до знахора да й просять його: «Иды, будь ласкавъ, подывись, чы нема тамъ грошей». Знахуръ той узявъ заразь якуюсь палочку и пійшовъ. Прийшовшы до того миста, де думалы, що булы гроши, знахуръ палочкою постукавъ да й каже: «Есть!»—Тутъ почалы заразь копать; копалы, копалы да й годи сказалы—повтомлювалысь такъ, що тилькы питъ зъ йихъ капотивъ. Отъ одинъ и крыкнувъ: «А нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—Не вспивъ винъ сказать сього, якъ пидъ землею; гууууу!—такъ и загуло. Вони полякалысь да тилькы мовчять, да давай зновъ копать. Копалы, копалы, колы прыходыть знахуръ.—«Ище не выкопалы?»—пытае винъ тыхъ людей, що копалы.—«Да ще!»—Знахуръ зновъ постукавъ палочкою да й каже до людей:—«Гмъ! Чы не сказалы вы чого?»—А одинъ чоловикъ и каже:—«Ни, не сказалы; я тилькы сказавъ, що нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—«Эге! було бь же тоби не казать сього, бо скарбъ пійшовъ на дно!»—сказавъ знахуръ. Значыть ничего не треба казать про скарбъ такого, щобъ винъ не росердивсь.

3. — Вы, паньчу, кажете, що немає у сихъ мисцяхъ скарбины; отъ же не дуже давно люде знайшли булы коло Борысоглибовкы *) гроши, не знаю, чы буде тому литъ сорокъ. Коло хочете знать, дакъ се отъ якъ було. Сыдили у одному острози невольныкы; чымало тамъ було йихъ,—одни таки булы, що въ Сибирь йихъ скоро одыслалы, а други ждалы скоройи воли соби. Отъ одынъ и каже: «Що жъ, братця, мени вже не быть на воли, я чувъ, що мене въ Сибирь,—дакъ я вамъ укажу кладъ у одному мисци. Хто скорйше выйде видциля, той знайде та й подякуе мени и на часточку дасть за мене гришного. Коло Борысоглибовкы есть лись, а въ тому лиси есть дуже старый дубъ; управо одъ дуба и треба копать. Знайдете зрубъ деревъяный, такой якъ коло колодязивъ; прокопавшы дальшъ, найдете собаку, а скоро писля собаки и барыло зъ гришмы». Не знаю вже черезъ скилькы днивъ выпустылы двоухъ чоловикивъ изъ острогу. Вони притьмомъ у Борысоглибовскый лись да й знайшлы того дуба, що казавъ йимъ невольныкъ. Якъ смеркло, вони й давай копать. Чы довго копалы, чы ни, тилькы знаходять зрубъ; прокопавшы дальшъ, найшлы кисткы собачи, а дали й барыло зъ чыстымы червинцямы. Якъ одкопалы вони гроши, дакъ заразъ навтикача, и незвисно стало, де вони й дилысь. Може бъ нихто й не знавъ бы, що вони найшлы гроши, дакъ на другый день пойихалы люде у лись по дрова и знайшлы ту ямку, де булы гроши, ище й мисто було знать те, де стояло барыло, и червинець тамъ одынъ валявсь.

*) Село Черниговск. у.

214. Шкарбъ и панська мода.

Одинъ чоловікъ побачывъ разъ, шо въ лиси свичечка горить. Ну, винъ и догадася, шо то шкарбъ выходить. А воно, бачъ, такъ. Якъ хто закопуе шкарбъ, такъ закляна його на скилкы тамъ годъ у земли лежати: чы на пъятдесять, чы на сто, чы на скилкы хто схоце. Отъ якъ выйдуть уже ти годы, тоди й почне свичечка на тому мисци гориты. И ото вже чые щастя та хто вміе узяты, той його й возьме. Такъ той чоловікъ думаетъ: оце мени Богъ щастя посилае,—выкопаю шкарбъ та забагатію. Заходывся копаты и выкопавъ казанокъ повнисинькый грошей, а зверху г... лежыть. И напысано: «хто мое г... ззистъ, той и мойи гроши поживе». Ну, чоловікъ уже знае, шо то значыть такъ ти гроши заклято. А вже якъ не зробишь того, на шо гроши заклято, то все одно йихъ не поживешъ. Ну,—думаетъ,—шо жъ—треба йисты. Узывъ винъ його, загорнувъ, принисъ додому, высушывъ у печи и зимьявъ. То оце якъ сидають обидаты, то винъ возьме танымъ борщъ и прытрусе. То жинка:

— Чогось у насъ, чоловіче, борщъ воня!

А винъ:

— Та йижъ уже. Чого тамъ винъ воня?

Та такъ усе й трусе въ страву, ажъ поky усе ззилы. А тоди вже признався жинци: шо,—каже,—я гроши знайшовъ. А жинка въ його була така соби, трохы дурненька. Та такъ уже пышається тымы гришмы, шо теперъ я,—каже,—за всихъ у слободи багачча, такъ теперъ уже мени не йде по простому вбираться. Отъ йиде чоловікъ у базаръ, а вона йому й наказуе:

— Гляды жъ, чоловіче, купы мени таке вбрання, шобъ и въ попади и въ дячыхы такого не було, бо теперъ я за йихъ багачча. Шобъ таке модне, якъ у городянськыхъ барынивъ.

Отъ тикы чоловикъ пойхавъ, а вона вже його й выгляда, такъ того вбрання моднього хочеться. Ну, вже надъ вечиръ прыйиздыть чоловикъ, а вона до його:

— А шо, привизь?

— Та привизь,—каже,—отамъ на вози.

А самъ до худобы мерщій кынувся. А жинка до воза: сюды туды—немае нїякого вбрання. А винъ їй на спидныцю, чы шо, набравъ та й укынувъ у мишокъ. Отъ бачыть вона: немае нїякого вбрання, тилкы шкура воляча лежыть на вози—такъ завсимъ зъ головою й зъ рогамы. Вона за ту шкуру. «Оце жъ, каже, значыть теперъ барыни въ такому ходють». А тутъ до вечирни заблаговистылы. Вона шкуру на себе та до церкви. Якъ увійшла, такъ люде полякалысь, шо таке страшне увійшло, та оступаються одъ його. А вона йде та:

— Росступиться люде: я багата, я рогата, я й шкарбъ знайшла, и до церкви прыйшла.

Отъ стала вона саме проты царськихъ дверей, а пипъ якъ углядивъ їйи, такъ и соби злякався, думавъ, шо нечыстый, а дали якъ роздыввся, шо то вона, такъ узявъ та й выгнавъ їйи съ церкви. Такъ уже було зъ нейи смиху!...

Харьковская губ.

НА ВАР
ЧЕТЬСЯ
а до

А
А
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
О

К

Л
М
Н
О

VIII.

215. Каянова жъунка.

Ото, якъ убывъ Каянъ Явеля, дакъ съ таго время пашовъ юнъ жить адынъ соби; яго жъунка знала всяка зилле, шо варожкы мають, акръумъ того, ще якъ нъучъ було настане, дакъ вана дайныцю въузьме да и йде удовиныхъ коръувъ *) даить. Тъульки якъ було даить пачне малоко, дакъ у малаци и кровъ доиться,—се бѣ то Богъ каравъ йихъ за Явелеву смерть Жъунка Каянова пасли того пачне зиллемъ одварожувать ту кровъ изъ малока да и одварожить було.

Разъ пашла вана даить каръувъ, и тъульки шо сила до каровы, ажъ богъ *Валосько* и йде.

— А шо ты робышгъ?—каже юнъ йй.

— А те раблю, шо стань да стъуй!—Каянова жъунка йому каже:

Валосько пасли того якъ ставъ, дакъ и зъ миста не зойшовъ, наче вкопаны стоявъ, не мавъ зайты изъ мисця дали. Посля ййй каже:

— Ну, рабы жъ свое... Кали робышгъ!..

— Ну, иды жъ и ты соби, кали ыдешъ да не пытайся бъульше!

Валосько, не сказавшы пасли ничего, и пашовъ соби дали.

*) Авелевой жены. Прим. записывателя.

Съ таго часу стали у насъ видьмы, видьмаки, перевертни и вавкулаки, що па дворама ходять да птыцю и скотыну давлють.

Съверная часть Козелецкаго у. Черниговской губ. Ал. Шишацкій-Илличъ (Изъ № 40 «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1853 г., стр. 388).

216. Громныци.

Сьогодни у насъ празныкъ громныци: ничого не робымо. Не знаю, есть ли у васъ такъ по пысьменному: какъ пошелъ Исусъ Христосъ въ адъ чою то вже—не знаю, звистно, я темна людына—не разумѣю; такъ то ужъ надо было, такъ ему Богъ-Отець далъ: звисно, Господня воля и сила, що здумас, те й дѣе. Вотъ какъ пошелъ Спаситель въ адъ, то всѣ мертвецы и пооживали. Ихъ было тамъ мною; увидѣвши Спасителя, они стали радоваться; а ще больше стало радости, якъ уси мертвякы знакомци побачымыся. Тутъ они и цѣловались, и обнимались, и плакали, и танцовали; да какъ обнялися взновъ, то Господь видить, что никакъ нельзя ихъ развести, да и послалъ зъ неба гримъ и блыскавыцю; вотъ какъ ірякнувъ громъ,—такъ они испугались и разнялись. Такъ у насъ сегодня за тымъ и праздникъ».

— Развѣ въ этотъ день былъ такой случай?—спросилъ я.

«Эге жъ, у сей же: на другый тисля дарнойи недили». Записалъ священникъ Ѳедоръ Боровскій. С. Круничполь Борзенскаго у. (Изъ № 46 «Черниг. Губ. Вѣдомостей» 1852 г., стр. 514).

217. Чоловикъ у Бога.

Жывъ соби одынъ чоловикъ Пылыпъ. И такый винъ бувъ праведный, що Богъ, разъ ходячы по земли,

зайшовъ до його, поживъ скільки тамъ часу и побратався зъ нимъ. Одходячы додому, Богъ и каже:

— Ну, оце мы побраталысь, а ты й не бувъ у мене, —прибувай колы въ гости!

А чоловикъ йому:

— Та якъ же я до Тебе втраплю?

— Я,—каже Богъ,—пришлю до тебе билого коня, дакъ винъ уже самъ тебе довезе.

Колы справи: прыбигае до його билый кинь. Сивъ винъ на того коня й пойихавъ. Йиде та й йиде, ажъ ось чоловикъ немовъ помижъ стинамы б'ється: розженеться та вдариться объ одну стину, одсочыть та въ другу, а тоди зновъ у ту. Загледивъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я маю такъ мордуватись?

Йиде той дали, дывыться, ажъ увъ озери чоловикъ стойить по шыю въ води и крычить:

— Ой, проби, дайте пыть! Ой, пытки жъ мени, пытки!

Побачывъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго мени таку муку терпиты?

Йиде винъ дали, колы сыдыть чоловикъ, а передъ нимъ два корци, и винъ усе зъ одного корця та въ другой воду пересыпа. Загледивъ Пылыпа й крычить:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я буду тутъ нудытись?

Прыиздыть Пылыпъ до Бога, погостювавъ тамъ и, якъ прышла пора одйиздыть йому додому, винъ и пыта:

— Ну, а скажы, Боже, чого то надъ шляхомъ одинъ чоловикъ объ стины б'ється, а другой стойить у води та ниякъ не напьється, а третій водою перелывається?

— То,—каже Богъ,—першый не пустывъ пидъ хур-
товыну чоловика въ хату, сказавъ: «Тисно»; другый не
давъ подорожньому у спеку воды напытысь; а третій—
шынкарь, що пидлывавъ воду въ горилку. Дакъ ото
йимъ така кара до вику вичнього.

В. Т. Андриевскій отъ козака Ивана Карпенка, среднихъ лѣтъ, въ
с. Рожновкѣ Борзенскаго у. Черниг. губ. въ 1894 г.
Многіе варианты этого см. у Чубинскаго, II, 11, № 2.

218. Богъ лучше знает, чего намъ треба.

Одынъ чоловикъ такъ угодывъ Богу, що той йому
сказавъ:

— Просы у мене, чего хочешъ,—все тоби дамъ.

Чоловикъ цей бувъ пахарь и мавъ дуже добру
землю. Довго винъ думавъ, чего бъ його просыты у Бога
и бильшь ничего не выдумавъ, якъ попросыты, щобъ
посылавъ йому дощъ тогди, якъ треба. Отъ настала
весна, земля выйшла зъ пидъ снигу, стала протряхаты и
розсыпатысь, якъ макъ. Чоловикъ зоравъ землю и посіявъ
яру пшеницю. Заволочывшы, ставъ просыты Бога, щобъ
пославъ невеличкый да спирный дощъ. Проишовъ
дощъ, пшениця зійшла густа да хороша. Проишло не-
диль зо дви. Зновъ чоловикъ просытъ дощу грозового.
Зновъ проишовъ дощъ, и пшениця выросла, якъ очеретъ.
Пожавъ чоловикъ пшеницю, ставъ молотыты,—а ни зерна.
Винъ тогди до Бога. А Богъ йому и каже:

— Я все робывъ те, чего ты просывъ и не нарикай
на мене. Одного ты забувъ попросыты: легесенького ви-
терцю тогди, якъ пшениця красовалась.

Г. В. Дорошенко въ Борзенск. у. Черниг. губ., въ 1897 г.

219. Кам'яний горохъ.

Одынъ чоловікъ прынісь изъ Ярусалыма горошыну. Такъ то така горошына. Одынъ чоловікъ сіе горохъ, а Божа Маты пытае:

— Шо ты сіешъ?

— Каминь.

— Ну, каминь сіешъ, каминь и выросте.

Отъ той горохъ изійшовъ и зацвивъ, и стрючки на йому стали. Усе якъ слидъ, тилькы горошыны таки якъ каминь, шо не можна йихъ ни зварыты, ни розбыты. Такъ ото винъ тую горошыну и прынісь.

Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1900 г., отъ дивчыны.

220. Середа й п'ятныця карають людей.

Оце уже килькы ночей люде бачать, якъ у-опивночь по селу ходять дви жинкы у билій одежи. Се, кажуть, середа и п'ятныця, и вони спорять, яку на людей послать кару. Середа каже, щобъ поморщыну та пожари, а п'ятныця—щобъ голодъ та войну. Богъ знае, котра то зъ йихъ переважыть. Кажуть будто бъ туркы зъ нимцямы хочуть завоювать нашого цара, такъ шо, видно, п'ятныця переважыть.

Отъ Ул. Килочицкой М. С. Чудновская.

221. Середа й п'ятныця гниваются, шо люде йихъ не шанують.

Була за селомъ пуста хата. Прийшлось тамъ одному чоловіку заночувать. Саме у-опивночь уходятъ туды

ХЪ,
ЛЪМА ПЪ
Ъ СЪ ПЪ
середа и п'ятныця, а чоловикъ одъ страху зализъ пудъ пичъ. Увійшли воны и давай жалиться: середа каже, що «Мене колють», а п'ятныця—що «Мене замазують и за-сыпають кострыцею». Поговорылы, а потимъ угадали, що у хати е чоловикъ, вытягли його зъ пидъ печи, звязали руки и кажуть:—«Скажи людемъ, щобъ у п'ятныцю не мазали и не прялы, а у середу, щобъ не шылы».

С. Выбли Черниг. у. отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

222. Середа штовхнула.

Каже чоловикъ жинци:—«Жинко, я хочу сала!»

— Що се ты, чоловиче, здуривъ? Сьогодни жъ середа.

— Середа уже спать легла,—каже чоловикъ.

А уже бувъ вечеръ. Узявъ винъ кусманъ сала, упльовъ та й полизъ спать. Тилькы що чоловикъ звьовъ очи, а середа його якъ штовхоне съ полу,—такъ винъ и полетивъ сторчка.

— Оце тоби,—каже чоловичеськымъ голосомъ,—середа спать легла.

— Що се, чоловиче, зъ тобою?—пытае жинка.

— Та се,—каже,—мене середа штовхнула. Теперь уже николы не буду у середу йисты сала и дитямъ закажу.

С. Выбли Черниг. у. отъ Оедора Билана, М. С. Чудновская.

223. Про Ярусалымъ.

Оце зароблятому гроши. Якъ зароблю рубливъ двисти, такъ пиду у Ярусалымъ. Тамъ, кажуть, дужей гарно. Одынъ парубокъ ходывъ. Туды йшовъ такъ такый пры здоровью бувъ, а видтиля якъ прыйшовъ, такъ и родытели не пизнали—такый худый та насылу ходе. Його пытають: «Чого жъ ты такый худый ставъ»? А

винъ каже: «Колы жъ мени такъ було, що оце деньничого не йимъ, або й два дни не йимъ та все дывлюся—такъ тамъ гарно». Вы знаете, тамъ Божя Мати живе. Гора така тамъ у Ярусалыми—Ахвонська,—такъ вона на тій гори живе. Тилькы, звисно, я ййи не побачу, бо туды женського полку не пускають. Уже одынъ панъ такъ такъ изробывъ. У його не було детей, а винъ прынявъ соби дивчинку чужу за дочку. Отъ винъ убравъ ййи такъ якъ хлопця и пишовъ зъ нею на ту гору. Такъ не зйшла. Ишла, ишла, а тоди й покотылася зъ горы. Такъ якъ упала на камень та взялася рукамы, такъ на камени й знать пальци. Такъ тоди и вгадалы, шо то не хлопецъ, а дивчына, бо то ййи грихъ було туды йты. Одынъ чоловикъ, забула тилькы зъ якоий слободы, пославъ туды по телеграми багато грошей, щобъ йому патреть изъ живойи Матери Божойи прыслалы; такъ и прыслалы окону таку, зъ Нейи зъ живойи патреть изнялы. Теперь та окна въ церкви стойить.

У Божойи Матери, тамъ, де вона живе, немає ни дня, ни ночи, а все однаково, такъ, наче дуже нахмарыло. И вона не йистъ ничого, а Святымъ Духомъ воспытається.

Кажуть, шо дуже дорого дойхать у Ярусалымъ, бо тамъ перевозять човномъ, и той човенъ уже не нашого царя, а чужого. Такъ чужый царъ дуже дорого бере за те, шо перевезе.

Тамъ у Ярусалыми, чы на Ахвонській гори, цого вже не знаю де саме, такъ кажуть немає серебра, саме золоте все та костяне: и хрестыкы, и оконкы.

Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900 году, отъ дивчины.

224. Хлопецъ, монахы и скарбъ.

На болоти Трубайли бувъ здоровый островъ, а на тому острови стоявъ здоровый стовпъ, а на тому стовпу

стояла чоловічеська статуя. И на тому стовпѣ було на-
писано: «Хто вцилыть статуїи въ голову, той грошей
багато найде». Кажны день собиралось багато людей до
того стовпа и вцилялы його въ голову, никто тульки
не вцилывъ. Коля прыходыть молоде хлопгя, прочытало
и подумало, якъ гроши найты. А дали начало копать
землю у тому мисци, де у схи́дъ сонця падала тинь одъ
головы статуїи. Потимъ копало на тому мисци, де тинь
була на пивдень и копало на захидъ сонця и тамъ вы-
копало чугунну скрыню грошей. Стало тее хлопгя пуд-
нимать скрыню, такъ не пудыме. Воно пошло у Михай-
ловській монастырь и объявило гумену, що отамъ на
острови найшовъ сундукъ зъ грошыма и самъ не пуд-
ниму. Гумень пославъ двоухъ манахивъ исъ тымъ хлопцемъ.

Прийихалы вони на той островъ до стовпа, забралы
сундукъ изъ грошыма, посидалы на човенъ и пойихалы.
И йидучы манахы позавыдувалы на тїи гроши, нарады-
лись скнутъ хлопця изъ човна и обмануть гумена, що
тамъ грошей нема. Тоди взяли, привязалы каминь до
шыїи хлопцю и пустылы його у воду, а самы пойихалы,
на берези заховалы гроши и прийшлы до гумена и
кажуть, що «Хлопецъ той обманщыкъ, прививъ на ост-
ровъ и тоди заховався, и мы шукалы, шукалы—не най-
шлы ни хлопця, ни грошей, такъ и вернулись».

А той хлопецъ остався невредымъ и черезъ несколь-
ко времгя оказався у тому самому монастыри пудъ пре-
столомъ и ставъ тамъ стогнать. А клюшныкъ прышовъ
у монастырь да почувъ и сказавъ гумену. Гумень пры-
шовъ и побачывъ пудъ престоломъ того жъ самого
хлопця, которы объявлявъ, що найшовъ гроши, и вы-
тягъ його клюшныкъ изъ гуменомъ съ пудъ престола,
одвязалы камень одъ шыїи и сталы його пытать, що
йому случылось. То вунъ росказавъ усе, що йому було
зъ манахамы. Тоди гумень призвавъ тыхъ манахивъ и
ставъ йихъ пытать, якы це хлопецъ. И манахы сталы

прошенія просыть у гумена. Но гумень прыдавъ йихъ къ суду, то судъ йихъ осудывъ туды, де Макаръ и телятъ не пасе.

Записаль крестьянинъ с. Русанова Гоголевской волости Остерскаго у. Елисей Юрченко. Сообщилъ И. Е. Коноваль въ 1899 г.

225. Де бильше празныкывъ.

I.

Зазмагався жыдъ ись чоловикомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, шообъ жоденъ, шытаючы свои празныкы, вырывавъ у другога зъ бороды волосыну. Ну, добре. Кому жъ почынатъ? Жыдъ ну на себе горнуть:

— Мы зъ народъ бозы, то й празныкы головниси, — мени почынатъ!

— Ну, нехай вже твуй чортъ старшы, — дядько каже, — почынай!

Отъ жыдъ почавъ: «Ну, слухай, Омельку! Адъ нового году, — Рошъ ходешъ швать.» — Та й сипъ волосыну у Омелька. — «Хамиша Ассаръ б' швать.» — Зновъ — сипъ!

— Та що ты, свиняче ухо? Казавъ, у васъ головнійши празныкы, а теперъ що ты выдумуешъ: то свать и се свать, та й будешъ усю ридню тягать!

— Ай, ай, Амельку! падазды — будутъ и главны!

— Ну, гоны!

— Рошъ Ходешъ Адаръ. — Сипъ волосыну! — Другый день Рошъ Ходешъ Адаръ. — Зновъ — сипъ! — Гаманове Ухе. Ну, теперъ, Амельку, якъ жнай — самъ зе ты цуесь: Гаманове Ухе! значыть треба не за волосыну, а за ухо и тебе.

Бачыть дядько, шо жыдъ хытруе, та вже потату-рився. — «Скубы вже!» — каже. Отакъ жыдъ ище иноди хытывъ, але жъ мало нарвавъ волосься: штукъ мо зъ пив-сотни й вырвавъ. Добре.

— Ну теперь вже буду я,—дядько каже.—И я почну не зь нового року, а зь самого головного празныка: зь Хрыстова Риздва. Ну! Первый день святъ.—Сипъ волосьну!—На другый день Соборъ пресвятой Богородици й священномученька Юхыма.—Сипъ!—Трети день: святого апостола й первомученька Степана.—Сипъ волосьну!—Четвертый день—Святыхъ мученькъ дву тму въ Ныкодимиі сожженныхъ. Ну, теперь выбачай, жыде: шытать волосья буде забарно.—Та хипъ його за бороду й выскубъ чысто.

Той крычыть: «Пусты, Амельку! усимъ и васимъ и насимъ расказу, спо у васъ бильсе празныкуивъ!»

— Э, ни! хочъ десяту часть выслухай! Пятыи день—святыхъ младенецъ чотырнадцаты тысячъ, Хрыста рады избіенныхъ одъ Ирода въ Вифлееми Іудейскимъ!—та й хапъ жыда вже за песькы!..

И отъ, якъ бачыте: небагато пошытавши празныкуивъ, жыда оскубъ мовъ горобця протисенько той Омелько.

М. Мринъ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II.

Змагалыся чоловикъ изъ жыдомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, шобъ каждый, шытаючы свои празныкы, вырывавъ у другого по волосьни зь бороды. Отъ жыдъ уже й радіе:—«А ну зь я поцну шытать своихъ».—Чоловикъ згодывсь. Жыдъ заразъ: «Семень!»—та й смыкъ волосьну. «Куцкы!» та й смыкъ!.. Перешытавъ отакъ жыдъ свои празныкы и радый-радый, шо нарвавъ зь десятокъ волосьнъ. А чоловикъ усе крипывсь, хыба тоди скрывыться, якъ той смыкне зо зла волосьну, дали й пыта: «Ну, вже, Хаинъ»? А той: «Узе, а спо ты будешъ шытать, колы у васъ мало цого празнують, а и у вельки празныкы йидуть колы не въ поле, то до миста?»—«Ну, то литомъ звисно такъ, а отъ я тоби перешытаю хочъ

зимни.»—Та й почына:—«Риздво!»—та й сипъ волосыну!
Жыдъ такъ и затрусывся. «Водохрыще!»..—«Ой, цы далеко
сце до весны?»..—«Та ни, чекай: ось ще тры сяти»,—
та й сипъ тры волосыны,—такъ и звывся жыдъ, та: «Ой,
вей! Грыцьку! нехай твойихъ бильсь, пусты мене!» А той:
«Та слухай: е въ насъ ще сорокъ сятыхъ,»—та хуипъ його за
всю бороду, бо выщытувать уже никола, а про те, щобъ
знавъ жыдюга, що якъ любышь йиздыты, то любы й
возыты.

М. Верківка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей, 1899. Вариантъ
у Аванасьева, II, 419.

226. Чы Велыкденъ велыкый день?

Одна баба чуе, що люде Воскресенне зовуть
Велыкоднемъ. Отъ вона одного разу и хотила спробо-
вать, чы правда сьому, бо звисно,—чого люде не на-
говорють. На Велыкденъ пишла вона у погрибъ, щобъ
никто не бачывъ и взяла зъ собою почынкывъ тры.
«А ну жъ, думает баба, чы попряду?» Сыдила до самого
вечора, та напяла усього тилко одынъ почынокъ. Тоди
вона й каже зъ серцемъ: «Ну и не брехлыви жъ люде?
Отъ тоби й велыкый день! День, якъ уси дни, адже
столько и напяла, якъ завсегда. А черезъ отой капос-
ный почынокъ просыдила у погребѣ, наче за яку выну-
Я бъ столько и въ пылыпивськый день напяла!» От-
така то була розумна!

Ю. Н. Долинская въ с. Выбляхъ Черниг. у.

227. Непысьменный пипъ.

Було це въ старовыну. Бувъ у однимъ сели пипъ
и не вмивъ винъ ни чытаты, ни пысаты. Прослужывъ

винъ службу, и треба було йому казать проповидь. Выйшовъ зъ овтара и каже:

— Чы знаете, братци, шо я вамъ буду казать?

— Ни,—кажуть люде,—не знаемъ.

— Ну, якъ не знаете, то я не буду й казать, идить додому.

У другу недилу зновъ пытае винъ:

— Чы знаете, шо я буду вамъ казать?

— Знаемо,—одвитылы люде.

— Ну,—каже винъ,—якъ знаете, то ничего вамъ казаты, идить соби додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

Такіе-же рассказы напечатаны у Рудченка (II, № 5) и Афанасьева (II, 434).

228. Дви проповиди.

I. Проповидь украинця:

Братіе! Йихъ благородіе, панъ комысарь, лежать. А чого жъ вони лежать? Бо вони вмерлы. А чого жъ вони вмерлы? Бо естествонно чоловикови родытыся, естествонно и вмерты. Аминь.

II. Проповидь билоруса:

Братіе! Памьоръ... памьоръ... и ляжиць... А вы, дурни, цаво стайице? Бяриць и нясиць... Аминь.

Неизвѣстно кѣмъ записано.

229. Помылывсь.

Йихавъ архырей черезъ поронъ, а у ту пору по Десни ишлы плиты. Старшый плитовщыкъ крычавъ на свойихъ товаришивъ:—«Прычалой!»—та крычавъ такъ здрово, шо на симъ верстѣ було чутно. Почувъ архырей у свойий карети та й каже:

— Приведить мени того чоловика, що въ його такой голосъ.

Привели плитовщыка до архырея, и винъ зробывъ його дякомъ.

Служывъ разъ той дякъ службу, и треба було йому казать: «Много лита,» а винъ помыльсь та якъ крыкне на всю церкву: «Прычалой!» Такъ його заразъ розстрыгли и прогналы.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

230. Жарына.

Кажуть люде,—встаровыну не дуже було густо людей пысьменныхъ, а найпаче попывъ. Знаходылысь цили села, де попа и дяка зроду-вику не бувало, и люде не вмилы молыться, не бачылы, якъ треба поклоны класты або хрестыться, а що попа возыты у решети,—воны про се и не чулы николы.

Такъ було соби одно село, де люде не памъяталы, чы бувъ тамъ колы пипъ. Ото прыслано туды попа и дяка. Збигся народъ звидуси дывытыся, наче той рашевецъ расташовався зъ гарнымъ крамомъ, або цыгане привели ведмедя, де зроду-вику його не бувало.

— Чы такой винъ, якъ и мы?—пытае, хто не бачывъ.

— Точнисинько,—одказуе такой, хто все знае и все бачывъ,—тильки коса ззаду телипається.

— Що жъ вона скындячкамы гарно перечеплена, якъ у дивчатъ? Чы пидъ очипкомъ схована?

— Ни, вона росчесана.

— А у дяка велька коса?

— Ни, не дуже.

Багато де чого казавъ народъ. Оселывся пипъ.
— Теперь,—каже,—треба одибраты хату пидъ церковъ,
поки збудуемо церковъ.

Одобралы. Зибралысь мыряне вчытысь молытыся.
— Глядитъ же,—каже пипъ,—вы мусыте робыты, якъ
я робытыму: отакъ хреститыся, отакъ поклоны быте!

— Такъ, такъ,—загудилы уси и почалы поклоны
быты.

Пиднисъ дякъ попови кадыло. Почавъ винъ ходыты
по хати и кадыты, а мыряне хрыстютыся и поклоны
гатыть. Тилькы якось на лыхо жарына съ кадыла упала
попови за халяву. Винъ дума: «Ничого вона не вдіе
кризь онучу». А дали тупъ-тупъ ногою, се бъ то зага-
сыты ййи дума. А мыряне и соби—тупъ-тупъ ногою!
Жарына не вгасае и дужче прыпика. Пипъ тилькы
дрыгъ-дрыгъ ногою! А мыряне уси соби дрыгъ-дрыгъ!..
Якъ прыпекло попову онучу да якъ зашкварчыть попова
нижка,—тоди винъ сивъ мыттю доли, давай стягаты
чобитъ.

— Анаѐемо!—каже, да й кынувъ його у кутокъ.

А мыряне соби посадалы на землю, роззуваютыся
да й шпурляють чоботы у той кутокъ, де попивъ лежыть.
Пипъ баче, що беда—закыдають його чобитъ такъ, що
и ворожка не пизна,—мерщій схопывся, за чобитъ да
драла зъ церкви, а мыряне соби за чоботы да наздогинъ
зъ церкви.

Така, кажуть, була колысь служба.

Записаль Пидводный.

Такіе же разказы напечатаны въ «Этн. Збрн». (I, V, VI, и 28, V).

231. Хытрый бляхаръ.

Було це пидъ церквою, якъ разъ на самисынькы
проводы. Поодправлявъ пипъ панахыды, сивъ за стиль

и почалы грапезуваты. Навкругы попа посады сами найбагаччи мужыкы а мижъ нмы якось прымостывся й бляхаръ. Йидять вони усяку страву, ажъ за ухама лящыть та все горилкою частуються; пипъ надто налягае на м'ясыво-курятинку, сотае соби. А бляхаръ хоча бъ крыльце зъ курятыны,—сыдыть и въ ротъ не бере. Помитывъ се пипъ та й пытае його:

— А чому ты курятыны не йисы?

Бляхаръ подывывся на курятыну та й каже:

— А тымъ, батюшко, що кожна хазяйка, якъ посылае дочку пійматы пивня на таке дило, то й прыказуе: «Гляды жъ, дочко, ловы того пивня, що зъ бильмъ гребинемъ, бо винъ все одно не сьогонди—завтра здохне: краще я дорижу його та спечу, а пипъ иззисть, ще й пальчыкы пооблызуе!»

Почувшы се, пипъ скрывывся та й выкынувъ зъ рота те, що й зумравъ... Зъ того часу пипъ ажъ николы не йивъ м'яса, що носять на таке дило парохвіяне.

Каневскій у. Кіевской губ. В. Ф. Степаненко.

232. Незвычайна хазяйка.

А.

Прийшовъ пипъ до одніей хаты зъ молитвою. Хазяйина дома не було, а хазяйка каже сынови:

— Скажы, що дома нема!

Та й заховалась на пичъ

Увиходыть пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже хлопець,—пишлы на село.

Пипъ глянувъ по хаты,—ажъ выдно съ пичы ноги.
То винъ:

— Скажи жъ матери щобъ удруге, якъ пиде на село,
то й ноги съ собою забирала!

Харьковск. губ. Б. Д. Гринченко.

Б.

Прийшовъ пипъ зъ дьякономъ, а жинка одъ йихъ
заховалася на горыще, а сынови звелила сказаты, що
нема ййи дома. Пытае пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже сынъ.

А дьяконъ глянувъ по синяхъ, ажъ спидныця зъ
горыща звысла—не вспила жинка далеко заховатися.
То винъ:

— Дакъ скажи жъ матери, щобъ удруге не чыпляла
спидныцю надъ дверыма!

Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

233. Страшный судъ.

Це було дило саме якъ разъ въ майи мисяци, ще
й передъ зелеными святкамы. Мени казавъ одынъ чоло-
викъ, що въ цимъ году буде кинецъ жызности, а якъ
инакше сказать—страшный судъ. И розказуе, що вы-
йхавъ той же чоловікъ якъ разъ за саме село и ды-
виться, що це вже мабутъ и винъ, той самый страшный
судъ, бо вже й земля уся зайнялась тамъ на Выржавци
и уже зайнялась по самисиньку яконовію, оту, що ййи
всяке пошты знае зъ нашего краю. Я тоди, не бувшы
лыхо, та назадъ у село та до росправы. Якъ и вамъ же
звисно, що якъ зробиться яке де небудь дило, то треба
дать знать въ самый передъ куды жъ, якъ не до ро-
справы? То якъ я вернувся до росправы и не заставъ
тамъ ни соцького, ни десяцького, а тилкы бувъ тамъ
одынъ сторожъ, то я йому розказавъ усе це лыхо и

пойихавъ я зъ своєю жинкою Марусею, щобъ тикать куды небудь у друге мисце, або що. Ище й другимъ тамъ сказавъ, щобъ тикалы тоже. То одни тикалы, а ти поторопила та кажуть, що якъ уже це буде страшный судъ, то куды вже намъ тикать, иначе вся земля згорить, то все жъ такы мы не втечемо.

Колы йиде якийсь чоловікъ, якъ по нашому найшвидче сказать,—осаула зъ берлозивської яконовийи та загадуе малымъ дитямъ жукивъ ловить на бурякахъ, а мы йому:

— Ты сякий-такый и въ останній день загадуешъ! Дывись, онъ на Выржавци земля уже горить, а винъ намъ каже жукивъ ловить!

— Що вы, поторопила, чы що це зъ вами случылось? Дурни вы! То на ковтьобахъ жуки палють, а въ Выржавци туманъ схопывся зъ ричкы. Схаменитья лышень!

Тоди наши люде, почувшы це, поверталысь звидитя, куды бувъ хто втикъ та до шинку, та давай пыть горилку та радуваться, шо ще такы трохи пожывемъ.

Каневскій у. Разказъ сторожа копьеватской управы Грыцька Бульбы.
Сообщилъ В. Ф. Степаненко.

сею, шобъ
Ише въ
одни гд
не будъ
дначе въ
по наше
оинъ еше
на будъ
въ загл
рмтъ, ет
случи
въ Вѣдъ
къше
къше
аванъ
къше
къше

IX.

О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна дружина.

Одынъ молодой чоловікъ та дуже добре живъ изъ своєю жинкою. Було, чумакуючи, йиздыть по дорогахъ, а думка витае коло вирнойи дружны у ридній осели. Додому повертається якъ у рай, а доведеться знову кыдаты домивку,—важкый сумъ огортае душу. Отъ разъ, рушаючи въ далеку дорогу, винъ и каже жинци:

— Дружно моя, чы ты справди вирна мени, чы може, якъ довго нема мене, то й у грихъ ускочышь?

А вона йому: «Отъ уже,—каже,—я швыдче на тебе надіюсь, що ты, ходячы по свитахъ, не выбудешъ такъ.»

Слово по слову, а дали й заложылысь: «Ну, якъ такъ,—каже жинка,—надинемо на розстанни по новій сорочци, и хто чесно прожыве,—ходытыме у билій сорочци, хочъ ни разу й не скыдатыме, ажъ помы побачымысь; а хто согришыть, на тому буде чорна сорочка, и пратте не поможе.»

— Добре!

Такъ и зробылы.

Отъ, якъ верталысь уже чумаки додому, трапылось йимъ ночуваты на постоялому двори у дуже багатого купця. Булы тамъ напытки и найидкы усяки, а чумаки, звычайно, грошовыти люде, пють та закусюють. За ве-

череку, на пидпытку вже, стали дывуватысь тому чоловико-
кови, що одколы, кажуть, ходымо у дорози, винъ ни
разу не переменявъ сорочки, а сама чыстѣйша сорочка
въ його. Приставъ до йихъ и хазяйинъ: що да якъ?
Ну, той чоловикъ и признався: «Це,—каже,—мы зало-
жылысь изъ жинкою: хто зъ насъ чесно прожыве, той
зъ дружыною стринеться у билій сорочци, а хто про-
ступыть, на тому одразу стане чорна сорочка.»

Купецъ той якъ зарегочеться и просто въ вичи зве
дурнемъ: «Чы такы жъ,—каже,—жинкамъ можна виры-
няты? Да абы трапывъсь добрый молодець,—зроду не
встойить.» А чумаць той свое: «Ручусь, якъ за себе.»
Отъ купецъ тоди: «Та хочешъ, я самъ звезду?»

— Звезды!

— А що дасы?

— Та заберешъ уси мойи волы й возы.

А шистъ паръ воливъ!

— Добре.

— А якъ же выйде твоя брехня, тоди що?

— Пропало усе мое господарство.

Ото стали у закладъ, напысалы у бумагу, и вси
пидпысалысь. Роспытався купецъ, у якому сели и де са-
ме живе чумаць та й пойхавъ.

Прийиздыть до того двора и просыть у молодыци,
чы не можна коней погодуваты да й самому одпочыты.
Молодыця, звычайно, пустыла. Просыть винъ самоваръ
нагриты. Пъе чай и хазяйци дае та ще й рому пидсы-
нае. Дочаювалысь, що треба вже й йихаты. Просыть
купецъ на ничъ. И все лыпне, та й лыпне до тыейи молодыци;
попервахъ оддаликъ заходывъ, а дали вже й добре пры-
ставъ. И надававъ ажъ тысячу рубливъ, абы тилько
дило було. Бачыть молодыця, що не перелывкы, а са-
ма жъ одна душею въ хати. Отъ вона й каже: «Ну, доб-
ре,—чы такъ, то й такъ! Тилько мени треба на двиръ
выйты.»

Ина.

же добре

пидпыть

жыны у де

й, а док

орта дуч

каже же

мени, ч

сочыны

выдче ш

е выбу

Ну, а

по во

блнн

жнн

сороч

алкн

агатор

уман

за ве

Выскочыла молодыця зъ хаты та боржій до сусидкы. А била ййи жыла одна убога вдова.—«Отакъ и такъ,—каже,—вызволи и мене одъ напасты, и соби тысячу заробышъ: тоби Богъ простыть!» Росказала тій сусидци, якъ треба поводитысь. Та й зохотылась.

Отъ купецъ оддавъ тысячу та тоди за косу тилько чыркъ ножыцямы: «Це,—каже,—хай мени за тысячу.»

Выйшла удова, а хазяйка тоди въ хату. Уранци купецъ пойихавъ радый та веселый, що выгравъ закладъ. Постричався зъ чумакамы: «Мойи,—каже,—волы!»

Показуе косу. Чоловикъ той и охоловъ. «Ну, та вже жъ,—каже,—побачымо!»

Идутъ чумакамы, а за нымы и купецъ повернувъ. Пидйихалы до двору. Молодыця выскочыла, ворота одчыня. А купецъ и гукае: «Да не одчыняй,—каже,—бо це все мое.»

— Чого жъ воно твое?

— А ты забула, якъ я ночувавъ у тебе?.. У насъ ись твойимъ чоловикомъ бувъ закладъ.

— Я тебе овсимъ не знаю,—каже молодыця.

Купецъ тоди: «А це що?»—показуе косу.

Молодыця очипокъ изъ головы: «Ни,—каже,—у мене, хвалыты Бога, коса цила.»

В. Т. Андріевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Евлодима Гавриленка, 27 лѣтъ, въ 1898 г.

235. Хытра жинка.

— Жинко, а де гроши подила?

— Та де жъ?.. Копу на силь... копу за силь... за копу солы купыла... а копу пропыла...

Чоловикъ росердывся та вларывъ ййи.

— Бачъ, ударывъ у губу, перебивъ рахубу, до й щытай самъ!

С. Евминка Остерск. у. Черниг. г. Г. С. Неводовскій.

236. Ленива жинка не пряде.

оржій д:
ова.—«О
ты, и сѣ
Роскв:
сотыма:
за ност:
ни за тѣ:
сату. Не
равъ за:
воль:
ь. «Н:

Була соби одна така жинка и не любила вона пряс-
ты. Каже йй, було, чоловікъ щобъ вона прядла, а жин-
ка одказуе: «Ще наряду.»—«Та пряды бо, сяка - та-
ка!»—«А килькы ще,—пытае жинка,—недиль до празны-
ка?»—«Десять.»—«Ну, ще десятку наряду!»

— Чомъ бо ты не прядешъ, пряды! — зновъ черезъ
килькы недиль каже чоловікъ.—«А килькы ще оста-
лось до празныка?»—«Та ужé тилькы симъ недиль.»—
каже чоловікъ.—«О, ще у семуху наряду!»

чувъ. Не
та оль:
ю не в:
насе не

Проходять и симъ недиль, а жинка и не береться
за куделю. «Хай,—каже,—у вельку субботу—велький
день буде, тоди наряду.» Диждалы воны и велькойи
суботы, зложыла жинка у чугуны льонъ та конопли и
давай парить. А у йихъ та була сучка - кудла.—«Сы-
ды жъ,—каже жинка на чоловіка,—та дывысь, щобъ куд-
ла не вскочыла у сины, а то мойи полотна покудлаться.»
Сыдыть чоловікъ на порози, махае рукамы. Стала жин-
ка выимать чугуны зъ печи, а кудла такъ и вылае хво-
стомъ, якъ бы ускочыть у сины. А жинка тыхенько ма-
ныть кудлу, та ще й хлибъ показуе. Кудла, побачыв-
шы хлибъ, перескочыла черезъ плече чоловікови та у
сины. А жинка тоди якъ закрычыть на чоловіка та за-
голосыть: —«А що жъ ты мени, такой-сякый, наро-
бывъ? Покудлатылысь, пропалы мойи полотна!» Та да-
вай вытаскувать зъ чугунивъ льонъ та конопли, годи й
билыты.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Гликеріи Новиковой
М. С. Чудновская.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убире.

Була соби жинка, та така ленива, мовъ бы це йя,
нелюбыла вона прясны. «Чому ты,—каже чоловікъ—не

прядешъ, у що ты мене уберешъ, якъ я умру?»—«О,— каже жинка,—уберу, ще й якъ.» Прикынувся чоловікъ мертвымъ и лежить. Найшла жинка неретку, надила на чоловіка, бо ничего бильше не було надить, прыпла до чоловіка и голосыть: «Чоловиче мій, та куды жъ ты убираешся?»—По рыбу,—промовывъ чоловікъ. Положылы чоловіка у домовыну. Зновъ жинка стала голо- сыть: «Чоловиче, та куды жъ ты убираешся.»—По рыбу.— «Ой, мамочко,—крыкнула тоди жинка,—винъ не умеръ, винъ гомонить.»—Ни, се тоби, моя донько, такъ удаеть- ся, що ты його любыла.—Прынеслы чоловіка уже до мѣ- гылокъ. Голосыть жинка, приказуючы: «Куды жъ се ты, чоловиче, убираешся?»—По рыбу!—скрыкнувъ чоловікъ, та й уставъ зъ домовыны и давай быть жинку по поты- лыци: «Оце тоби,—каже,—не ленысь, та пряды, щобъ не убирать чоловіка у неретку.»

Записала отъ Лукеріи Новиковой М. С. Чудновская въ с.
Выбляхъ Черниг. у.

238. Жинка безъ десятой клепкы.

Купывъ разъ жыдъ у одніей жинкы яйца и ка- же: «Ты погуляй, а я однесу яйца додому и прынесу тоби гроши.»—«Добре,—каже жинка,—тылькы якъ же мы одынь одного угадаемъ?»—«И справди,—каже жыдъ,— хыба знаешъ що? ты надинь мое палто, а я твій ко- жухъ.»—А на жинци бувъ добрый кожухъ. Передягла- ся жинка у жыдивське палто и жде. Ждала, ждала, та безъ кожуха и додому вернулась.—«А кожухъ де?»— пытае чоловікъ. Вона розказала, якъ було дило.—«Нема у тебе,—каже чоловікъ,—десятой клепкы!»—Та не ставъ бильшъ и балакаты.

Побачыла разъ жинка бондара и просыть, щобъ винъ зробывт йій десяту клепку. Заглянувъ бондаръ,

тики. Прибигае додому, задыхавшысь. Чоловикъ до нейи: «Чого се рано зъ церкви?»—«Ой, не пытай же ты мене! Ярмалокъ у церкви.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

240. Жюноча пошестъ.

— Боже муй, шо його робыть? жуинка недужа.

— Осе! Шо жъ тамъ таке?

— Та чорты його батька знае, шо воно й за пошестъ: лежыть безъ просыпу, а йистъ безъ пощады.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты.

Одынъ чоловикъ та хотивъ вывириты, чы можно жинкамъ правду казаты. Отъ винъ пишовъ у коморю, лигъ та й лежыть, наче хворый, а жинка й пытае його:

— Чого ты, чоловиче, лежышь?

А чоловикъ и каже:

— Въ мене таке, шо не можно казаты, а то ты скажешъ кому небудь.

— Та ни, не скажу.

— Э, ни, скажешъ.

— Та ни бо, не скажу!

Довго винъ не хотивъ казаты, а тоди й каже:

— Та тилкы жъ никому не кажы! У мене вылетила зъ рота гава.

Отъ жинка пишла по воду та й стрила свою куму, а кума й пытае:

— А шо, полекшало твоему чоловикови?

— Э, де тамъ полекшало. У його,—тилкы кумочко никому не кажы,—у його дви гави зъ рота вылетило.

ь. Чоловк
не шк

Кума сказала, шо никому не скаже. Колы йде друга баба. Отъ та кума й каже:

Гавриль

— А знаете, у того чоловіка (якъ тамъ уже його) три гавы зъ рота вылетило. Та тилкы жъ никому, бабусичко, не кажить.

недлѣ

А та й сказала своій племянницы, да й ще прыбавыла, а та ще комусь, такъ выйшло вже дванадцять гавъ. Отъ уже вси на сели дизналысь, думаютъ, шо жъ це воно таке? Зибралась громада и клычуть його:

за мѣс

— Шо це,—кажутъ,—у тебе таке?

Гавриль

А винъ йимъ усе й росказавъ, якъ воно було:

— Це я,—каже,—хотивъ вывирить, чы можно жинкамъ правду казатъ,—ажъ бачъ, якъ йимъ можно правду казатъ.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у. въ 1898 г.

заборъ

242. Батькова правда.

и мѣс
комѣ
де дѣл

Вы пытаете, добродію, звидкы берутся оци пословицы? Такъ стари люде прыкладуютъ. Колысь покійный мій татко було намъ каже: «Слухайте, диткы, шо вамъ кажуть стари люде, прымичайте та такъ и робить!» Та оце, бувало, й роскаже яку небудь казку. Отъ колы хочете, я й вамъ роскажу де яку казку покійныка татка. Се жъ ото бувъ чоловікъ, а въ його бувъ однимъ однимъ сынокъ. Отъ винъ, умираючы, й каже; «Гляды жъ, сынку, съ панамы не кумайсь, зъ жыдамы не братайсь, жинци правды не кажы, чужойи дытыны за дытыну не ймій, собаци виры не доймай.» Вмеръ старый, сынъ почавъ господарюваты. Панъ його такъ жаліе й прыкащыкомъ настановывъ, а дали и въ кумы до себе взявъ. Не послухавъ винъ батька та й пишовъ до пана въ кумы. Що жъ?—панъ його ще бильшъ зачавъ жалиты. Отъ винъ и думаетъ: неправду казавъ покійныкъ,—

бачъ, якъ мени добре, що я панський кумъ. А въ його не було дитей, отъ винъ и взявъ соби челядника за сына. Потимъ того йиде панъ у повкъ та й каже: «На жъ тобі, куме, мого сокола та гляды жъ, доглядай його гарненько!» Пойихавъ панъ. Отъ винъ и миркуе: давай, каже, извидаю батькову правду. Та взявъ того сокола, що йому уручывъ панъ, заховавъ, а пыленятко*) заризавъ, опатравъ, прынисъ жинци та й каже: «На жъ тобі, жинко, звары оцього сокола, та колы бъ ты никому, никому не казала, бо якъ дочуе панъ—буде намъ лихо.» —«Ни, чоловіче, чы можна, щобъ я кому сказала?» Та й пишовъ кудысь по господарству. А жинка за те пыленятко та до кумы. Прыбигла та й просыть горщыка: «Кумочко, голубочко, дай, будласко, горщыка!»—«На що тобі?»—«Та нельга казати, кумочко!»—«Якъ тобі не грихъ, кумо? Я жъ до тебе така вирна, а ты мени не хочешъ сказати.»—Вона й розказала. Кума сказала матци, matka невестци; пишла чутка по всьому селу: прыкащыкъ заризавъ панського сокола. Почувъ и панъ, одпросывсь та й прыйихавъ додому. Заразь по кума: «Де, сякий-такый (годи вже й кумомъ), де сокиль?» —Що жъ, паночку, вынувать: заризавъ та ззивъ.—Не признається, думавъ, що панъ помылуе, ажъ де тобі: якъ закрычыть на його! Крычавъ, крычавъ, а дали лакеямъ и каже: «Визьмить його, повисьте!» Отъ винъ и каже панови: «Дозвольте, паночку, хочъ въ останній разъ Богу помолыться, зъ людмы роспростыться!» Дозволивъ. Прыходыть додому, надивъ билый кожухъ та й згадавъ, шо ще жыдъ не вернувъ грошей позыченныхъ. Питы жъ, думае, до жыда, отъ и визнаю його правду. Та тилькы шо показався зъ синей,—де взявся собака,

*) Пыленятко—се бъ то курча, бо курчатъ склыкають: пыль, пыль, пыль!

та на груди, та давай його шарпаты, такъ полу й одчач-
нувь! Бачъ, якъ батькова правда збувається! Прыходить
до жыда. Жыдъ ни близько: «Я,—каже,—въ тебе не
бравъ грошей.» Зъ симъ и пишовъ видъ жыда. Прый-
шовъ додому, вынись зъ коморы гроши та й каже
жинци й небожови: «Нуте дилыты гроши!» Взявъ та й
роскладуе на чотыри купкы. А було тилькы трое: винъ,
жинка й небожъ. Отъ небожъ дывывсь, дывывсь, а да-
ли й пытае: «Кому жъ оце, господарю, четверта купка?»
—Се,—одвитуе,—тому, хто мене вишатыме.—«Э, такъ
якъ мать чужому тебе вишаты, то лучче давай я тебе
повищу.» Отъ тоди винъ узявъ, зсыпавъ зновъ гроши
въ мишокъ и каже: »Ну, теперь звидавъ усю батькову
правду!» Пишовъ туды, де сховавъ сокола, взявъ його й
прыходить у панський двиръ. Сокиль якъ свысне,
панъ и почувъ та до лакейивъ: «Эй, идить, погля-
дить, неначе сокиль свыснувъ.» Выбиглы, подывылысь—
ничого не чутъ. «Нема, пане, ничего, се, мо, вамъ
такъ здалось.»—А може й справди здалось,—каже панъ.—
Та тилькы шо се промовывъ, а сокиль зновъ якъ свыс-
не! Панъ ажъ здригнувь та й побигъ самъ дывыться.
Выбигъ, глядыть: кумъ його сыдыть на рундуци и дер-
жыть сокола. Панъ до кума: «Де ты, кумочку, його
пйймавъ?»—А що жъ,—каже,—пане, оце я извидувавъ
батькивьську правду...—Та й оповидавъ йому все, якъ
було. Отъ тоди панъ заплакавъ та й каже: «Ну, спасы-
би жъ тоби, куме, шо ты й мене навчывъ слухаты бать-
кивьского слова. Робытому жъ и я теперь, якъ мени
веливъ покійный мйй батько.»

Черниговск. губ. Записаль А. А. Тишинский.

Изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1859.

243. Удова

У Жеведи Чернигивського повиту такой звычай, що якъ добрый чоловикъ везе повзъ удову дрова чы тамъ килкы, то й укыне йй у двиръ дровъ, чы килкы якый.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко.

244. Недогадлива дочка.

Маты йде до церкви, а дочки загадуе хлибъ мисыты. Дочка пытае:

— А довго жъ його мисыты?

Маты каже:

— Мисытымешъ, ажъ помы съ стрихы почне капаты.

Отъ маты пишла, а дочка взяла мисыты. Мисыла, мисыла, тоди выйшла, поглядила—не капае ще съ стрихы. Вона зновъ помисыла трохи, выходе—не капае съ стрихы, лапнула рукою, ажъ ище й не мокра стриха. И такъ вона скилкы разивъ выходыла дывытыся—ни, не капае. Уже вона, бидна, такъ утомылася, трохи не плаче: питъ очи залывае, а съ стрихы все не капае. Прыходе маты съ церкви, а дочка все мисе. Вона каже:

— А чого це ты й доси мисышъ?

— Та колы жъ и доси съ стрихы не капае.

А маты тоди сміється:

— Та вже—каже,—въ тебе съ стрихы не то капае, а бижыть.

Тоди вже дочка догадалася, про що маты казала.

Харьковская губ. Записала М. Н. Гринченко.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ.

Жывъ соби колысь такъ соби дидъ да баба. Було у йихъ два сыны: Федотъ и Ягоръ. Отъ разъ ставъ дидъ бабу быть. Хлопци саме за роботою булы: Федотъ рукавыци пльуивъ, а Ягоръ вовну скубъ. Отъ дидъ бабу лупцуе, а вона крычыть. Ягору стало жалько матери, —вуйнъ кынувсь оборонить, але жъ самъ не подужае батька, шобъ матирь оборонити. Отъ вуйнъ гукать на помочъ Федота: «Федотъ, иды поможы, а то я самъ не подужаю!»—Федотъ и каже йому:—«Ото знаешъ шо, Ягоре? мы браты родни, а воны черты зводни,—такъ нехай трохи побъются,—тоди воны самы розидуться,—те вправо, те вливо, шобъ увъ обохъ болило.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.
отъ Мыколы Крошки.

246. Батькивъ прокльонъ. *)

Дле себе Матвѣй погано робыть: воно, може, не мое дѣло, да и нехай уже выбачае, я такы ему де чого багато нагомонѣвъ. Выдыте, яка пришта, добродію: Матвѣй выправлявъ сына кудысь то та такымы словамы выпроводывъ, шо нехай уже воны на сухой лись идуть; воно, правду кажучы, и хлопья въ його ледаче, да й Матвѣй не добре робыть. Клесты дѣтей батьковы не

*) Разказъ этотъ записанъ не слово-въ слово изъ усть разказчика, а съ памяти; кромѣ того, г. Косменко, сообщившій этотъ разказъ, при записываніи его не слѣдовалъ произношенію разказчикомъ каждой буквы. Такъ, вездѣ, гдѣ буква **о** выговаривалась разказчикомъ какъ **yo** или **уy**, онъ поставилъ **o** и проч.

Примѣчаніе ред. Ч. Г. В.

слидъ, праклюонъ радителявъ не йде часомъ на сухій лѣсъ, а падае на голову да на лыхо дѣтямъ ледачымъ.

— То вже люде пропащѣ, не приведы Господы и бачыть йихъ. Отъ якъ бы вашій мылосты въ угоду, я бъ расказавъ одынъ такой злучай, що за моеи памяти ще бувъ. Вы може бувалы на Котрелюовщинѣ*); тамъи доси е слыве зовсимъ завалена пашенна яма,—не въ приметку вамъ? Було тамъ, кажуть, багато де чого, а теперь и помыну нема, только та ямка, наче въ ей и дна немае... Жывъ колысь оттамъ на Деркачовци**) чалавѣкъ—Сергѣемъ звалы его; добры бувъ чалавѣкъ, царства ему небесне!.. и заможненьки таки геть бувъ! Усякого добра було въ його доволи: и кони, и скотынка, и птыци всякойи, а хлиба светого, — вже й казать нѣчого! Бувало, чи неурожай, чи грядъ, або сарана поле выбье,—у кого ничего, а у Сергѣя засѣки повны: самъ ѣвъ мяхкый хлѣбъ, да и людымъ въ притузи помогавъ. Не велька була въ його семъя: жонка да трое сыновъ. Да шо за семъя була!.. Сергѣиха работяща була на все село, а сыны тожъ паробѣчки были—глянуть любо: до дѣла трудящи, до батька й матери слухмяные, до чужихъ людей звычайные. Ну, сказать—усимъ Богъ благословивъ Сергѣя. Диветце було люде, да дивуютце, що Сергѣй живе, якъ у Бога за двермы: и добра въ його всякого доволи, и семъя на радость...

Пожалуйте жъ. Жывъ Сергѣй якъ пошлы Боже и всякому такъ житы, а вмеръ—не приведы Господы и нехрыста такъ умыраты. Чы согрѣшивъ чымъ самъ Сергѣй передъ Богамъ, чы на покуту батькавскихъ грѣховъ, чы такъ Божа света воля,—только дворъ Сергѣя зразу

*) Урочище въ м. Понорницѣ.

**) Часть мѣстечка.

неначе заморочило шо. Отто спершу умерла жонка; не обтеръ ише слюзъ Сергѣй и сынъ болшій Богу душу отдавъ. Пожуривсь Сергѣй, пожуривсь, да якъ довѣлѣ доброму чоловѣкови и переставъ. Минувъ годъ, Сергѣй забравсь середулшого женить. Засваталы дѣвку, прибралысь къ весѣллю,—а гу! занедужавъ середулшый, да й тей накывавъ петамы. Близько пудайшло горе тогда до Сергѣявого сердца—зажуривсь сердка! Отто, то люде добрые, то панотець покойный батюшка сякъ такъ отхаялы Сергѣя. На все, кажутъ, Божа сила, Божа й воля, а журба грѣхъ тяжкый! Въ тебе, кажутъ, сынъ ще е, дасть Богъ оженышъ, дождесся внукавъ, буде кому на старости и догледаты и хлѣбомъ кормиты, а умрешъ—е за шо, да й буде кому поминаты. Чы послухавъ Сергѣй, чы не послухавъ, тольки вже живъ, якъ те пудрублене дерево,—живе та сохне. Ему було добры люде й кажутъ: «Эй Сергѣй, бойся Бога! журбою ничего не вернышъ, а тольки Бога прогнѣвышъ». — «Да нѣ, каже, я не журусь, я свойихъ пакойниковъ зависимъ и забувъ уже».

Сергѣй казавъ правду; сохъ да чахъ вонъ не одъ того,—батькове сердце чуло соби горе! Останній сынъ Сергѣявъ бувъ уже геть паробѣчка; годовъ черезъ три, або чотыри, Сергѣй оженывъ його. Якъ уже вони тамъ жили, Богъ йихъ светы зна; тольки не въ диковижу стало бачыть и слезы на очахъ Сергѣя. Прошло може такъ... гадовъ петнадцеть,—Сергѣя Богъ и внученятами благословивъ; хлопята уже геть пудрослы—тольки щожъ? не въ дядьковъ удалысь. Бувало йимъ тольки и дѣла, щобъ у людей городыну псавать, або камѣные швыргать, або людей цкавать собаками; стали люде недобре гомонѣть про Сергѣявого сына. Воно вѣстымо, якъ дѣты капостны, то батька виноватъ, чому не учить; а якъ батька не научае дѣтей людей поважаты да Бога боятысь, та закону Его, то и самъ вонъ не-

добрий чалавѣкъ. Коли жъ такъ и вышло. Пронеслась чутка, що старого Сергѣя сынъ не симане*) зовсимъ, да такъ грывае на батька, що въ старого часомъ и досточки трусетсе. Дале, вже и сусѣдамъ чутно стало, що сынокъ такими словами вымовля на батька, що доброму чоловѣкови и на челядныка сказаты соромъ. Дивуютсе, було, люде, що съ Сергѣявого сына таки ледачи чалавѣкъ зробывся; да, бувало, зустрінуть старого: «Чомъ ты, кажуть, Сергѣю, начальникамъ на сына не пожалысса? — вонъ тебе обиждае крѣпко.» — «И вже, — каже, — начальникамъ на сына жалытьця!.. да й за вищо!.. Вонъ у мене слава Богу и работяшый, и слухмяный, а що часомъ и буває, такъ то такъ, ничего, — мы свойи» — Да одвернетъця да полою и втирае красные очы. Пробувалы иншіе и до сына пудступать, за що таки вонъ батька такъ на старости обиждае, що вонъ же не ледащыця, не пъяныця, худобчыну забравъ для його хотъ куды, — и се, и те, — дакъ усе ничего; у сына каяття не бачылы!..

Отто настало лѣтечко свете. Сергѣй занедужавъ. Воно вже и поживъ таки слава Богу, а тутъ поховать жонку, да двохъ сыновъ, да ще на старости лыхо одъ дѣтей терпѣть — не приведы Господы никому, хотъ кого въ обложже положить. Лѣтомъ, вѣстимо, нашъ братъ слыве все время у поли; отъ, було, поѣде у поле и Сергѣявъ сынъ. Да тольки якъ вонъ зъ двора, жонка не то, щобъ догледыть недужого батька, и соби вслѣдъ за очами. Воно такъ: якъ чалавѣкъ ледачый, отъ жонки и давно добра не ожидай. А Сергѣй лежить та часомъ не ѣвши, не пивши и день проводить. Даждалы жнивовъ — Сергѣй завсимъ охлявъ. Поѣде було уся семья на поле, опричь дѣтей, бо тыхъ, якъ свѣтъ — и у хати нема; а щобъ було кому старого догледыть, до сього и дѣла нема никому. Лежить сердешный дѣдъ: чы водн бъ напывся, чы друтого чого, — самъ не встане, а подать

*) Не уважаетъ.

нѣкому; слъозъ бы напывся, да и слъозы на старость по-
высыхалы. А дѣты понабѣгають, накрычать, назичать, по-
расчыняютъ двери,—да й булы такіе. Понаходеть куры,
свинье, попереворочуютъ усе у хати, а старому встать
совсѣмъ не въ моготу. Прийиде сынъ съ поле и за все
виноватъ батька. Бачъ, якъ бы його не було, вонъ бы
двери позамыкавъ. Терпить дѣдъ...

Отто разъ уранци забравсь молодой Курдюбенко
у поле, надѣвъ шоломокъ, запалывъ люльку, да якась
то и на батька зглянувсь. «Що въ тебе, каже, болыть,
тату?»—Батька на все забувъ, да рады-рады, що сынъ
хоть обазвавсь до його; забравъ, яки булы сылы, пуд-
нявъ голову да й каже: «Ничого, мой сыну, ничого! Пу-
дойди, будь ласкавъ, сыночку, блыжче до мене, я тоби
скажу де шо.»—«Що тамъ таке? Кажи да скорѣй, ми-
нѣ нѣколы.»—«Послухай, сыну, може я тоби въ остан-
ній разъ казатыму, мини вже не довго житы»...—«Да
вже бь пора тобѣ честь знать, тату, що люде дакъ уми-
рають, а на тебе десь и смерти нема. А вже надоѣвъ!»—
«Що жъ робыть, сыну: на се Божа воля; только минѣ
здаетця, шо и я уже не довго житему. Увесь вѣкъ свой,
сыну, проживъ я, про васъ думавши. Ты знаешь, сыну,
шо мини отъ своего батька ничого не досталась, а те-
перь, благодареные Богу, усячина водитця; а черезъ шо?
я и куска не доѣдавъ, я и Петровской ночи не досы-
павъ, щобъ только вы, мойи дѣты, горя не знали. Богъ
забравъ твойихъ братовъ, теперь шо е, все твое, сыну,
якъ будишь добры.

— Э!—одвича сынокъ,—се велька казка, я и безъ
тебе знаю, шо мое,—чы нема чого луччого, а то мини
нѣколы.

— Нѣ, послухай, сыну, се останній разъ...

— Да кажы жъ, кажы! Може де гроши закопавъ,
дакъ кажы, а то чартвить чого я базикать нѣ буду.

Батько здыхнувъ; хто його зна, що то вже вонъ хотивъ сказать! а деле трохы згодомъ и каже: «За все, сыну, що я придбавъ для тебе, нехай хто небудь побуде сьогодни дома, хоть Стеха твоя: четвертый день у мене расынки не було въ роти. Мой сыночку, мой голубчыку, не дай менѣ умерты голодною смертыю».

— А що, бачь!—грымнувъ сынъ,—дывѣтце, люде добры (а женци на дверяхъ слухалы), що батько зовсѣмъ передъ смертыю обезглуздѣвъ. Хиба жъ тоби нѣчого ѣсты? а колы я не велю, га? А щобъ ты справи зъ голodu опухъ!

Завернувся да й до дверей. Де тїи слезы, де й силы набрались у нещасного Сергѣя: пуднявъ на полу, обернувся до образовъ, да плаче, плаче,—а деле пуднявъ руки вгору да й каже:

— «Щобъ же ты, мой сыночку, самъ опухъ зъ голodu!»—Сказавъ да й повалывсь на полъ... Колы до його, а въ його вже й души нема.

Пожалуйте жъ. То сякъ, то такъ заховалы Сергѣя. Курдюбенка ставъ самъ у дворѣ хозяйинъ—и хозяйнуе. Звезлы по гумнамъ хлѣбецъ светенькій добры люде, стали молотыть—не отстае и Курдюбенка. Насадывъ вонъ першу овину, а самъ видно прилигъ, овина загорѣлась и къ свѣту ни гумна не осталось и ни снопа хлѣба. Беда ще не велька, катъ його не взявъ, грошенята булы,—накупывъ хлѣба. Весною зробывсь падежъ на скотъ. Кого Богъ зовсимъ помылувавъ, у кого не багато зачепыло, а у Курдюбенка неначе метлою вымело—ни коня, ни вола. Видыма Богъ паказавъ чалавѣку свой гнѣвъ за грѣхъ его. А Курдюбенка, де въ Бога просыть,—ставъ за галстукъ закидать. Пришлось орать—нѣчимъ, купыть—слыве нѣ защо,—нивки по боку! Проишовъ годыкъ, другій—дворъ старого Курдюбы завсимъ не тей ставъ: те поломане, друге повалене, неначе и хозяйина въ двори немае. Скотынка яка прикуп-

лена, одъ недогледу держатця не стала, — хозяйства, еке було, пошло до-горы ногамы. Вонъ день-у-день пьяный, а на його глядя и жонка; що день, то у йихъ сварка да лайка: вонъ знелюбывъ жонку, а жонка його; а дѣти обойихъ йихъ поважать не стали. Вонъ, що можна, продае, то дле горемыки,*) то щобъ хазяйства, бачъ, пудправыть, а жонка собѣ що зря въ шынокъ несе. Було то ище четвера коненятъ; на другій годъ одного, аделе и другого зверюкы задавили, а съ тыми двома поѣхавъ разъ середулшій сынъ у лѣсъ на ношлѣги, — сына гадюка укусыла — сынъ обдувсъ; дождавши осени и старшаго у некруты аддалы. Оббывсъ Курдюбенко завсимъ; грошей нема, хлѣба нема, худобчина спыла, нема й помочи. Здаетпя, бачывшы такую кару, мерщій бы до Бога со слезами, — дакъ нѣ, десь нечистый завсимъ завладѣвъ его душею. Курдюбенко ставъ горше пить. Було въ його семьѣи ще двѣ дѣвки да хлопья невеличке, да и тыхъ, за батькавъ упоръ, не милувавъ Богъ. Пошло якась у заморозки хлопья ковзаться на болото, провалилось на копанци — да тамъ и Богу душу отдало. Люде, знавши грѣхъ Курдюбенкавъ и бачивши його житье и кару Божу надъ нымъ — одцурались. Бувало, и дѣты малые, — иде Курдюбенко по селу: «Курдюбенко, Курдюбенко!» — да текають, неначе одъ манейи екойи.

Пожалуйте жъ. Прошло ще може годовъ тры або чотыри, — Курдюбенко зовсимъ охлявъ. Ото такъ... Передъ Михайлою (8 ноября) пошовъ вонъ у Покошичи до знахара; того й не знала проклета душа, що люде вже не помогутъ. Колы жлать день, другый — нема; жонка у Покошичи. Пытае людей, кажуть, — бачылы, надвечоръ зъ Покошичъ ишовъ того й дня, якого по-

*) Горилкы. *Прим. записыв.*

шовъ и изъ дому. Туды, сюды—нема. Шукать по лѣсу да по колодезямъ,—думка—вонъ смерть соби заподіавъ, Прошло днѣвъ шѣсть, або й лучше—нема. Отъ, у чолавѣка, тамъ же таки на Деркачовци, парося забѣгло. Жонка сямъ-тамъ шукать—нема; пошла на Котрельовщину, чы не забѣгло туды часомъ. Иде—ямка пашенна; чы не впало, думка, сюды. Прилегла, дивитце—лежить щось, только не порося. Вона въ село. Забрались люде, пришли, розгледылы—чалавѣкъ; вытегли,—ажъ Курдюбенко. Да страшенны таки! Обдувсь, якъ колода, колѣна и руки погрызены, морда въ кровѣ. Выкопалы тамъ ямку да на ростанькахъ и зарылы, якъ собаку, просты Господы!

Може то, ишовшы съ Покошичъ, хотивъ навпростецъ додому пройты, а йшовъ то вже видно смеркомъ да й пудъ хмелькомъ може, да якось то и найшовъ на ямку. А вже якъ упавъ, дакъ хотъ крычи, не крычи—село далеченько, нехто не почуе. А вылѣзты зъ тыей ямки, якъ вона тоди була, не только Курдюбенку, да и здаровому чалавѣку—самому не вылезти. Жонка посля його зовсимъ роспаньствувалясь, да гадовъ черезъ два и вона пропала. А дѣвки—яки тамъ остались злыдни—збулы да й пошлы у Данщину; объ ихъ большъ и слуху не було.

Оттакъ то, добродію, перевелось усе кодло и вся худоба Курдюбы. Недаромъ кажуть, що зъ батьковымъ да зъ материнымъ благословеныемъ ни въ огнѣ не соришь, ни въ водѣ не втонешъ, а одъ пракльону ихъ утонишь и въ ложки. Добрые и жылы добре, а ледачымъ и на землѣ пекло було. Нехай ихъ уже тамъ Богъ судыть да милуе!

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниговской губ.

П. Косменко въ 1854 г.

247. Сила клятвы.

Выбачайте вже, добродію, якъ ноди шо не такъ,— насъ батьки грамати не вчили... Жилы колысь на Пиваравци*) два чалавѣчки, адынъ нехай царствуе, а другого нехай Буогъ судыть да милуе—Колѣнько да Сухопаль. Хазяйины булы на всю губу: усячина въ обохъ водылась и хлѣбець светый, и скотынка, да й грошенята щитать умѣлы. Да се не дыво—дыво те, шо жилы вонны соби якъ браты раднюсеньки; бувало чи въ дарогу, чи въ ряду**) еку, чи такъ куды—усе укупи. Не стане було чого у адного—други мае, бѣдкуище чого одынъ—и другому не весело. Жилы то воны да поживалы, да добро наживалы—и Буогъ йимъ памагавъ, и люде паважалы.

Пожалуйте жъ!.. У Колѣньки умерла жуонка,—сердека трохи приупавъ. Зосталось трое дѣтвора, старшаму восьми, чи шо, гадокъ бувъ; съ такою дѣтворою безъ, бабы жить—мука, да Сергѣй не думавъ жениця—дѣтей крипко жалувавъ. И па хазяйству безъ бабы пашло не те, такъ шо люде разъ-по-разу гомонѣлы ему пра женитьбу, а вуонъ, було, одно адвича: «Друга жуонка не минѣ не буде жуонка, не дѣтямъ майимъ матюрь; хазяйство чи пудправить, чи нѣ, а дѣти—прапаци.»

Принявъ до себе бабу екусъ стареньку, шобъ дѣтей догледала, а самъ ѣздивъ па дарогахъ да копѣичину звалакававъ. Разъ ѣхавъ видкулясь, у пуостъ, чи шо, да й провальвсь десь на рѣци, люде адретавалы—да не надовга; ставъ кашлетъ да сохнуть, да недѣль у сѣмъ, чи шо, и Богу душу аддавъ.

*) Часть мѣстечка.

**) Подрядъ. *Примѣч. запис.*

Паприходять було сусѣде адвѣдать недужого Сергѣя, дакъ у його туолькы и мовы, шо пра дѣтей. Сусѣде, звѣсна, и се, и те, шобъ, бачъ, вуонъ не вельми бѣдкувавсь, а вуонъ було адно адвича: «Я бѣ, може, и адуживъ, да якъ гляну на дѣтей да згадаю, шо въ ихъ родни нема, матери нема, а може й батька скоро не буде,—дакъ у мене нема й души. Дѣтвора мала, абчество апекуна назначить, а апекуны звисно якъ арудують сируоцькаю худобаю; вернуть усе на сваю-ручь не на сируоцьку. Сирата мовчить, а хочъ и заплаче, дакъ люде не вельми то доглеляютця на сируоцькіе слезы. Худобы дарма бѣ, да хто ихъ до пуття доведе?! Не радъ бы й думать объ сямъ, да не можна, а ціѣ думки, мовъ та гадюка, коло серця ссутъ кровь да швыдче гонеть въ домовину».—А иноди стане перебирать сусѣдство, кого бѣ йому ублагать,—якъ ноги умре вуонъ,—апекуномъ надъ свайми дѣтьми; скаже, було, аднаго, другога—все не такъ.

— Гнѣвишь Бога, Сергѣй,—загомонятъ було люде,—якъ уже шо судыть табѣ Буогъ умерты,—тваѣ дѣты не будутъ сиратами: а Сухопаль Астапъ, хйба жъ вы не браты, хйба жъ вуонъ не любить твайхъ дѣтей, якъ руодныхъ.

— Да мы таки правды трохы родычи,—адвича Сергѣй, пакиває галавою, вздыхне да й замовчить.

Шо не гаманить добродію, а батькове серце вешуе лыхо свайхъ дѣтей!

За недѣлю такъ, чи шо, до смерти поприходьлы до Сергѣя сусѣде, пришовъ и Сухопаль. Гомонѣлы про се да про те, а деле Сергѣй и каже Сухопалу: «А шо, Остапъ, здаетце минѣ вже не вставать?»—«Буогъ зъ тобою, Сергѣй, слухай людей да молись Богу, ты ще одужайшъ»,—сказавъ Остапъ да й заплакавъ.

— Нѣ вже,—каже,—не адужать минѣ,—да на се Бога воля; не страшно минѣ було бѣ умирать,—да дѣты!

Довга я думавъ про ѳихъ, довго думавъ и про тебе, Остапъ, да здавсь на Бога, чи довга, чи коротка минѣ жить, дакъ послухай Остапъ, що я тобѣ казатиму. Вѣкъ мы зъ тобою жили, якъ браты роднюсенькіе, вѣкъ я табѣ зла не зрабывъ, злого не сказавъ, злого не мыслывъ; спасыбу и табѣ, нечого и одъ тебе не чувъ я и не бачывъ лихого. Семѣи наши наче одна семя була, не чужіе моюй душѣ булы тваѣ дѣты, любивъ и ты моихъ. Дѣты май скоро сиратами будуть, братику Остапъ, будь ѳимъ батькомъ, не попусты ѳихъ зробиця людямъ на осужденые, сабѣ на погибель. Доведеш до пуття сиратъ—добре дѣла зробишъ, Остапъ, а за добре дѣла Буогъ и тваимъ дѣтямъ пашле щасте и табѣ всяке благополучіе.

— Якъ уже що судыть табѣ Буогъ, Сергѣй, умерты, —дѣты тваѣ не будутъ сыратами. Жилы мы братамы, братамы и люде насъ вельчали не дарамъ, Сергѣй! Буогъ бачыть маю душу. Екою дарогаю Буогъ паможе минѣ сваихъ дѣтей до пуття розуму довесты, тыею и тваѣ пуойдутъ; якъ батько руодный буду кахатъ и распытъ ѳихъ. Буогъ мене накаже, колы скрывлю душею.

— Постой, Остапъ, не бажись,—промовля Сергѣй ѳихъ худобчыны.—Довесты чужихъ дѣтей до пуття, да не знѣвичить,—трудне дѣла, не тей свѣтъ наставъ. *Чуже добро якъ юлодному страва*—не втерпышъ! Знаю я—чалавѣкъ ты добрый, найчеснѣйшій. у тебе и свого—всяка всячина, сируоцкого не захочишь; да ѳ те сказать, не въ абѣду табѣ, Остапъ, що е на свѣтѣ багато людей, катры добры за тымъ, що нема злучаю ледачымы зробиця; а прыдеця до чого—ледачій у насъ завсегда за плечима, —и доброго спокусыть. Падумай, Остапъ, да якъ не тее...—не берысь. Нехай ѳимъ буде батькомъ тей, що на неби, а до пуття доведутъ добрые люде. Тяжко минѣ буде лежать въ домовынѣ, якъ дѣты мои будутъ

ледащо, а ты близько до пекла; жаль минѣ дѣтей, да жаль и тебе, Астапъ.

— Да Буогъ зъ тобою,—одвича Астапъ:—шо це гомоньшь ты? Не казала жъ бы мене лыха година, якъ бы не я, а чужіе люде догледили дѣтей твоихъ! не пабывъ бы мене груомъ святы, якъ бы думавъ я дбать изъ музольовойи тваѣ худобчины не дѣтямъ тваимъ, а сабѣ? Сергѣю!.. Сергѣю!..

— Братіку муой Астапъ, я и самъ думаю, шо воно такъ, да сердце щимить,—чого? светы його знаютъ!

— Колы жъ на те пышло,—каже Астапъ,—щобъ тебе заспокоить, я ось якъ скажу. Слухай, Сергѣй, слушайте и вы, добри люде!—Ставъ навколешкахъ предъ абразами да й каже:—Колы я буду желать зла дѣтямъ твоимъ, щобъ те зло на моихъ дѣтяхъ акашилось; калы я изъ йихъ добра буду собѣ шо дбать, щобъ моя худоба прахомъ пошла; колы я не буду доводить йихъ до пуття-разуму, якъ батько руодный, щобъ я самъ пошовъ по свѣту безъ добра, безъ пуття, людямъ на осужденые, сабѣ на пагибель.

— Аминь!—промоливъ Сергѣй.

На дворѣ кажуть, неначе шо зареготало,—люде перехрестылись. Страшно, кажуть, усѣмъ чогось стало. Отто трохы згодомъ Сергѣй пудазвавъ дѣтей да й каже:

— Дѣты мойи, нема въ васъ матки, и батька скоро не буде, я скоро умру. Не плачте, дѣты, несчастлывые вы, да е не свѣтѣ и адъ васъ нещаслывѣйши. Буогъ васъ не аоставитъ. Будете молицця Богу, въ церкву ходыть, старыхъ людей поважать, не обиждать некого,—Богъ дастъ вамъ щасте и люде не обѣдетъ васъ. Дядько Астапъ, якъ умру я, буде вашимъ батькомъ; слушайте його, якъ бы мене слухалы; не послухаєте його, все руовно, шо мене не послухаєте, а хто батька не слухае, таму Буогъ талану ни въ чуомъ не дастъ. Пудійдѣть же, дѣты, блызше, я васъ перехрешу.

Дѣты пудышлы. Старшій таки плаче, а меншаму й байдуже, йому и не памки, шо батько въ останній разъ гомонить зъ йими. Перехрестывъ, заплакавъ.

— Теперь — каже, — хочь не радосно, люде добры, умирать мнѣ, да и не тяжка вельми. Буогъ да ты, Астапъ мая надежда.

Люде разышлысь, а Сергѣй пославъ за батюшкою, а днювъ черезъ два, чи шо, Сергѣю вичну память за-спивалы.

Пожалуйте жъ!.. Астапъ забравъ Сергѣявыхъ дѣтей до себе, а въ Сергѣявъ двуръ сусѣда пустывъ.— «Дома,—каже,—и глядѣть за йими лучше, да й расходу меншъ. Дастъ Буогъ, выросте буолшій-аженю да и на батьковскій курень».

Живуть да растутъ въ Астапа Сергѣявы дѣты. Минувъ годъ. У Астапа було дома двое дѣтей, старшій, слыве, однагуодки съ старшимъ Сергѣявымъ, и полюбились и подружились дѣты, а Астапъ и за чужими догледа якъ батько руодный. Усе йшло любо да гарна и сиротамъ на добро, и Астапу на спасены; да то лиха година, шо чалавѣкъ дума такъ, а лукавый верне по своему. У годъ, чи шо, середулшій Сергѣявъ занедужавъ вуоспаю и вмеръ. Божа воля! Старшаму було гадковъ дванадцеть, чи шо, а меньшому другій годокъ,—сихъ Буогъ милувавъ. Прайшло ще такъ годъ чи й лучше, стали люде замѣчать, шо Астапъ не тей ставъ: ходыть да сумуе, неначе батька въ домовину положивъ; и кунпаннийи всякайи цуравсь.

— Бѣдалага Астапъ зажурывсь!—кажуть було люде, глядя на його.—Да й не дыва! тутъ и свае хозяйство, и дѣты, а тутъ и чужіе. Треба жъ подумать, якъ усьому парядокъ дать да и дѣтей до разуму довесты. *Узявсь за ужъ не кажи недужъ.* Заклявсь предъ Богамъ—не загубить же души.

А Астапъ живе да думает, думает да сохне, ажъ зъ тѣла зпавъ.

На трейтій, чи шо, годъ меньшій сынъ Сергѣявъ вмеръ да такъ чудна, шо всѣмъ памараки забыло. Дытя було здорове да не съ того, не съ сього й душею на-ложило. Думалы, рядылы, да якъ згадають, якъ Астапъ закладынавсь предъ Сергѣемъ, да якъ плакавъ надъ ды-тямъ зъ жуонкаю, дакъ и думкамъ конецъ: така вже, видно, Божа воля,—на туомъ и палажины. Астанній сынъ Сергѣевъ и геть уже ставъ парабѣчка, и Аста-павъ тожъ. Хлопята булы—глянуть любо: работащїе, слухмяныя, звычайныя, а шо лучше всього, жили помежъ собою якъ роднюсенкїе. Астапу вже на хозяйству и геть помочь, а Астапъ все сумуе да думае; думавъ, ду-мавъ да й выдумавъ, бодай нехрысту такъ не выдуму-вать.

— Десь я безталанный чалавѣкъ, жуонка, на свѣтѣ,—загомнѣвъ разъ Астапъ: бьюсь якъ рыба объ люодъ, а все проку мала. Подывыссе на людей—усього багата, усюды спуорна, а у насъ? Туольки шо хлѣбъ ведещя.

— Буогъ зъ тобою, Астапъ,—адвича жуонка:—ше у насъ благодареныя Богу! не маемъ багатства да й нуж-ды не маемо. Пагледы кругомъ, скуолькы беднѣйшихъ адъ насъ, а не гнѣвътъ Бога. А намъ буде чымъ вѣку дожить, а вкремо—и дѣтямъ буде шо зоставить.

— Воно такъ, да все бѣ знаешъ... тее, у пакуойнаго Сергѣя негде нема родычавъ, апроць насъ?

— Нема негде, вже бѣ чутно було. Вуонъ здалеку вадкулясь забривъ до насъ; спершу, якъ и самъ знаишъ, челядникамъ служивъ, а дале то женивсь на мою двоюродную сестрѣ—вьсого бачывъ, а Буогъ памуогъ—и ражжились. А на шо табѣ?

— Да такъ... не нашо!

— Охъ-охъ-охъ, Астапъ, беда намъ съ сими дѣтьми Сергѣявыми. Середуольшій вмеръ—Божа воля, а за меншого—грѣхъ намъ!

— За шо жъ намъ грѣхъ? Хиба я йому не казавъ?

— Нехай уже насъ Буогъ прощае! що ты, що казавъ? не було бь сього, якъ бы я була дома. На те дытя, воно бачыть медъ, а що въ меду—йому й горенька мало. Треба вже сього гледѣть да до розуму довесты.

Астапъ подывивсь на жуонку, подывивсь да й замовчавъ; думка то: въ бабы не одны косы, а и езыкъ довгій.

Дождали лѣтечка светого. Астапъ то сюды, то туды па дарогахъ ѣздить, а дома жуонка съ паробками хозяйствуе.

Отъ разъ Астапъ и каже: «Я жъ завтра до города паѣду, тамъ ярмалка,—чи не стану куды пудъ хуру, а вы тутъ хозяйствуйте. Ты, Демидъ, сими трама днями будешь ѣздить на нашлѣги, а ты, муой сыну,—тыми. Да гледы, Демидъ, не ѣзды у купи зъ хлопцями,—воны й тебе навчеть у людей городыну красты; ѣзды у Заглыбочче*) да сваеи клуни. Тамъ и паша добра, и адъ негади е де заховацце; да гледѣть, щобъ усе такъ було роблена, якъ я кажу.

— Буде зроблена!—адвеча Демидъ.—Я неколи не аслухавсь, дядку, бо знаю, що ты не на лыха мене учишь.

Погомонѣлы, повечералы; хто спать—а Демидъ Сергѣявъ на нашлѣги паѣхавъ. Астапъ цѣлюсеньку нуочъ и очей не зводывъ: то лучыну запалыть да люльки пакурыть, то по двару паходыть—а все такы не спыцце.—«Да ляжъ да засны!—обзаветься жуонка:—табѣ жъ завтра ѣхать рано»—Астапъ ляже, да якъ жуонка засне,—вуонъ зновъ за свое. Давъ Буогъ свѣтъ, Астапъ паснѣдавъ да й у дарогу...

Пожалуйте жъ! Уранци пріѣхавъ зъ начлѣгавъ Демидъ, бувъ окисъ празныкъ. Демидъ упоравъ скотъ

*) Урочище въ лѣсу.

да й до церкви. Вышли зъ церкви; пасѣлы абѣдать.

— Нѣ, тютко,—каже Демидъ,—щось минѣ ѣсты не хочеще, ляжу я да полежу, чогось мене тре да мне—наче паганка.

Тютка йому и дарныка съ светою вадою, и се, и те—нѣ, не памагаище Демиду. Дождалы вечера. Сердека хотъ и нездужавъ, да не забувъ дядькавого наказу: злѣзъ зъ печи да й ну лаштаваще на нашлѣги.

— Шо ще ты, Демидъ,—абазвалась тютка,—нездужаишь да ще й на нашлѣги! Злѣзъ на черѣнь да грѣйся—паѣде Степанъ.

— Да нѣ,—каже,—я не те, щобъ уже вельми нездужавъ,—паѣду. Дядька казавъ, щобъ я сими трама днями ѣздывъ. Ще сердище буде.

— За шо жъ тутъ сердище?—Буогъ зъ табою, Демидъ, хйба мы не люде? Дядько сказавъ, щобъ кожний зъ васъ знавъ свае дѣла, да щобъ укуни зъ хлопцями не ѣздылы, щобъ лыха не набраще; а чи ты папереду паѣдешъ, чи Степанъ—то все руовна.

То смякъ, то такъ угомонылы хлопця: на нашлѣги паѣхавъ Степанъ, сынъ Астаповъ.

— Дай,—каже,—мамо, минѣ Демидову шапку, здаעתя, ноци ядрены, въ шалашку буде холадна.

Маты вынесла шапку. Степанъ на кони да й до Заглыбуочча... Бѣдне хлопья!

Астапъ выѣхавъ рано; доѣхавъ до лѣсу, звернувъ зъ дароги угушину, распруогъ коненя, да й самъ прилюгъ. Здаеще пять версть праѣхавши, рана бъ папасувать, да у Астапа думки не таки... Лежить—чи вѣтеръ повѣе, чи птыця пралетыть, Астапъ схватыще, озираеще сюды—туды, неначе зладюга тей коло коморы. Не ѣсть, не пѣе да ноци дажидае. Даждавсь акаянний и ноци. Привезавъ крѣпенько шевлягу до воза, а самъ и пашовъ лѣсамъ навпрастецъ. Иде, иде да стане гледить то назадъ, то напередъ: ззаду клетьба, шо давъ предъ

Богамъ, а спереду лукавый манить. Пастаить, падумае да зновъ далше. Видно разъ пуддавшысь нечистому, трудна вырвацце адъ його. Тей, звѣсна, свае шепче: «Иды, Астапъ, труда не багата, а худоба твая: первымъ хазяйиномъ заживешъ. Люде и цѣлый вѣкъ грешать, а живуть, да ще якъ живуть, а табѣ двуойчи загрешить и Буогъ велѣвъ; вѣкъ довгій—на старости адмолыссе.» Астапъ иде. Ишовъ, ишовъ да й пришовъ до своей клуни.—Кругомъ клуни кони ходеть,—вуонъ ближше; коло клуни лежить хтось. Ставъ Астапъ, трусыцце,—не живы, не мертвы. А куцый не мовчить: «Отъ табѣ и надумавсь! Рабы скарѣй, другого разу такого не выберешъ. Все руовна адвечать, хоть за дѣла, хоть за намѣреные, дакъ колы адвечать, дакъ знать за що. Да й колы тей адвѣтъ? А худоба вельке дѣла!» Астапъ вынѣвъ зъ пудъ палы косу, пудышовъ. Видна, що парабакъ лежить; намацявъ—Демидова шапка; Астапъ нагнувъ, придавивъ, голова адлетѣла,—хлопъя й не пикнуло. Проклета душа, самъ прасля расказувавъ, що нечото буольшъ не знае; туольки, каже, по лѣсу наче зареготало щось.—Адумавсь то, а дале за ноги да за голову да й потегнувъ до Бабруовникавого ставка; дотегнувъ—шубовсть! Думка то—и конци въ воду, а до канця ще далека! Вернувъ до воза, запрягъ каня да й паѣхавъ на ярмалакъ. Лучче зъ круга-свѣта бѣ йому зѣхать!..

Пожалуйте жъ! На завтре—абѣдъ, нема Степана. «Може кони загубывъ,—дума матка:—шукае.» И вечеръ—нема. Бѣднуой матци и ѣда на умъ не йде. Прайшла нуочь,—матка, не спавши,—у Заглыбуочче. Прибѣгла до клуни—кони ходеть, переличыла—усѣ; вона гукать. Колы дывицце кровъ; вона далше—шапка Демидова, вона въ плачь да въ голась... Може то матци сердце всю правду росказала. Прибѣгла въ село, назвала людей, пашлы у Заглыбочче. Сталы итты па кривавому следу да й пришлы до ставка. То тымъ, то симъ

стали шукать да й вытегли спершу тѣла, а дале й голову бѣдного Степана. Привезлы въ село... Плачь, голась таки, що Боже твоя воля! Хавать? Якъ же його хавать? Може то й тоди хавать такихъ не можна було зразу. Коли на завтре прасля сього ѣде Астапъ у новуой свитци. Жуонка якъ глянула, якъ заголосить: «Батечку муой! сыночекъ нашъ...»

Астапъ скорѣй у хату; дывище—Демидъ плаче, а на столѣ мертвый. Якъ закричить: «Дакъ се Степанъ бувъ на нашлѣгахъ? Боже муой!»

Упавъ, дакъ думалы, що зъ його и духъ вонъ. Даниѣ, катюзи кара треба,—ачнувсь. Сталы питать, дакъ вуонъ и расказавъ усю правду. Далше—звѣсна: веровку на руки да й у тюрму. У тюрмѣ вуонъ расказавъ, що й меншаго атруйивъ мишакомъ, замешавши зъ медомъ, буцимъ то дле мухъ.

Взялы у тюрму и жуонку, хоть та не въ чуомъ, еردةка, не выновата. Жуонка черезъ чатыри недѣли, чи шо, тамъ и вмерла. А проклетого Астапа черезъ годъ атшмаровавъ катъ да й повелы по свѣту безъ добра, безъ пуття. Бувъ сынъ у його женатый да дома ще одно хлопья. Женатый тей усе закладавъ да продававъ, щобъ батька якъ адзволить грошами, а прасля бачить, що и худоба прапала, и батька тежъ, да й люде кругомъ тюкають да ненавидеть,—забравъ, яки остелысь злыдни, да й пашовъ зъ малымъ братамъ и семьею у Данщину; абъ юомъ и слуху не було. Все пашло прахомъ. Демидъ добрымъ бувъ хазяйиномъ, да дѣтей йому Буогъ не давъ, такъ и вмеръ...

Тяжко, кажуть, плакавъ Астапъ, сидячи у тюрмѣ, —шо иноди и турменныкамъ жалко його було, нащо вже турменныки! да якъ не плачь, не наплачишь тако-го ставка, якъ тей, що сына бувъ заховавъ! Довга у насъ гомонѣлы пра сей злучай, да туольки жалю не було, а все було одно чуешъ: *катюзи чо заслузи!*..

М. Понорница Крелевецкаго у. Черниг. губ. П. К.

248. Гарно, якъ батько вмирае.

Умеръ батько. Симъя вбога була, то часомъ и годни диты булы. А то, звисно, помыналы, то и напеклы, и наварылы всего. Хлоптя мале найилося та:

— Боже мій! якъ гарно, якъ батько вмирае! Якъ бы часто!..

С. Исакова Славяносербск. у Екатериносл. г. Записаль
Б. Д. Гринченко.

249. Одурена дивчына.

Була соби маты и дочка, малы воны и худобу, та ништо дочку не сватавъ, бо уси зналы, яка вона дурна. Выйшла вона одного разу на вулицю та й жаліється сусидкамъ, шо ништо ййи не сватае. Пидслухавъ сее одынъ паробокъ та й каже: «Пидешъ за мене? буду сватать».---Пиду,—каже,—хочъ и маты не схоче, пиду сама». Зрадылысь воны утекты видъ матки уночи. Пидйихавъ винъ, дивка тыхенько повыносыла одежу, подушкы, повыкачувалы скрыни; сама убралась у съвитну одежу, посадалы и пойихалы. Возывъ винъ ййи по селу, возывъ и привизъ до ййи хаты.—«Ну, иды жъ,—каже,—у хату, а я самъ позношу». Увійшла вона у хату: —«Добры вечоръ!» та й сила. «Оце,—каже,—чысто якъ у насъ: и лавы такъ, и пичъ».—«А куды жъ ты зайшла, хыба не въ свою хату?»—озывається маты зъ печи.—«Отто: и говорка чысто якъ у мойи матки.»—«Да шо ты, дурна, верзешъ? чы тоби уже зовсимъ паморокы забыло?»—«Оце яки бо вы: ще мене не знаете, да уже й лаєте».—«Якъ не знаю? давно тебе, дурну, знаю».—«Де жъ знаете? Я ше уперше до васъ прыйихала: я жъ за вашого сына замижъ пишла; винъ тамъ скрыни зносыть.»

—«А ты її скрынні поодавала?»—каже маты да зь печи, да засвityла свитло.—«Оце, якъ вы схожи на мою матку, чысто якъ маты.»—А маты уже й не слухае, шо верзе ййи дурна дочка: хапыла свитло, та у комору. Колы лышечко: нема ничогисенько. Попобыла тоди маты свою дочку, щобъ не ходыла замужъ, та й осталась безъ худобы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Степана Паляныци записала
М. С. Чудновская.

250. Брехливый староста.

Одному хлопцеву заманулось свататься. Отъ винъ и побигъ старостивъ шукать. Шукавъ, шукавъ,—никто не хоче, бо всяке знае, шо винъ бувъ ледащо, лежень, а кому хить прокльону на свою душу ухватить? Хтось зъ селянъ и порадывъ йому питы до Петра Свердла. А Петро Свердиль та бувъ такой торохтунъ та брехунъ, шо хочъ кому бакы забъе, заговорыть и своего достукається. Пишовъ той парубокъ до Петра и ставъ прохаты у старосты до себе. Довго той одмагавсь одъ цього дила, але жъ парубокъ и зъ хаты не хотивъ выходыть, сльотою дило навъязавсь до його. Дали махнувъ Петро рукою и сказавъ: «Добре, пиду, тилькы не въ свое село, бо тутъ насъ обохъ знають... Иды, збирайсь, а я ось удягнусь, зайду до тебе, та й гайда.»

Прийшлы ото воны въ одне село, напыталы гарну й заможненьку дивчыну и пишлы до хаты. Дило пишло на ладъ,—стари наче бъ то на згоди стали, та й дивка не одъ тыхъ грошей. Слово-по-слову и стали дивчынины стари роспытувать старостивъ про молодого: «А скажите же, свату, по правди, чы вмiе жъ вашъ молодой косыть, або шо?»—«Вже чы вмiе винъ косыть або молотыть,—не скажу, бо николы не бачывъ, але жать, то вже

йому подай. А въ насъ такъ, якъ жнець добрый, то вскризь про його ходыть чутка, якъ про гарного робитныка.»

Одгулялы весилля, молодой ще сякъ такъ повертався по двору. Якъ пидійшли жныва, якъ залигъ винъ у хати, то хоча бъ куды—одно слово, лежыть соби на полу якъ бирвиняка, а про жныва ни думкы, ни гадкы... Жинка сама спотыкається у поли. У осени, якось на ярмарку та зустривсь сватъ (молодойи вже батько) зъ тымъ гаспыдськымъ старостою; поздоровкавсь зъ нымъ, та й каже: «А ты жъ казавъ, собача виро, що твій молодой добрый жнець! А винъ, ба,—лежыть однимъ лыцемъ та й годи!»—«Та я жъ и казавъ такъ,—одмовывъ староста: вже чы вміе косыть, або молотыть—не знаю, а лежать, то йому подай! Адже такъ я казавъ?»—«Та такъ,»—одмовывъ сватъ.—«Отъ же винъ и лежыть уси жныва, и я не вынень, що вы не розибрали дила, А вы то думалы, що винъ добрый жнець? Хе!»—И пишовъ соби геть.

Каневскій у. Записаль В. Ф. Степаненко.

251. Якъ невестка маныла свыней.

Оддавала маты дочку у чуже село и наказувала слухать свекруху и ничего не робыть не спытавшысь. Отто уже свекруха и посылает невестку поманыты свыней.--«А якъ же, мамо, у васъ маняты?»—«Та якъ же тамъ маняты?»—каже свекруха:—«якъ у васъ, такъ и у насъ.»—Выйшла невестка на вулицю, та й давай крычать: «Якъ у васъ, такъ й у насъ, якъ у васъ, такъ й у насъ!»

С. Выбли Черниг. у. Записала отъ Марьяны Новиковой
М. С. Чудновская.

252. Якъ невестка навчылася свекруху ша-
нуваты.

У одного чоловика та було дви матери—його рид-
на и жинчына, це бь то свахы соби. Жинци стала на
завади свекруха, и вона, вкупи зь своею матинкою, на
нейи грималы, йилы. А дали не выдержала такы, наче-
пылась до чоловика: «Веды свою матирь зь двору, куды
хочешь и дивай ййи, де знаешь.» Довго оборонявь
чоловикъ свою матирь, огрызався, а дали посадывь
ййи на саночки та й повизь на перехресный шляхъ.
Пидославъ на снигу соломкы, вкрывь матирь кожухомъ
драненькымъ, а самъ пйшовь до господы. Сыдыть ото
вона, бидолашна, трусыться, колы се йиде якыйсь панъ.
Глянувь на бабу та й пытае: «Морозъ бабусю?»—Мо-
розъ, паночку, Боже його помножь!—И пройхавь соби
панъ, а морозъ и зменявсь трохы. Сыдыть вона зновь,
трусыться, та такъ и всю ничь просыдила. Ранкомъ
йиде прозь нейи другый панъ; побачывь ййи, та й пы-
тае: «Морозъ, бабусю?»—Морозъ, паночку, Боже його
помножь!—Пройхавь и цей панъ, не сказавшы бильшь
ничого, а морозъ ще менчий ставъ. Третього дня йиле
прозь нейи третйй панъ; прыпынывь коней, злизь зь
санокъ, пидйшовь до бабу та й пытае:—«Морозъ, ба-
бусю?»—Морозъ, паночку, Боже його помножь!—одмо-
вила. Скынувь панъ зь себе панське дороге хутро, за-
кутавь бабу въ його, давь булкы и пойхавь соби да-
ли. Нагрилась баба пидь тымъ хутромъ, попойила и сы-
дыть соби та Богу молыться за того щедрого пана.
Отъ невестка и каже чоловикови: «Пиды, лышь, та
визьмы свою матирь, годи ййи тамъ байдыкуваты» (во-
на думала, що свекруха вже замерзла). Прыходыть сынъ,
а маты сыдыть соби пидь хутромъ, зигнувшысь, та Богу
молыться.—Чы вы ще тутъ жыви, мамо?—запытавь сынъ.

«Жыва, сыну, хвалыты Господа мылосердного, — свить не безъ добрыхъ людей, загнуты не дадутъ.» — «А це жъ шо за хутро?» спытавъ сынъ. И маты росказала сынови, якъ було. Посадывъ винъ тоди матиръ на саночки и повизъ до господы. Побачыла жинка, шо свекруха жыва, ще й хутро панське десь добула, ййи ще бильше зло взяло, якъ оса та чиплялась за коже слово до свекрухы; а сваха ажъ сычыть, таки завыдки взялы. Дали надумалась дочка, щобъ ѓ свою матиръ вывезты на перехресный шляхъ, чы не добуде й соби вона такого хутра. — «Чоловиче, беры й мою матиръ та веды тудыжъ, де й твоя була, — моя привезе шосяще дорожчого,» сказала чоловикови жинка. Взывъ ото чоловикъ тещу и повизъ на те саме мисце. Пидославъ пидъ нейи соломкы, вкутавъ кожухомъ и пйшовъ соби до господы. Сыдыть стара, покоче зубамы (або то хочъ пенькамы вже) мовъ у млыни каминня наковують, а морозъ ажъ скалкамы сыпле. Колы се, черезъ якый тамъ часъ йиде панъ прозь нейи й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ винъ пропавъ, проклятый!» И пойхавъ панъ дали. Сыдыть баба, тремтыть, одъ лютосты ажъ мыныться, а морозъ ще гирший прыскрыпавъ. Другого дня йиде другой панъ, та наблыжывшысь до бабы й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ його бырса взяла, щобъ винъ на лысого голови, непевный, ростриснувся!» Помынувъ панъ бабу и пойхавъ дальше. Сыдыть баба чуть жыва та тепла, — руки ййи покандзюбыло, коло носа вискрыкы высять замерзнути, изигнулась у тры погыбели. Третього дня йиде зновъ якыйсь панъ, пидйхавъ близенько, та й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Ой, морозъ, морозъ, паночку, — щобъ його бенеря такъ была, проклятого, якъ винъ оце мене! И навищо його Богъ на свить, клятого, пославъ! — насылу вымовляючы просычала баба. И пойхавъ панъ дальше, а морозъ ще крашый прыскрыпавъ. Не выдер-

жала баба, на сухарь окостылила оттакъ сыдя на соломици, навикы задубла. Не дочекалась жинка й вечора третьего дня, — гономъ погнала чоловіка, щобъ мерщій визъ ййи матирь, та зъ нею й добутокъ. Пійшовъ чоловікъ на те місце, де посадивъ тещу. Колы до нейи, ажъ вона якъ кистка змерзлась. Привизъ ото винъ ййи до дому, а жинка на поригъ та й пытае: «А що, чоловіче?» — «Онъ шо, подывысь...» показуючы пальцемъ на матирь, одповидае чоловікъ.

Кынулась вона до матери, ажъ та нежыва. Тоди вона въ плачь, та до свекрухы: «Простить мени, матинко, що мы надъ вами знущалыся, — се кара Господня за нашу неповагу до васъ — будьте жъ мени матинкою ридненькою!»

Поховалы тещу по закону, и зъ того часу навчылася невестка шануваты свекруху.

Записаль въ с. Полствинѣ отъ Устыма Баланенка В. Ф.
Степаненко.

253. Якъ навчено линыву невестку роботы.

То булы соби пара людей и малы однимъ одну дытыну — дочку. Люде заможни, а дытына вдалась гарна та утишна; воны давай ййи пестыть. Воны пестять, а дытына росте; выросло, не научывшысь ниякойи роботы, опричь танцювать. Колы прыйшлошь уже й до людей, такъ воны, порадывшысь, бачать, шо самы вынувати, та й кажутъ женихови:

— Мы свою дытыну надилымо всимъ добромъ, тилко щобъ вона въ тебе ничого не роботыла, бо вона ничого не вмие.

Ото поткнувсь одинъ, поткнувсь другой, але на таки варункы не согласылысь, а дали батько, побачыв-

шысь зъ прытелемъ, може тамъ пры чарци, або що, та й розговорылись:

— А шо,—каже,—товарышу, у тебе дочка—вже пора замижъ, а въ мене сынъ женихъ—чы не будемъ сватамы?

— Чому?—каже.—Тилко умова така, шобъ моеи дочки не заставлять до работы, бо вона ничего не вмие.

— А якъ навчыться?—пытае женихивъ батько.

— Добре,—каже батько дивчынъ,—тилко зъ тымъ, шобъ ейи не нуждыть, бо вона буде на мене цлакать.

А той подумавшы та й каже:

— Добре, давай руку—нехай Богъ помога!

— Але,—уклымляе батько дивчынъ,—не нуждыть!

— Та вже жъ, слово дане,—будь по сьому!

— Ну, прысылай старостивъ!

Посваталысь, одгулялы весилля, може й тыждень перезва йиздыла одъ одного до другого—гуляють та гуляють, сказано, люды заможни, а нарешти вже й годи. Рано вставшы батько порядкуе: одного сына туды, другого туды, третьего тожъ, невестокъ тожъ, дочокъ тожъ,—роспорядывъ усихъ, соби роботу знайшовъ, стара маты также щось взяла робыть, дочка стала варыть обидать, друга также до якоийсь работы взялась, а молода невестка сыдыть—нихто йий ничего, и вона никому ничого. Колы пора була вже обидать, сходятся вси, сидають за стиль,—батько пытае кожного, хто що зробывъ? Всякый за себе одвича, а одна дочка мовчыть. Батько до нейи:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничего не робыла,—одвича.

— Ну, то вже жъ ты знаешъ порядокъ,—батько каже.

Вона одійшла одъ столу, сила на лавци коло мысника (то бъ то коло порога) та й сыдыть; а молодойи невесткы не пытається нихто, вона сидае, обидае.

Пообидавшы, зновъ до работы. На вечерю сходятся, знову тымъ же порядкомъ батько роспытуе. На сей разъ уже друга дочка ничего не робыла,—остається безъ вечери. Молода невестка прыдывляется и прислухається (звычайно, якъ нова людына въ семьи), а дали й пытае потыхесеньну якоийсь ятровки, чы зовыци:

— Якъ се воно, сердце, у васъ діється—чы воно все такъ буде?

— Такъ,—каже,—сестрыце.

— А чомъ же мене за роботу не пытають?

— Бо ты,—каже,—серце, у насъ ище гостя.

Ну, мынувъ ище день, може й другый, уже й маты оставалась безъ обиду, чы тамъ безъ вечери,—молода невестка дывыться на все тее (не зна, що то въ йихъ намова), а дали, вставшы рано, пытае матери:

— Що бъ я, мамо сердце, робыла?

— Визьмы, доню,—каже маты,—винычокъ та повымитай хату та сины.

Взяла молода, повымитала. Геть, геть сходятся до обиду. Батько роспытуе кожного, а вона бачыть, шо ййи не пытае та й сама обзывается:

— А я, таточку, хату та сины повымитала.

— А, моя дытыно кохана!—каже батько,—я тебе й не пытаю. Я знаю, шо ты доброго роду, розумного батька й матери, ты часу не змарнуешъ, тымъ я тебе й не пытаю.

По обиди вси до работы, молода зновъ пытае матери, шо робыть—маты посылае воды прынести видерцямы. Прынесла вона. Передъ вечерю батько прыласкавъ, поцилувавъ у голову. На другый день то жъ щось зробыла, на третій тожъ, а дали помалу - помалу—уже й обидать наварыть, а дали за приводомъ уже й хлеба напече. (Сказано, чоловіка любить, а симъя вся голубыть ййи та добрымъ прыкладомъ учыть до праці).

Ото вже якось у тыждень, чы въ двѣ недѣли маты ридна каже до батька:

— Пишовъ бы ты, старый, та навидавсь до дытны. Я щось недомогаю, а тоби й байдуже: виддалы дытну въ чужый двиръ, Богъ знае, якъ то воно тамъ привы- кае.

Старый каже:

— Може й справи.

Убравшысь, потягъ помаленьку (а було то на другимъ сели). Прыходить батько, застае, шо дочка варить обидать сама. Звычайно, зрадила йому, привитала, попросила сидаты, а сама знову до роботы. Батько пытае:

— А шо тоби, доню, чы добре діється?

— Добре, таточку.

— А шо жъ ты вже вмѣшъ варыты обидаты?

— Умію, таточку. Та у насъ таке, таточку,—додае дочка,—шо хто не робыть, то той и не йистъ.

— Ну, дытыно моя, у всякого хазяйна свѣй порядокъ,—одвичае батько,—то ты, може, моя доню, й голodomъ мерла, погы то привчылась до роботы?

— Ни, тату, не нагално вчать, такъ усе помаленьку.

— Ну, добре, моя дытыно.

Свекоръ бачывъ, якъ прыйшовъ сватъ, але переча-сувавъ: нехай трошкы зъ дочкою побалака,—а дали и йде до хаты. Сватъ выглянувъ у виконце, побачывъ свата та взявъ на лави свыточку, шо хлопци задрипалы та вже высохла, та й вымынае грязь сыдячы. Увиходыть хазяинъ, привиталысь по братьскій, посидалы—гистъ знову за свытку та все такы вымынае та струшуе, а хазяинъ:

— Шо то вы, свату, робыте? Покыньте!

— Эге, свату, добре кажете, та колы жъ я сьогоня ще не обидавъ,

— А такъ, такъ, свату, се въ мене давній порядокъ и, хвалыты Бога, мени добре зъ нымъ.

— Авже жъ, свату, у всякого хазяйина свій порядокъ, а такъ якъ винъ добрый, то на що жъ я мавъ бы його псувать?

Нема що й говорити, що дочка, роблячы свое дило, прыслухалася до розмовы.

Записалъ В. Г. Шевченко въ Кіевскоі губ. въ 1862. г.

254. Хлибъ.

Одынъ чоловикъ нисъ хлибъ. Стало йому важко, винъ и покынувъ його у лиси, чы шо. Пройшовъ верстовъ зъ двадцять, захотивъ йисты, а купыты ниде, а мо й ни за шо. А дали вернувся, забравъ хлибъ та й каже: «Важко тебе було несты, а безъ тебе ще важче: не я тебе несу, а ты мене несешъ.»

В. В. Полуботкова въ Нѣжинѣ Черн. губ. отъ номерного въ Монастырской гостиницѣ.

255. Якъ селянынъ пшмавъ вовка.

До одного чоловика зализъ у кошару вовкъ и подавивъ усихъ овецъ. Накупывъ той чоловикъ другихъ овецъ и зробывъ для ихъ нову мищну кошару таку, щобъ вовкъ бильшъ не втысса въ нейи. Отъ прыйшовъ вовкъ уночи, обійшовъ кошару навкругы, обнюхавъ—ниде йому влизты. Сбочывъ винъ на покривлю, продеръ кулыкы и прыгнувъ до овецъ. Собаки счутылы и пиднялы таку гавкотняву, шо вси у хати посхвачува-лись. Выйшовъ чоловикъ и прямо до кошары, бо туды собаки вйидалы. Прыслухавсь—овечкы тупотять и со-путь; винъ до хвиртки—хвиртка зачынена. Зазырнувъ черезъ хвиртку въ кошару, ажъ тамъ сыдыть сироманецъ - вовкъ и очыма, мовъ зорямы, свитыть. И почавъ

на свѣтъ винъ сусидъ гвалтуваты: «Степане, Васылю, Карпе, йдигь
въ я мѣстѣ вовка быты въ мойй кошари!» Позбигалысь сусиды у
двирь, а хазяйинъ и каже: «Ты, Васылю, беры довбню,
блѣны ты, Карпе, сокрыу, а вы, хлопци, берить дрючки; я жъ
одчыню хвиртку и буду на йй стояты, а ты, Петре,
лизь на кошару та будешъ його у дирку дрючкомъ пу-
жаты; якъ тилькы винъ бигтыме на мене въ хвиртку,
то я його макогономъ и лулусну. Ну, теперь же не зи-
вайте, почиайте!»

Потапъ погнавъ вовка, а винъ, зъ переляку,
якъ пугне у хвиртку, та прямисинько хазяйинови
мижъ ноги. Заплуталась, заборсалась вовча голова въ мат-
ни чоловика, и ни той одъ того, ни той одъ того. И
потысь вовкъ чоловика на соби прямисинько вгородамы
на гору. Але жъ вовкъ бувъ навикы переляканый—бида
зъ йимъ зробылася, такъ винъ и пропавъ! Не згирше жъ
дисталось и тому чоловику, що йихавъ на йому—на-
сылу жывого та теплого здійняли його зъ вовка. Оттакъ
то у насъ ловлять вовкивъ!

Записаль въ с. Мартыновкѣ отъ Губенка въ 1895 г. В. Ф.
Степаненко.

256. Чоловикъ заваленый у глыныщи.

У сели Старому читавъ я кныжку на базари «Бать-
ко та дочка». Людей багато зибралось було кругомъ
мене и слухалы уси зъ велькою охотою. Кажуть: «Це
кныжка гарна и не дорога».

— А дуже гарна! — одинъ обиззавсь чоловикъ. — Це
кныжка така, якъ розказувавъ мени одинъ чоловикъ у ярмал-
ку у городи Переяслави на постояльному двори. Чы було це
давно, за це вже винъ не зна; у якому сели—винъ не пам'я-
туе. Одинъ чоловикъ пишовъ на заробиткы у Херсонщину
и пробувъ тамъ шисть рокивъ. Догодыло бидолаци працю-
ватысь на чужий роботы. Пишовъ винъ додому, щобъ ха-

зйинуваты дома та оженытысь. Увъ осены збудовавъ соби хатыну, а писля Роздва оженывся. Оженывшысь, ставъ думать, шо робыть йому треба, щобъ прожить йому на свити, щобъ мать кусокъ хлиба. И задумавъ винъ робыть горшки. Купывъ соби конячку и давай возыть глыну на горшки. Глына була у тій сторони глыбоко, такъ шо треба було выкопать глыбоку яму, щобъ достать глыны такойи, котра годылась бы на горшки. Одынъ разъ пойихавъ винъ по глыну, а жинка осталась дома. Прыйихавъ винъ до того миста, де копають глыну, и давай копать пудходну яму, щобъ можна було выносыть глыну корзыною. Выкопавъ винъ дуже довгу яму и давай выносыть глыну корзыною. Накыдавъ глыны съ пивъ воза, сивъ оддыхать, закуривъ люльку и полизъ опяты у яму. И тутъ случылось нещастя бидолаци, завалылась яма и його завернуло землею, ну тилькы такъ, шо йому можна було тамъ ворочаться. Яму завернула земля тилькы искраю. Жинка його ждала, ждала додому—немае чоловика—и думаетъ соби: «Пойду, бо може въ шынку засивъ та сыдыть, а коняка стойить та мухы годуе; а пиду, лышень, зажену додому, чого винъ тамъ сыдыть?» Пишла до шынку—немае. «Де жъ це винъ е, шо нема коло шынку? А пойду лышень до глыныща, чы не зострину його?» Пишла. Иты було треба верстовъ дви. Не дойшла вона изъ гоны, бачыть—стойить визъ, и коняка пацетсья бияя воза, а чоловика не выдно. Вона соби и думаетъ, шо чоловикъ полизъ у яму по глыну и не спишыть соби дуже скоро йты. Пидходыть до ямы и бачыть—яму выровняло землею: завалылась яма. Вона въ плачь та голось: «Ой, Боже мій! шо мени робыты?» Крычыть, скиллы сылы мае, та никоу ратоваты. Попрыбигалы люды. Шо його робыты? «Питы до попа, шо винъ скаже,»—обизвавсь одинъ чоловикъ.

Пишлы и сказалы попу, шо яка прыгода трапылась чоловикови. Пипъ говорыть людямъ: «Шо жъ тутъ

робыть будемъ? Идить и скажить паламару—нехай по-
дзвонить по покойнику, а я пообидаю та оддышу трохи
та й выйду одправыты похоронъ по покойнику. Гарный
чоловикъ бувъ,—царство небесне йому!» сказавъ ба-
тюшка.

Писля обидь батюшка выйшовъ одправыть похо-
ронъ. Одправывъ, запечатавъ, якъ треба и пойихавъ до-
дому. Люде, котри були тамъ, пишли помынать.

А той чоловикъ пидъ землею живой и давай ко-
паться на верхъ. Вырывсь на верхъ, узявъ заступъ на
плечи и пишовъ додому. Прыходыть до своейи хаты,
заглянувъ у викно, бачыть—горыть свичка на столи, и
въ хати сыдятъ чотыри бабы. Винъ до дверей—двери
засунени. Винъ давай у двери стукать, шобъ одчынылы.
Бабы почулы, шо стукае щось. Одна пишла одчынять.
Выйшла у сины и пытае; «Хто тамъ таки,—свойи чы
чужи?»

А чоловикъ обизвався:—«Свойи! Чого вы бойи-
тесь одчынять? Одчыняйте!»

Баба якъ почувшы цее, чуть не упала въ синяхъ,—
давай крычать:—«Ратуйте! мертвякъ прыйшовъ! Шо бу-
демъ робыты?»

А тутъ якъ на ту пеню нема и одного чоловика.
Жонкы давай крычать:—«Ратуйте, хто въ Бога вируе!»

А чоловикъ пидъ дверыма обзывается:—«Та одчы-
няйте! Чого вы бойитесь, дурныйи? Я не мертвякъ и
не бувъ мертвякомъ. Я жывы бувъ пидъ землею и чувъ,
якъ правывъ батюшка похоронъ, якъ плакалы по мени.
Мени все було чутно, шо робылось на верси, и я кры-
чавъ скилкы сылы въ мене було, а вы мабутъ ничего й
не чулы,—голосылы по мени та бильшь и ничего. Такъ
я тоди годи крычать, а давай, думаю соби, рытымусь,
чы не поможе Богъ мени выбратся съ пидъ земли на
свить Божый. Давай копаться... И вырывсь,—колы ничъ
на двори, и мени показалось пидъ землею, шо я тамъ

бувь днівъ два, а воно мабуть я пробувь тамъ одынь день тыльки. Одчняйте скорій, бабы, бо я йисты хочу! Не бійтесь ничого: я якъ бувь, такы и е.»

— Ни,—бабы кажуть,—мы тебе не впусымъ—молись Богу!

Давай чоловикъ чытать «Оченашъ», «Вирую во едного Бога», «Богородыце диво, радуйся...» А жонкы все такы бояться упускаты у хату чоловика и думаютъ, що це йимъ привиденіе, що це изъ йихъ сміється сатана. А деле и одчыннылы двери, та самы прожогомъ на двирь побиглы та до сусида пидъ окно и давай крычать: «Рятуйте! Мертвякъ прыйшовъ и повыгонывъ насъ изъ хаты!»

Сусидъ каже:—«А ходимъ подывимось на його, шо винъ робыть тамъ?»

Попрыходылы до хаты и заглядають у викна. А мертвякъ сыдыть соби за столемъ та вечерае:—«Идите,—каже,—дурныйи, чого вы бойитесь? Я не мертвы, а я жывы.»

А люде все такы боялысь уходыть у хату. А деле кажуть:—«А ходимъ лышень: насъ же гуртъ, а винъ одынь—чого намъ його бояться?»

Повходылы люде у хату и давай роспытувать чоловика, якъ винъ вылизъ изъ пидъ земли, и якъ воно выйшло, шо його не задушыла земля. Чоловикъ розказавъ усе, якъ було, и уси дывовалысь цьому чуду, шо зроду не було такойи прыгоды у йихній сторони никому.

Въ с. Старомъ Переяславскаго у. Полтавск. губ. записаль козакъ м. Барышноля того же уѣзда Н. Д. Бѣлоконь въ 1899 г.

257. Ликы линовому.

Повивъ чоловікъ свойихъ волуивъ до ликаря, щобъ запомуигъ видъ линощивъ, а той узявъ та й помазавъ пидъ хвостамы шпыктынаромъ. Якъ дременулы жъ тоди волы, шо й не збижыть чоловікъ за нымы. Пустывъ, вернувся та й просыть ликаря, щобъ и йому помазавъ ззату, може чы не нажене волуивъ. Помазавъ ликаря, а чоловікъ якъ пустывся, то й волуивъ догнавъ и дома зразу ставъ та й крычыть жуинци: «Упусты волуивъ у хливъ, а я ще побигаю.»

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Отъ М. Крошкi записалъ
Е. Н. Гаврилей.

258. Выпытавъ.

Прийшовъ хлопецъ позычать сокры до сусида. Той каже: «Я бѣ тоби й давъ, такъ ты жъ дрова усе до колодки рубаешъ.»

— Э ни, дядьку, не турбуйтесь! Отъ ий Богу я все до земли рубаю, а то вамъ хтось набрехавъ.

— Ага, ну сього жъ туилькы мени й треба було, щобъ узнать, якъ ты зъ струментомъ обходышся. Пойды ты вонъ, не дамъ!

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

259. Якъ чоловікъ гостей прыймавъ.

Зазвавъ чоловікъ гостей и ставъ поштувать гомуинкою и пляшку зъ горилкою въ руки взявъ, та туилько такъ забалакався, шо самъ выпѣе й жуинку почастуе та й зновъ гомонить. Выпѣе й почастуе жуин-

ку та й за розказни. И такъ до кинця. А тоди вже наче схаменувся та й просыться: «Не прогнивайтесь, люде добри: на се просылы!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

260. Добри люде.

— А въ тебе е собаки?

— Ни! Мене и такъ люде оббрешуть.

Прилуцкій у. Полтавск. губ. Записалъ В. П. Горленко.

261. Убогий за столомъ у попа.

Було се въ одному сели, може такому якъ отъ наше, а може й ни, цього вже не скажу. Одынъ убогий чоловикъ та й прийшовъ до дука позычыты жыта на посивъ.—«Не можна, чоловиче,—каже дука,—бо тоби треба позычаты на вишне оддання.»—А й чому бъ то я не виддамъ!—запытавъ убогий.—Чому? Тымъ, що ты убогий и ничымъ тоби буде виддаты.—Убогий помочавъ трохи та й каже: «Хиба убогому и на свити не жыты? Э, ни, це ще на двое баба ворожыла,—кто зна, мо ще убогий зъ бильшымъ почотомъ и повагою сидытyme за столомъ у будли кого, нижъ багатый?!»—Такъ же, такъ—не ты бъ казавъ, не я бъ слухавъ,—одмовывъ дука.—Та я бъ у яку хату не зайшовъ, мене и за стиль посадовылы бъ и чого треба позычылы бъ.—«Якъ тебе посадять, то мене й подавно посадять,»—скозувавсь убогий. Дука самъ соби не вирывъ—якъ можна, щобъ такый дрантогузъ та бувъ у людей въ бильшимъ почоти, нижъ винъ. Довго вони отакъ скозувались, а дали и побылы въ закладъ на пару воливъ: колы, зна-

ТОЛИ ЗВ
ВАЙТЕС :
I. ГАРД
чця, убогого прыймутъ де краще, то дука повиненъ да-
ты убогому пару воливъ, колы жъ багатого, то вбогый
повиненъ зъ жинкою цилый рикъ робыты багатому на
пару воливъ. Заклалысь ото воны, та й воны дука отдавъ
за руки.

— Ну, куды жъ пидемо?—запытавъ убогый.

— Ходимо до попа, — насмишкувато промовывъ дука.

ПШЛЫ.
ОТЪ ЕН
ОГНІН
ТА НА
-БО
У О
Б. ЕН
I ПОН
ВИТЕ
ХТО
НО
-Т
МЕН
С
-Т
МЕН
С
ПШЛЫ.
Отъ увійшовъ дука въ пекарню до попа, вкло-
нив ся нызенько та й прохае, щобъ позычывъ йому сорокъ
пудивъ вивса.—Добре,—каже пипъ,—ось я вдягнусь та
заразъ и одважу, тилькы жъ щобъ ты мени за сю хва-
тыкгу выоравъ десятину пидъ ярыну!—Добре, батюшко,—
одмовывъ багатый. Трохы перегодя пидходять пипъ до
убогого та й пыта: «А тоби чого треба?» Убогый пи-
дйшовъ до його, нахылывся до вуха та й каже: «Та я,
бачыте, выкопавъ учора въ лиси бочонокъ золота та
оце й маю прохаты васъ, батюшко, посвятыты йихъ.»
Пипъ одразу повеселивъ на облыччи, та до дука: «Ты
выйды, тымъ часомъ, у сины, бо я маю де-що зъ Семеномъ
побалакаты.» Выйшовъ дука у сины, а пипъ зновъ
до Семена: «Ну, то якъ же ты, Семене, той бочонокъ
думаешъ посвятыты?»—Та хочу, щобъ вы прыйихалы до
мене у господу, та тамъ уже й тее... зручнишь буде.—
Ни, Семене, у мене буде зручнише; знаешъ, якъ йизды-
ты та возытыся зъ усыма прычандамы,—а людське око
знаешъ прозоре... лучче вже у мене, чы такъ, Семене?»

— Ну, хай уже буде такъ, вамъ краще про се знаты.
Такъ пиду жъ оце я за золотомъ, та й Боже благословы!

— Э, ни, Семене, чекай но,—добре дило добромъ
треба и пошануваты,—сидай лышь блыжче до столу!

Сивъ Семень кинецъ столу, а пипъ коло його. Мыттю
попада внесла мыску свижойи рыбы, поставыла на стилъ
карахвынку горилкы и готовятъся трапезуваты. Семень
поглядае на все це та тилькы облызується и вусомъ

пидморгуе. Чарку за чаркою налива пипъ соби та Семенови, попадя те жъ килько разивъ прыгублювала чарку; пьютъ соби та закусуютъ, ажъ по за вушыма лящыть; але жъ Семень пѣе та розуму не пропывае: якъ оце пидносыть пипъ йому чарку, то винъ пидійме ййи угору, цокається зъ попомъ, ажъ винця трицять и здорровкається голосно, щобъ чувъ и дука у синяхъ. А дука стойить пидъ дверыма у синяхъ, все те чуетъ и въ щилыну бачыть та ажъ минытьсѧ одъ зла. Останню чарку пиднялы воны, выпылы та въ кинци ще й поцилувались. — Такъ тутъ же, га? — «Эге жъ, тутъ, батюшко.» — Писля закускы пидвився Семень и выйшовъ зъ за столу, подякувавъ Богу та й каже: «Такъ вы жъ тутъ тее... покы я прынесу.» — Гараздъ, — одмовывъ пипъ, — тилькы жъ швыдчій, а я пошлю за сторожемъ, щобъ готовывъ усе.»

Повагомъ переступывъ убогий черезъ поригъ и пишовъ соби вулицею, — тилькы жъ не за золотомъ, а за волами дука. Взявъ винъ вола ты за налыгачъ, хвоснювъ батогомъ та й каже: «Гей, вола, цабе кезанъ, — вже тебе не побачыть твій дука - пузанъ; гей, сири, цабе мурый — хай зна, якъ убогий жартуе.» Прывивъ вола до обору, нагодувавъ, напоивъ, а на ранокъ и на ныву зъ ными гайнувъ. Пипъ довго ще ждавъ Семена зъ золотомъ, та ниякъ не диджався, кажутъ, шо й теперъ ще жде.

Каневскій уѣздъ. Записаль В. Ф. Степаненко.

262. Якъ кума куму не послухала.

Жне кума жыто, а друга ййи кума иде вже до дому. Отъ, та, шо жне й каже:

— Кумочко, голубочко, поможы мени жаты!

А та йій й каже:

— Э, кумо, разъ, що жыбиръ колеться, а друге те, що никола.

А та каже:

— Ну, прыйдешъ же ты до мене зимою муки просыть, такъ я жъ тоби не дамъ.

А та кума, що жала, та була багата, а та, що йшла,—бидна.

Отъ зимою прыходыть вона до своейи багатойи кумы, та й каже:

— Дай мени, кумочко, хочъ кившыкъ муки, а то диты кваши просять, а въ мене муки нема!

Отъ, та кума тоди засунула руку у полубочокъ, та й каже:

— Охъ, кумочко, жыбиръ якъ колеться, билше никола не полизу у полубочокъ!

Та й не дала йій муки.

С. Жеведь Черниговск. у. Записала Н. Г.

263. Лакей и наймытъ не одно.

— А вамъ же подобається зять?

— Та винъ ничего: и зъ себе гарный, и розумный. Такъ нѣякойи ганьбы йому дать не можно. Отъ тилькы одно одгоныть трохы, що лакеемъ бувъ. Такъ наче й проты людей трохы соромъ, що за такого оддалы, що въ лакеяхъ бувъ. Отъ я вамъ роскажу, яка вже штука була. Прыйихала на весилля сваха зъ Подгорного, вона сестру нашу за свого сына взяла. Ну, спершу то й ничего, а якъ выпыла трохы такъ и каже матци нашій:

— Отъ пани-свахо, вашъ новый зять усымъ гарный, та лакей. И на шо такы вы Орыну за лакея оддалы? Така дивчына гарна, що ажъ жалко.

А матка каже:

— Винъ же, пани свахо, вже не лакей, а дома живе. Та й Орына моя.—хыба вона не служыла? И вона служыла та кожному вгождала. Отъ йихъ и пара.

А вона, сваха, матци одказуе:

— Ни, пани свахо, то не однаково. А я своейи дочкы за лакея не оддала бѣ и сына въ лакейи не оддала бѣ. Я хочъ и вдова, а сына въ лакейи не оддамъ.

Бачыте, яки люде!

С. Коты Черниговск. у. М. Н. Грищенко въ 1900.

264. Злодій.

Казавъ злодій, впіймавшыся, вкравшы волю: «Покуюль кони водывъ—такъ и Богъ годывъ, а якъ почавъ волю—наче чорты ввели!»

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

265. Про воровство.

Въ одномъ селѣ, которъ называлось Плutowкою, у томъ селѣ жили два чоловѣки: одинъ вельми богатый, а тей бувъ умерены, ни багаты, ни бѣдны; и ободва чоловѣки се занималисе пасѣками—було по тималу пчоль. И ены звалисе кумами. Вотъ разъ у недѣлю вечеромъ бѣднѣйшый кумъ и говорить своему куму:

— Знаешъ шо, кумъ? (А пасѣки неделеко були одна одъ другой) я сегодни на ночь думаю вѣхатъ въ торгъ, то будласково позирни тамъ ночью на мойихъ пчель.

Етый заможны чоловѣкъ и каже: «Добре, вѣд ты у торгъ, я буду гледѣть и твойимы пчеламы».

Такъ сей кумъ и поѣхавъ на ночь у торгъ смѣло, знае, шо у его сторожъ надѣжный. Вотъ якъ только йонъ вѣхавъ изъ села, вотъ сей тады кумъ позвавъ

своихъ сыновъ и каже: «Знаете шо, хлопцы, поѣдте въ пасѣку, а то намъ треба гледѣть и за кумовою пасѣкою».

Такъ ены часовъ у десеть вечера поѣхали въ пасѣку. Приѣхали ены въ пасѣку. Вотъ батько и каже: «Поѣдте въ кумову пасѣку, видеремъ его пчолы».

Хлопцы кажуть: «Ходете,—его нема дома, то будемо смѣло драть пчолы».

Пошли ены въ кумову пасѣку и стали драть пчолы. Въ сюю ночь вельмы позно шукавъ одинъ чоловѣкъ изъ того села коровы и побачивъ, шо въ пасѣцы у того чоловѣка, шо не було его дома, свѣтица. Вотъ енъ самъ собѣ и каже: «Се, видно, злодѣи крадуть пчолы». И ставъ на пузи повзты блыжей икъ пасѣцы и подповзъ икъ самымъ ловжамъ, шо була загорожена пасѣка, и розгледѣвъ, хто таки дравъ пчолы. Се дравъ пчолы кумъ того хозяина, шо поѣхавъ у торгъ. Вотъ надрали двѣ дѣжки меду и ище осталисе одные пчолы недраные, да вже некуды и драть. Вотъ стары погледѣвъ на послѣдніе пчолы да каже:—«Идѣть, хлопцы, возьмите ночвы у свбей пасѣцы».

Хлопцы поставлели дѣжки подъ ловжъ, де одну дѣжку уладили поставить акурать туды, де седѣвъ той чоловѣкъ, шо шукавъ коровы, а сами пошли у свою пасѣку. Вотъ сей тоды, шо седѣвъ подъ ловжомъ, подповзъ тихенько подъ дѣжку, узявъ соби меду и начавъ ѣсти. Хлопцы принесли ночвы. Ены выдралы и послѣдніе пчолы. Тоды зложили все на возъ и стали ѣхать домовъ. Вотъ сей тоды чоловѣкъ, шо седѣвъ подъ ловжомъ, самъ соби и каже: Подожди, надо приглядѣца, куды ены повезуть сей медъ, де его будутъ ховать. Ены поѣхали объѣжжати шлеховую дорогу полемъ, а сей чоловѣкъ, шо подгледѣвъ ихъ, пошовъ скорѣй до ихъ двора и жде ихъ тамъ, закуль ены будутъ ѣхать изъ медомъ. Ажъ ось ены ѣдутъ прямо въ дворъ, а

енъ тоды тихенько прытуливсе къ замету. Вотъ ены вѣхали въ дворъ. Вотъ стары тоды и каже своимъ хлопцамъ: «Де жъ намъ теперь ховать сей медъ?»

А хлопцы и кажутъ:—«Знаешъ, тато, де мы его сховаемъ?»

А стары каже:—«А де?»

— А давайте поставимъ сіе дѣжки у свой имшень.

А стары каже:—«Нѣ, бувае за сымъ медомъ де и нашъ заберуть. Луччей давайте мы его сховаемъ во куды. Ото у насъ лежить у дворъ куча гною, то давайте мы его подъ гной сховаемъ.»

И ены весма скоро роскидали сюю кучу гною и поставлели медъ въ дѣжкахъ и опять закрыли гноемъ и пошли спать. И мужикъ, що подстерогъ ихъ, пошовъ домой.

На завтре пріѣзжае сей чоловѣкъ изъ торгунъ весма рано поѣхавъ у пасѣку довѣдаца своего хозяйства. Пріѣхавъ у пасѣку, ажъ подранные всѣ пчолы. Енъ тоды заплакавъ, да и нѣчего дѣлать. Пріѣхавъ домой и пошовъ до кума питать, ти не бачивъ енъ, хто подравъ пчолы. Приходить до кума и каже:

— Ну, що ты, кумъ, не бачивъ, хто подравъ пчолы?

Вотъ енъ и каже:

— Нѣ, не бачивъ. Я два разы ходивъ за ночь въ твою пасѣку, да никого не бачивъ.

Такъ енъ пожуривсе, пожуривсе, да и нѣчего робить. Вотъ пройшло не весма багато время. Разъ у недѣлю собралисе въ шинкъ тые ободва кумы и другихъ багато людей и тей чоловѣкъ бувъ, що бачивъ, хто подравъ пчолы. Вотъ чоловѣкъ и каже:

— Давай-но, кумъ, выпьемъ по чарцѣ горѣльки, годи минѣ журица по пчолахъ.

И сказавъ:

— А ну ка, Хайко, подай-но сюда повкварту горѣльки.

Хайкою звали шинкарку. Шинкарка сейчас подала ему повкварту. Енъ випивъ самъ впередъ и потомъ поднесъ своему куму, тому, що покравъ у его медъ. И потомъ и ище кое кому ставъ подносить по чарцѣ, каже:

— Выпивайте, хлопцы, да поминайте мои пчолы, що въ мене уже нема ни годныхъ пчоль.

А тому, що бачивъ, хто подравъ пчолы, и не поднесъ чарки горѣлки, и за тымъ не поднесъ ему чарки шо енъ бувъ вельми бѣдный чоловѣкъ. Вотъ теѣ бѣднякъ и каже:—«Що, що ты подносишъ имъ по чаркѣ? Хибы ены тобѣ скажутъ, хто подравъ твои пчолы? Ты жъ поднеси минѣ чарку горѣлки, дакъ я тобѣ скажу, хто подравъ твои пчолы.»

Вотъ енъ тоды поднесъ ему чарку горѣлки, потомъ и другу, и третю. А теѣ, що подравъ пчолы и каже:—«Таки невдобны, щобъ ище знавъ, хто подравъ пчолы у мого кума. Не поднось, кумъ, и чарки сему обормошу.»

А еты бѣднякъ и каже:—«Гледи, щобъ ты не потерявъ своихъ новыхъ чоботъ, хоть и богаты. Де моя бѣдность дороже твоего багаства.»

Тоды бѣднякъ и каже.—«Берите старосту и свидетелей да ходить колатить меду. Я васъ сейчасъ зоведу до того чоловѣка, що подравъ медъ.»

Вотъ сей тоды крестьянъ, шо у его подрано медъ, позвавъ старосту и другихъ тимало людей и пошли.

— Идѣть за мною!—каже бѣднякъ и енъ повевъ ихъ прямо икъ тому багачу, шо подравъ пчолы у своего кума. Приходятъ у дворъ, бѣднякъ каже:—«Розкидайте сюю кучу навозу!»

Староста тоды каже:—«Тетерукъ ты! Щобъ такую хорошую вещь енъ у таке мѣсто ховавъ.»

Бѣднякъ каже:—«Даромъ соби, шо я тетерукъ. Я вамъ кажу: откидайте гной!»

Ены изъ насмѣшкою стали откидать въ сторону. Откидали гной, ажъ подъ гноемъ оказавсе медъ. Дакъ тому багачу такъ стыдно стало, шо ему трудно було перенести. Тоды багачъ спомнивъ то, шо ему у шинкѣ казавъ бѣднякъ да и каже:—«Правда твоя, шо твоя бѣдность дороже мого багаства».

Староста сейчасъ донесъ уряднику и его сейчасъ призвали къ суду и придали его съ сынами по шесть мѣсяцевъ въ острогъ.

Записаль Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревины Городницкаго у.
Сообщиль В. Т. Андріевскій.

266. Пысарь.

Налаявъ батько курку: «Шобъ ты здохла!» А сыну-пысару се дуже не сподобалось. Отъ винъ и навчае батька: «И на што такое неприличное говорить? Ругай, старый, такъ: «Штобъ тебя писарь искушалъ!»—А батько змитывъ шо до чого й каже: «Добре, сыну, и давно бѣ повчылы—мы жъ люде темни». Другого разу лизе въ шкodu котеня, а батько на його: «А дзусь! шобъ тебе пысарь искушавъ!» Пысарь чуе та: «Отъ тьомной народъ! Съ нимъ и умной человекъ нечого не подѣлаеть!»

М. Веркѣвка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

267. Судди.

Судди—шо мырови, шо сильськи—
Неначе одынци
И не розлычышъ ихъ нѣякъ:
Неначе одна маты ихъ родыла.
Страшни показуються вони мени.
Якъ бувъ я у того судди мирового,

Ще за Опанаса Кривого,
Дакъ у того судди мирового,
Якъ у Бога святого.
Никто ни на кого не скаже ты,
А все вы, да вы.
А якъ бувъ я у тыхъ суддивъ сильськихъ,
У тыхъ пьяницъ семенськихъ,—
Я удивлявсь изъ ихъ диливъ.
Воны судъ тоди начынають,
Якъ изъ шынку прычвалають.
Выновать Киндрать,
Дакъ и винъ сыдыть изъ суддымы пидъ рядъ.
Да якъ шурхне руку въ карманъ,
На суддивъ моргнувши:—
Судди не змагавшысь,
За шапки побравшысь,
У головы не спросывшысь,—
Въ шынку опынывшысь.
Оглядився старшына—
Суддивъ въ волосты нема,
Да и каже своему десятчыку:
«Бижи, Грыцько, суддивъ зажены,
Та тилкы самъ тамъ не сыды,—
Вже обидняя година,
А воны дила нїякого не зробылы.»
Идутъ судди, тыняються
Та объ тыны обпираються.
Прийшовъ суддя у волость
Да карандашомъ по черныльници и стука,
А другы сыдыть та слуха.
А жалобщыкъ изъ шанькою
За плечыма до суддивъ каже:
«Докиль мени, господа судди, стоять
Та слыну ковтать,—
Пора мое дило розибрать».

А судья йому каже:
«Да ты не базикай,
Або ты осквернивъ чоловіка.
Хоть винъ тебе, бачъ, и бывъ,
То значыть слидувало.
Тоби треба передъ нымъ покорыться
Та нызько въ ноги вклоньтись.
Ты бачъ: винъ хазяйинъ,
А ты ледащо!» (У совищательній судди говорятъ).
А хочъ бы винъ и святы,
А якъ карманъ у його пусты,
То велять штряховать
И въ холодну сажать.
Уже трети пивни спивалы,
А суддивъ жинкы додому ждалы.
Прыйшовъ судья додому
Та й сивъ на лави.
Жинка излазыть изъ печи
Та чоловікови и каже:
«Де ты, сякый-такый сыну, тягавсь?
Мабуть за городамы у лопухахъ,
Бо вся голова у коровъякахъ.»
— «Та цыть, жинко!
Мы такъ цихъ диливъ насобиралы,
Що до самойи пивночи розбиралы,
А я дила толковавъ та розбиравъ,
Поки мени якыйсь чортъ репгяхивъ у шапку
наклавъ.»

С. Олександровка Остерск. у. Отъ Семена Музуля записалъ
Н. Д. Бѣлоконь.

268. Хытрый чоловікъ.

Занявъ панъ у чоловіка волю, а мужыкъ уже не
знае, якъ йихъ вызволыты та йде прозь панськи викна
та й каже:

— Колы панъ съ панивъ, то виддасть волю, а колы панъ зъ мужыкивъ, то ни, не виддасть.

То панъ почувъ та й виддавъ.

Черниговъ. 1898. Б. Д. Гринченко.

269. Добре розказавъ.

Розказувавъ панъ наймыту шось такее дуже довго, а той усе не второпа. Панъ тоди озлывся та—ляпаса, щобъ понимавъ хамло-неотеса.

А той каже: «Теперь росчовпавъ. Такъ бы й давно розказували бь булы толкомъ, по панськы.»

С. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

270. Скупый панъ.

Посылае панъ кухаря на базарь, та й наказуе, щобъ не трынъкавъ дурно грошей: «Иди жъ,—каже,—та купы чого, щобъ и дешево й багато було, а то ты мене зовсимъ звездешъ.»

Пишовъ кухаръ та й купывъ нечыщенихъ хлякивъ. Прынись, а панъ уже й напустывся: «Ты зновъ у снагу мене загнавъ!—Чого ты тамъ накупывъ? Кажы!» Не вытерпивъ уже кухаръ, кынувъ хлякы та й каже: «Та зъ середины нойисы, а хлякы продасы, то ще й барышь буде.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

271. Допытався.

Вйизжае становый въ село Воронивци власнисть князя Гоген-Льогге-Шилингс-Фюрстъ, стричае мужыка и хоче довидатысь видъ нього, чые се село.

- Якъ вашъ панъ называется?
— Лыбонь що Голи ноги сирый хвистъ.

Записаль В. В. Боржковскій.

272. Черезъ чай сварка.

Повезлы до миста трое сусидъ дрова продавать. Въ дорози було межъ йимы злагодно и на торзи вкupi продалы одному пану дрова. Булы воны люде прости, недорого взяли й за дрова, такъ що ажъ панъ зазавъ погритысь коло чаю, а воны та зроду про чай хыба що однимъ ухомъ чулы, не то щобъ пылы. Отъ воны одмагалысь довго на вси боки, боялысь, щобъ и гроши не охрыплы за чай, та панъ йихъ впевнивъ, що за те ничего, й насылу згодылысь. Отъ панъ догадався, що люде зовсимъ прости й глузуе надъ нумы: одному давъ зъ сахаромъ чаю, другому безъ ничего, а третьому зъ силлю. Выпылы, якъ кому прыйшло, та вже якъ спытавъ панъ, чы ще налывать, пиднялась межъ нумы кутавася: первы каже:—«Ще», а другы:—«Якъ хочте», а трети и руками, й ногами одгрибається. Выйихалы зъ двору, то первы й почына шкылювать, чому воны не хотилы чаю, а другы каже, що винъ же ничего й що зъ лыхомъ можна було й ще пыть, а трети зовсимъ йихъ дурнямы назвавъ та й каже: «И давъ же дидько помыйныци панськойи напытысь,—щобъ йимъ одъ паскы такъ у роти! Скуилько пылы оковыту, та не було нйкойи змажкы межъ намы, а то бачъ що, щобъ тыхъ панивъ кровъ пыла!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

273. Хто скуилько чаю пѣе.

Панъ чай пѣе, покиль чай е.

Жыдъ пѣе, покиль сахаръ е.

А чоловикъ—покиль воды хопыть.

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

274. Похвалывъ.

Пошывъ охвыцеръ соби нового мундира, одягнувся въ його та й вергыться въ хати передъ дзеркаломъ, любуеться собою, мовъ Катря въ постолахъ, а дали захо- тилось йому, щобъ ще хто й збоку похвалывъ його. Отъ и пытае свого денщыка: «А что, слышъ ты, на кого я теперь похожъ?»—А той дума, якъ бы його догодыты начальству? Та й каже: «Вы похожи, ваше благородіе, на лева, ваше благородіе!» Охвыцеру те сподобалось, винъ пытае: «А гдѣ жъ ты лева видѣлъ?»—А той йому: «На туій картыни, ваше благородіе, що Исусъ Хрыстось йиде въ Ерусалымъ, ваше благородіе, сыдючы на леви, ваше благородіе!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

275. Одмова по щыроты.

Прыслалы денщыка охвыцеру, а винъ бувъ дуже злый та заразы же: «Почему это тебя, такую гадость, ко мнѣ прислали? Развѣ тамъ не было лучшихъ?» А денщыкъ йому й видмовля по щыроты: «Добрыхъ, ваше благородіе, и послалы добрымъ, а мене до васъ, и я никакъ нѣтъ, не выновать, точно такъ, ваше благородіе!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

276. Москали укралы гуску.

А то значыть укралы москали въ бабы гуску, та де ййи сховать? А тутъ йимъ уже выходыть,—такъ воны ййи й сховалы въ барабанъ, у отой великый. Гуска жъ тамъ крычыть, а вуонъ у барабанъ бѣе, а воно не такъ якъ треба выходе. А охвыщеръ пытае:

— Чого це въ тебе барабанъ не такъ выбывае?

— Одсырївъъ, ваше высокее благородіе.

А баба вже огледила, шо гускы немае и наздоганяе москалюовъ и каже охвыщерови:

— Ваше высокее благородіе! Москали въ мене гуску вкралы. Звелить, щобъ оддалы.

А охвыщеръ пытае:

— Ребѣята, вы вкралы гуску?

А воны одвичають:

— Никакъ нѣтъ, не кралы, ваше высокее благородіе!

Винъ тоди на бабу насыпався:

— Чого ты на мойихъ маскалюовъ опорокъ зводишь?
Иды соби геть!

Отъ та баба пишла, а охвыщеръ пытае:

— Ребѣята, вкралы гуску?

— Вкралы, ваше высокее благородіе!

— А де жъ вона?

— Въ барабани сыдыть, ваше высокее благородіе!

Та й иззіѣлы гуску. Отъ яки москали!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1900.

277. Москали вкралы корову.

Разъ москали вкралы корову у мужыка и зарїѣзали ййи та ще не впишылыся зварыты, ажъ тутъ идуть трусыты въ казармахъ. Отъ воны—шо робыты? Швыдче корову на стуоль, накрылы одіяломъ, а одынъ москаль

сыдыть и савтырь чытае. Отъ, увиходють туды трусыты, ажъ покоуйныкъ у хати. А ундеръ охвыцеръ и пытае въ того салдата:

— Кто это вмерь?

Такъ наче вуонъ и не знае. А той каже:

— Рыковъ умеръ.

— А, жалко! Хорошій бувъ чалавѣкъ!

Це вже той ундеръ-охвыцеръ каже.

Отъ ти бачуть, шо коруовы нема, а покоуйныкъ лежыть, перехрестылысь та й пишлы соби. А ундеръ-охвыцеръ каже:

— Ну, ребъята, теперь уже пора Рыкова съ стола прыймать.

Та й извѣлы москали коруову. Та сміються, шо мужыкуовъ одурылы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н Гринченко отъ дивчины. 1900.

278. Москали крадутъ масло.

Прийшовъ москаль на базари до бабы, а та баба багато масла продавала. Отъ вуонъ и каже:

— Подпоясай мене, бабушка, на всю масленицу!

Отъ баба стала його пидперизувать, а другой москаль, його товаришъ, за масло та й утьокъ. Отъ йимъ и стало масла на всю масляну.

С. Жеведь Черниг. у. Н. Г. отъ дивчины въ 1898.

279. Козаки вкралы коець зъ гусьмы.

Переходылы козаки черезъ одно село, йшлы вони на турецьку войну. Прийшлы въ село; заразы йихъ порозводылы на ничлигъ по хатахъ; дали скилькоро и жыдови шынкаррови. Знае добре жыдокъ, шо трудно, щобъ безъ крадижки обійшлось, а тутъ ще на биду на

пидсини у нього коець зъ годованымы на пейзахъ гусьмы. Потерпае винъ за коець, але думает: не вкрадуть же вони койця, якъ ляжу спаты на него? Лигъ. Спыть. А козаки тихенько вночи зняли жыда зъ койця, поклялы на землю, а самы за коець та й маршъ дали.

Ажъ черезъ якийсь часъ чуе жыдъ, що взялы Плевну и що коло тойи Плевны поралысь и знайоми йому козаки. Отъ винъ хытае головою и каже:

— А лыхо мами йихъ! Що йимъ було Плевну браты, колы вони зъ-пидъ мене коець зъ гусьмы взялы!

Записалъ В. В. Боржковскій.

280. Два звощыкы.

У Києви, кажуть, коло вокзалу постоянно багато звощыкивъ, якъ прыйизжають пасажыры зъ пойиздомъ. Разъ такъ трапылось, що помижъ булы звощыкы—нашъ чоловикъ и кацапъ, дожыдаючысь того пойизду. Пойиздъ прыйихавъ; згодомъ стали выходыты пасажыры, а за йимы носымышыкы пруть клункы. Пасажыривъ на цей разъ було небагато, и передни звощыкы йихъ скоро и позабиралы. Остався одынъ. Кацапъ жывенько до його пидйихавъ и ставъ торговатысь и за пъятакомъ остановка—дасажыръ не хоче сядыться. Нашъ, бачывшы те, соби тежъ пидбигъ, та живо пъятака и скинувъ. Пасажыръ и сивъ до нашого. Кацапъ згожувався вже и за ту цину, що й нашъ сказавъ, але пасажыръ не захотивъ пересидать. Кацапъ росердывся на нашого чоловика та й каже:

— Богъ породылъ осла, а чортъ хохла!

А нашъ йому:

— Дурный тебе пипъ хрестывъ и тебе навчывъ! Хыба жъ такъ, якъ ты казавъ? Може отакъ: Чортъ породывъ цапа, а цапъ — кацапа.

Записалъ въ с. Лавахъ Сосн. у. 1896 г. В. П. Кошовый.

281. Хохлу не давай объясняться.

Разъ одинъ панъ прыйихавъ у село. Винъ служивъ по штатскый, мабуть у губерніи. Отъ винъ позвавъ старосту и ше де кого, мабуть и пысара. Перегледивъ уси кнжжкы, да такъ скоро, що я не вспивъ добре розгледиты, який винъ. А потимъ якъ почавъ на йихъ гриматы за несправности по служби, декъ тилькы держись! Воны почалы объяснятысь, особливо пысаръ, и зовсимъ выплуталысь. Панъ усе слухавъ, слухавъ, а дали не втерпивъ, та й крикнувъ: «Буде!—Хохлу не давай объясняться, а бый його прямо въ морду, декъ може забъешъ йому якъ небудь паморокы, а то якъ дасы йому объяснятысь, дасы йому молоть, декъ винъ вымелеться. Отъ кацапъ декъ друге дило: йому якъ можна бильше давай молоть, декъ винъ самъ умелеться.»

Записалъ въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошовый.

282. Не зрозумилы.

Бижыть лывынъ встричъ нашому чоловику та й пытае:

— Нѣ найшовъ, мавъ, дядзька, кайстеръ, а въ кайсцри вицоропень и ляпошка, сѣмъямъ примазана, а пасвистайломъ завъязана?

— Ни,—каже нашъ,—такого не бачывъ. Я й найшовъ, такъ же шаньку, а въ шаньци заецъ и паляныця, а завъязано пугою.

— Ну, ето, мавъ, нѣ майо.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

283. Лытвыны помынають дидуивъ.

Бувъ нашъ у лытвынуивъ, зайшовъ винъ у одну хату, а тамъ дидуивъ помынають, и напыналысь такъ, що вси въ покотъ лежалы, а въ хати—хочъ сокрыу вишай. Нашъ спытавъ: «Що це у васъ таке?»—«Дзидуивъ паминали.»—«Скуилько жъ разивъ на рикъ помынають у васъ дидуивъ?»—«Юнъ у насъ адинъ етотъ праздыкъ.»—«Ну, добре жъ, що одынъ,—якъ бы вамъ симъ разъ помынаць, якъ у насъ, то вы бъ и небо закоптылы!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

284. Цыганъ у монастыри.

Цыгану разъ трапылось буты въ монастыри. Бувъ винъ тамъ якъ разъ на масляну. Чы бувъ винъ у церкви, чы ни, а у трапезу пишовъ обидать. Сивъ,—колы жъ подають борщъ зъ свижою рыбою. «Смашный борщъ, думаетъ цыганъ, наче николы такого й не йивъ. Шкода, що моя стара такого не вмiе варыты!» Дали подають жарену на масли рыбу. «Якъ йивъ я, миркуе, ййи на оли, декъ думавъ, що вже кращойи нема.» Потимъ якъ подалы вареныкы,—оттоди вже винъ порався, наче въ останне найидався.—«Э, думаетъ, добре тутъ жыты, добры якы обиды,—тильки чого се поросытыны нема, та й сало бъ не вадыло.» Спытавъ у послушныка: «Чого це нема поросытыны?» Послушныкъ йому одповивъ, що въ монастыри николи не буаетъ поросытыны. Цыганъ ставъ жалкувать, що жыуть у монастыри безъ такого добра, якъ поросытына. «Пидожду до вечери,—якъ и вечера така добра буде, якъ обидъ, то може й не буде скушно безъ сала та поросытыны.» На вечеру булы блынцы. Цыганъ якъ зйивъ ихъ штукъ десять, а мо й бильшь, не

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

жалкувавъ вже и по поросятъни. Такъ цыганъ жывъ днивъ зо тры.

— Гарно, братъ, у васъ годують,—каже вже винъ послушныку,—шкода, що мени треба на ярмалокъ.

Побувшы на ярмалку, изновъ цыганъ прыйшовъ у ма-настырѣ. А тоди вже наступивъ першый тыждень посту. Утрапивъ якъ разъ на обидѣ. Дывыться, колы вже наче не таке на обиди. «Що за нечыста маты», каже самъ соби цыганъ: «боршъ якыйсь, що наче й дома не йивъ. Изроду я не люблю оцихъ поганыхъ грыбивъ.» Нигде цыгану дитысь,—голодъ не титка, треба йисты. Попойивъ борщу, же ище якои небудь потравы; колы жъ дывыться, уси повставалы,—треба и йому голодному вставаты, бо тымъ борщемъ винъ не найився. Не вытерпивъ цыганъ, попытавъ у старого манаха: «Чого се такъ: якъ бувъ я тутъ днивъ изъ шистъ назадъ, декъ тоди що йилы, а теперъ декъ не знать що?»—«Кайся передъ Богомъ та молись Йому, щобъ простывъ тоби грихы. Що це ты выгадавъ? Люде теперъ Богу моляться, говіють, а ты задумавъ скоромне йисты. Ты жъ такы хрещеный! Чы, може, вашъ братъ цыганъ буває и нехрещеный?»—Мабуть хрещеный, одповидае цыганъ, тилькы мене пипъ якъ и хрестывъ, декъ не таке харамаркало, якъ ты.—Та й пишовъ. Пройшовшы геть одъ манастыря, цыганъ побачывъ, що били села чоловикъ на верьовци веде собаку. Поривняшысь зъ тымъ чоловикомъ, цыганъ и спытавъ: «Куды це ты, братъ, собаку ведешъ?»—Веду до вербы вишаты, ледащо гусей давыть, а якъ гавкаты, декъ и на смихъ не гавкне.—«Нащо тоби, чоловиче, задаваты соби клопоту та працы, веды краще въ манастырѣ, декъ винъ тамъ и самъ здохне.»

Записалъ В. П. Кошевий въ с. Лавахъ, Сосницк. у. въ 1896 г..

285. Цыганъ зъ того свиту.

Несутъ люде ховаты мертвого та й плачуть. Зостривається цыганъ:

— Чого вы плачете? Чы вы подурилы?

— Покійныка несемо.

— А хлиба жъ йому положили?

— Ни.

— Ну, болячки жъ винъ тамъ голодный улежить. Я самъ бувъ на тому свиту та кулыдку хлиба зивъ, а билшъ не було, такъ я й прыйшовъ назадъ.

Черниг. у. Записаль Б. Д. Гринченко.

286. Обое кращи.

Прыйшовъ разъ цыганъ до пана. Коло пана саме стояла поросята и сало. Панъ снидавъ. Цыганъ пыльно подывывсь на пана та й пытае: «Пане, а мени можна йисты те, що ты йисы?»—«Можна,—тільки те, що тобі краще, те й можна йисты,—якъ сало краще, декъ—сало, а якъ поросята, декъ—поросятину.»

— Обое кращи,—одповідавъ цыганъ.

Записаль въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошевый.

287. Поповна за цыганомъ.

Въ Мигилевской губернии колись не вельми давно живъ попъ въ селѣ Юрковичахъ. Енъ чоловікъ бувъ вельми богаты, вевъ самъ себе въ чесности, и въ сего попа була дочка одна, такая красавица, ласкова ле всѣхъ людей. И батько вельми жалѣвъ, куплявъ ей хорошіе уборы и содержавъ ей въ барскомъ состояніи. И въ сего попа були лошади вельми добрые. Вотъ цыганчукъ по-

чувъ, що попъ продае коня, поѣхавъ къ попу куплять того коня. Приѣхавъ у дворъ къ попу, а попъ саме въ темъ времѣи бувъ на дворѣ. Цыганъ и каже: «Драстуйте, батюшко! Я чувъ, що вы продаете коня».

Попъ каже: «Да, я продаю коня. Що, ты купишь у мене коня?»

Цыганъ каже: «Куплю. Покажѣть минѣ коня, я поглежу.»

Попъ загадавъ свойму челяднику вывести того коня, що енъ назначивъ его продать. Челядникъ скоро вивѣвъ коня изъ хлѣва. Цыганъ поглядѣвъ на коня, поводитивъ его по двору и стали торговать за цѣну. Ажъ вотъ вишла и попова дочка изъ комнатъ туды, де цыганъ ись попомъ торговались за коня. Цыганъ хотъ погано бувъ напрунутъ, да тоже парень акуратны, красивые. Вотъ попова дочка не вгадала, що се бувъ цыганъ, да тихенько и питае у челядника: «Що се таке за чоловікъ такъ плохо одѣтъ?» А челядникъ бувъ тоже парень шутливы и каже:—«А се екись паничъ купляе въ батюшки коня».

Баришне каже челяднику:—«Невже енъ таки бѣдны, що надѣвсе такъ плохо?»

А челядникъ каже:—«Нѣ, се енъ такъ, що у дорогу убиравсе кудась, дакъ затымъ и напрунувсе такъ бѣдно. Я его бачивъ разъ въ городи, дакъ енъ видно богаты».

Вотъ баришне сама соби подумала: если енъ богаты, то я бѣ за его и замужъ пошла.—А цыгану тоже понаровиласе попова дочка, тоже подумавъ: вотъ екъ бы ена за мене замужъ пошла!

Такъ цыганъ съ попомъ не сышлись на цѣну та цыганъ пошовъ со двора до своихъ коней. А челядникъ поповъ пошовъ воротъ зачинять въ слѣдъ за цыганомъ да й каже: «Бачъ, еки ты цыганъ, що на тебе и баришне позавидувала».

Цыганъ каже: «Дакъ якъ ена на мене позавидувала?»

— А казала, екъ бы ты багаты, то ена бѣ пошла бѣ за тебе замужъ.

Такъ цыганъ тоды засмѣявсе да поѣхавъ домой въ свое шатры. Приѣхавъ въ шатры, вотъ батько и питае:

— А що, — ка, — мой сынъ Сидоръ, не купивъ ты въ попу коня?

— Коня не купивъ, а невѣстку тоби багату наглядъ въ

— Де ты наглядѣвъ? Може наглядѣвъ де въ Юрковичахъ мужички въ постолехъ?

Сидоръ каже: «Э, екъ бы то мужичку, а то попову дочку».

Стары цыганъ каже:— «Э, екъ бы я за тебе взявъ попову дочку, то и мы бѣ забагатѣли».

Сидоръ каже: «Поѣдемъ исъ своими шатрами да попросимось у Юрковичахъ постоять у мужиковъ».

Такъ стары каже: «Поѣдьмо».

Собралисе ѣхать въ Юрковичи на житте. Приѣхали въ Юрковичи, выпросились тамъ у мужика недалеко одъ попу стоять изъ своими шатрами. Вотъ цыганчукъ и думаетъ: попробую попитать де нибуду у поповой дочки, ти ена не пошла бѣ за мене замужъ. Потомъ самъ собѣ каже: якъ же я буду знать, де ее побачить? Потомъ каже собѣ мовчки: пойду я къ челяднику и роспитаю, куды ена ходитъ въ проходку. Пошовъ разъ увечери питать икъ челяднику, куды баришне ходитъ въ проходку. Приходитъ до двора къ попу, ажъ поповъ челядникъ саме зачинявъ ворота: попь съ попадею поѣхали къ попу въ другее село на гулянне. Вотъ цыганъ такъ що уже бувъ немного знакомы съ челядникомъ, поздравувались; вотъ цыганъ и питае у челядника: «Кудась ты ѣздивъ, шо ворота зачиняешъ?»

Челядникъ отвѣчавъ: «Се жъ я своихъ поповъ выравивъ на гулянне къ попу».

Вотъ цыганчукъ прибравсе хороше, пытае въ челядника: «А баришне дома?»

Челядникъ каже: «Дома».

— Ну, дакъ можно минѣ ити съ тобою погулять икъ вамъ?

Челядникъ каже: «Можно».

Цыганчукъ изъ челядникомъ пойшли въ поповы кухни и тамъ розговаруютъ вдвохъ. Вотъ почула баришне, бѣжить скоро въ кухню посмотриѣтъ, хто розговаривавъ съ челядникомъ. Ввишла въ кухню, поглядѣла, ажъ у кухни бувъ тей паничъ, що коня приѣжжавъ куплять.

Сказала: «Здрастуйте!»

И цыганъ отвѣтивъ тоже саме и ей ись почотностю. Цыганъ питае у баришне: «Де твой батько?»

Баришне отвѣчала:—«Батька мого нѣту дома».

— Ахъ, я хотѣвъ его побачить.

Баришне питае:—«На что онъ вамъ?»

— Де хочу коня купить у васъ.

Баришне опять понаровивсе цыганчукъ.

Ена каже:—«То можете обождать,—проходѣте далей въ комлаты».

А цыгану се и надо. Цыганъ пройшовъ далей въ комлаты хорошо убранные, а челядникъ оставсе на кухнѣ. Цыганъ изъ баришнею довго гомонѣли то про все, а потомъ цыганъ начавъ баришню сватать. Вотъ баришне каже: «Якъ же минѣ за тебе ити замужъ? Я баришне, а ты цыганъ».—Потому, що ена уже угадала, що се бувъ цыганъ.

Цыганъ каже: «Ты баришне да за цыгана замужъ пойдешъ, и я буду тоды паномъ».

Баришне довго думала: що на се цыгану сказать? Потомъ и каже: «Де, се правда. Мой батька багаты, а дѣтей у его нема больше, только я, то мы заступимо на се богатство, то и будутъ насъ люди звать панами».

Баришне подобѣшчала ити за Сидора замужъ да

сказала: «Придешъ мене сватать, коли мой батько буде дома».

Сидоръ попросивъ хороше баришни, щобъ ена и тоды не отказувалась, екъ приде сватать ее сватами. Отправивсе цыганъ домовъ на свои шатры. Пришовъ домой и розказавъ усе своему батьку. Такъ стары цыганъ израдѣвъ и на другій день собрались цыгане исъ сватами сватать попову дочку. Взяли съ собою горѣлки и другихъ дорогихъ наливокъ, приходеть вечеромъ къ попу въ комлату, кладуть пирогъ на столъ и ставляють горилку на столъ. Попъ не знавъ, на що цыганы принесли горѣлку де пирогъ, питае у ихъ: «Ну, чего вы до мене пришли, цыгане?»

Цыганы съ насмѣшкою отговоривали: «Пришли, батюшка, до васъ коней мѣнять»

Батюшка каже: «Нѣ, я коньми не мѣняю. Вотъ за гроши купите, екъ хочете».

Потомъ цыганы начали заносить ему и про сваты, до попъ за се на ихъ такъ росердывсе и ставъ ихъ выганять изъ комлатъ. Ажъ идеть и баришне въ тую комлату, де були цыганскіе сваты, да й заговорила до цыганей: «Почемъ, паленька, знаете, ти пойду за цыгана, ти може и нѣ?»

Батюшка каже. «Хоть ты и согласна ити, да тебе не оддамъ за цыгана».

Баришне каже: «Не оддаси, то я и сама пойду».

Тоды батюшка пуще росердывсе на цыганей, призвавъ своего челядника и вдвохъ выгнали цыгановъ изъ комлатъ. Пошли цыгане въ свои шатры ни съ чѣмъ. А баришне тоды батьку своему сказала такъ: «Я теперь не могу жить на свѣтѣ безъ его».

Попъ и каже своей дочкѣ: «Якъ тебѣ за его ити замужъ, за цыгана?»

Ена каже: «Я баришне, а енъ цыганъ, а екъ пойду за его замужъ, то енъ тоды буде панъ».

Попъ думавъ-думавъ, что съ нею дѣлать? Но такъ якъ ена въ его одна дочка и енъ ее жалѣвъ, захотѣвъ угодить ей и сказавъ: «Дѣлай, дочко, якъ хочешъ,—иди и за цыгана замужъ».

Черезъ нѣсколько времени наказуетъ баришне цыгану, щобъ енъ приходивъ ее сватать. Цыгане порадились между собою и пошли опять сватать баришню. Приходятъ цыгане къ попу сватать баришни, то попъ хотъ и ненавидѣвъ ихъ, да уже не споривъ.

Вотъ такъ попъ отдавъ свою дочку за цыгана и одгуляли веселле. Перевезли цыгане баришню въ свои шатри и навезли много разного багаства. Баришнѣ сперва показалось жить у цыганей весма худо, потому що у цыганей не було пици такое, якъ ена ѣла у батька у свого. И сперва цыгане не посылали поповой дочки на селы просить хлѣба и обманывать людей. Живеть барине въ цыганскихъ шатрахъ и само съ себе удивляется: «Якъ се могло случиться, що я пошла за цыгана и живу въ цыганскихъ шатрахъ? Нема минѣ такихъ привелегій, якъ у батька були, ни саду нема, ни земли своей, некуда и въ проходку ходить.» Разъ барине надумалась: «Пойду я до батька погулять по его садахъ». И пошла.

Приходить барине къ батьку въ цыганскомъ убрани. Попъ якъ зирнувъ на свою дочку, ажъ ена убралась по цыганскому, такъ тоды не придумавъ, что ей сказать, такъ ему жалко здѣлалось. Потомъ якъ нибудь попъ самъ соби розсовѣтувавъ и не ставъ журица по свое дочцѣ. Вотъ и розговорыласе баришне съ своею маткою кой про шо, дакъ попада и питае у своей дочки: «Якъ тобѣ, моя донько, жить показалось у цыганей?»

А ена отвѣчала: «Весма плохо, матушко».

Дакъ попада тоды каже своей дочцѣ: «Э, моя донько, се ще только цвѣтъ, а ягоды будутъ. Се ены лѣ тебе исперва трохи луччей обходяца, а вось нехай поживешъ ище, то табѣ ище и похуже».

Погуляла барине у свого батька и пошла опять въ цыганскіе шатры. Приходить въ шатры. Старые цыганки поприходили изъ сель, принесли всего: и хлѣба, и муки у вузлахъ, и бульбы, и другихъ разныхъ овощей. Вотъ молодой цыганчукъ и поповой дочки мужъ и каже на баришню,—звали ее Мотра:—«Погледи ко, Мотры, екого добра принесли наши цыганки изъ села. Щобъ и ты вже ишла изъ цыганками на селы просить хлѣба и разнo обманывать людей, ворожить на карты и разнo дурить людей».

Мотра и каже своему чоловіку: «Якъ минѣ просить, що я буду соромеца людей, потому що мене люде знаютъ, що я попова дочка?»

Вотъ цыганчукъ подумавъ, що ена и въ самомъ дѣлѣ не поиде на селы обманывать людей. Разъ каже своему батьку, старому цыгану: «Знаешъ що, тато, поѣдемъ мы далеко изъ сего мѣста жить».

Старый цыганъ питае: «Чого намъ ѣхать отгюля? Намъ же и тутъ добре жить».

— Да жить то добре, да моя жена соромеца ити на селы просить хлѣба и обманывать, потому що ее уси люди знаютъ, що ена попова дочка.

— Добре, мой сынъ, поѣхать то намъ можно въ другую сторону жить, да такъ, щобъ не знала твоя жена, коли будемъ собираца ѣхать, а ена буде искучать по своихъ родныхъ.

Вотъ дождали цыгане Покровы и стали собираца ѣхать въ другую сторону жить. Мотра и питае въ свого чоловіка: «Куда се вы собираетесь ѣхать?»

А цыганчукъ и каже своей жонцы: «Се мы поѣдемъ на ярмалку».

Собралисе цыгане совсимъ исъ усею своею худобою и сѣла баришне на цыганскіе возы и поѣхали кудась далѣ жить. Пріѣхали цыгане на мѣсто, де думали жить. Вотъ дождали недѣли, и цыганки собираютца ити

на сел
и ве д
Цыган
того с
Да по
как т
ерон
на се
сому
танки
собо
попо
как
силь
стыд
перв
шо
ван
вы
сет
ду
ва
и

на селы обманювать людей, а поповска дочка ничего и не думает объ томъ, шобъ ей ити на селы съ цыганками. Цыганчукъ и каже своей жонцы: «Ну, а ты, Мотре, чого будешъ седѣть на шатрахъ?»

Такъ барине подумает-подумает: якъ минѣ просить? Да потомъ надумалася: пойду и я изъ цыганками; видно вже такъ: залетѣвши въ вороны, то треба и кричать по воронечи. И пошла Мотра вмѣстѣ съ старыми цыганками на села просить хлѣба и обманювать людей по цыганскому. Вотъ пришли ены въ село. Ихъ було три цыганки съ поповою дочкою. Вотъ поладилисе помежду собою такъ: старая цыганка сама по одномъ боку, а попова дочка да ище одна—по другому боку села. Вотъ уже приходица Мотри ити въ хату просить чого нибудь да ще только въ первы разъ. Дакъ ей такъ було стыдно, що ена ажъ заплакала. Вотъ войшли ены въ первую хату къ людямъ. Вотъ цыганка и умѣе уже якъ що говорить. Сейчасъ и каже: «Добридень, людечки вамъ, ти живи вы ще?»

А люди отвѣчаютъ: «Здоровъ! А живы ще, будьте вы неладны, бисовы цыгане! Хыба се мы васъ не бачили сегодня? Вашихъ братчиковъ уже перебуло въ насъ душъ десеть».

Цыганка каже: «Дарма, мои дорогенькіе, нехай вамъ Богъ дае щасте и въ поли, и въ доми».

Старая баба седечи на печи екъ закричить: «Пойды икъ бѣсу, пранцовата цыганка, се видно тая, що у насъ ножъ украла».

Цыганка каже: «Цыть, подожди, бабка! Не кричи, я тобѣ поворожу, ти ты ще будешъ довго жить на свѣти».

Баба ще хуже росердилась на цыганку, а попова дочка и стоитъ соби лѣ печи, ни слова не говорить, бо ей стало жалко и стыдно. Вотъ молода молодица одрѣзала хлѣба по куску, дала цыганцѣ одинъ кусокъ,

а други дае поповой дочцѣ. Вотъ Мотра бере хлѣбъ и слезы у ей на вочахъ стоять. Цыганка ще стала просить бульбы:—«Дай, моя молодочка, хоть бульбинко мойму Сидорку на булдочку».—У ее бувъ малы хлопчикъ Сидоръ.

Молодица каже: «Иды ты къ бѣсу, дуросвѣтка ты!»

Цыганка каже: «Нѣ, моя донечко, я не дуросвѣтка. Осѣ давай я тобѣ поворожу про все, кину на карты».

Молодица каже: «Да пойди ты прочъ, невдобна ты, щобъ угадала про все. Може й ты такъ угадаешъ, якъ минѣ одна ворожила колись, ище якъ я була у дѣвкахъ?»

Цыганка питае:—«А якъ тобѣ ворожила у дѣвкахъ?»

— А минѣ казала колись цыганка, що екъ пойду я замужъ, то буду щаслива и багата, ажъ отъ ека багата, що въ свѣты день и напрунуть нечего.

Цыганка каже: «Нѣ, моя дорогенька, я все по правди скажу, я дурить не хочу добрыхъ людей».

Молодица дала цыганцы бульбы трохи, ена ей поворожила кой про що и пошли. Цыганка подякувала: «Спасибо тоби, моя доненько!»

Пошли ись хаты, вышли на дворъ, вотъ цыганка и каже поповой дочцѣ: «Ты жъ чого не просишь? Се хиба я и за тебе буду просить? Пора и тобѣ забуваться на поповскіе втѣхи,—проси вже ты, екъ увойдемъ въ другу хату.»

Увишли цыганки и въ другу хату. Цыганка опять поздравила людей по своему обичаю, а попова дочка опять ничего не каже. Цыганка начала просить: «Подарѣть насъ, мои любенькіе и щасливенькіе!»

Хазяйка встала съ лавки и дала имъ по куску хлѣба. Цыганка ище просить: «И соли дай, моя щасливенька, и сала кусочокъ на затовочку ле борщика.»

Хазяйка и каже: «Идить, негодни, ись хаты! Ще тоби и сала хочеча, гуляючи. Мы и дѣло работаемъ, да и то сала николи и въ вочи не бачимъ.»

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

Цыганки пошли далѣй, обходили село и идутъ домой. Пришли въ шатры и начали вытрушувать изъ кайстеръ, що хто выпросивъ. У старои цыганки то сало, то бульба, усе ена напросила, и въ другой цыганки, у малой, тоже самое—всего напросила. Вотъ цыганчукъ, поповой дочки чоловѣкъ, и каже своей жонки: «А нужъ ко, вытрушуй и ты свою кайстру! Чого ты зажуриласе?»

Мотра вытрусила свою кайстру, ажъ у сее цыганки Мотры кромѣ хлѣба не було ничего въ кайстры: ни сала и ни бульбы—ничого ничогенечко, кромѣ хлѣба.

Вотъ цыганчукъ тоды и каже: «Се жъ мы съ тобою съ голоду пропадемъ, екъ ты будешъ такъ приносить изъ села».

На другой день рано чуть свѣтъ цыганки встають и собираюца опять ити на села обдурувать людей, а попова дочка еще спала и ничего не думала про се. Вотъ цыганчукъ екъ закричить на ее: «Вставай ты, колodka! Уже онъ свекруха и етровка собираюца ити на селы, а ты все спишь!»

Мотры нечего дѣлать, встала и пошла съ цыганками не вмываючись, не втыраючись на селы. Походили ены на селахъ и ввечери опять приходять на шатры. Цыганки изновъ вытрушуютъ свои кайстры и опять принесли всего тимало, а попова дочка, кромѣ хлѣба, опять не принесла нечего. Вотъ цыганчукъ уже и росердывсе на свою жонку, потому що вже и батько на его сердица, що его жонка ничего не приносить, кромѣ хлѣба.

Вотъ полегли цыгане спать. Вотъ всѣ цыгане спять и цыганки, и дѣти спять, а поповска дочка исъ своимъ мужемъ не спять. Ена все цыганчука перезывала, щобъ ѣхать жить вдвоихъ къ ее батьку попу. Но цыганчукъ хотъ молодой бувъ чоловѣкъ, а хитры. Подумае: екъ поѣду я съ Мотрою къ тестю на житте, то и менѣ буде такъ

худо жить съ попами, екъ моей жонкѣ съ цыганами. А цыганчукъ ее тоже вучить, якъ просить шо нибудь у людей.

И весьма довго поповска дочка бичоваласе съ цыганами по шатрахъ, а дали разъ ена надумаласе: подожди, я напишу своему батьку писмо, щобъ приѣхавъ коли нибудь по мене. Разъ ена ходила по селу съ цыганками, вотъ ена зайшла къ жидамъ, купила бумаги, чорнила и написала писмо своему батьку, щобъ ень приѣхавъ по ее. Вотъ черезъ нѣсколько дней получивъ попъ письмо и прочитавъ его и розказавъ матушцѣ, шо въ письмѣ було написано, то имъ обомъ такъ жалко стало свое дочки, шо ажъ заплакали. Вотъ попъ черезъ нѣсколько времѣ пославъ своего челядника де ще одного чоловѣка на пары конехъ ѣхать по его дочку. Вотъ сіе посланы поѣхали въ неизвѣсное мѣсто по попову дочку. Кое какъ допитались ены про те село, де стояли цыгане. Остановилисе ены въ селѣ, думаютъ, якъ бы подать писмо поповой дочцѣ, а потомъ попросили того хазяина, шо стояли въ его на кватери; сказали хазяину: «Передайте пожалуйста оте писмо поповни, шо за цыганомъ замужемъ, де такъ, щобъ и цыгане не бачили».

Вотъ хазяинъ теѣ взявъ писмо и понесъ на цыганскіе шатры. Приходить на шатры, ажъ Мотры нема на шатрахъ. Вотъ такъ розговоруе съ цыганами про все, а про писмо имъ не каже. Ажъ отъ черезъ нѣсколько времѣ приходитъ и попова дочка. Вотъ теѣ чоловѣкъ передавъ писмо поповой дочцѣ и пошовъ обратно додому. Поповна думаетъ: якъ же бъ минѣ прочитать писмо, щобъ ништо не побачивъ. На другое утро старѣйшіе цыганки стали супъ варить, то шо, а молодую цыганку, поповску дочку, послали по воду. Вотъ ена пошла по воду и прочитала писмо, ажъ у писмѣ було написано, щобъ ена собираласе ѣхать додому. Вотъ попова дочка начала собираца додому и думаетъ: якъ же минѣ пойти отъ цыганей, щобъ ены не

добачи
хлѣбъ
бывов
добро
ходит
божчи
лоша;
а по
попов
запла
стара
шо с
забу
бача.
по в
цыг
ски;
ста
уто
Замъ
вн
за
де
жк

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

побачили? Вотъ на третій день по полученію писма ище вельмы рано, всѣ цыгане спали, напрунула цыганка, попова дочка, еку луччу одержу и взяла свое кой еке добро и пошла въ те село, де були извожчики. Приходитъ попова дочка въ село, допиталась, де були извожчики. Вотъ поповъ челядникъ. Запресли скоро пару лошадей, поскладались все, що було въ поповой дочкѣ и поѣхали додому.

Вотъ пріѣхала попова дочка на свою родину въ поповскіе комлаты. Батько ее такъ срадувавсе, що ажъ заплакавъ.

Вотъ повставали цыгане, начали супъ варить; вотъ стара цыганка екъ закричить на попову дочку, ей баца, що ена ще спить: «Пора тобѣ вставать! Се ты видно забуваешсе, що ты на цыганскихъ шатрахъ. Тобѣ видно баца, що ты въ поповскихъ комлатахъ. Уставай де иди по воду!»

Ажъ ее уже давно нема въ шатрѣ. Разглядѣлисе цыгане, ажъ поповской дочки нема. Вотъ ены тоды скидались шукать. Пошукали близь шатра, ажъ ее нема. Старый цыганъ и каже: «Не шукайте ее, ена вже видно утопиласе».

Записалъ Яковъ Бондаренко, крестьянинъ с. Деревины Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

288. Жыдъ-выхрестъ.

У одного выхреста жыда родывся сынъ. Пойихавъ винъ до попа, щобъ охрестыты. За це пипъ просе карбованця.

— Якъ такы мозна, батюска, карбованця?.. Азде зъ якъ вы Моску хрестылы, то взяли карбованця; сцо тому зъ десять годъ, а цей вдсятеро менщый, то за його десять копійокъ.

X.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Богданъ та Юрій Хмільныцьки.

— Се Хмільныцького гора *), на йій и замокъ його бувъ.

— Що жъ то за Хмільныцький?

— А хто його знае: князь, чы панъ якийсь. Винъ церкву у Суботови поставивъ, а сынъ його верхъ избывъ; пишовъ на батька да зъ нашоїи горы и почавъ палыть. Бувъ бы чысто усю побывъ; такъ уже старший бачыть, що лыхо, та зъ йимъ и погодывся.

Г. Чигиринъ Кіевск. губ. Записаль М. Александровичъ. Изъ брошюры М. Александровича: «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

290. Б. Хмільныцький та король.

— Ніякихъ гайдамакивъ я не зазнаю. Булы, кажуть, колысь, та давно. Отъ москали, такъ тійи жыда заризали и корову украли да за горою и облупылы, а жыдивка ледви утикла.

*) Чигиринъ расположенъ на мысѣ, образуемомъ Тясминою и болотами; предѣломъ его съ сухого пути служитъ Чигиринская гора. На ней прежде стоялъ замокъ и, командуя городомъ и окрестною мѣстностью, дѣлалъ Чигиринъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Объ этой горѣ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ. *Объясненія записывателя.*

Я не сталъ разспрашивать, зачѣмъ москали сдѣлали такую глупость, и навелъ розговоръ на прежнюю тему.

— Ни, сього ничего не знаю,—отвѣчалъ онъ,—а кажутъ, що якъ була война, то якыйсь Хмилыньцькый збунтовавъ и довго шкоду робывъ, одначе не втикъ; (де вже втикты!) Отъ и привелы його до короля; винъ навколяшкы и впавъ, а король и каже:

— Ой, Хмилю, Хмилю! Высоко ты вывся, а нызько стелесся!—Та й помылувавъ його.

Съ того часу Хмилыньцькый покаявся, вже годи турбоватысь, осадывъ село коло Чыгырна, церкву збудовавъ да тамъ и вмеръ. Бачывъ я людей съ Чыгырна, такъ кажутъ, що й доси видно те мисце, де його замокъ бувъ, а церква цила стойить.

Г. Каневъ Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

291. Про Хмилыньцькыхъ. Про Мамаю.

Старшый Хмилыньцькый зъ ляхама бився и вельмы багато грошей у церкви (отъ у сій) поховавъ; а сынъ його не въ батька бувъ, ополячывсь, побусурманывсь да и прыйшовъ пидъ Суботово да зъ горы Валкы збывъ вежу, шо на церкви була, одначе грошей не досягъ. За те винъ и доси сновыгае по гаяхъ да байракахъ, гадюка ссе його сердце.

— Хыба то все одно, шо пополячытысь, шо побусурманывтысь?

— Воно не одно, та, бачте, ляхы тоди укупи зъ тарамамы воювалы. А се вже чы не писля Хмилыньцького було, якъ прыйхавъ у Суботово Мамай зъ запорозцями и ляхамъ багато шкоды наробывъ. Тутъ у лиси неподалечку е дубъ невысокий да рясный, Мамаемъ зветься. Кажутъ, шо бучимъ то Мамай на йому казанъ вишавъ, да якъ задзвонить, то його хлопцы и бижать. А инши

кажуть, що через те, що и Мамай бувъ низький, та дужый, якъ той дубъ.

С. Суботово Чигиринск. у. Кіевской губ. Записаль М. Александровичъ отъ крестьянина, владѣвшаго въ то время усадьбой Хмельницкаго. Оттуда-же.

292. Орда въ Ведмедивци.

— Якъ я родивсь, то вже той замокъ *) бувъ, тилко пали булы товщи. Колысь прыйшла Орда, спалыла мисто, а люде позбигалысь у замокъ. Довго думалы татары, якъ бы добути його; піймалы якогось ляха,—забувъ уже якъ винъ прозывався,—и обищалы йому грошей, щобъ винъ одчынивъ хвиртку, що була надъ ставомъ **). Винъ и одчынивъ, вони вночы и влизлы. А тамъ у замку була попада. Вона якъ почула, що татарва у замку, то вхопыла шаблю и була бѣ не пустыла татаръ, да ништо їй пидмогы не давъ; вона втомылась, такъ їйи и зарубалы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. М. Александровичъ отъ старика лѣтъ семидесяти. Оттуда-же.

293. Про Палія.

Йо, знавъ я колысь хорошу писню про Семена Палія,—да забувся, усе позабувавъ... Колысь було стари люде и спивають, и розказують про козацьке лыцарство, а теперь и не почувешъ,—хыба часомъ, да дуже ридко. Десь воно такъ за панами, що боронылы перше, чы що?

*) Замокъ этотъ—пространство окопанное рвомъ и обнесенное полисадомъ при вѣздѣ въ с. Медвѣдовку. Въ 1858 г. онъ былъ еще почти въ цѣлости. *Объясненіе записывателя.*

**) Задней стороной замокъ прилегаетъ къ пруду. *То-же.*

Отто и про Палія то колысь то я чувъ, казали одъ чого то пишло, що його прозвано Паліємъ.

Ось слухайте лышень, я роскажу, що ще пам'ятаю, а то забувсь багацько.

Якъ завивсь винъ зъ Мазепою, то це вже послі, а першъ слухайте.

Разъ зъ рушницею бувъ Семень на полюванні. Коля гляне,—ажъ на берези рички, на скели, чортъ грається. Семень підійшовъ до його бльжче, а той и почны зъ Семена кривытыся та дратуватыся. Отъ Семень нацильвъ на його да й стрельвъ,—зъ нечыстого тилькы полум'я блыснуло, а винъ самъ такъ и розльвсь по скели смолою. Одъ того часу й почалы уже Семена зваты Паліємъ,—бо чорта, бачъ, спалывъ.

— Ну, а чого жъ винъ зъ Мазепою завився?

— Про тее у насъ писню спивалы, дакъ забувся писню, а такъ роскажу.

Отто, вважаєте, воювавъ Палій, воювавъ, а дали гуляты почавъ; до воювання винъ добрый бувъ, да й коло чаркы маху було не дасть. Дакъ уже такъ загулявъ, такъ загулявъ, що килькы у його було сриблалота, такъ усе тее збувъ, гуляючы да частуючы мыръ хрещений. А дали й до того дійшло, що гуляты ни-защо. Що тутъ робыты? Заставляе винъ у жыда Мошка свою сыву кобылу. А що то за сыва тая кобыла була,—кохавъ винъ ййи надъ усе.

Довидався Мазепа, що Семень не мечемъ, а чаркою побрязкуе, ажъ зрадивъ, бо никого не боявся винъ, якъ того Семена Палія. Отъ Мазепа й забунтовавъ тоди проты царыци.

— Проты якои царыци?

— Да вже жъ не проты якои, якъ проты Катерыны. Шле тоди царыця висько на Мазепу. А винъ висько побывае, генераливъ у полонъ забирае. Шо тутъ робыты? А Потьомка ййи и каже:

коло самого намету Мазепыного, а до спыса да ще й короговъ свою привъязавъ. Прочынае вранци Мазепа да якъ глянувъ на корогву Паліеву, да ажъ зблидъ.

— Эхъ, — каже, — лыхо! Тутъ Палій бувъ, отсе и корогва його. Теперъ ничего не вдіешъ, бо Палій уже лыбонь пыты-гуляты переставъ,

Толи вже то и годи воюваты, пишовъ винъ на замырення зъ царницею.

— Ну, а Палій же що?

— Що? Що жъ йому? Мазепу смырывъ да й поихавъ соби до Мошка, або що.

Отъ мельника Уласа въ с. Городищахъ на Роси, верстъ 15 выше Бѣлой Церкви. Запись неизвѣстно чья.

294. Мазепына хрещеныця.

Стоявъ разъ коло Мазепыного дому часовый; пидходить до його якась жинка и такъ жалослыво почала просыть, щобъ винъ давъ йій свій хрестъ.

Часовый, чы злякався, чы такъ чому, тилькы хреста йій не давъ, и та жинка черезъ кожни симъ рокивъ зновъ прыходыть на землю и усе просыть хреста. Се, кажуть, Мазепына хрещеныця.

С. Выбли Черниг. у. Записаль М. Шульга. Сообшила М. С. Чудновская.

295. Гайдамакы.

Въ той часъ въ Лытви, трохи ты не въ Виленській губерніи, бувъ атаманъ кашавый—той, що державъ Сичъ Запорозьку. Вынъ ихъ,—своихъ хлопцивъ—каторомъ па Днепру зновъ у Сичъ провадывъ; ы въ той часъ зновъ вылазыть на берегъ у Мальгавахъ; ы выла-

зыть вынъ,—а у насъ диты валы паслы; ы вынъ вылиз-шы ызъ катера ы пытае:

— Хадить, диты, сюды! Нате вамъ па шагу!

Дакъ катри дурны—утиклы, а катори розумнишы—прыйшлы. Ы пыта вынъ, у котрого батько, у котрого матка е; а въ насъ сырота була—Гордій Саповычъ; ы говорить на його:

— А пры кымъ ты живешъ?

— Пры тютци.

— А паидьмо,—каже,—за мною.

— Якъ ихать, пане, дакъ ы паиду: мыни ы тутъ худо жыть, ы тутъ ровно служу!

А кашавый атаманъ лацынныкъ бувъ,—шо яго нычого ны вызьме, ны куля, ны шо. Ы говорить:

— Будешъ ты такымъ паномъ, якъ я!

Вынъ ы наахотывсь. Той часъ йому веливъ одежу. дати ы зъ собою взять; а тую адежу тютци обратно атдати, ы тютци бумагу пысать, шо такый узывъ ы не сподияться яго! Ы вынъ праслужывъ тамечкы семнадцать гадуывъ; ы письма вывчывъ, ы лыцыны всякои вывчывъ... Идутъ катыромъ па ахоти; ы намирывся другый стрелять; а лукавый заступае,—де утва седила, тамъ на лапкы ы зонпявсь; дакъ вынъ, сыдячы на корми—Гордій Саповычъ,—шо узятый выдсиль,—да й усмихнувсь...

Ы теперечкы на счотъ то уремя було у кашавого атамана тры такыхъ хлопцивъ прегарныхъ; ы кашавый атаманъ ставъ помирять, ы зыбравъ увесь свій кишъ, ы въ його тры лацынныкы було: первый бувъ *Гордій Саповычъ*, другый—*Бондаренко*, шо Чернобыль воювавъ, шо ляхамы гребли гатывъ, третій бувъ *Рацьовъ*. Теперечкы вынъ кишъ ызобравъ ы говорить:

— Ну, ребята! Хто буде въ насъ кашавый атаманъ?

Той говорить:

— Буде Рацьовъ!

А другый:

— Бондаренко.

и асе: А кашавый атаманъ сказавъ, що буде Гордій Саповычъ, що вынъ буильше мене знае, що усмихнувся, издичы на ахоту.

и розр: Ну, теперечкы кашавымъ атаманомъ и остановылы
и ро: Гордія Саповыча. Паслужывъ вынъ саби симъ ліетъ и
и ро: тымъ часомъ не захотивъ тамъ служыть: наживъ соби
Сапов: тамъ, що Богъ йому давъ, або що,—не захативъ служыть! Выйшовъ у сваю господу. У насъ тутъ е Чумакова Гряда, де тутъ вынъ живъ и усе... А Рацьовъ чумакъ хотивъ чумаковать; тридцять возивъ мавъ, самъ мазавъ и въ трое сутокъ тры часы спавъ. А Бондаренко забравъ соби хлопцивъ и пишовъ у Полщу Ляхуывъ и жыдуывъ розбывать.

и ро: Гордій Саповычъ бувъ ахотныкъ; пашовъ за ахотою, а тымъ часомъ узято яго жуынку: Татары узялы и зъ жинкою узялы дочку старшу и сына меншого и везуть: и тутъ протывъ Ковалевого города и Дуба, въ урочищи Маставымъ везуть, а вона галосыть:

и ро: — Гордій Саповычъ! А ты казавъ, що ты лацынныкъ, а намъ теперь прыйшлось прапасты зъ дитьмы.

и ро: Дакъ вынъ якъ стельвъ з-за Дуба—потому, що вынъ лацынныкъ бувъ такый—да напустывъ на ихъ шуму, москалювъ,—и вони напужалысь, и вси у теки пошлы; той часъ вынъ атбывъ свою жуынку и диты привизъ дадому. Диты перелякалысь обойко и померлы. Вынъ поклавъ на ихъ дорогоценны уряды,—одъ того, що вынъ дуже багатый бувъ. Люде и сказалы:

и ро: — Не кладите дорогыхъ нарядивъ! Вашымъ дитьмамъ не буде спокою! Хтось небудь одкопае!

и ро: Вынъ палаживъ каминня, и то каминня хто бере выдтиль пидъ поригъ на ступенькы,—семъя обнедужае. Теперь той каминь укочуть, було, хлопци у воду, а вынъ выкотычься на землю и на тимъ мисци зновъ буде лежать. А теперь Богъ його зна, лита перейшлы не можемъ знать симы часамы, а ще литъ за десять бачылы—

Марусы (у насъ были такыи люды; вони пашлы на слободы у Карсунську губерню)—ти брали камень: дакъ обнедужае семъя, дакъ вызьмутъ ы одвезутъ обратно назадъ.

Бондаренко—шо йому зробыть— выйшовшы зъ нымъ втрюхъ,—набравъ хлопцивъ ы пишовъ просто до Ходкевыча, а Ходкевычъ гусары мае. А Бондаренко хадывъ на польскы, усе копався по малности: хто до мене прыстае, на того куля не йметъ, ни що такее! Усю Чернобыльщину глумить. Ходкевычовы гусары понасыпали у чоботы земли ы прысягли: на чый земли стоимо, тому будемъ Богу ы вировать!—Ы ходылы зъ Бондаренкомъ два года. На третій покумовався вынъ у Чернобыли изъ кумомъ; той говорыть:

— Ызложитесья мыни, щобъ я мавъ яго угостыть, кума!

Ы вынъ яго угостывъ; дакъ Бондаренко сказавъ:

— Хлопци! куды угодно! хто що нападе, то й ваше!

А гусары зрадылысь—нарада ихъ у те була давня—пистоли, шабли, мечы поодбиралы. Поодбиралы мечи—прокынетесья вынъ, ажъ беда. Теперь ти прыбигають—одынъ иднымъ—а ихъ повъязалы, а котори на втикы, шо бачуть—не сыла: у самого кашавого атамана орудіе адыбралы. Вынъ и гаворыть:

— Куме мый, Галаганду! Збавы ты мене наглою смертю!

Ы тымъ часомъ смертю яго адынаццать сутокъ мучылы, а на дванадцаты одъ цырыцы прыйшло: шо не можете такого лацынныка збавыть! Дакъ вынъ самъ соби смерти пожелавъ; пославъ у поле найты, де той прыпилокъ, шо земля йде, шо орють—зриже землю:

— Отимъ мыни горло одпыляйте, а то ни чымъ мене—ны секрыою, ни мечемъ, не зрубите,—тільки сынякъ зробыте, шо зобъете мене крипко.

Рацьовъ чумаць на 30 возоувъ хадывъ, самъ и возы мазавъ, ы волы пасъ, ы запрягавъ. Ы хадылы за нымъ гайдамакы: ы яго колеи знать кого Сапоновой Гуты,

де його вбито; той закопавъ коло Мельныковыхъ Вылокъ
тры возы зализа ы кожу грошей.

Бондаренко бувъ чаловикъ-лацынныкъ, а у Якы-
менка хороша була жуынка, дакъ вынъ гнавъ Якыменка
(ще не вбимшы, быть:)

Ой поихавъ Якыменко до млына зъ возамы;
За нымъ, за нымъ Бондаренко густымы лозамы.
Ой ы погнавъ Якыменка по зеленымъ лузи—
Стала жъ його голывонька въ пъянимъ выди й въ
тузи.

—Ой одпрягай, Якыменко, сывую кобылу!
—Ой не 'дпряжу, Бондаренко, хочъ самъ тутъ
загыну!—

Ой ы побигъ Якыменко да въ лисъ утекаты,
Зачепывся за колоду да ставъ помираты.
Прылетила зозуленька да стала коваты:
—«Ой Якыме, Якыменко! Може ты хочешъ йисты?»—
—Леты, леты, зозуленько, давай матки віесты!—
Прылетила зозуленька, сила на воротахъ;
Выйшла жъ яго матусенька въ червоныхъ чоботяхъ...

С. Сорокошичи Остерск. у. (?) Черниг. г. Записалъ А. М. въ 1853 г.

296. Гайдамакы у Каневи.

Ото вже було дуже давно, ще мій батько бувъ
хлопцемъ, якъ тїи гайдамакы прыйшли у Каневъ, усе
мисто спалылы чысто и церкву гречеську, що стояла
отъ на цїй гори,—ненарошне.

А то якъ було прыйдуть до якого чоловика, то й
кажуть заразъ:

—Веды насъ до жыда або до пана, у якого грошей багато.

А якъ хто скаже, що не знаю, то прыставить
пиштолетъ або рушныцю та й выпалыть; багато ляхивъ
и жыдивъ пропало! А якъ повыбывалы усихъ, мисто

чысто спалылы, тоди зибралы мужыкивъ та й дали имъ грошей може рубливъ съ тысячу та й кажуть:

— Поставте отуть, де мы жыдивъ и ляхивъ побылы, крестъ!

Такъ люде и поставылы, и стоявъ той крестъ ажъ до велькойи пожежи *). Довго тиі гайдамакы блукалы коло Канева, ажъ помы прыйшлы съ того боку гетьманци и привезлы съ собою чотыри пушкы; тоди гайдамакы втикать, и ось тутъ, може верстовъ пъять буде, у лиси окопалысь и былысь зъ гетьманцямы и чоловика може съ чотыри вбылы, а дали въ распорошку пишылы да по лисахъ и поховалысь.

Тиі гайдамакы таки булы характерныкы, що якъ хто въ його зъ рушныци выпалыть, то винъ тому чоловику кулю назадъ и кыне: «На тоби, може ще згодыться!» А иншый то й рушныцю заговорыть, такъ що той чоловикъ вже до вику не стрелятыме.

Булы у ныхъ сотныкы и атаманы, а надъ усимы бувъ Хмильныцькый, полковныкомъ прозывався, и довго зъ ными гулявъ. Якъ було спытають гайдамака, хто вашъ батько, то винъ и каже:

— Хмильныцькый, — мы уси Хмильныцького козаки.

А писля той Хмильныцькый осадывъ слободу въ Херсонській губернии на ричци Ягорлыци, и багато у його людей було.

Г. Каневъ Кіевск. губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Изъ брошюры «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

297. Золота грамота.

Отъ зъ чого почалась та гайдамачына. Ляхы пановалы и дерлы народъ, а ченцямы и промытой воды

*) Пожаръ былъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1818 г. *Прим. запис.*

не було. Запорозці якось и приехали до Мыколаевського монастыря на прощу. Ченци жъ и кажутъ имъ:

— Поможить намъ, бо ляхи скоро зъ насъ и шкуру здеруть!

Запорожци жъ кажутъ:

— Якъ намъ царицы Катерына дасть позволеніе, то и лядського духу въ Польщи не буде *).

Одынъ зъ ченцивъ бувъ у царицы писаремъ и руку їи знавъ, то пидъ їи руку и пидпысавсь и показавъ запорозцямъ; вони якъ побачылы, то й почалы ляхивъ бытъ, а разомъ зъ ими и нашъ братъ пиднявся. Ляхивъ усихъ за суччу ричку проперлы. Одначе якъ ти запорозци поповерталысь у Сичъ, то ляхи ще горій почалы народъ дерты:

— Вы,—кажутъ,—суччи диты у гайдамакахъ булы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

298. Понятовський та царицы Катерына.

У великый пистъ прыйхавъ винъ **) у Каневъ. Царицы була тоди у Кыиви, а якъ и вона прыйхала, то винъ и подарувавъ їй Польщу, вона й узала, такъ и войны не було. А Понятовського зробыла мыныстромъ у Петенбурси; такъ винъ не схотивъ быть королемъ, а бувъ у їи мыныстромъ.

*) Западную Украину жители Херсонской губ. и теперь (запись напечатана была въ 1860 г.) называютъ Польшею. Подъ словомъ ляхи слѣдуетъ разумѣть только дворянское народонаселеніе польскихъ провинцій. *Прим. запис.*

**) Станиславъ Августъ. *Прим. запис.*

— Черезъ що жъ не схотивъ винъ быть королемъ?

— А черезъ те, що паны його не злюбылы и хотили вбыть, такъ винъ и подаровавъ Полщу царици.

Г. Каневъ Кіевской губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика
Алексія Гребенника. Оттуда-же.

299. Конфедераты.

Я швецъ, и мій батько бувъ швецъ. Винъ ще бувъ парубкомъ, якъ паны збунтовали на свого короля. До короля далеко, такъ вони тимъ часомъ почали людей мурдовать. П'яни понапиваються та й издять, и вже де молодыця гарна, або дивка то ніякъ не вбережешъ. Разъ до дида прыйшли уночи та й кажуть батькови:

— Де у васъ тутъ Польша?

А въ насъ одинъ ривъ Польшею прозывается. Батько бачыть, що вони п'яни, и не схотивъ весты, такъ одинъ якъ вриже його шаблюкою по руци!—руку и розрубавъ. Мусывъ батько йты. А якъ дойшовъ до Польши, то пидъ гору и втикъ, а вони на коняхъ, то йимъ и неможно його наздогнаты.

С. Медвѣдовка Кіевск. губ. Записаль М. Александровичъ отъ Степана Опанасенца. Оттуда-же.

300. Запорожци на Кубани.

(ПРЫКАЗКА).

Лежыть Запорожець у свойимъ курини пидъ возомъ и не може головою знесты, якъ изъ ричкы изъ Ковбани воды прынести: видра не було, бакла не случылося... Пишла жинка у сыричуватыхъ постолахъ воды прынести та й спиткнулась, пидковзнулась та й упала, та й прыйшла, та й плаче: «Лучче бъ було панщину ро-

быты, якъ отакъ на воли жыты».—Не журыся, жоно, объ томъ, есть у мене голова Антонъ нашъ Гладкый—винъ головъ и поголыть, та усе жъ намъ козацькую славу зробыть!—

Г. Тульча въ Добруджѣ. Е. Кондратовичъ отъ вдовы Маріи Михайловой.

301. Про смерть козака Половаго.

Изъ письма П. А. Лукашевича къ В. П. Горленку, 19 марта 1855 г., изъ м. Березани.

«Нѣкоторыя пѣсни я записалъ мимоѣздомъ, ѣдучи въ Крымъ, тоже въ 1832 году на мѣстѣ бывшей Запорожской Сѣчи въ селѣ Покровскомъ Никопольскаго уѣзда. Недалеко отъ сей слободы, принадлежащей барону Штиглицу, до моего туда пріѣзда года за два, размѣщены были для расквартированія въ Никопольскомъ уѣздѣ остатки запорожскихъ козаковъ, которые вышли во время турецкой войны изъ Турціи съ атаманомъ своимъ Гладкимъ; онъ, какъ извѣстно, переправлялъ Императора Николая Павловича чрезъ Дунай. О нихъ тогда мнѣ рассказывали слѣдующее:

Въ числѣ этихъ козаковъ былъ прежній служилый запорожскій столѣтній козакъ, по фамиліи, помнится, *Половий*; предвидя свою кончину, онъ приказалъ двумъ козакамъ, вывести его въ поле и, поддерживаемый ими подъ руки, спросилъ:

— А гдѣ то мисто, гдѣ була Запорожская Сичъ съ Покровскою церковью?

Его поворотили къ тому мѣсту. Умирающій сталъ на колѣни, взглянулъ на это мѣсто, читалъ молитвы и умеръ въ такомъ положеніи».

Сообщилъ В. П. Горленко.

302. Звидкы узялась панщина.

Ото разъ давно ще, за Катерыны, зибралыся паны на сеймыкъ та й говорятъ промижъ себе:

— А зробимъ но, панове, панщину!

— Добре, кажуть, давай, зробимъ!

Ото кожный панъ (якъ напрыкладъ грапъ нашъ) склыкае зъ кожного села по дванайцять чоловика. Зъ того села дванайцять, зъ другого дванайцять, зъ третьего дванайцять... Ото чы въ хати, чы на двори въ пана поставылы столы, наварылы всячыны, поставылы йисты й пыты, горилкы, усього... Просытъ панъ:

— Сидайте, добри люде, йижте, пийте, контентуйтесь!

Найилыся люде, напылыся, музыка грае—нагулялыся. Дякують панови:

— Спасыби вамъ, пане вельможный, що такъ уконтентувалы насъ до схочу, спасыби!.. Чого жъ вы видъ насъ хочете?

— Ой, люде добри, хазяйи чесни! Небагато зъ васъ хочу! Тяжко мени зъ великымъ господарствомъ. Я й наймаю людей, и гроши плачу, та все нема ладу. Не вспиваю хлиба зибраты: осыпається. Якъ бы диты ваши спромоглы мене—подарувалы йиденъ день на тыждень.

— А, Боже нашъ мылосердный! Пане нашъ ласкавий! Щобъ диты наши та не послухалы пана йиденъ день на тыждень?! ну-ну!.. Даруемо вельможному панови йиденъ день на тыждень: чы то велика мація?

Ото може черезъ пивроку, ба, може й скорище знову паны склыкають по дванайцять чоловика зъ села, знову закладають бенкетъ... Господы, чого тамъ нема? Усього, усього понаставляно: и пыты й йисты, и йисты й пыты... Веселяться люде. И зновъ просятъ паны людей, щобъ подарувалы ще йиденъ день на тыждень... Добре, най ще день. За третымъ разомъ—ще йиденъ день да-

рують. Такъ вони бенкетували, ажъ покъ людямъ не лышылось и одного вильного дня. Отъ якъ выдурылы паны одъ людей вильнисть—пышуть вельку бомагу до царицы Катерыны: Такъ и такъ,—кажуть,—люде добре-охотно згодылыся робыты на насъ шить день на тыж-день. Царыця глянула на те пысьмо—бачыть, що люде добре-охотно згодылыся, та й прыклала свою руку. Отъ и мынулася воля.

Въ понедилокъ раненько—стукъ-стукъ у виконце:

— Добрыдень!

— Дай, Боже! а чого?

— На панщыну!—забула?

— На яку панщыну?

— А на пана робыты!

— Оце але, маю и свойи роботы доволи, а то ще на пана. Не хочу!

Ги-и! Якъ вытягли на вулицю, якъ почалы лупцюваты,—то й мусыла йты на панщыну. А стари батькы, що запродалы панамъ дитый свойихъ—зо страху поховалыся. Згодомъ трохы зибралыся на раду—радылы, радылы—та й напысалы й соби прошеные до царицы, що ось такъ и такъ—не хочемо пидъ панамы буты. Глянула Катерына на те пысьмо, та й видпысуе людямъ: «Що жъ, люде добри, на вищо жъ вы добре-охотно згодылыся робыты на панивъ? На що жъ вы за чарку горилкы голову свою застромылы? Теперь ничего не вдю, руку свою прыложила». И справди ничего не помоглося. Якъ настала панщына, то терпилы нашы прадиды, диды, батькы—та й мени, старому, довелося скоштуваты того добра. А оце й воля прыйшла, якъ у Вынныци чагунку насыпаты стали.

Въ 1890 г. записаль М. М. Коцюбинскій отъ 94-хъ лѣтняго нищаго Василя Вихля, изъ с. Стадницы, Винницк. уѣзда, Подольской губ.

303. Кармалюкъ.

I.

Отъ шо я чувъ, то и вамъ скажу про Кармалюка. Кармалюкъ, кажутъ, дуже любивъ въ лиси сыдиты. Отъ разъ иде Кармалюкъ лисомъ и мавъ переходыты черезъ дорогу; але це було въ недилю рано, и ставъ Кармалюкъ край дороги, але дывыться ийде баба до миста. Якъ встритылась зъ нымъ, то каже йому:

— Добрыдень пане!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай Боже здоровля!

Та баба скоро бижитьъ, але я не знаю, чы вона на ярмарокъ спишыться, чы Кармалюка бойиться.

Кармалюкъ бабы пытається.

— Ты не бойишся Кармалюка?

А баба йому видказуе:

— Нехай його гримъ забъе, бодай винъ не дочекавъ дитей!

Такъ дуже клене, шо ажъ страхъ. Кармалюкъ каже:

— На тоби, бабо, тры гроши, и якъ будешъ у мисти, то купы мени цвашкивъ, но не забудь, купы!

А баба каже:

— Добре, добре, куплю.

И пишла та баба своею дорогою до миста; а Кармалюкъ ще стойтъ надъ дорогою; але иде друга баба и каже Кармалюкови:

— Добрыдень!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай, Боже здоровля!

Пытається ийи Кармалюкъ:

— Ты не боишся Кармалюка?

А та баба йому каже:

— Чого його боятысь? Хыба винъ не такой самый чоловикъ хрещеный, якъ и мы? Винъ справедливый, винъ

бидныхъ людей не обижае, винъ богатыхъ обдырае, а биднымъ виддае,—то чого жъ його боятысь?

Кармалюкъ вийнявъ зъ кышени сто карбовонцивъ и давъ ти баби въ руки та й каже:

— Я есть самъ Кармалюкъ, йды зъ Богомъ, колы ты не бойишся Кармалюка.

И та жинка пишла до миста. А та баба, що давъ йй Кармалюкъ тры гроши на цвашкы, пишла до миста, купыла цвашкивъ и йде назадъ тою самою дорогою, а ййи вже давно чека Кармалюкъ. Якъ вона стрилася зъ нымъ, то Кармалюкъ ййи пытається:

— А що, купыла цвашкивъ?

— Купыла.

— Давай йихъ сюды!

И баба выняла зъ за пазухы цвашкы въ папири завенени и дала йихъ Кармалюкови. Кармалюкъ взявъ у руки и зновъ пытається:

— Боишся Кармалюка?

А та баба зновъ стала його прокlynаты на чимъ свить стойить, а нарешти каже: Боюсь.

Тоди Кармалюкъ звернувъ ту бабу и набывъ йй тыхъ самыхъ цвашкивъ, котрыхъ вона купыла въ мисти, въ пъяты и каже:

— А то не бййся Кармалюка! Я есть самъ Кармалюкъ.

Та й пишовъ у лись, а жинка налякалась и лежала такъ якъ нежыва, докы ййи не взялы.

II.

Одынъ разъ гнавъ чоловикъ до миста козу продаваты. Але його здыбае Кармалюкъ и пытається.

— Куда ты женешъ ту козу?

— На ярмарокъ продаваты.

— Отъ на тоби сто карбованцивъ, иды, наймы музыкы и накупы йисты, и справляй у себе балъ.

А чоловикъ каже:

— А якъ буде мене панъ быты?

А Кармалюмъ видказуе:

— Не бійсь, не буде быты; а якъ схоче быты, то скажешъ, що казавъ тобі баль робыты Кармалюкъ.

Той чоловикъ послухавъ Кармалюка, пишовъ до миста, наймывъ музыкы за двадцять карбованцивъ и сказавъ, щобы на вечеръ до нього прыйшли граты. А вже ввечери панъ слухае, десь музыкы панськи грають. Винъ сказавъ фурманови запрягты кони и йихаты, де то грають музыкы. И прыйихалы до того бидного чоловика и ставъ на подвиру,—ажъ минуться, чекае, закымъ поросходяться гости.

А тымъ часомъ якъ панъ стоявъ у того чоловика, а Кармалюкъ прыйихавъ до нього на подвира съ своими козаками; козакивъ лышывъ на подвиру, а самъ пишовъ въ покойи, и якъ прыйшовъ въ покойи, то заставъ въ покояхъ тилько стару паню и каже до нейи:

— Давай гроши!

А вона не хочытъ, а кажытъ, що нема. А Кармалюкъ крыкнувъ до козакивъ, щобъ ишлы. Козаки попрыбигалы и давай пани пидошвы ризаты; паня не вытерпила и сказала, де гроши. Кармалюкъ забравъ гроши, и якъ выходывъ, то напысавъ на брами, що: «Никого, пане, не вынуй, бо то я забравъ гроши, и чоловика того не зачипай, бо якъ прыйиду, то жывый не будешъ». Кармалюкъ забравъ гроши и пойихавъ, а панъ якъ прыйихавъ, то тилько почухався та й мовчытъ, бо никому жалуватысь.

Записалъ нарубокъ крестьянинъ Андрій Дулякъ въ с. Лопатинцахъ Ямпольскаго у. Подольской губ. въ 1892 г. Доставилъ М. М. Кошубинскій.

304. Писня про Кармалюка.

— А я люблю оцю писню (про Кармалюка), та въ насъ ййи не спивають.

— Не вміють?

— Ни, вміють, та не можна: вона въ насъ заклята.

— Якъ то заклята? Хто ййи заклывъ?

— Батюшка. Го, знаете, у насъ изъ цією писнею така штука була. Я сама не знаю, а це вже розказували matka й сестра старша. Це не въ нашій церкви. У насъ церкви нема, а мы ходымо въ Смолынь. Такъ це не въ Смолыньскій церкви було, а въ Пакульской. Тамъ, значыть, такъ стало, що якъ правыться служба, такъ воно й спивае цю писню про Кармалюгу. Батюшка служыть, а воно спивае.

— Та хто жъ спивае?

— Я не знаю... Кажуть, шо нечытый, чы шо. Да такъ, кажуть, люде страхаються, ажъ изъ церкви выходють. Такъ батюшка обявывъ, шо буде його заклынать.

— И закынавъ?

— А якъ же, закынавъ. Людей насходылося—и—и багато! И моя сестра старша ходыла.

— Ну якъ же батюшка закынавъ? Сестра чула?

— Шо тамъ вона розбере! Значыть, якось тамъ вычытувалы.

— Шо жъ, не стало спиваты?

— Одь того дня не стало. Такъ теперь и не спивають у насъ цієї писни. Батюшка не звеливъ,—сказавъ, шо вона заклята.

С. Жеведь Черниговскаго уѣзда. М. Н. Гринченко отъ дивчины въ 1899 г.

305. Крипакы дожыдалы воли.

Моя матка розказувала, шо якъ ище булы панськымы, то оце було орють на поли, а старецъ иде, то вони й бижать до дороги та пытають старця:

— Дидусю, чы скоро воля?

А винъ каже:

— Скоро вже, диточки, скоро.

То вони пооддають йому свои лусточки, а самы увесь день голодни. А якъ иде старецъ изъ бандурою, то те жъ попрыбигають та просять заграты, та повиддають йому лусточки за те, шо грае, поставляют плугы, а самы якъ заходються танцюваты. Ну вже жъ якъ и попадутся, то й пудъ розкамы потанцюють добре.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1899, отъ дивчины.

306. Про Т. Шевченка.

Тарасъ является людямъ трычи на день: рано хлопцемъ, удень чоловикомъ, а ввечери дидомъ.

Записалъ въ 1880 г. на Шевченковой могилѣ отъ селянъ Е. С. Грибинюкъ.

I BOZZ

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

XI.

Преданія о лъстностяхъ.

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

Digitized by Google

звуча
иши,
тосви
зету,
Швей
аша
Юри
Степе
тамъ,
верс
тупи
Кане
му у
лени
вми
шви
вир
нок
кот
но,
нат
сам
на
вн
тп
не
н
ч
с
у
с
с

307. Преданіе о ручьѣ „Вуковище“.

въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго у. Черниг. губ.

— Не пагнѣвуйся, Оедька Трахимовичъ, я маю па-
питаць, чи нѣма нашайи рѣчки Букавища у книзи?
Вы людзи хоть и млады, да на чужбини пабували, не-
христьянъ павидали и нашимъ Юрнавцамъ то то, то сьо,
бачъ, па письменному карпаяце: то чи не бачили ейо
тамъ па вописи?

(Записыватель сказалъ, что рѣчка не важна, чтобъ
быть извѣстной).

Няважна?

Да вы нязапамятуяце, — вана кались була—и Божач-
ка мой, яка правялика, що и вокамъ ня скинишь! Нѣ,
вы смяетесь,—наша рѣчка йость на бумази.

— Не знаю.

— Якъ ня знаяте? Стала быть вы ня всьо въ бумази
перечитали. Вы папытайця у малаго дятъоначка, и той
зная, да й дякъ нашъ, Иванъ Кузьмичъ (бачъ, вонъ
письмака, да ище якій ловкій),—той разъ разказувавъ...
Бачъ, вонъ найшовъ у церкви—у книзи, а вы нѣ.

— Слухайтя жъ, кали не гнушяетесь! Се було,—рас-

казувавъ майму бацку бацкинъ бацка Антипъ, а бацка мини,—за Бѣлага царя Петра, за Святаго Оядоса, що просвятывся въ Чарнигови и праклятаго мацапуру—Мазепу, що змянивъ Бѣлому за хлѣбъ-соль и передався Швейцамъ и аглицкимъ людямъ, — да ише тады, кали наша Юрчавка була падъ манастыремъ. Бачъ, жила у Юрнавци маладыца вѣдьма ише съ хвастомъ, звали яйи Степанида, а у яйи була дачка Хадора. Вотъ такъ лѣтамъ, не скажу вамъ кали, — чи передъ Петромъ, чи передъ Спасамъ святымъ,—Хадора пашла купаться—да й утопись... вонъ тамъ—подъ вербами, супративъ шинку. Канечна, такъ було на раду написана, такъ Богу святому угодно; но якъ пачула акаянная matka, такъ и взбялнялась, будномъ дурнапъяну абѣлася, — кричить да вищить, галосе и кляне рѣчку; да изъ сердца взяла и швиринула у яйи горячую, якъ жаръ, сковараду, примовивъ: вотъ тябѣ.

(Тутъ старикъ остановился, снялъ съ головы еломокъ и, перекрестясь набожно три раза, какъ бы нехотя, шепотомъ сказалъ: «Сказана, не при насъ говорено, съ нячистымъ зналась,—ей не жаль було православнаго народу». Далѣе продолжалъ уже громко):

— Тади рѣчка изъ Юрнавки перешла въ Бялицу; а сама вѣдюга, надѣлавъ много пакасти православному народу, згинула безъ святаго сакрументу лютою смертію: яйи скорчило, языкъ выперло, раздуло, — и канчилась три дни, пакуда людзи не дагадались да не сняли столи, не ототкнули верха и не разбили балонокъ. Бацка казувавъ, що вана акаянная хадила мертвая дадому и часто хлопци, якъ пасли на начлѣжкахъ каньовъ, то бачили, якъ вана галасила тамъ, идѣ утопилась яйи Хадора. Да й вашъ прадзедъ, якъ прабивавъ акаянну асиновымъ каломъ, то бачивъ, що ляжала ниць и рягала. Такъ вѣрна Богъ наказавъ акаянну.

— Нѣтъ, — сказалъ я ему, — все, что говорятъ люди про рѣчку—это басня, ложь.

— Якъ!— какъ бы въ ужасѣ вскричалъ онъ. — Ахъ вы жъ якія! Да вы папитайтя у млада и стара, и тая вамъ скаже, шо правда. Да и Тимохавъ бацка Забалотный расказувавъ, якъ пахавъ кала Деряжни, то бачивъ, шо ишла изъ Юрнавки наша рѣчка въ Бялицу дѣвкою—въ красной плаhti, съ манистами, личманами и червоными стьожками на шийи, въ пригожихъ сярьожкахъ, въ панчохахъ и чорявикахъ, съ растрепанай касой и вельми плакала, выла и галасила, ажъ дуброва стогнала! Бачили хлопци, бачили дѣвчата, бачивъ пакойный Качубей, якъ вана сядѣла на цамри, шо на криници, вокала бялицы, и часала касу сваю,— а якъ вонъ кашлянувъ, такъ въ воду и згинула. Ну, и тяперъ няимитьо вѣры? Да пажалуста, я вамъ вялю, пашукайця ка у церкви, у книзи; да кали найдице, тади и мяни скажице!

С. Юриновка Новгородсѣверскаго у. Черниговск. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинаріи Ѳедоръ Богуславскій. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

308. Озеро Синее.

Въ Новгородсѣверскомъ уѣзлѣ, между селомъ Каменкою и деревнею Дупликовкою, на полѣ, есть озеро «Синее». Оно окружено со всѣхъ сторонъ непроходимымъ очеретникомъ и лозою, и ведетъ къ нему только одна узенькая тропинка, проложенная, вѣроятно, для водопоя. Окрестные старожилы говорятъ, что никогда лодка самага искуснаго пловца, достигнувъ сѣдины этого озера, не возвращалась назадъ, и что не одинъ уже смѣлый парубокъ сдѣлался жертвой своей отваги. Под-

шучивая надъ храбростью какого нибудь хвастуна, говорятъ:—А вже жъ ты храбрый, и мы се знаемъ: може ше й Сынее переплывешъ?—Или:—Ты бъ переплывъ и Сынее!

Изъ этого озера идетъ, какъ бы нарочно вырытый ровъ, на пространствѣ около трехъ верстъ и оканчивается въ лѣсу, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Желѣзница», у подошвы одного небольшого холма. О немъ разсказъ полуслѣпного старика:

— Вы може коли чули про Зелезницу? Тамъ и доси е — слыветъ вже зовсимъ зравнявсь—бугоръ. Вотъ калысь ще не въ запамятныйи годы, тоды нехристи въ притузи держалы православныхъ, и люде спасалысь, де хто попавъ; а набальшь хавалысь у лиси. И отъ въ тые крутые годы жылы два чаловика и у насъ тамъ въ лиси, що теперацки зовуть Жалезница; тады ще не звали ййи Залезницаю, а такъ сабы—пуца та й пуца. Нихто навирну не скаже, якъ йихъ звалы — хто каже Кузьма и Демянъ, а хто—инше. Да й дякъ, бачъ, гаманивъ, що не ваны, а хтось другый живъ, — бачъ вонъ па книзи все вѣдае. Ну, да се дарма... се друга казка... Тилько воны булы ридные браття; жылы въ симъ лиси, малились Богу ивыкапавши зъ земли кузню на бугарку, що казавъ я, начали кавать железо да прадавать православнымъ и симъ кармить себе. Зъ тыхъ поръ сей лись якъ «Зализница», такъ «Зализница»,— и теперь кали хто пытае тебе: Куда идешъ?—Въ Зализницу.—Гдѣ будемъ орать?— Въ Зализницы.— А косить?— Въ Зализницы.— Такъ отъ разъ литомъ, откуда ни паявись, чи вана гадына, чи то така звярука — хто вже яйи зна, тилько вона ни давала пропуску ни чалавику, ни бѣдной скатынцы,—такъ цѣлыкомъ всяку всячину и ковтала. Папужалысь бѣдны люде, никуды ни ходять, ни ѣздыть—ни па грибы въ дуброву, ни па дровы, и въ хати трясутця, ажъ кожа ходаромъ ходе,—мовъ отъ лихоманки. Ска-

тына зъ голоду на загороди пухне, бо сино въ дубровы. А дали пошла ся змяюка на сихъ братьявъ, шо спасались въ Зализницы. Ваны якъ забачилы, то й спужались; вбегли въ кузню, яка вона тамъ була вже въ йихъ,—та й заперли двери; а вана акаянная, подбѣгла и давай гризть йихъ. Шо дѣлать въ такой притузи? Порадился та й рѣшилися зкавать саху и запрегти, бо вже ничимъ помогты горю:

— А може жъ Богъ и поможе уходить ейи акаянную!—гамоне братъ брату.

— Охъ, навдаку, братику роднынъкы, —отзывается другы—се, кара.

— А вже жъ шо буде, то буде! —промовляе старшій,—а свое будемъ дилать,—давай ковать!

Вже саха гатова, и вана двери прагризла и языкъ въ шелку прасунула. Одинъ братъ,—не скажу вже вашій милости сяго—чи старшій, чи малодшій—распекши клещи, да хватъ за языкъ!.. Вана суды—туды,—никуда небораку и повырнутыся—языкъ клещами вывертають; а другы атчинывъ квартиру, выскочивъ да й запрегъ въ саху, —таку пакуту на яйи налажили... Тады вже кой якъ ваны зправились, забриталы яйи небогу, да адынъ клещами за языкъ веде, а другый одною рукою хутка соху въ землю запырае, а другою зелизнымъ кнутомъ наяруе. Отъ вана оттуда проарала, ажъ до сіюго балота,—вонъ до тыхъ поръ иде вото плавъ. Тады ше не було балота, а була невеличка лужа... Да якъ змарнила акаянная, впала са всѣхъ ногъ и давай жрать зъ сыйи лужы воду; жрала, жрала, да й тамъ лопнула: такъ згинула

Тады атъ вони довго повзъ се озеро нельга було ни пройты, ни пройхаты; вода адъ сійи погани праванялась и зробылась смньою. Зъ тыхъ поръ се озеро и началы звать «Сынее» та й «Сынее». Патъ канецъ вода начала въ йомъ прибувать да прибувать,—такъ, шо и близко нельга вже здѣлалось подайти, и стало вано та-

нес
йот
ли
вал
не
ту
бу
бу
нес
па
жу
йо
и
н
д

кее жъ пражирливе, якъ тая гадина, що втапилась въ йомъ. Отъ аткуда взялось «Сынее»,—взялась канава и лись назвали «Зелезницею».

Теперь, паничу, не въ пагнивъ будь сказано, хотъ ваша милость и знае «Зелезницу, да вже вана далеко не та, що була — и сотойи доли нема! Кались я запамятую ще тилько небо да земля,—и, Божа!—яка правялика була пуша,—теперачки зкаренилы; знавъ иде и кузня була братьявъ; бувало тамъ зъ хлопцами жужаль и зелезьяче кой яке збирайимъ, якъ пагонимъ було каньовъ пасти. Да й народъ було—чи хто занеможе, — скорей жужали одъ братьявъ да напоють чаловика въ притузи: його лыхо й праходе марно на сухи леса. Теперь вже и сяго нема.

Новгородсѣверскій у. Черниг. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинариі Ѳеодоръ Богуславскій.— Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

309. Про Глуховъ.

Разказъ старожила *).

Башта була Московська и Киевська и крепость кругомъ. Башта Московська разобрана билшъ двадцаты годовъ, Киевська стоить, а була проты ей на другимъ конци города, де теперь крамни лавкы камъяни, розійшлысь, за Спасомъ: трохы блыжчъ, на тры сажени сказати, одъ произду мыжъ лавками; поставлена була та башта Московська не прямо на сей шляхъ, що въиз-

*) Разказъ знакомить нѣсколько съ прежнимъ видомъ Глухова, до пожара 1784 года, и дополняетъ живыми красками очевидца оффициальную картину этого пожара, переданную публикѣ благодаря извѣстному почетному любителю отечественной старины, въ 30 № Ч. Г. В. (Всеподаннѣйшія донесенія Гр. Румянцева). *Примѣчаніе редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1852, № 32), откуда заимствованъ этотъ разказъ».*

дять у городъ зъ того боку, а мовъ бы на яръ укрьвилась и одъ ей ишовъ шляхъ такъ, якъ стоить теперъ домъ Котлярова, черезъ двиръ, а сей домъ якъ ставыли (годъ дванадцать буде вже), яму саженой въ дванадцать одкопалы, мо, погребъ який бувъ за дедивъ. Башта була въ валу, бо и изъ сего боку йшовъ валъ наливо надъ яръ, а направо на пугывльський шляхъ, и по гори по краечку зверта въ обаполы на Кыевську башту; за валомъ шынковая продажа була: Вынокуркы жылы (такъ и прозвыще имъ було—Вынокуркы—хазяины таки), за городомъ, за валомъ, на ливо одъ Спаса. Пры Куракыну выганялы насъ, плата —звисно—була, тамъ уже якъ усимъ платылы: отъ мы валъ розривнялы... березкы въ пушу сажалы, булеварты робылы; скотъ заганялы и свиней, и на острогъ бралы, щобъ не хадылы. Було такъ годывъ чотыри, а потомъ того булеварты розвалымыся.

Нашъ увесь городъ выгоривъ назавтра Спась, тому вже годъ шесдесятъ; с. Билополовка, Виригень и Усовка осталысь, а городъ на гори весь; зъ Поганого-Ставка почало, въ городи тилько духовне правленіе осталось: лавкы, дома, церкви— все якъ не було. Кладбыська-поминальная церковь Вознесенія не згорила. Церква Мыхаила Архангела оттуть, де Хаменко живе, надъ валъ, стояла; якъ пожаръ бувъ, престолъ перенесли и колокольню перевезлы сюды у Тройци. Манастиръ Дивчій тогди жъ згоривъ, а сыльна була постройка страхъ, не одынъ десятокъ и не два престоялы стины, дакъ якъ довелось разбывать, оце годъ пъять, яму щобъ засыпать, дакъ мы не привмылы що казать имъ, рубалы якъ камень-щырець... — Тогди вольна продажа була,— дакъ горилкы на Спаській улыци розлылыся: Боже мій!—земля горыть... Бочки зъ дегтемъ, де лавкы булы: пудъ валомъ, дакъ ихъ зорвало на воду и на води горилы... Одъ поганой хаткы завелося ото, баба стовпци пекла,

одъ Поганого-Ставу; на городъ саме витерь бувъ изъ
Москвы...

На казенній гребли машина за Кыевською баштою
стояла и два млына. По однимъ лотоку тры колеса хо-
дылы, подсобойни булы, а не наливныи;—то вже мель-
ныци якъ поставылы, дакъ по тры колеса булы налив-
ныи. Ии не вырвало бъ (машины), дакъ греблю рос-
копалы—черныговскый Бахуровъ спустывъ воду, якъ
мость строилы. Тутъ рыбы шо було народъ поповравъ...

Государевъ дворець стоявъ, де теперь лыпки, де
Куксынъ домъ. У ему Румянцевъ живъ.

Ярмалкы становылысь: Троицькая, Ильинськая по
Путывльскому шляху, де теперь манежи и Салдатська
Слободка,—воно часомъ и теперь Старе-Ярмалкове зветь-
ця, по улышньому;—а Михайловъ день и Новый годъ—
Васыльевская ярмалкы булы у самому городи. А теперь
уси по Кыевському трахту на Виригени.

Подымне платылы трыдцять копійокъ зъ двора.

На Билополовци поставлена камъяна церква до
мене ше.

Г. Глуховъ Черниговской губ.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ рассказывають среди мѣщанъ, что
церковь св. Иліи выстроена каменщиками, достроивши-
ми соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья.
Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ
и его каменщики то-же начали брать шабашки — кир-
пичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они
ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хо-
тѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но

атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.

Черниговъ, 1896.

311 О м. Красномъ Колядинѣ.

(Черниговской губ. Конотонскаго уѣзда *).

I.

Давно, ще якъ я бувъ маленькымъ, живъ у мого батька старый престарый дидуганъ; винъ не злазывъ зъ печи и ходывъ зъ оселедцемъ, якъ стари люде ходылы. Такъ винъ намъ, малымъ хлопцямъ, и розказуе, було, про наше село. Казавъ ще винъ, що зазна Ромень чыстою и бигучою ричкою, що по йому байдакы и стругы велькы ходылы **).

А теперъ чортъ-зна-що, просты мене Господы болото—не болото, а такъ щось таке. Ще я зазнаю:

*) Въ углу, образуемомъ изгибомъ р. Ромна, стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, прислонясь другой стороной къ вѣковѣчному лѣсу, мѣстеко Красный Колядинъ, посрединѣ мѣстечка находится неглубокій прудъ, называемый *Краснымъ ставомъ*, черезъ который проходитъ широкій ровъ соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда съ р. Ромномъ. За новою деревянною церковью находится возвышенность изъ взгроможденныхъ одинъ на другой кургановъ, — это мѣсто называется *замкомъ*. Замокъ этотъ представляетъ видъ острова, потому что здѣсь р. Ромень обтекаетъ его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находится глубокий яръ, который, очевидно, былъ прежде рукавомъ Ромна и обтекалъ этотъ островъ и съ четвертой стороны. На этомъ островѣ и теперъ видны остатки вала, составлявшаго крѣпость. *Изъ описанія записывателя.*

**) Слова стараго рыбака подтверждаютъ тѣмъ, что недалеко отъ города Ромна нашли остатокъ кормы большого судна, кажется, барки. *Записыватель.*

якъ Ромень дуже була гарна ричка, якъ вырвала уси гребли, ще тоди утопився хлопець Очеретянчыкы; а теперъ весною у бридъ можна перейты. Такъ тоди по Ромну стругы ходылы. Ромень, вы знаете, тече поузь Соснивку; тамъ жыла пани Покорська съ сыномъ. Сынъ бувъ такой гарный панычъ. Винъ бувъ разъ у гостяхъ у айворонського пана. Ото якъ ставъ винъ плысты на пороми додому, пиднялась велика хвыжа, — поромъ и одирвало зъ вирьовкы. Отъ винъ бачыть, що лыхо, узявъ та й кынувся посередъ ричкы зъ конемъ у воду зъ порома. Отъ, маты, стара Покорська, якъ почувла се, дакъ такъ росердылась, що й Боже! Прокляла Ромень! А клятва та слъозы материнскы—звисно яки. Ото вони стали сушыть Ромень. Дакъ съ того часу и начала ричка пересыхаты, а теперъ зовсимъ стала болотомъ. Дакъ уже передъ самою смертю стара Покорська сказала, що тоди буде чыстою ричкою, такою, якъ була першъ, якъ хлопець семылитокъ на кони, тожъ семылитци, найде у болоти очеретянку: половынка золота, а половынка срибна, та й вырве ййи; дакъ вода и його, и коня його залле, а ричка упъять зробыться чыстою и бигучою.

II.

Ще колысь, не за нашойи памъяты, розказувавъ мени старый дидъ, що у насъ живъ, що на цьому мисци, котре й теперъ замкомъ зветься, стоявъ великый замокъ, кругомъ которого стоялы высоки стины, на стинахъ було крый Боже скилькы гарматъ! Оцимъ усимъ замкомъ владивъ ляхъ Коляда. Винъ бувъ дуже багаты и дуже злы, — багато перемучывъ народу. Гайдамакы дознались о такихъ неправдахъ Коляды и пидплылы у темну ничъ пидъ замокъ. Сталы збираться на стины, колы ляхы й побачылы гайдамакывъ. Заразъ давай одбываться одъ нихъ; а наши, котри булы у замку, змо-

вылысь та й одчынылы вороты. Отъ Коляда якъ побачывъ се лыхо, дакъ заразы насыпавъ багацько возивъ золотыхъ та срибныхъ грошей и одправывъ на село тайныкомъ, котрый выходывъ ажъ у село, на долыну де теперь ставокъ. Отъ Коляда и звеливъ выкопаты три колодязи и высыпавъ туды гроши; потимъ звеливъ розгатыты греблю, дакъ вода зъ Ромна и пишла, и затопыла всю долыну. Ти колодязи теперь е въ ставу, тилькы ихъ неможна знайти, бо занесло муломъ.

III.

Мени старый росказувавъ, що якъ було йому, прымирно, литъ п'ять, дакъ уси люде, опричь старого батька, котрый лежавъ на печи—нездужавъ, пишли на Велькдень до церкви. Отъ, якъ стали такъ якъ на Достойне дзвонить, щось якъ загуркотило!... Мы выбиглы зъ хаты, колы наша церква сидае въ землю, тилькы мы й побачылы хрестъ святой,—церковъ зо всимъ народомъ провалылась крузь землю. Тилькы на тому мисци, де церква стояла, инколы люде чують, що звонить пидъ землею.

М. Красный Колядинъ Конотопск. у. Черниг. губ. Записаль Н. Трубицкій отъ рыбака 90 лѣтъ. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1858.

312. М. Понорница.

(Кролевецкій у. Черниг. губ.).

Давно вже ся штука була, добродію, що ще я вамъ казатему; ни дѣдъ муой, ни прадѣдъ сього не зазнá. А все таки и теперь у насъ е чималенько людей, що тее жъ расказують — видно таки тутъ не безъ правды.

Тутъ де наша таперъ Панарныця, була колысь, зволте знать. пуша, гущина да еры булы, кажуть, такіе, що безъ хреста на шійи да безъ добрайи дубыны на плечахъ и прайты було страшно. Було, кажуть, чиѣде хто, чи йде тою пушаю, некому не пруйдыще безъ пришты: або засвыще що по лѣсу, або засмееце, або чупырне пудъ коней да коней злека, такъ що не одному, прасля ціѣ дароги, прыходылось сорочку надѣвать пазухою на спину. Отъ хто його зна и адкуль не вазьмись—хто каже палякъ, хто—такъ екась невѣра, збудававъ въ туой пущи хату, да й пасельвсь наче въ батькавшини. Спершу людцѣ Божи думалы, що то нечиста сила ека, а деле пригледылысь—чалавѣкъ, туольки, звѣсно, на хрещеныхъ не пахожи. Вадкуль вуонъ узавсь, чего вуонъ тутъ живъ, що вуонъ тутъ рабывъ—усѣ бажалы знать да пудступитъ до його не въ кого фабрости не було. Такъ прайшло гадуовъ два, чи й лучче. Негде вуонъ не бувавъ, не зъ кимъ не гомонѣвъ, живъ собѣ у лѣсѣ неначе вавчуганъ тей та й годи; зустрѣне було, кажуть, чаловѣка и насупыть пику въ землю; чи магайбу хто, чи шо друге—вуонъ не пары зъ устѣ, наче не до його. Спершу то людцѣ хрещеные и геть, кажуть, баялысь ціѣ невѣры, а якъ пригледылысь да разшалопалы, що вуонъ самъ баище людей—давай глузовать. Именья його нехто не знавъ, спитать нѣ у кого, а сусѣду не жить же безъ именья—його и прозвалы—панура, за те, бачъ, що, наче та панура, пику держитъ у землю. Ну, панура, панура—й мала нужды. Чи астапранцяватѣло то паляку таму жить такъ, чи шо друге, туольки вуонъ взявсь присля за розумъ—обчалавѣчивсь трохи, ставъ гомонѣть зъ людьми, хадыть па селахъ, а деле и кунпанью вадыть зъ сусѣдами. Да шо, кажуть, за бестыя була! усе вуонъ знавъ, про всячину гомонѣвъ до кожного ласкаве слово умѣвъ приладыть—його, кажуть, усюды и вподобалы. Скуольки

такъ прашло гадовъ—не знаю, туольки, кажуть, скоро людцѣ Божи разшалопалы, що тей палякъ—вовкъ въ авечуой шкури; що вонъ хочъ и гарна про все гомонить, да правды въ його бесма. Ходыть, було, кажуть, у жупанахъ, а плаче, що хлѣба нема да наровить, якъ бы въ кого мешочокъ барашенця выдурить. Звесты людей на лайку да на буойку йому падай; прапыть чалавѣку астанню капѣйку—вуонъ паможе! обцыганить кого, обдурить—його дѣла; а якъ да чого дуойдыще, вуонъ и правъ; зъ усього й выкрутецце, наче його негде и духу не було—звѣсна кательцька натура! Якъ разшалопалы, що за птыця палякъ цей, дакъ то звалы Панура, а то прибавилы ще ницій за те, що лукавить усюды. Такъ и пашло: Панура-ницій, або Ницій-панура; стали звать и старе, и мале, другого ему и имения не було. Асвуойчилысь людцѣ съ тымъ лѣсамъ, де живъ Панура, да и сабѣ де яки бѣдалаги стали тамъ куренѣ будавать,—зробывсь хуторець, а въ йомъ Панура слыве атаманомъ екимъ. Прасля, не скоро, кажуть, зробилось сельцо, Пануры вже и духу не було, а йде було кажуть, чы ѣде чаловѣкъ у те сельцо:

— Куды?—спытай.

— До Пануры—ниці!

У насъ теперечка мѣстечко наше величаютъ Понорница, або ще й Понорница, да тыльки жъ що въ насъ, а де я не бувъ, дакъ його усюды зовуть Панурныця.

П. К. въ Понорницѣ Кролевецк. у. Черниговск. губ.

313. Легенда о Поганомъ полѣ.

Колысь*), якъ ишовъ войовать шведъ на Билого нашого цара и ставъ на симъ поли да й пославъ гонцивъ

*) Жаль только, что записавший эту легенду о Трифонъ Стефановскій передаетъ ее не въ такомъ видѣ, въ какомъ она

до цара, що винъ иде до його въ гости и жде вита-
тись зъ йимъ на симъ поли; а до Мазепы пославъ дру-
гыхъ, щобъ и винъ, и його козацтво икъ йому приста-
лы иты вмисти на билого цара. Дакъ не такъ зробылось.
Билый царъ позвавъ його въ друге мисце да й давъ
йому и Мазепи табаки такъ, що не обзыраючысь насылу
попали у Бендеры. А якъ стоявъ винъ на тимъ поли,
то живъ тогди у Плоскому отаманъ Миръунъ Билыменко,
чоловикъ сукретный и письменны. Въ його була дочка
Катра, да така прегарна, така хороша, що якъ краля, якъ
намумльована. Самъ хорунжий хотивъ ййи сватать, якъ
бы лыхо ййи не спиткало. Якъ заговорыть, дакъ мовъ
щебече, а заспивае, дакъ пречъ твй и соловейко!

Отъ вона разъ изъ товаришкою своею, Фесею
Шевченковою, пйшла въ гай за губамы. Де не возьмысь
чотыры шведы! Заразъ йихъ поймалы, и такъ якъ Катра
була прехороша, то вистымо, щобъ угодыть своему
старшому, повелы ййи въ шатерь, а Фесю хотилы од-
пустыть. Дакъ Катра вчепылась за нейи и каже:

— Колы мене ведете, то ведить и мою товарышку.

Воны туды и Фесю. Продержалы йихъ у шатри
може изъ тыждень. А батькы да маткы сумують, плачуть
и не знають, де дивалысь йихъ дочкы. Колы жъ вони и
приходять. Пытають йихъ, а вони, вистымо, тее лыхо зъ
ляку, давай брехать да божытця, що ходылы до роды-
чивъ у Кукшынь*) и Хотыновку въ гости. Ну, такъ
йому и быть, да ни—шыла въ мешку не втайишь! Все
наши дивчата охкають да сумують, не ходять на улыцю,
до храму Божого не витають и ховаютця одъ людей,

разказывалась старожиломъ, а подълалъ нѣкоторыя свои измѣненія
для плавности разказа, въ чемъ и самъ признается. Впрочемъ ре-
дакція усердно благодаритъ его за этотъ памятникъ народности.
Прим. редактора Ч. Г. В.

*) Сосѣднее селеніе. *Записыватель.*

мовъ зазуля по крапыви. Дакъ де вже схватця! Стало гласно по всьому селу, де вони були, а парубки, гуляючи на улицы, взялись сміятця да гукать:

— Передай кодолу! (?)

Другый крычыть:

— Котору?

— Катру развору!

— Кому?

— Поганцямъ шведамъ!..

А инчи писеньку спивае:

Пошовъ Мирьунъ до млына,
Мироньха спать лягла,
А Катруся—люба донька—
Къ шведамъ тягы дала.
Прылетила зузуленька
Да й стала коваты,—
Затужыла Катрусенька,
Не выходыть съ хаты.
Не плачь, не плачь, лебедьно,
Така твоя доля:
У гай иты за губамы
Була твоя воля.
Крыкнувъ пивень опивночи,
Въ поли завыхрило,—
То шведонькы въ походъ идуть—
Катри занудыло.
Прощай, прощай, Катрусенько,
Прощай, сира утко,
Изъ-за моря далекого
Шведъ вернется хутко.
Ударылы изъ гарматы
На пилтавскимъ поли,
Полетили зъ плечъ головы
Въ шведовъ по неволи.
Летыть гонецъ зъ пидъ Пилтавы,

слова
а паруб
къ:

На-взаводы скаче,
Що вси шведы леглы лоскомъ—
И Катруся плаче.
Плачь, Катрусю, плачь, небого,
Такъ тоби судылось;
Щобъ не вернувсь шведъ никола—
Тоби се й не снылось.

А ще гирше стали говорить да сміятця Катри и Феси, бо до году обыдвизробылись накрывками. Феся жъ свою дытну на роду утлуныла *), а Катра на свить Божии пустыла. И де то вже такее лыхо сховать!

Заразъ йихъ обохъ на громаду. Воны, ничого вже робить, признались де булы, що и якъ. Громада й прысудыла:

— На обохъ живцемъ сорочки спалыть!

А посля того кажуть:

— Ни, Феську простыть, що вона на свить Божій поганойи крвы не пустыла, а Катру одвесты до отця батюшкы—яку винъ наложыть покуту, такъ тому и быть.

Отъ Миръунъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— Ни, панове громадо, не такъ, а ось якъ буде: я свойму дытяти батько,—моя сыла, моя й воля!

Прывъйивъ Катру додому, распытавъ хорошенько—що, де и якъ? а посля взявъ заступъ да лопату и пошовъ на те мисце, де поганого старшого стоявъ шатерь; выкопавъ яму да изновъ вернувсь додому, забравъ Катру зъ дытною, прывъйивъ до ямы да й каже:

— Не спомынай же мене, моя дытны, лыхымъ словомъ... оце тоби хата!

Катря въ голось, до Бога руки знимае, за ноги батька хватае, крычыть и рветця, у груды бьетця, а Миръунъ ничого того не чуе, мовъ позакладало, да въ могылу ййи прямуе. Отъ, ставъ ййи закъдаты землю,

*) Уморила. Запис.

дять, зобралысь люде на похоронъ, кладуть його въ домовину и понесли, спиваючы *Святый Боже...*

День ангельски тогди бувъ: не було на неби и маленькой хмаркы. Якъ прынесли до ямы и стали його упускать туды, — де не возьмысь хмара, насупыло, якъ ничъ, схопылась бура, выхоръ, выкынуло Мырона зъ домовины и закотыло не знать куды. Гледять, ажъ у домовини лежить той колокъ и верьовка, що винъ привъязувавъ дочку, якъ ййи закопувавъ. Оттутъ то уси полякалысь и розбиглысь—куды хто попавъ, тилькы отецъ Иванъ била маръ усе хрыстытця да чытае: Святъ, Святъ, Святъ!..

На другый день Мыроныха поклыкала де-яку родню, бо зъ чужыхъ людей усякъ боявсь туды прыступыть,— знайшы Мырона за повверсты одъ ямы: лежить, чубъ стрымыть дыбомъ, зубы выскалывъ, очи вытрещывъ и черны, якъ сажа. Изновъ уси полякалысь и не знаютъ, що тутъ робыть, а послая перехрестылысь, напылысь горилкы, якъ и теперь водытця на похоронахъ, выкопалы коло його яму, положиы на дручче и внеслы зъ домовиною у яму. Сталы закъдять, дакъ нивидь щось стогне да тужыть. Прыслушаютця, ажъ мертвецъ зубамы скрыгоче и нимо мовляе:

— Просты мени, моя доню, простить уси, добри люде!

Що жъ послая того? Якъ наложывъ отецъ-батюшка покуту на симъ литъ, то симъ годъ усе у тую ничъ, въ яку Миръунъ закопавъ дочку, пуднымалась велька бура и выхоръ, и булы такйи смильчаки изъ паробкивъ, що якъ тилькы пудныметься бура, то ходылы на ту могылу, де Катра захована да ледви видтуля до дому допихалысь. Такъ усе за нмы щось вые, плаче, тужыть, а инколы крычыть: «Просты мини, мй тату, простить уси, добри люде!» Отъ, одъ тыхъ поръ и по сей день якъ началы, дакъ и началы те поле *Поганымъ* звать.

С. Плоское Нѣжинск. у. Черниг. губ. Записалъ священникъ Трифонъ Стефановскій въ 1856.

314. Могила Деречыха.

При истокахъ р. Удая, на границѣ Борзенскаго и Прилукскаго уѣздовъ, съ востока на западъ, вдоль южнаго возвышеннаго берега рѣки, идетъ рядъ холмовъ, между которыми мѣстное населеніе выдѣляетъ «могилу Деречыху», расположенную нѣсколько въ сторонѣ, еще далѣе на югъ. Деречыха—большая могила съ двумя глубокими котловинами посрединѣ. Вокругъ нея въ разныя стороны радіусомъ расходятся распаханныя, но еще замѣтные валы. Вотъ какое преданіе сохранилось объ этой могилѣ въ с. Рожновкѣ, Борзенскаго у.

«На Деречыси, кажутъ, жылы колысь шведы и вельку обиду робылы нашимъ людамъ: було поймають чоловика, закинуть у льохъ та й годують канхветамы та волоськымы орихамы, ажъ помы стане такый сытый, що урижъ пучкы, то й кровь не йде; тоди заколють якъ кабана та й йидять. Мою бабу тежъ поймали. Пишовъ дидъ изъ бабою, молодымы ще бувшы, на Удай по опенькы. А по Удаю тоди росли гайи та лозы здорови. Бачыть дидъ, що шведы наскочылы, пидирвавъ михъ та й сховавсь пидъ михъ. Баба и соби туды, дакъ дидъ: «Куды ты,—каже,—заберуть и тебе, й мене». Баба тилько закрыла дида, ажъ тутъ и шведы. И взялы ййи.

Дойшла чутка до гетьмана у Батурынъ, що шведы обыжають народъ. А винъ саме затявъ войну вельку,—дакъ войська у його зовсимъ не було. Трохы зибравъ и хотивъ иты на шведивъ. А сынъ його каже:

- Пиду я, тату, прожену шведивъ.
- Э, молодой ще ты, сынку, гетьмануваты: одурять тебе шведы.
- Ни, не одурять.
- Ну, йды!

Отъ пидходыть гетьманенко до Деречыхы. Шведы выйшлы йому на зустричъ, просятъ до себе на родыны.

Винъ пишовъ до йихъ у замокъ. Справди: и жинка стогне, и дытына крычыть. Сталы його частувать, та й пиднеслы такого, що винъ тамъ и сконавъ. Выйшлы тоди шведы до козакивъ та й кажуть:

— Идить, люде добри, додому почеськи, бо вже вашъ гетьманенко на *) лежыть.

Козаки не вирять—якъ? що? Вынеслы йимъ шведы гетьманенка. Узялы його козаки та й повезлы у Батурынъ. Заплакавъ гетьманъ, поховавъ сына. А тутъ же війська нема! Отъ винъ зробывъ млынъ, до валу привъязавъ довбешкы, попрычиплювавъ барабаны та й повизъ той млынъ до Деречыхы. Витеръ віе, барабаны пидняли торохняву таку, що якъ зачулы шведы, то подумалы—кто його зна й яка до йихъ сыла прыступае—злякалысь та й втеклы ажъ за Чорне море.

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ 70-лѣтняго козака Омелька Бондаря, въ 1898 г.

315. Ричка Ромень.

Жыла соби одна удова козачка зъ сыномъ. Ничого на свитѣ вона такъ не любила, якъ свого сына; да й берегла вона його, якъ свое око. Однакъ, якъ вона за нымъ ны глядила,—не вберегла його, и винъ утонувъ у ричци Ромни. Маты, якъ почула се, давай тужыть; усе тужыть да й тужыть. Росердывшысь на ричку, вона узяла да й забыла тее жерело, видкиль вона текла, а дали узяла да й прокляла ййи. Отъ посли сього ричка й стала тее жъ болото. Якъ не стало ричкы, дакъ люде якыйись хотилы одбыть ййи, а маты сына, того, що утонувъ, сказала тымъ людамъ, що вони пропадутъ, якъ

*) Слово не разобрано.

изроблють те, що думають, бо вода вярветця и затопить йихъ тамъ. Одъ тыхъ поръ никто не смивъ и подумать, щобъ одбыть жерело.

С. Голенка Конотопск. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

316. Г. ЗИНЬКОВЪ.

(Полтавск. губ.).

Жывъ чоловікъ Зинець тамъ, де теперъ кузня,— одъ його й прозвалось мисто Зиньковомъ.

Зачись неизвѣстно чья.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

приветствуй:

не сест:

С. Иван:

теперь:

XIII.

Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

317. Ракова скоро работа.

Колысь ище, якъ дрижжи булы таки риденки, якъ водычка, такъ ракъ пишовъ по дрижжи и ходывъ симъ годъ. Отъ прыйшовъ винъ додому, ставъ черезъ поригъ перелазыть, упавъ и глечыкъ зъ дрижжамы розбывъ та й каже:

— Скоро работа, такъ нагла смерть.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у.

318. Про хлопця, що ничего не боявся.

Булы соби чоловікъ и жинка, и бувъ у йихъ такый сынъ, що ничего не боявся. Ходыть сынъ за батькомъ та усе й просыть:

— Тату, покажи мени, що воно за страхъ!

А дякъ почувъ та й каже:

— Хай же я його злякаю.

Попросывъ винъ того хлопця звонуть на утренью, а самъ упередъ злизъ на звоньцю, одягся у билу довгу сорочку, ростопыривъ руки и стойить.

— А що се,—пытае хлопець,—стойить?

Дякъ мовчыть. Винъ у друге:

— Кажы, що стойить, а то штовхону!

Дякъ думаеть, що винъ злякається, и зновъ мовчыть. Тоди хлопецъ якъ штовхоне: дякъ и покотывся зъ звонци, и зломывъ соби ногу. А сынъ зновъ прыстае до батька:

— Покажы, та й покажы той страхъ!

— Веды його,—кажуть люде,—у гай: тамъ высыть ажъ симъ висилныкивъ,—хай винъ йихъ стереже.

Одвивъ батько сына у гай. Розложывъ хлопецъ огонь, та й давай тыхъ висилныкивъ грить: зниме, погріе, та й зновъ повисыть.

— Ну,—пытають люде,—спужався?

— Ни,—каже,—не спужався: вони мовчалы, а я йихъ гривъ, та й зновъ вишавъ.

— Поведы ще його,—кажуть люде,—у тей домъ, що ништо не живе.

Одвивъ батько сына туды у кимнаты, а у тыхъ кимнатахъ, та таке страхитте! Спершъ побачывъ хлопецъ багато голодныхъ котивъ, и давай вони його дряпать. Узявъ хлопецъ и поодрубывавъ йимъ лапы. А потимъ якъ почало тамъ стукотить та кыдать каминюкы,—и чого, чого винъ тилькы тамъ не бачывъ! Лигъ винъ на мьякый услонъ, и якъ почало його носыть по комнатахъ, та стукотыть, та гуде, а винъ лежыть соби и ничего не боиться. Такъ и переночывавъ.

Якый бы ще тоби страхъ показать?—думаеть батько. Отъ разъ хлопецъ заснувъ, а батько возымы та й лыны на його видро холоднойи воды. Сынъ якъ схопыться, та такъ испужався. И съ того разу годи вже пытать, що то за страхъ.

Записала отъ крестьянъ с. Б. Муравейки. Черниг. у.
М. С. Чудновская.

319. Негода.

Одынъ чоловікъ заколовъ свиню та й ставъ обривать сало, та де товще—само соби, а тонше—само соби, а жинка и каже:

— Чоловиче, на що це ты одкладаешъ?

А чоловікъ и каже:

— Та це тонше негоди, а товще намъ.

А жинка и пыта чоловіка:

— А яка то негода?

А чоловікъ и каже:

— Та, шо въ сыньому халати, то й негода.

Ото чоловікъ пойхавъ на поле, а жинка була дома и дывыться, колы йде жинка въ сыньому халати по вулицы, а вона выбигла та й каже:

— Жинко, жинко! Иды сюды, на сало!

А жинци шо жъ одказуваться? Ото прыйхавъ чоловікъ до дому та й каже:

— Изжарь сала!

А вона й каже:

— А-ге! Я оддала негоди.

Ото чоловікъ росердывся та й каже:

— Ну, ходимъ наздоганять!

Ото вони й побиглы... (Отрывокъ).

С. Исакова, Славяносербск. у. Екатеринославской губ.

Б. Д. Гринченко.

320. Нужда.

Жылы соби дидъ и баба. Дидъ и каже баби: «Збирай, бабо, гроши про нужду!» Стала баба одкладувать гроши и назбирала цилый рукавецъ.—Зайшовъ разъ до йихъ москаль,—дида не було дома. «Чого се ты такый обидраный?—пытае у москаля баба. «Охъ, бабка, нужда,—

потому и ободраный.»— «А у насъ,—каже,—е гроши про
нужду.» Унесла вона той рукавецъ и оддала москалю.
Трохы згодомъ прыходыть дидъ, вона йому и похвалылась,
що уже оддала нужди гроши. Дидъ на коня, та за мо-
скалемъ. Бачыть москаль, що беда,—ставъ коло кривой
березы и держыть ййи рукамы. «Чы не бачывъ,—пытае
дидъ,—нужды?»—«А ось тилькы що пройшла; поддержи
березы, а я заразъ на кони дожену.» Сивъ москаль на
коня, та й бувъ такый.

Записала въ д. Гусавкѣ. черниг. у. отъ Адриана Мольки
М. С. Чудновская.

321. Маты зрадныця.

Жылы у лиси чоловикъ и жинка. Чоловикъ зане-
дужавъ и вмеръ. Тоди жинка заховала його. И скоро
у тиейи жинкы народылось двое дитей. И лежыть та
жинка и дума: «Господы! хто мыни оцыхъ дитей охры-
сте, якъ я не знаю ни слободы, де вона есть, ни люде
сюды не заходять,—хто мени йихъ перехрысте?» Колы
дывиться—иде двое: Святый Петро и Богъ. Перехресты-
лы: Святый Петро дивчынку, а Богъ хлопчыка; Святый
Петро давъ имъя дивчынци Настя и ще давъ ййи гре-
бенькы и дныщечко. А Богъ давъ имъя тому хлопчыкови
Петро и ще давъ жупанокъ и рушныцю. И той хлоп-
чыкъ прегарный бувъ стрилецъ, такый, що якъ нацильвся,
такъ и вбѣе. А дивчынка якъ сяде було на дныщечко,
такъ и зна, де що робыться. И той Петро було якъ
пиде на охоту, набѣе птыци, звиру всякого и назбиравъ
стилькы шкуръ, що нигде йихъ диваты у хаги вже.
Ото одынъ разъ йидуть чумаки по шляху, а Петро и
каже чумакамъ:

— Купить у мене шкуры!

А ти чумаки й кажуть:

— Де вони у його взялысь, ти шкуры?

А Петро й каже чумакамъ:

— Ось грошки подождить, я заразъ принесу вамъ шкуръ.

Отò пишовъ Петро, прынисъ багато шкуръ, що стало уси возы понавалювать, ти люде тоди пойихалы, а Петро пишовъ додому. Прышовъ винъ додому и каже матери:

— Мамо, дывитсья, мени чумаки дали грошей за шкуры.

Отò сколько тамъ годъ промынуло. Петро усе бывъ зайчивъ, птыць, вовкивъ, лысыць, усе, усе. Олынъ разъ Петро пишовъ на охоту, а маты осталась дома. Колы це иде чоловікъ якыйсь, прышовъ у хату:

— Здрастуйте!

А маты каже:

— Здрастуйте!

Отъ, той чоловікъ и каже:

— Давай сына твого стребымо, а съ тобою будемо жыты.

И вподобався той чоловікъ матери, а то бувъ змій, и пытается вона:

— Якъ же його стребыты?

А той чоловікъ и каже:

— Якъ прыйде винъ изъ охоты, такъ ты прыстався, наче хвора и кажы:—Сынку, якъ бы ты мени прывизъ дыкойи поросятны, то я бъ може одужала бъ.

Отъ, прыходе сынъ, змій заразъ пидъ кровать и сыдыть, а маты и прыставылась, наче хвора; сынъ пыта:

— Чого вы, мамо, хвори?

А маты й каже:

— Та хто його зна, чого я нездужаю; якъ бы ты мени, мій сыночку, пойихавъ та прывизъ дыкойи поросятны.

Отъ, Петро узявъ свого коныка и пойихавъ, та

просто до сестры, (а сестру тоди уже замижъ оддалы).

Отъ, прыйхавъ Петро до сестры и каже:

— Послала маты мене за дыкымъ поросямъ.

А сестра й каже:

— Ой, братику! У нашойи матери есть уже другой чоловикъ, такъ хотять тебе стребыть. (А вона така, що якъ сяде на дныщечко, такъ и зна, що и де робыться).

А Петро й каже:

— Ни, нема, сестрычко, никого у хати.

Тоди й каже:

— На, братику, оцього мого коня, та гляды жъ ты мени, що я тоби буду казать: не беры одного поросята, а то свыня якъ нажене, такъ иззистъ, а хапай двое; якъ двое ухапышь, такъ якъ бигтыме свыня, такъ ты одно кынешъ, а зъ однимъ прыбижышь.

Отъ Пётро пойхавъ. Прийиздыть, колы дывыться,— лежать поросята, а свыни не було, паслася десь. Отъ Петро ухопывъ двое поросятъ и подався. А свыня якъ почула, що хтось поросятъ забравъ, давай бигты, давай бигты,—отъ отъ нажене; а Петро узывъ и кынувъ одно порося, а зъ однимъ побигъ до сестры. Прыбигае до Насти, тоди Настя оставыла те порося, а свое дала. Тоди Петро пишовъ додому. Прыходыть додому, а той змй заразъ пидъ лижко, а маты на лижко и упъять хвора. Прийиздыть до матери Петро й дае порося. Маты його спекла, попойила трошкы й каже:

— Отъ, сыну, наче я трошкы одужала; тилько якъ бы ты, мй сыночку, ще доставъ дыкого яблука, то тоди бъ я, може, и одужала зовсимъ.

Треба тоди упъять йихаты Петрови. Переночувавъ винъ дома и пойхавъ упъять до сестры. Прийиздыть винъ до сестры и каже:

— Упъять мене послала маты, щобъ я ище привизъ яблукъ.

А сестра и каже:

— Гляды жъ мени, братику, тамъ птыця изъ заливными носамы, такъ ты якъ будешъ рваты яблука, такъ не рвы одного, а рвы такъ, щобъ уси осыпалась, бо якъ не попадають воны, такъ птыця тебе нажене и заклюе.

Тоди Петро узявъ коня ййи и пойихавъ.

Прыйиздыть Петро до тйи яблуни, дывыться, коли нема птыць; винъ ухопывъ одну, та якъ трусне, такъ и осыпалась. Птыця до тыхъ яблукъ, почала збирать, а Петро уже втикъ далеко. Прыйиздыть винъ до Насти. Настя тоди узяла ти яблука, а своихъ дала. Тоди Петро пойихавъ до матери. Прыйиздыть, отдавъ. Маты иззила, тоди и каже:

— Отъ, сыну, якъ иззила я оци яблука, такъ наче я не хворала.

Походыла такъ маты недиль тры, тоди Петро упъять и пыта:

— Чого вы, мамо, нездужаете?

— Та хто його знае, чого я нездужаю. Мабуть уже коса за плечыма. Якъ бы ты мени, сынку, прывизъ воды сцилющей и живушой. Десь за тры-девъять земель въ иншимъ царстви есть така гора, що вона на одынъ часъ розходиться, и съ тйей горы льється вода сцилюща й живуща, — такъ ты мени прывезы тйей воды, може бъ я одужала тоди.

Пойихавъ Петро упъять до сестры и каже:

— Ну, сестро, упъять мене маты послала, щобъ я прынисъ воды сцилющей и живушой.

Тоди сестра и каже братови:

— Ну, на, братику, тоби оцього коня (а той кинь бувъ такый, що пробига у часъ 400 верстовъ) та на ище тоби, братику, оцей глечычокъ, та гляды жъ мени, не жды, покъ набереться повно, а то задаве гора.

Тоди Петро пойихавъ до тйей горы.

Прыйиздыть винъ до тйей горы, гора ище не розходьмась; винъ пидождавъ, покъ гора розйшлась.

Тильки гора розійшлась, винъ заразъ туды,—колы дывыться, вода сцлюща й жывуща; винъ заразъ тоди пидставывъ кубушечку, и не набигла половынка, винъ заразъ и гайда назадъ. Бижыть винъ и бижыть, а та гора завдовшкы 400 верстовъ,—отъ уже й сходыться; винъ бижыть, ажъ пылява стовпомъ иде, насылу, насылу выскочывъ; тутъ заразъ и гора изійшлась.

Прийиздыть винъ до сестры, сестра тоди узяла ту воду соби, а своейи дала. Тоди Петро пойихавъ до матери, отдавъ воду. Маты узяла ту воду и выпыла и наче уже зовсимъ одужала. Отъ маты и змій бачуть, шо ничего не зроблять, то тоди уже и не посылали никуды.

Петро шо-дня ходывъ на охоту, бывъ звиривъ, птыць,—усе чысто. И той Петро якъ надине жупанокъ той, шо Богъ йому давъ, такъ такый сыльный, шо дубы ирве. Ото одынъ разъ той змій каже жинци:

— Ты ще спробуй такъ: якъ прыйде винъ зъ охоты, такъ ты кажи: сыночку мій, а ну давай, я въ тебе спробую сылу.

Та й навчывъ ййи, шо робыть. Отъ прыйшовъ Петро зъ охоты, а маты й каже сынови:

— А ну, дай я, сыночку, сылу твою спробую.

Винъ давъ. Маты умотала усього у дритъ, той якъ надувся, такъ и лопнуло. Тоди маты й каже:

— А ну бо, сынку, искынь жупанокъ.

А Петро тоди й каже:

— Та ни, мамо, не треба скидаты.

А маты:

— Та скынь бо, сыночку, я спробую сылку.

Отъ винъ тоди скынувъ, маты умотала його шовкомъ,—отъ винъ якъ надувся—не перервавъ. Колы дывыться Петро, лизе съ пидъ кровати такый мацапура,—надивъ заразъ жупанокъ, а тоди каже:

— А ну, давай теперь быться!

Тоди винъ заразъ убывъ Петра, порубавъ на шмат-

кы, привязавъ до коня и пустывъ. А той кинь побигъ та просто до сестры. Сестра побачыла, що братъ убьтый та заразъ до його:

— Охъ, мій братику! Я жъ тоби казала тоди, що убьють, а ты мени не вирывъ.

Узяла його тоди сестра, збрызнула водою сцилющою, винъ исцилься; збрызнула вона водою живущою, винъ оживъ. Тоди уставъ и каже:

— А й заснувъ я крипко!

А сестра й каже:

— Заснувъ бы ты навикы, якъ бы не я.

Тоди Петро zostався жыты въ сестры, и живъ винъ у нейи годъ девъять. Разъ сестра й каже:

— Оце, братику, зробишь ятлыкомъ, полеты до ихъ у садокъ, — вони теперь тамъ гуляють, такъ ты прылети та такъ наче смърною птычкою.

Отъ винъ перекинувся птычкою и полетивъ. Прылетивъ винъ и сивъ билия ихъ, а въ ихъ була вже дытына. Отъ маты й каже:

— А ну, старенькый, пймай оту птычку дытны.

А та птычка узяла й сила на дереви. Винъ полить за нею на дерево, а жинка каже:

— Та скинь бо, старый, жупанокъ, а то порвешъ.

Отъ винъ искинувъ, а птычка усе выще, а винъ за нею. Доманывъ його ажъ на самисинькый верхъ дерева ятлыкъ, а тоди пурхъ на нызъ та перевернувся та й зробився чоловикомъ, ухватывъ жупанокъ, надивъ, а тоди каже:

— А ну, излазь сюды!

Винъ злизъ, а Петро гуть заразъ и зарубавъ його. Тоди матиръ узявъ до сестры, и живутъ поживають та добра наживають.

Славиносербскій у. Екатериносл. губ. записаль Б. Д. Гринченко.

Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1858, № 21, стр. 161—162) напечатанъ слѣдующій вариантъ этой сказки, записанный С. Д. Носомъ.

Якъ бувъ соби дидъ та баба; дождалы соби дочку и сына. Умеръ батько и маты, довелося йимъ—нигде жыть. Отъ воны узялы и пишы зъ свого дому:

— Ходимъ, сестро, на заробиткы!

Идутъ та йдутъ, колы стойить хата у гайи; воны тамъ стали жыть. Жывутъ та й жывутъ, дакъ до тоеи сестры и парубка унадывся змій. Теперъ воны жывутъ та й жывутъ, хочуть брата зъ змиемъ зъ свита згубыть. Отъ:

— Якъ його,—каже змій,—зъ свита згубыть?

Сестра и каже:

— Послатъ його заячого молока достать, такъ його зайци зйидять.

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала зайчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти!

— Дамъ тоби молока, а старшого сына на послугу.

Прыньсь те молоко, отдавъ сестри, вона взяла, на черинь высыпала та й каже:

— Не помогається! Иды,—каже,—лысычого молока достань!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала лысыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти: забажала сестра вапого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ прийшовъ, загнавъ ту лысыцю зъ зайцемъ у хливъ, прыньсь молоко. Вона вылыла на черинь, каже:

— Не помоглося! Пиды лучче вовчого прынесы!

Винъ прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала вовчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажалось сестри вашого покорму!

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ узявъ, прынись те молоко, вовка загнавъ у хливъ. Вылыла вона й те на черинь:

— Не помоглось! Пійды,—каже,—ведмежого достань!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала ведмедыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти.

— Дамъ я тоби покорму и старшого сына на послугу.

Винъ прынись те молоко, отдавъ, загнавъ ведмедя въ хливъ. Вона вылыла на черинь, каже:

— Пійды, левого достань молока!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала левчыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, старшого сына на послугу.

Прынись, отдавъ йй. Вона вылыла на черинь:

— Не помоглося! Пійды,—каже,—достань млынця того, що на мори машына стойить, що самъ и мелеться, и мисыться, и самъ выкыдається, и въ тій машыни дванадцатеро дверей.

Винъ пишовъ зъ тымы хортамы, ускочывъ у машыну, ухватывъ млынецъ, оглянется, ажъ хорты остались тамъ, у тій машыни.

Ото йде, а сорока билобока летыть:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ: уже твойи хорты двое дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты четверо дверей прогрызлы! Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты

шестеро дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты восьмеро дверей прогрызлы!..

Летыть та й летыть сорока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты десятеро дверей прогрызлы!..

Изнову летыть сорока билобока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты одынадцати двери прогрызлы!..

Прыйшовъ додому, прынисъ млынця. Загадала йому сестра окропы грить, ножи гострыть. Сорока билобока каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, мокрець (мокрыи дрова, щобъ не швыдко горило).

Знову каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, сухойи дрова (що хорты бижать).

Кыплять окропы, ото вже його зовсимъ ризать.

— Пождить,—каже,—пйду на дуба свысну!

Винъ свыснувъ,—бижать хорты. Хорты попрыбигалы, излизъ изъ дуба, увйшовъ у хату, хорты за нымъ повбигалы и полягалы пидъ лавою; отъ-отъ вже зовсимъ, вже його рубать, то й каже на хортивъ:

— Беры, левко!

Той якъ ухватывъ змя, дакъ такъ и рознисъ його. Тыйи кынулысь, дакъ и ничего. Такъ винъ узавъ сестру, у погребъ заперъ и сказавъ йй:

— Наплачь бочку слизь, тогди выпущу!

Вона плакала, плакала, да тамъ и зотрухла. Той братъ узавъ ружья да зъ тымы хортамы и пишовъ у лись.

322. Про хлопчика Покотыгорошка.

Жылы собѣ дѣдъ де баба, не було въ ихъ дѣтей. Ены хотъ старые уже були, но скучали сами жить на свѣти. Вотъ начали ены хадить до ворожокъ, щобъ ены

посовѣтовали имъ еке нибудь средство, щобъ и у ихъ было дитя. Вотъ разъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Хадемъ, бабо, ще куда нибудь до ворожки.

Приходятъ до ворожки въ другее село. Вотъ ворожка имъ и каже:

— Здѣлайте вы такъ: екъ знесе курка ейцо, то возмите его завертѣте въ тряпку и положите его въ печерку и ней лежить въ печеркѣ да тыхъ поръ, закуль родица изъ его мальчикъ Покоти-Горошко.

Вотъ дѣдъ зъ бабою заплатили ворожкѣ шо слѣдувало и пошли додому. Приходятъ додому, живутъ день, живутъ други,—курка не несе ейца. Вотъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Бачъ, пене бабо, екіе мы шасливые, шо вотъ и курка наче знае,—не несе ейца.

Ажъ отъ послаи того, екъ сходявъ дѣдъ до ворожки, пройшло десеть дней,—знесла курка имъ ейцо. Израдувалисе, завернули ейцо въ тряпку и положили его въ печерку. Ждутъ дѣдъ да баба собѣ дитяти и ніякъ не дождуца.

Вотъ вишло петнадцать недѣль послѣ того, екъ положили ены ейцо въ печерку, ажъ отъ проявивсе мальчикъ Покоти-Горошко. Израдувалисе дѣдъ да баба. Вотъ живутъ ены, ніякъ не налюбуюца на его. Вотъ разъ дѣдъ поѣхавъ орать на поле, а на бабу каже:

— А ты, бабо, принеси минѣ обѣдать.

Такъ поѣхавъ дѣдъ орать. Вотъ орае дѣдъ утро, а баба готовица нести обѣдать. Вотъ сынокъ ее каже:

— Понесу, мамо, и я съ тобою обѣдать.

А баба каже:

— Якъ же тобѣ, мой сынокъ, нести обѣдать, шо ты совсѣмъ маленечки.

— Дарма, пене мамо, шо я маленьки. Я буду съ тобою ити.

Баба каже:

— Ну, понесемъ.

Собралисе и понесли обѣдать. Несутъ обѣдать, и баба ніякъ не надивуеца на своего сынка. Принесли ены дѣду обѣдать.

Вотъ хлопчикъ и каже:

— Давай, тато, я буду орать, а ты иди обѣдай.

Дѣдъ каже:

— Якъ же ты будешъ орать, що ты не достанешъ и за соху держать?

А енъ каже:

— Дарма, пене тато, що не достану за милицу, я и такъ буду орать.

Вотъ дѣдъ и каже:

— Ну, ори!

Вотъ малчикъ сѣвъ волю на роги и оре, покрикуеть на ихъ, а дѣдъ пошовъ обѣдать.

Вотъ ѣде въ те времяе дорогою панъ и чуе, що хтось ле воловъ и кричить, и волю ходять съ сохою якъ слѣдуе. Вотъ панъ и питае у дѣда:

— Хто се у тебе воре? И нема никого ле воловъ, а хтось кричить.

Дѣдъ каже:

— А се у мене есть таки малчикъ, що сидить у вола на рогахъ и воре собѣ.

Вотъ пану завидно стало на такого малчика, вотъ енъ каже дѣду:

— Продай минѣ сего мальчика.

А дѣдъ и самъ радъ, що дождавъ малчика:

— Нѣтъ, баринъ, я сего малчика не продамъ, енъ минѣ самому годящи.

А малчикъ подбѣгъ къ дѣду да и каже тихенько:

— Продавай минѣ, тато, я утеку отъ пана.

Вотъ мужикъ тоды и согласивсе продать малчика. Вонъ панъ давъ мужику тимало грошей за малчика, забравъ малчика и поѣхавъ домой. Вотъ привозить панъ додому малчика и каже:

— Погледи, барине, екого я малчика привезъ.

Барине погледѣла на малчика да екъ закричить:

— На що ты его привезъ, щобъ минѣ покою не дававъ?

Панъ и каже:

— Ты не гледи, що енъ маленьки, а енъ уже и орать умѣе.

Барине каже:

— Якъ же енъ воре—таки маленьки? Енъ не достане и за соху держаца.

— А енъ сяде волу на голову де воре.

Вотъ живе малчикъ у пана день, живе други, а потомъ разъ урани вставъ, подѣвъ хорошенько да пошовъ домовъ до своего батька. Пришовъ малчикъ додому, дѣдъ израдувавсе, що малчикъ утѣкъ одъ пана.

Повставали панъ исъ панею, челядки приготовили имъ обѣдать. Вотъ барине и зове малчика обѣдать, ажъ его уже и въ дому нема. Побѣдкалисе паны, да нечего дѣлать... А потомъ панъ разъ и каже своей баринѣ:

— Се нашъ малчикъ видно утѣкъ до своего батька.

Барине и каже пану:

— Дакъ ты коли нибудь ѣдъ, забери його опять къ собѣ.

Вотъ панъ запрогъ коней и поѣхали съ челядникомъ въ те село, де живъ малчиковъ батько. Приѣхали къ нему дѣду, що панъ купивъ у его малчыка, ажъ малчыкъ гуляетъ по двору. Вотъ увишевъ въ дворъ панъ, а малчикъ сейчасъ побѣгъ у хату и сказавъ батьку, що приѣхавъ панъ. Вотъ мужикъ виходивъ на встрѣчу пану. Панъ якъ стрѣвъ мужика, такъ начавъ питать у его, ти не втѣкъ малчикъ къ ему. Мужикъ каже:

— Хоть и втѣкъ, дакъ я тобѣ вже не дамъ малчика.

Дакъ панъ тоды и каже:

— Якъ же минѣ не даси малчика? Я жъ тобѣ гроши заплативъ за его.

Мужикъ каже:

— Заплативъ, дакъ було берегти, щобъ не втѣкъ.

Ажъ отъ входить и малчикъ до пана. Дакъ панъ и питае у малчика:

— Чего малчикъ, отъ мене втѣокъ?

А малчикъ каже:

— Въ тебе я не хочу жить. У гебе нечимъ орать, а я гулять не хочу.

Вотъ мужикъ и каже пану:

— Ну, забери малчика, де больше не пускай, щобъ не втѣкъ.

Вотъ панъ забравъ малчика и поѣхали додому.

Привезъ малчика додому да тоды и каже:

— Ну, теперь уже не втечешъ.

А малчикъ каже:

— Нѣ, екъ захочу, то изновъ утеку.

Панъ каже:

— Нѣ, вже будешъ въ одной комлати проживать.

— Дакъ що, що въ одной хати? Я у вокно утеку.

Вотъ панъ тоды росердывсе на мальчика да и каже:

— Я тебе зарубаю, екъ будешъ лѣзти въ вокно.

Вотъ малчикъ надумавсе: подожди, я тебе обманю опять. Вотъ разъ гулявъ малчикъ на городи и найшовъ тамъ екусъ костку изъ коня и забравъ зъ собою. Принесъ додому, положивъ въ ту комлату, де начовавъ съ паномъ. Дождавсе малчикъ вечера и ввечери и каже пану:

— Вотъ я екъ захочу, то я и сю ночь утеку.

А панъ самъ собѣ и думаетъ: погуляй же, я тебѣ шаблю голову отсѣку. Вотъ часовъ у десеть вечера полегли панъ съ малчикомъ спать. Вотъ малчикъ собѣ не спитъ, не спитъ да думаетъ: якъ бы утекти? Отъ а панъ вставъ тихенько съ постели, взявъ шаблю, пошовъ на дворъ и сѣвъ подъ вокномъ съ шаблю. Вотъ малчикъ уже знае, що панъ его стереже подъ вокномъ. Вотъ

малчикъ взявъ костку и ладица, якъ бы утекти. Придививсе тихенько, подъ екимъ вокномъ стоявъ панъ съ шаблею. Вотъ малчикъ взявъ костку де попередъ посунувъ ее въ оґно. Вотъ пану думалосе, що се мальчикъ у вокно лѣзе, дакъ панъ тоды екъ сѣконувъ костку шаблею, дакъ и пересекъ пополамъ, де тоды и кричить:

— Барине, неси свѣтло, я уже малчика зарубавъ.

А малчикъ тоды вылѣзъ въ вокно да и пошовъ додому. Принесла барине свѣтло, розгледилисе ены, ажъ то панъ не малчика пересекъ, а костку. Малчикъ тоды живе собѣ зъ батькомъ да зъ маткою, живутъ и красуюца.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревини Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андріевскій.

323. Про багатого купця дочку.

У одного купця було трое дитей: два сыны и одна дочка; сынивъ винъ оставивъ дома торговать, а дочку отдавъ учыться до одного далекого попа; а у того попа учылось багато дивчатокъ, тилько красывишойи одъ дочкы того купця не було. Учылась купцивна у того попа тры годы, вела себе чесно и розумно. Тилько той пипъ бувъ ще молодой и задумавъ призвесты на безумье ту купцивну, а вона на те не согласылась; пипъ дуже росердывся на нейи и напысавъ ййи батьку, що дочка його не учыться, а балується и робыть негарно. Гирко було сее чуты батьку, дуже винъ росердывся и приказавъ своимъ сынамъ пойихать до дочкы и одризать ййй голову, вынять изъ нейи сердце и його йому, купцю, привезты, а тило щобъ спалылы на огни и попелъ пустылы на воду. Сыны пойихалы до своейи сестры и чуть тилько уйихалы до попа у двиръ, якъ йихъ стрила сестра, зрадила здорово

такъ, що не знала, що и сказать йимъ одъ радости. Браты тежъ порадили побачившы сестру, признались йій, чо-го прыйихалы, потимъ заризалы собаку, выняли зъ його сердце и те сердце повезлы до батька, а сестру оставылы жыву. Зажурылась та купцивна и пошла у лиса да горы и тамъ ходыла ажъ симъ годивъ. Ходыть соби та й ходыть, йистъ кориння, а сама хороша, хороша. На сьомый годъ стричае ййи охотныкъ—купець; роспытавъ ййи и взявъ соби ййи за жинку. Пойиде було сей купецъ за моря за товаромъ и прыйихавшы росказуе, що бачывъ тамъ, що чувъ. По росказкамъ догадалась вона, що винъ буває у ййи батька. Черезъ скилько то годивъ той купецъ заболить, а треба було йихать за товаромъ. Отъ винъ и пославъ свою жинку изъ кумомъ за море. У йихъ уже була и дытынка. Пойихалы вони кораблемъ. Кумъ захотивъ призвесты на безумъе купчыку и ставъ ййи пидговарувать, тилько вона не согласылась. Кумъ росердывся и вкынувъ ййи дытынку у море, а потимъ укынувъ и ййи. Дытынка потонула, а вона выплыла на берегъ и пошла у той городъ, де живъ ййи батько. Прышла до батька и нанялась до його. Ни батько, ни браты ййи не позналы. Годивъ черезъ тры, або чотыри прыйизжае туда до батька и ййи чоловікъ. Батько и пытае його, чо-го довго не бувъ? Той росказавъ свое горе, що винъ заболить, пославъ за товаромъ свою жинку зъ кумомъ. Дорогою дытына умерла, а жинка його зъ гора утопылась у мори. Слууае йихъ мову наймычка, бачыть, що ни хто ййи не познае и говорыть тоди все те надогадъ, що зъ нею було ще змалечку и до того, якъ вона наймычкою стала. Догадався тоди старый купецъ, що сая наймычка—його ридна дочка, а молодого купця жинка. Зрадилы вси, що вона жыва и здорова. Молодый купецъ узявъ ййи съ собою и, прыйихавшы до дому, одризавъ голову тому паганючому куму. Отъ грамотнаго крест. Гавриила Вѣрича въ селѣ Русановѣ, Остерскаго уѣзда Черниг. губ., записалъ И. Е. Конювалъ.

324. Шептуха.

Була соби стара баба и така вона була вбога. Отъ пишла вона до батюшки та й пытається, шо йій робыть, шо вона своей души не прогодуеть, бо сама вона не здужае робыть, а люде не дають. Отъ батюшка йій и каже:

— Ты окажысь шепетухою.

Вона й пытається въ його:

— А якъ же мени, батюшко, казать?

— Ты,—каже,—кажы: я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе, такъ и духъ изъ тебе.

Отъ та баба и оказалась шепетухою, и вси йій несутъ и везуть, и стала вона багатою. Теперкы у батюшки у горли зробывся нарывъ, винъ забувъ, шо винъ ту бабу вчывъ, та й поклыкавъ йійи до себе. Отъ вона й стала йому шептать, винъ и пытається:

— Якъ же ты кажешъ?

Вона каже:

— Я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе такъ и духъ изъ тебе.

Батюшка зареготався, нарывъ прорвався, и батюшка одужавъ.

Черниговскій уѣздъ. Записала Н. Г.

325. Бачылы очи, що куповалы.

Чоловикъ мавъ тилькы одну копійку; ходыть винъ по базару, выбирае, щобъ його купыть. Побачывъ хринь. Пытае, килькы стойить. «Возьмы,—каже передерійка,—за копійку.» Узявъ, ставъ йисты—не йистыся: гиркый, слъзы

йдуть. «Ни,—каже,—плачте скильки хочете, а йижте, хочь
повылазьте: бачылы очи, що куповалы.»

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черн. у.
М. С. Чудновская.

326. Кавунъ-Рябчыкъ.

Насадывъ чоловикъ баштанъ. Добре вродылы ка-
вуны. Бильшъ усихъ бувъ одинъ рябий кавунъ, котрого
хазяйинъ дуже кохавъ и прозавъ «рябчыкомъ». Кавуны
поспили; хазяйинъ наклавъ визъ добрыхъ кавунивъ, зверху
положивъ «рябчыка» и повизъ на продажъ. Йиде соби и ку-
рыть люльку, замыслывшысь. Коло дороги була могыла,
на котрій поросла гарна травця. Волю звернули до мо-
гылы попастысь, и хазяйинъ тоди огледивсь, якъ вони вже
зйихалы на могылу. «Цабе! цабе!» крычыть... Але вже бу-
ло пизно. Визъ пйшовъ шкаребертъ, и кавуны покотылись
зъ горы на дорогу. Самъ хазяйинъ тежъ полетивъ зъ воза,
але не пускае люльки зъ зубивъ; дывыться, якъ кавуны
котятся, да й каже: «А рябчыкъ усихъ попереджа».

Борзенскій у. Г. В. Дорошенко.

327. Смерти спужалась.

Одна жинка мала чоловика пъяныцю и усе просыла
соби у Бога смерты. Якъ прыде було чоловикъ изъ шин-
ку, та почне ййи быть та нивечыть, то вона:

— А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!

И почувъ сее москаль, що стоявъ у йихъ на ква-
тери. Пймавъ винъ индыка, обскубъ пире, и якъ пъяный
чоловикъ, попобывшы жинку, захрыопъ, а жинка стала
прычытатъ: «А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!»—
москаль упустывъ у хату индыка та й каже:

— Молодка, вотъ смерть за тобой идьотъ.

Молодыця тоди якъ кинеться, та якъ закрычыть:
— До чоловика иды, смерть, до чоловика!
Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ульяны Килочицкой
М. С. Чудновская.

328. Скупый чоловикъ.

Одынъ чоловикъ та загубывъ у лиси кобылу. Блукае винъ по лисови, шарыть кобылы, бидкаеться й за ушыма шкребе, а нигде не знайде—мовъ кризь землю провалылась. Отъ ставъ винъ, здійнявъ шапку, утеръ пить та й каже:

— Господы! Якъ бы мени оце знайти кобылу, то купывъ бы на цилого пивкарбованця воскову свичку до божого дому.

Не встыгъ чоловикъ останнихъ сливъ сказаты, колы кобыла якъ заирже на весь лись. Вдарывъ винъ по кышени рукою та й каже:

— Отъ слава Богу, и полтынныкъ не пропавъ!
В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинъ Каневск. у.

329. Дрова.

— Отъ, кумочко, яки въ васъ дрова: повну пичъ наклалы и вси горять, та ще й якъ жарко. А въ мене такы прѣкляти, що однимъ-одне полинце положу, та й те не горять.

Записала М. Н. Гринченко.

330. Розмова.

Два селяныны йидучы на волахъ зустрілися въ

степу пидь хуртовьну:

- Здоровъ будь!
— Здоровъ!
— Ты видкиля?
— Кто, я?
— Э-жь!
— А ты видкиля?
— Кто, я?
— Э!
— Я зъ Чепеля.
— О, ба—и я видтиля.
— Кто жъ ты такый?
— Кто, я?
— Э-жь?
— А ты хто?
— Я?
— Э!
— Я Чепеливъ сынъ.
— О, ба, а я його зять.
— Тпру! Закуримъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинъ Кіевской губ.

331. Добре, та не дуже.

- Здоровъ!
— Здоровъ!
— А що нового?
— Ничого; шага тилькы знайшовъ.
— Це добре.
— Не дуже то й добре, бо щербатый.
— Це погано.
— Не дуже то й погано; бо хоча й щербатый, а мирку гороху за його купивъ.
— Це добре.

- Не дуже то й добре, бо зь червоточыною.
— Це погано.
— Не дуже то й погано, бо хочь зь червоточыною,
а свыню цымъ горохомъ выгодувавъ.
— Це добре.
— Не дуже то й добре, бо вовкъ свыню вкравъ.
— Це погано.
— Не дуже то й погано, бо я вовка вбывъ.
— Це добре.
— Не дуже то й добре, бо панъ шкуру виднявъ.
Г. В. Дорошенко въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. 1897.

332. Чого хоче.

- На шага.
— Не що.
— На два.
— Не бачу.
— На тры.
— У торбу пры!

333. Нисенитныця.

То жь бувъ я колысь поганымъ хазяйиномъ и було въ мене худобы стара собака та коза та кобыла, що якъ положышь два мишки, до зь горы ще й бижить. То жь пойхавъ я у бирь по хмызь. Дывлюсь—вельчезна купа хмызу, а зь нейи злетивъ здоровенный ведмидь. Я туды—ажь тамъ дванадцатеро яець. Давай я ти яйця на визь котыть. Котывъ-котывъ, одынадцатеро скотывъ, а дванадцате не мистыться. Я тоди йихъ уси въ шапку. Набравъ хмызу та й додому. Прыйжджаю, ажь моя свыня заквоктала. Я ти яйця пидь комору, и высе-

дила мени свыня дванадцять паръ воливъ якъ соколивъ.

Треба, думая, погоньча наймать; колы дывлюсь—у мене батько родився, а дида ще й на свити не було.

Пойихалы мы зъ батькомъ ораты. Оралы, оралы, а дели якъ нападе на волы опадъ—уси до одного повыздыхалы.

Що тутъ його робить? А тутъ поля-поля,—дакъ и окомъ не скинешь: усе те мисце, де собака качався та одъ мухъ одганявся. То жъ мени батько й рае:

— Не берн ты кобылы, а нумо мы ораты козою та собакою.

Запрягли мы козу въ соху, а собаку впередъ. Собака лягла, а коза бойиться йты. Що тутъ робить? Отъ батько й придумавъ: «Запряжемъ козу впередъ, а позадъ, у саму соху, собаку». Запрягли та ще й шматокъ хлиба на рогы кози привъязалы. Собака за хлибомъ, а коза на втьоки. Батько бижыть та поганяе, а я навскачъ за сохою. Тры дни бигалы якъ непрыкаяни, та такы выоралы поле. Сталы оддыхать. Дывимось—дровъ нема, та й соқыры забулысь. Малый батько якъ насыплеться на мене! Лаявъ, лаявъ та й пославъ по соқыру ажъ додому. Йиду я, йиду, прыйихавъ до ричкы: нема броду, а тутъ и перевозу не дають. А йисты хочеться и не приведы, Господы! Дывлюсь я—верба, а въ тій верби щось пыщыть. Прыслухаюсь—ажъ то жарени курчата. Я въ дупельце, а воно манюсеньке-манюсеньке. Я туды пальцемъ—не лизе; я руку—не потовпыться. Я розигнався та й ускочывъ у дупло. Найився, назадъ треба лизты—не можна: розйився та потовщавъ, до й не вылизу вже. Що тутъ його почать? Побигъ я додому, ухопывъ соқыру, прорубавъ дупельце, вылизъ та й пойихавъ за тымъ, за чымъ батько пославъ. Вертаюсь на поле—запхнувъ соқыру за поясъ. Моя кобылка тюпъ-тюпъ, а соқырка ййи по спыни цюкъ-цюкъ! Ото прыйихалы до воды, ставъ я кобылку поить. Пъе моя кобыла, пъе,—ніякъ не напъеться. Що воно таке? Оглянувся назадъ—ажъ у мойи кобылы заду нема: одрубала соқыра. Верта-

юсь я назадъ, дывлюсь—ажъ задъ пасеться. Облупивъ я вербу, сшивъ лыкомъ задъ исъ передомъ и пойхавъ. Йиду, йиду, колы моя кобыла стала. Я ййи пугою, я ййи пугивьямъ—не йде. Оглянувся, ажъ изъ лыка выросла верба, вчепылася въ небо, та й нема намъ съ кобылою ходу. Полизъ я обрубать шытъ. Ставъ обрубывать гилля та якъ зацижу у небо—такъ дирку й прорубавъ. Излизъ на небо:—товару тамъ, товару—и окомъ не скинешъ. Пытаю у пастуха: «Що вы зъ цымъ скотомъ робыте?»—Э,—кае,—мы його на комари та мошкы миняемъ. Бачъ, у пекло багато сьойи пакосты треба, такъ отъ и прыходыться минять.—Злизъ я та въ болото. Наловывъ цилый кившъ и хутній на небо. Наминявъ добру отару—до диркы, а вербы пидъ диркою чортмае. Моя кобылка попасалась, попасалась та й одыйшла. Я й туды, я й сюды—нема ходу. Ото лыхо! Узявъ я вола, зачепивъ рогамы за небо, узявъ я другого та прывязавъ до хвоста першому та й пойшовъ изъ скоту верьовку плесты. Усихъ воливъ упливъ, спустывъ той канатъ зъ неба—лизу та лизу,—до кинця долизъ, а до земли ще далеко. Я хутенько до неба, канатъ одъ неба одирвавъ, а внызу на пальци повисывъ. Отъ-отъ земля! Якъ издыйметься жъ витерь, якъ розгойдае мене зъ воламы—лилтаю я одъ Одесу та ажт до Беремецького *). Обирвався та въ болото по самисиньки уши. Сыжу та горюю. А тутъ гемоньска чапля на голови кубло мостытъ. Терпивъ я, терпивъ, а тутъ и терпячки не хватае. Колы це унадывсь вовкъ чаплены яйця йисты. Прыходытъ винъ одного разу, а я за хвистъ: «Тю!» крычу. Вовкъ якъ рвонеться та й вытягъ мене зъ болота.

Прыхожу додому, ажъ тамъ гульня. Пытаю: «Що це таке?»—Э,—кажуть,—у тебе дидъ найшовся!—Роска-

*) Беремецьке—хуторець била оповидачового села.

завъ я йимъ усе, що було. Дидъ якъ учувъ це, та схо-
пытися съ колыскы та за чуба мене! «А чому ты,—каэ,—
сучый сыну, не привъязавъ кобылы?» Бый, думаю соби,
бый, це жъ на те ты й дидъ! А батько й каже: «Иды жъ
да гостей на хрыстыны зовы. Та щобъ бильше назбирать,
до ты одну хату мыны, а въ другу не йлы, одну хату
мыны, а въ другу не йды». Сталы мы частуваты гостей:
у безодній бочци горилкы прынесли, у безбоки барыла
розливалы, а недовбанымъ ковшемъ обносиылы.

Писля хрестынъ давай мы за хазяйство браться. На
тимъ поли, що козою та собакою оралы, уродыло такого
проса, що й чысла нема. Пойшовъ я одтыкать тійи копы:
«Це чуже, це не наше; це чуже, це не наше». Наодты-
кавъ такого, що й страхъ.

Давай мы радыться, куды його складать. У клуни?
Не зложышъ. У скырты?—погные. Дакъ уже дидъ ста-
рою головою, спасыби йому, надумався: зибравъ полу-
копкы въ рукавецъ та на комень. И просторо та й суш-
ка жъ не абы яка.

Багато було бъ корысты съ поля, та десь не су-
дывъ Богъ розбагатить намъ. Унадылысь вражи мыши
та й точять пашню. Надумалысь мы одъ мышей ката по-
садыть. Сыдыть китъ у горшкахъ та въ макитрахъ. Якась
мышка—шкрябъ, шкрябъ! Китъ туды та штовхнувъ на-
ше просо, а воно зъ комена та въ помыйныцю! Отакъ
и розвялось наше хазяйство прахомъ!

С. Евминка Остерскаго у. Г. С. Неводовскій.

334. Нисенитныця 2.

То жъ пойшовъ я ходыть по базару. А въ мене
грошей була одна дурна копійка. Отъ выбиравъ, выби-
равъ я соби товару та й купывъ кручене дурне порося.
Збираю колійивъ. Колють колійи те порося—не зако-

лють,—уже зъ десятокъ голокъ поламалы. Де не взявся добрый чоловикъ—однымъ ножемъ одразу заколовъ. Бачу я: треба порося пекты. Укутавъ я його кожухамы та въ холодну нетоплену пичъ—хай, думаю, упріе; а самъ пойшовъ у церкву поблагословытысь порося йисты. Де не взявся паламаръ: «И такой ты, и сякий ты! Иды додому: твое кручене дурне порося по печи бигае!» Прийшовъ я додому. Хочу я йисты, нигде мени систы. Посадылы мене за плечыма та дали мени пыригъ изъ очыма. Я за той пыригъ та за поригъ. Де не взялася вража оса, да хватыть мене за волоса да понесе на небеса. Излетивъ я на небеса—дывлюсь—стежечка. Пойшовъ я тією стежкою—дывлюсь церковця, изъ калачыка дверци, попрянычкомъ пидперта, бублычкомъ заперта. Укусывъ я бублычка, церковця одимкнулася; укусывъ я попрянычка, церковка прочынылася; укусывъ я калачыка, церковця розчынылася. Увійшовъ я у ту церковцю—стойить пипъ, якъ грецькы снипъ. Укушу я... дакънемае ніякого прысмаку.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

335. Нисенитныця 3.

Бувъ соби та не мавъ соби, затесавъ соби тесана, та нетесана... То жъ подарувавъ мени дидъ вола. Якъ пойшовъ я тымъ воломъ ораты, та наоравъ на прыпечку на тры горшкы кваши. Та вродылы вербы, та зацвилы раки, та поспилы уюны. Якъ полизъ я тыхъ уюнивъ трусыты: трушу та трушу та натрусывъ папушу тютюну. Повъязавъ я той тютюнъ и продавъ по тры копійкы голова въ голову. Та купывъ я руно вовны, та покройивъ заступомъ свыту, та приставывъ изъ подушкы комиръ, дакъ выйшлы таки штаны, що й не пидоймешъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

336. Нисенитныця 4.

(Видкиль взялась Смолянка, болото билия Вертійивкы).

Давно було це, колысь, якъ бувъ я ще маленькымъ, а дидъ уже парубкувавъ, батька жъ не було на свити ще. Достаткы въ насъ звисно якы: чортмало ничего. Отъ пошлы мы зъ дидомъ на Дуинъ на заробуиткы. Заробуиткы трапылысь правда, добри, заробылы страхъ куилько: якъ бы прыложывъ копійокъ тры, такъ мабуть набиралося бъ шагуивъ шисть. Ото жъ, вештаючысь по тыхъ заробуиткахъ, розсмакувалы мы, що земля тамъ дуже добра, такъ мы и надумалысь зъ дидомъ розвесты и въ себе такойи земли. Ну, порадылысь, набралы шапку и пошлы. Прыходимо додому, колы жъ батько саме народывся, на прыпичку сыдыть и вже порядкуе намы: пославъ у лисъ по дрова на хрестыны. Идемъ, колы жъ пидъ лопухомъ на «Ташлыку» ведмидь лежыть. Мы до його, а вуинъ на втыкы, мы пидъ лопухъ, ажъ тамъ кубло, а въ кубли шестеро яецъ, та ниякъ не выкотымо зъ кубла та вже я ледве въ шапку забравъ. Прыходимо додому, ажъ у насъ свыня квокче, такъ мы й пидсыпалы тийи яйця пидъ свыню, такъ вона высыдила шисть волувъ-соколуивъ,—пять парыстыхъ, а одинъ шосты. А въ насъ уже и земли донськоїи доброй розвелось чымало. Налагодылысь орать мы, прыйиздымо, ажъ лыхо тяжке! Вовкы внадылысь и выносылы всю землю, а на тимъ мисци верстовъ на двадцять гныле болото, гнояка чорна, смола неначе. Отъ дидъ объ полы: «Осе Смолянка!»

М. Веркіевка, Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

КАШ

ЖИ

ВЪ

ЛОК

УАК

КА

ЛЪ

И

Я

З

337. Прыказкы.

Доставлены: **Е. Н. Гаврилеемъ**—изъ Нѣжинскаго уѣзда, **В. П. Горленко**—изъ Прилуцкаго у., **Б. Д. Гринченко**—изъ Сумскаго, Харьковскаго и Черниговскаго уѣздовъ, **М. Н. Гринченко**—изъ с. Жеведи Черниговск. у., **Т. А. Зиньновскимъ** (одна), **М. М. Коцюбинскимъ**—изъ Винницы, Лопатинець и Балты Подольск. губ., Оробіевки Прилуцк. у. и Рени Бессарабск. г., **Г. С. Неводовскимъ**—изъ Остерскаго у., **В. В. Полуботковою**—изъ Осняковъ Черниг. у., **В. Ф. Степаненно**—изъ Каневскаго у., **В. П. Цымбаломъ** (свои записи и **Т. Галушни**)—изъ г. Звенигородки и Звенигородскаго у., Кіевской губ. и **М. С. Чудновской**—изъ с. Выбель Черниговск. уѣзда.

1. А бреше!—и въ землю ны дывыться. Г. Звенигородка.

2. Абы голова—буде й борода. Нѣжинск. у.

3. Абы медъ, а мухы нализуть. Нѣжинск. у.

4. А щобъ тоби дыка коза прыснылася! Звенигородка.

5. Безъ примхы (прышты) смерти не буває. Нѣжинск. у.

6. Безъ хлиба и куска не зйисы. Нѣжинск. у.

7. Бидному куды не кынь—то все догоры диркою. С. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣз.—Чуб., I, 232.

8. Бидность не грихъ, а неволя не смихъ. Нѣжинск. у.

9. Благодареныкы за вареныкы: борщю не йивъ, кашй не бачывъ та й такъ выбачывъ. Каневск. у.

10. Блызенька солуимка лучче далекого синця. Нѣжинск. у.

11. Бодай чорты въ дядька служылы, якъ бы дядько въ мене! Нѣжинск. у.

12. Борода по колина, а дровъ не полина. Нѣжинск. у.

13. Борщъ, каша, кисиль, кваша, мамалыкга зъ молокомъ, прысыпана табакомъ. Каневск. у.

14. Будьмо, та цуръ никого не гудьмо! Каневск. у.

15. Бытому собаки не показуй палкы, бо заразъ удере. Прилуцкій у.—Номись, № 5800.

16. Васыль баби сестра въ первыхъ; а бабына Гапка—сама соби титка. Каневск. у.

17. Васылю! Я нароблю тобі на шыю, ще й шкурлатомъ прышыю, умрешъ, а не оддерешъ. Звенигородск. у.

18. Вашъ вуизъ—вамъ и везты. Нѣжинск. у.

19. Велька птыця, якъ горобецъ. Сумск. у.

20. Весилля тры дни, а цылый викъ злыдни. Г. Винница Под. губ.

21. Весна очи краде. (Кажуть, що передъ весною якъ увйдешъ у хату, такъ поночи. Я помитыла, що це звычайно въ соняшний день кажуть). С. Жеведь Черниг. у.

22. Весною—насиння, а въ осены купуй кориня. Звенигородка. (Зъ прыводу, що черва пойила насиння).

23. Видчынняйтеся врата—чортъ несе тата. Лопатинцы, Ямп. уѣзд. Под. губ.

24. Винъ такъ живе, якъ гуся на води. (Ни о чемъ не заботясь). Прилуцкій у.

25. Владыка! мылость твоя велька, та чарка мала. Звенигородка.

26. Вона тоди винчатиметься, якъ собаки лянть-
муть, а ложки гулятымуть. С. Жевель Черниг. у.

27. Въ умилогѣ руки не болять. Нѣжинск. у. Но-
мись, №№ 6021 и 6022.

28. Выйде, ляше, на наше. Звенигородка.

29. Гарбузь струплеваты—безъ молока пранцеваты.
Нѣжинск. у.

30. Гарный, якъ свиня въ дощѣ. Звенигородка.

31. Гобидайте ротато, бо завтра сьвято. Звенигородка.

32. Говоры на волю! Каневск. у.

33. Говоры та годуйся. Каневск. у.

34. Горе вашимъ, горе й нашимъ, але вашимъ все
таки лучше: хочъ картопля своя. Звенигородка.

35. Горе въ роскоши можна забыть, а роскоши въ
гори николи не можна. Прилуцкій у.

36. Горивонько мученыце! перешлась безъ вогонь,
безъ трубы, не попадайся въ мойи зубы! Пашпортъ
есть?—«Нѣтъ, нема.»—Вотъ тоби и тюрьма!—Хлопъ та й
выпывъ. Подольск. г. Киев. Стар. 1892, XI, 179.

37. Горохъ по дорози качається,—поповъ челяд-
ныхъ высыпается. Выбли Черниг. у.

38. Гындыкъ думавъ та й здохъ, то й ты здохнешъ,
якъ будешъ думать. Звенигородка.

39. Дай же, Боже, щобъ ваши ворогы рачки лазылы,
а вамъ очи повылазылы (здоровкаются шуткуючы).
Каневск. у.

40. Дай, Боже, диты, да у дитяхъ щастя! Выбли
Черниговск. у.

41. Дай, Господы: хлиба, солы, всього доволи-
Звенигородск. у.

42. Дай тоби, Боже, здоровья повеень жывить.
(жинци). Каневск. у.

43. Дай тобі, Боже, повни груди здоров'я, щоб
никуды було й дихаты. Каневск. у.
44. Де днювавъ, хай тамъ и ноче (про мертвого).
Осняки Черниг. у.
45. Де стари кони диваються? У бидного на шыйи
чепляються. Нѣжинск. у.
46. Диду, диду, я тобі въ поле пойиду. Звени-
городск. у.
47. Дило робыть—голова болыть, а за скокы оби-
бью й боки. Остерск. у.
48. Добра пряха й на скипку напряде. Нѣжинск. у.
49. Добре въ дурныкахъ буты. Каневск. у.
50. Добре слово—не полова. Винница, Под. губ.
51. До зла шыроки ворота ввиты, та узьки выты.
Нѣжинск. у.
52. До свого роду хочъ черезъ воду. Нѣжинск. у.
53. Достанеться и въ хвистъ, и въ грыву. Остер-
скій у.
54. Дрита-дрита середъ лита, прыйшла зима—
хлиба нема. Сумск. у.
55. Дурни чудеса не йдуть пидъ небеса. Прилуц-
кій у.—Чуб., I, 279.
56. Дурный такый якъ сорока. Звенигородка.
57. Жинка до пояса—чужа. Лопатинцы, Ямпольск.
у. Подольск. губ.
58. Зажурывся, що молодымъ оженьвся. Звениго-
родка.
59. За ткачемъ хлибъ зъ плачемъ. Нѣжинск.
60. Здоровый якъ быкъ. Звенигородка.
61. Зерко до зерка, та й выйде берко. Звенигород-
ка.—Чуб. I, 245.
62. Зъ кого сміються люде,—съ того й Богъ буде.
Нѣжинск. у.

63. **Иванъ - барабанъ, Семень - бусурмень** и **Каленыкъ - вареныкъ** напъялы соби **куреныкъ**. Каневск, у.

64. **И вже!** мертвого личыть, або вченого вчыть. **Нѣжинск.** у.

65. **А. Избавы, Боже, огня, меча, села Бигача, Вересоцькойи гребли и березенськойи жинкы.** Выбли, Черниг. у.

Б. Щобъ ты не мынувъ окружного суда, кошеливського бога, або вересоцькойи гребли. **Нѣжинск.** у.—**Номись, стр. 72 и 285, № 3674.**

66. **Изъ дужымъ не борысь, а зъ добрымъ не судысь.** **Нѣжинск.** у.

67. **И клипае очыма, якъ китъ на глыни.** Каневс. у.

68. **И совається, якъ Марко голоколинный.** Кан. у.

69. **Йивъ бы вуиль и нежаръ, та хазяйинъ лежень.** **Нѣжинск.** у.

70. **Йижте, люде добри, годуйтесь...** **Якъ бы вы знали, скільки то стойить!** Каневск. у.

71. **А. Йижъ, покы ротъ свижъ, а якъ зовъяне тоди не стане.** **Звенигородка.**

Б. Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ помрешъ, то й коломъ не вобъешъ. **Нѣжинск.** у.—**Номись, № 5932.—Гринченко, II, № 61.**

72. **Йижъ, Хома, та хлиба нема.** Выбли Черниг. у.

73. **Йому це робыты такъ, якъ дурному пирря драть (легко).** Черниг. у.

74. **Назавъ чортъ: Кузьму соби озьму,—та й доси не бере.** Черниг. у.

75. **Козы не товаръ, а дивкы не люде.** Выбли Черниг. у.

76. **Колоть - колоть да й на плотъ! (Якъ хто погано пере або купається).** **С. Жеведь Черниг.** у.

77. Колы голова обляже, тоди всякъ докаже. Выб-
ли Черниг. у.

78. Колы пыты, то не мутыты. Балта Под. губ.

79. Колысь и нашъ богъ проспыться (поталанить
и намъ). С. Жеведь Черниг. у.

80. Кому служышъ, того й слухай. Нѣжинск. у.

81. Корова въ двори, а середа въ хати. Нѣжинск. у.

82. Кумынойи свахы наймытъ. Черниг. у.

83. Курка на сидало,—жинка додому. Сумск. у.

84. Кыдай сапку, та полы грядку. Звенигородск. у.

85. Летивъ крукъ черезъ сукъ, черезъ безверхе
дерево. (Скороговорка). Нѣжинск. у.

86. Лизь у пекло, тамъ буде тепло. Каневск. у.

87. Линывому що дня празныкъ. Нѣжинск. у.

88. Лучче пропыть, нижъ солы купыть. Нѣжинск.
у.—Номись, № 11718.

89. Люде—божи собаки. Каневск. у.

90. Люде хотилы, щобъ бувъ зъ мене хазяинъ,
та не диждуть. Каневск.

91. Мовчанка не пушыть,—де положишъ—тамъ ле-
жыть. Нѣжинск. у., и Харьковск. губ.—Номись, № 1117.

92. Може, кумо, вы будете дуже на горилку сы-
луваты (якъ просяты у гости, такъ одмагаються) — я
быльшъ не выпью, якъ пъять - десять, а пъятнадцять най-
быльшъ. Каневск. у.

93. Мынулыся диды, мынулыся й меды. Лопатин-
цы, Ямп. уѣзда Под. губ.

94. Мыши пойилы лемешы. Каневск. у.

95. На днуїй гради, да тры биди. Нѣжинск. у.

96. Найився, напився—лигъ та й укрывся. Звени-
городка.

97. Налетили горобци, зговорылись про крупци, не про крупци, та про пракрупячко. (Скороговорка).— Нѣжинск. у.

98. На очы не несы, а въ ротъ не надасы. Прилуцкій у.

99. Наче бѣ и не Хома, та й миста нема. Выбли Черниг. у.

100. На що тоби гроши, якъ ты самъ хороший Звенигородка.

101. Не бійсь крыкльвого, а нышкльвого. Нѣжинск. у.

102. Не бійсь, та стережысь. Звенигородка.

103. Не буде зъ швачкы багачкы, а зъ ткача багача. Лопатицы, Ямпольск. уѣзда Подольск. губ.

104. Не все й макъ,—нехай буде такъ. Черниг. у.

105. Не доведеться свыни на небо дывыться. Нѣжинск. у.—Номысь, № 3830.

106. Не завсигды якъ на диды: по тры ложки меду. Выбли Черниг. у.

107. Не карай, Боже, ничымъ, якъ борщъ ни съчымъ. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 232.

108. Не кыдай дровъ—до печи знадобыться.—Нѣжинск. у.

109. Не лай старого, самъ старый будешъ.—Нѣжинск. у.

110. Нема дурныхъ: поженылысь. Звенигородка.

111. Нема ключа—якъ у тань утонувъ. Жеведь, Черниг. у.—Номысь, № 10818.

112. Не напяла пидъ дымкомъ (у зимку) та напяла пидъ танкомъ. (Багато напядешъ, якъ лито-почнетъся!)

113. Не пры дитяхъ кажучы. С. Осняки Черниг. у.

114. Не родывся ще той на свыть, щобъ себе гудывъ. Сумск. у.

115. Не родыся краснымъ, та родысящ асенъ (шас-нымъ) Черниг. у.

116. Не сердься на Бога: самъ выновать. Нѣжин. у.

117. Не ты хлибъ носышь, а винъ тебе носыть. Прилуцк. у. См. № 245 этой книги.

118. Не хвалы самъ себе—есть луччи тебе. Нѣжинск. у.

119. Не хвалысь, рано вставшы, а багато наробывшысь. Нѣжинск. у.

120. Не хватайся попередъ батька въ пекло лизты, бо не знайдешъ, де й систы. Каневск. у.

121. Ни гысь, ни брысь (ни на шо не способна) Выбли Черниг. у.

122. Нихто не баче й не чуче, якъ сырота плаче й горюе. Каневск. у.

123. Ну, дай же, Боже,—чуешъ, куме, и ты, небоже,—помершымъ чаркы та пляшчата, а намъ, живымъ, горилка й дивчата (здоровкаются). Каневск. у.

124. Ну та й морозъ прыникае! — За те мухъ та комаривъ немае. Каневск. у.

125. Обидравсь, якъ цыганъ пидъ ярмалкомъ. Нѣжинск. у.

126. Облышь, Катре, нехай твое на завтра. Чернигов. у.

127. Одведы въ монастырь,—вона й сама кгыкгне. Каневск. у. См. № 284 этой книги.

128. Однынъ годокъ подвойила, другы потройила, а на трети зблазныла—одно. Нѣжинск. у.

129. Охота не сердыться. Нѣжинск. у.

130. Оце твоя дочка ходыла праты, бо и праныкъ у загати. Каневск. у.

131. Парася, Парася, на все ты здалася—и у панстви панувать, и якъ лыхо—горювать. Выбли Черниг. у.—Номись, № 5733.

132. Пеня не пѣе, а (имѣя) пѣе. (Кажуть частую-
чы). Остерск. у. 1
Остерск
133. Першый хвистъ кобыли. Каневск. у. 1
Каневск
134. Пойихавъ по сино, та й у души посило. Нѣ-
жинск. у. 1
135. Покиль pozyчышь грошей на нови чоботы, то
въ смакъ находышся въ старыхъ. Нѣжинск. у.—Грин-
ченко, II, № 131. 1
Грида
136. Покры дидя, поты й хлиба: якъ бувъ дидь,
бывъ и хлибъ, була й рыба на обидь. Каневск. у.—
Номысь, № 9137—Гринченко, II, № 129. 1
Каневск
137. Получывъ: два билыхъ, а третій якъ снигъ.
Звенигородка.—Номысь, № 13824. 1
Звени
138. Пообидавшы хто не оддыше, того Богъ за
гришныка пыше. Нѣжинск. у.—Номысь, № 11293.
139. Попередъ невода рыбу ничего ловыть. Харьк.
губерн. 1
Харьк
140. А. Пора йой у Глыбовъ изъ дошкамы іѣхать.
Б. Боюсь спать на дворіѣ, шобъ не пошуміѣть у Глы-
бовъ изъ дошкамы.—У який Глыбовъ?—На той свіѣтъ.
Бо теперъ уже холодно. С. Жеведь Черниговск. уѣзда. 1
Собі
141. Пошлы дурного, а за нымъ другого. Черн. у. 1
Собі
142. Про мене, сынку, хотъ свынку абы на мене
не рохкала. Остерск. у.—Номысь, № 8926. 1
Собі
143. Пропало билше, нехай пропадае й менче. Зве-
нигородка. 1
Собі
144. Прыходъ жыдуивськы, а росходъ попуивськы.
Нѣжинск. у. 1
Собі
145. Пусты сусида у хату та й дай йому волю.
Выбли Черниг. у. 1
Собі
146. Пьяны дурному братъ. Нѣжинск. у. 1
Собі
147. Пыво не дыво и медъ не хвала, а честь до-
рога. Нѣжин. у. 1
Собі
148. Рогожа на все згожа! (погордливо про люды-
ну). Черниг. у. 1
Собі

149. Рукавычки дороги, то на рукахъ берегы. Нѣжинск. у.
150. Рябый прыходывъ до рябойи качаты бараболи. Каневск. у.
151. Сало скоро растало. Нѣжинск. у.
152. Свого дида якъ бы помъявъ до обида, а послѣ обида та зновъ до дида. Нѣжинск. у.
153. Свуй хлибъ лучче чужого калача. Нѣжинск. у.
154. Се добре мъясце, колы й дытына його сце. Каневск. у.
155. Серпъ—робота, коса—охога, а ципъ—сухота. Звенигородка.
156. Скуилько не литай, а сидать треба. Нѣжин. у.
157. Слугы, на барыню пугы! Выбли Черниг. у.
158. Слушайте, громадо, що намъ панъ бреше. Каневск. у.
159. Слюсаривъ Гордїй та ковалева Йивга булы соби Мыкыта въ первыхъ. Каневск. у.
160. Смерть та родыны такъ не ждуть добройи годыны. Нѣжинск. у.
161. Соби та мени, то не буде пени. Каневск. у.
162. Собъ, сири, бодай вы выдохлы,—черезъ васъ, чортивъ, я й паскы не йивъ. Каневск. у.
163. Соломы жминька—копійка, а сина жмачокъ—пятачокъ. Черн. у.
164. Сонечко—золоте виконечко. Прилуцкїй у.
165. Сохы та прысохы, та соломы трохы. Каневск. у.
166. Спасыби Богу, найився йй Богу, а якъ бы сивъ, до й вола бъ зивъ. Остерск. у.
167. Спасыби за обидъ,—найився дармойидъ. А божыться ййбогу не буду, бо ще десять разъ до вечера буду. Остерск. у.
168. Спасыби твоему батьку, що тебе такого гарного зробывъ. Черниг. у.

169. Старого учить, а кривого лечь. Выбли Черниг. у.

170. Стары, якъ песь, а бреше, якъ щеня. Оробіевка, Прилуцк. уѣзда Полтавской губ.—Номысь, № 6905.

171. Стережысь, горилко-сивухо, бо буду пыты, псяухо! Каневск. у.

172. Суивкы засуивкы прыйихалы гости зъ Носуивкы. (Якъ свитае). Нѣжинск. у.

173. Сяты Гаврыло побѣе й рыло (громомъ), Пантелемонъ вытопче й ромень (грядомъ), а сяты Илля наробыть гнылля (негодлю). Нѣжинск. у.

174. Така свыта, — тилкы не такъ шыта. Звенигородка.

175. Такой ты гарный, якъ комень навыворотъ. Нѣжинск. у.

176. Гато маму продае, бо му хлиба не стае. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣзда.

177. Тилькы й не було, що гусыного молока. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 230.

178. Тоди винъ буде женытыся, якъ будутъ бычкы тельтыся.—Г. Рени, Измальск. уѣзда Бессараб. губ.

179. Тоди маты дурненька, якъ диткы маленьки. Остерскій у.—Номысь, № 9190.

180. Тоди соромъ загубыла, якъ ще безъ плахты ходыла.—С. Жеведь Черниговск. у.

181. Тоди це буде, якъ у поли ракъ свысне.—Черн. у.

182. Треба кебить и на печи сидить. Нѣжин. у.—Номысь, №№ 6580 и 6581.

183. Трудно, трудно Грыцькомъ звать,—та й Грыцько—гу! Выбли Черниг. у.

184. Туркы летяць якъ цуркы, а наши безъ голивъ
стоять.

185. Ты жъ мени, я жъ тоби, ты жъ пропъешъ,
на жъ тоби. Остерск. у.

186. Ты хочешъ упасть и не забытсь. Канев. у.

187. Ты хочешъ, щобъ чортъ та Богу молився.
Каневск. у.

188. Тыше: кабанъ пише, а свиня дыктуе. Звени-
городка.

189. У безодню дижку воды не настачышъ. Нѣ-
жинск. у.

190. У Бога всего по многу. Прилуцкій у.

191. У Богу путь, де горилку пьють. Выбли
Черниг. у.

192. У діжку гребйонка впала (воды мало, кухоль
объ дно черкається). С. Жеведь Черниг. у.

193. Укравъ та й побіѣгъ, зогнувшысь. С. Жеведь
Черниг. у.

194. У лиси не безъ звира, въ болоти не безъ
чорта. Прилуцкій у.

195. У осень и горобецъ мъясо. Нѣжинск. у.

196. У понедилокъ родылась, у вивторокъ хресты-
лась, у середу злькы, у четвергъ допывки, у пъятны-
цю грихъ прясты, а въ суботу помыть да поместы и
гребенюувъ у хату не несты. Нѣжинск. у.

197. Усе, усе наше, тилькы грихы не наши. Каневс. у.

198. Устряешъ не мижъ свойи лыка. Харьк. г.

199. Хай йому заморочыть! (Лаяно злодія). Чер-
ниг. у.

200. Хай йому очи грають, а зубы танцюють. Зве-
нигородка.

201. Хлиборобъ полемъ живе. Нѣжинск. у.

202. Хоть мене родыци й не зовуть, такъ я знаю, де жывуть. Нѣжинск. у. за баг.
203. Хоть нывку покынь, хоть свынку вбый. Нѣжинск. у. кони
204. Хочь дурный, та хытрый. Звенигородка. моя.
205. Хочь крупнѣй, абы додому хутнѣй. (Якъ хапаются поденныци полоты). С. Жеведь Черниг. у. късь
206. Хочь маты моя, абы не я. Нѣжинск. у.
207. А. Хочь не дойижно, такъ долижно. Сумск. у. лѣв
Б. Хочь не вбижно та влижно. Остерск. у.—Номысь, № 10387.
208. Хочь поганый, такъ багатый. Каневск. у. (Гов
209. Кто бреше, тому лехше, а хто ны йме виры, тому въ голови дыры. Звенигородка.—Гринченко, I, № 234. нѣб
210. Кто знае й той умирае. Нѣжинск. у. печ
211. Кто потрудыться, —той натрубуться. Сумск. у.—Номысь. № 7198.
212. Кто пытае, той не блуде. Харьк. губ. гол
213. Кто рано встае, тому Богъ дае, а хто пуизно ходыть, той самъ соби шкодыть. Нѣжинск. у. Нѣ
214. Кто рано пилводыться, за тымъ и дило водыться. Каневск. у. пѣ
215. Худъ обидь, колы хлиба нить. Нѣжинск. у.
216. Хура не ходе здура. Нѣжинск. у.
217. Хы́а свыня ззисть гарбузь, помы не вкача въ болото? Звенигородск. у.—Номысь, № 12270. лѣ
218. Царь на слѣзы не вдаря. (Що некруты хочъ якъ плачуть, а йихъ у салдаты такы берутъ). С. Жеведь Черниг. у. ни
219. Цыганови забожытысь, що батогомъ ляснуть. Каневск. у. Зв
220. Чого ты такъ пейсы попустыла, наче багатырка?—А чого жъ багатырки пейсы попускають?—Та йимъ лѣ
бе

за багатствомъ и рѣсчесаться никола). С. Жеведь Черниг. у.

221. Чортъ його беры: пропалы вивци, пропалы й кони (а не помырюсь, позоваючысь). Звенигородка.

222. Чый ты? — Гапчынъ. — А Гапка чья? — Жинка моя. Каневск. у.

223. Чы принесли (горилки), чы не принесли, а васъ вже чорты й знесли. Каневск. у.

224. Чытае такъ, якъ бобомъ сыпле (гарно). Жеведь Черн. у.

225. Шыстомъ-кыстомъ, да не великымъ пыстомъ. (Говорится, когда человекъ горячится или требуетъ не имѣя права).

226. Щасливому по грибы ходыть, а нещасному на печи сидыть. Нѣжинск. у. — Гринченко, I, № 247.

227. Що вбѣшь, те и вйидешъ. (Что заставишь, только то и сдѣлаешъ). Звенигородка.

228. Що въ поли выростае, все дома знадобыться. Нѣжинск. у.

229. Що иконка, то й молытовка. Звенигородка.

230. Що майстеръ — то мошенникъ, що писарь — то пьяныця. Нѣжинск. у. Чуб. I, 266. — Ном., № 10411.

231. Якъ бере цыганъ сино, каже: я сокрыу настаю; якъ набравъ — ножа зробию; а якъ за ворота вже пиде — и цього зъ його буде. Каневск. у.

232. Якъ будешъ йисты булky, то нападуть думкы. Звенигородка.

233. Якъ бы вси люде жылы, то бѣ свитъ затьмылы. Лопатинцы, Ямпольск. у. Под. губ.

234. Якъ голоденъ, то йивъ-бы, а найився, то спавъ бы. Звенигородка.

235. Якъ гужа ворвать, тоди за хуру гроши по-
братъ. Нѣжинск. у.

236. Якъ корыться постолу, лучше просыть чобота.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 1041.

237. Якъ любовь та совить, такъ и у пистъ
мясойидъ. Выбли Черниг. у.

238. Якъ не дастъ Богъ смерти, то не визьмутъ
черты. Звенигородка.

239. Якъ пасе (дывиться)—якъ китъ на сало. Зве-
нигородск. у.

240. Якъ пиде кому зранку, то й до вечора. Сум-
ской у.

241. Якъ пойдешъ навпростецъ, то николи дома
не будешъ. Прилуцкій у.

242. Якъ посылать до мыскы—такъ страму наби-
рається, а якъ до рта ведеться, то радистъ прыбавляеть-
ся. Прилуцкій у.

243. Якъ схоче, то й на гору выйде, а якъ не
схоче, то й зъ горы не зйде. Звенигородка.

244. Якъ удавнытьсе, то ще й піѣсня буде (якъ
довго побуде, то стане писнею). Жеведь Черниг. у.

245. Якъ щытать корову по вдою, то молока не
йисты. Каневскій у.

Загадки.

Доставлены: **Е. Н. Гаврилеемъ** (Нѣжинск. у.), **Г. С. Неводовскимъ**
(Остерск у.), **В. Ф. Степаненномъ** (Каневск. у.) и **М. С. Чудновской**
(с. Выбли Черниг. у.).

1. **Верства.** Самъ не бачыть, не чуе, а всимъ доро-
гу вказуе.—Нѣжинск. у.
2. **Видро.** Деревьяне, подвязане деревомъ—Нѣж. у.
3. **Виль.** Народыться—на дудку грае, вырасте—поля

- юпас, а вмре—прочыщае,—Канев. у. Номисъ, № 109.—
ринч. П., 310, № 1.—Семент., 336.
4. **Выла.** Внизу рога, а вверси хвистъ—Нѣжин. у.
- 5—6. **Вытушка.** 1. Прыйихалы гости, стали на помости,
розипъялы, розставылы свои руки-кости. Каневск. у.—
2. Въ одному гнизди чотыри ярма.—Нѣжинск. у.
7. **Голна.** Кынувъ Орыну черезъ долину,—де впала,
тамъ и пропала—Каневск. у.
8. **Жорна.** Чотыри стоятъ, одинъ верне.—Нѣжин. у.
9. **Замокъ.** Мовчанъ собачка всего дому стереже.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 274.
10. **Заступъ.** Изъ тюрьмы та въ тюрьму скаче.—Выбли
Черниг. у.
11. **Звидъ до крыныци.** Журавель у нору, а яйца
нагору—блысь!—Каневск. у.
12. **Наблучка и палець.** Сыдыть пани на майдани,
прыйшовъ панычъ, каже: — «Позычъ».—Вельке маешъ, у
мое не вбгаешъ».—Остерск. у.
13. **Каганецъ.** Чорна мазнычка. а золоты пыпныкъ.—
Нѣжинск. у.
14. **Кинь: хвистъ, очи, уши.** Симсотъ свыще, чотыри
тупоче, дви дывыться, два слухае.—Нѣжинск. у.
- 15—16. **Ключъ и замокъ.** 1. Сандачыть, сандачыть,
поки дирку побачыть, а якъ дирку знайшовъ, по шыю въ
неи зайшовъ.—Каневск. у. — 2. Бижыть гонецъ, выстро-
мывъ конецъ, якъ дирку побачывъ, туды й засандачывъ.—
Каневск. у.
17. **Колеса и кинь.** Чотыри браты та уси горбати,
а пъятый Хома и той зъ хвостомъ.—Выбли Черниг. у.
18. **Колядны.** Загадаю загадку, перекину черезъ хатку,
пошла загадка въ походъ, а вернулась черезъ годъ.—
Нѣжинск. у.
19. **Конопля.** Стоить верба, на верби много гилля.
Нѣжинск. у.

20. **Корова и овечна.** У рули чотыри кгули, а у стрыли дви.—Нѣжинск. у.

21. **Коромысло.** Бисъ на бабу полизъ, на баби впо- тивъ та на дивку схотивъ.—Остерск. у.

22. **Кропыва жалыть.** Олена зелена, поцилуй—свер- быть, болыть и чухаты хочеться.—Каневск. у.—Номысь, № 211.

23. **Курка.** Бигает Мотрушка у ста кожушкахъ, якъ витерь повіе, то й спына замріе.—Каневск. у. Чуб. I, 310; Ном., № 75; Закр., 84; Семент., 360—361.

24. **Ложна.** Булава, а въ ротъ лизе.—Нѣжинск. у.

25. **Лысыци на викни.** Що саме лучче квиткы робыть? — Нѣжинск. у.

26. **Льонъ.** Стоить трава зеленая, а на верси 20 голуивъ.—Нѣжинск. у.

27. **Лянтва (?)**. Не гришнее, а повищене. — Нѣ- жинск. у.

28—29. **Млынъ.** 1. Крутыться, вертыться й Бога не бойиться.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 425.—2. Дубъ-верто- лубъ, а на дуби хатка.—Нѣжинск. у.

30. **Молоко птыче.** Чого не було й не буде, а його называють люде? — Конотопск. у.—Нѣжинск. у.

31. **Мрець у труни.** Деревяный пырожокъ начыне- ный мясомъ.—Нѣжинск. у.

32. **Муихъ.** И въ васъ, и въ насъ поросюкъ завязъ.— Нѣжинск. у.

33. **Небо, зирны, сонце, мисяць.** Розисланный кожу- шокъ, посяанный горошокъ, а на краяхъ хлибъ и пивъ хлиба.—Каневск. у.

34. **Нижъ.** Изъ кинця колодочка, а на кинци гостре.— Нѣжинск. у.

35. **Нисъ и пальци.** Одынъ пыщыть, а пъять та- щыть.—Нѣжинск. у.

36. **Овоць.** Що безъ диркы нальвается?—Нѣжин. у.

37. **Очи, нисъ и ротъ.** Моргунъ, хапунъ и сопунъ.— Нѣжинск. у.—Номысь, № 222. Закр., № 14. Семент., № 73.
38. **Павутыня.** А що въ хати нетесане й чоловікомъ не роблене?—Каневск. у.—Номысь, № 329;—Чуб., стр. 313;—Закр., № 115;—Семент., № 250.
39. **Паперъ.** Кынь на землю—не розбѣється,—кынь на воду—росплыветься.—Нѣжинск. у.
40. **Перо.** Безъ языка, а все скаже.—Нѣжин. у.
41. **Пивень.** Родився, не хрестывся, писнею Богу згодився.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 72.
42. **Пичъ.** Злизъ на мене, поялозь мене,—я покращаю.—Нѣжинск. у.
43. **Помело.** Прийшла пани въ сыньому жупани, шаталася, моталася, пудъ пичъ заховалася.—Остерск. у.—Номысь, № 331 и 334;—Семент., № 239 и 240.
44. **Ратыще.** Изъ конца гостре, а изверху хвистъ.—Нѣжинск. у.
45. **Росколына.** Що въ хати само робыться?—Нѣжинск. у.
46. **Рыба.** Есть крыла,—не летаю, нуигъ нема, а гуляю, по земли не хожу, на небо не гляжу, зуиръ не щятаю, людей не знаю.—Нѣжинск. у.
47. **Самуваръ.** Стоить хлопецъ на мосту, крычить: «Усихъ оболлю».—Нѣжинск. у.
48. **Снипъ пашни.** Тысяча бративъ звязаны, на матиръ поставлени.—Нѣжинск. у.
49. **Сонце.** Стоить дубъ-вертолубъ, на туймъ дуби вертолуби сидить птыця-вертолыця, ни хто ййи не достане—ни царъ, ни цариця.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 17;—Семент., № 5.
50. **Соняшныкъ.** Стоить дубокъ, а на верси картузокъ, въ картузку много дитокъ.—Нѣжинск. у.
51. **Соплякъ.** Що морозу не бойиться, а ще на верхъ вылазыть?—Нѣжинск. у.

52. **Сосульки на стриси.** Що вверху коринемъ росте?—
Нѣжинск. у.

53. **Стриха.** Що внизъ дывыться?—Нѣжинск. у.

54. **Телямъ.** Чымъ сперва вуиль ходывъ?—Нѣжинск. у.

55. **Трое.** Ишли мужъ изъ жоною и братъ изъ сестрою, и шурынъ изъ зятемъ, найшлы вони яблуко й розризали на четверо та й не подиляться: взять по четвертны — одна остається; а взять по дви — одному не стае. Скуилько йихъ було? — Нѣжинск. у. — Номысь, № 257.

56. **Хата, покривля.** Основа соснова, пидткання соломьяне.—Каневск. у.

57. **Ципокъ.** Ни очей, ни плечей, а старцуивъ водять.—
Нѣжинск. у.

58. **Ципъ.** Лищынка й дубокъ, въ середины шкура-токъ.—Нѣжинск. у.

59—60. **Цыбуля.** 1. Марушка-семыкожушка, якъ допече, то й вода потече.—Нѣжинск. у.—2. Сыдыть сыдухавъ семы кожухахъ, а ще посынила.—Нѣжинск. у. Номысь, № 184.

61. **Чоботы.** Дусели, дусели, лизте на мене.—Нѣжинск. у.

62. **Навишо жыто сіють?** — Бо садыть не можна.—
Каневск. у.

63. **На чимъ стойить викно?**—На дирци.—Каневск. у.—
Номысь, № 281.

64. **По чому жыто сіють?**—По рилли.—Нѣжинск. у.

*Матеріалы, поступившіе во время
печатанія книги.*

Къ отдѣлу I-му.

339. Кишка.

1. Якъ киньмы йидешъ, такъ не можна кишку або
кота на визъ браты, а якъ воламы такъ можно.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

2. Не можна кишку на визъ браты, бо хочъ вона и
не важка, якъ ййи пидняты, а конямъ дуже важко, якъ
вона на вози, такъ, шо й прыстануть. Хочъ такъ поло-
жы, шо кони й не бачытымуть и хочъ четверыкъ за-
пряжы, такъ усе одно прыстануть.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

340. Мыши.

Якъ мышей багато заведеться, то выжывуть съ
того мисця.

Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

341. Гадюка.

— Моя невіѣстка такъ оце журытьсе: Кузьма вже
четыри дни хворый лежыть.

— Шо жъ йому такє?

— Погана штука йому случыласє: самъ собіѣ лямъ здобувсе. Бачыте, вуонъ на поліѣ бувъ, оравъ и вже чѣ вуонъ выоравъ гадюку, чы де вона взеласє, я вже не знаю. Ну, туолькы бачытѣ вуонъ, шо гадюка и така злорова, а вуонъ излякавсе и давай йійѣ люшнею бытѣ. Вуонъ же бѣе, а вона проты його такъ и зопнетѣсе, такъ на хвустѣ зопретѣсе да такъ и зопнетѣсе та такъ сымчѣ. А вуонъ йійѣ люшнею. Добре попоганявсе, покуль убывѣ такы. Та съ того дня й лежытѣ: болытѣ усе и такъ начє пропасныця трусытѣ. И зовсимъ не здужає ничого робытѣ. Волочытѣ уже чоловіѣка одного попрохавъ за себе. Хто зна, шо йому й робытѣ теперъ? И на шо було йійѣ займатѣ?

с. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

342. Жыве серебро.

II. Це озерце мабутѣ одъ розльву zostалося? Довго якъ не высыхає.

— Ни, це озерце не одъ розльву. Це такє озерце, шо може колысь и Десна высохне, а воно ни.

— Чому жъ то такъ?

— Це, бачыте, якєе озеро. Колысь тутѣ, кажутѣ, зовсимъ трохы воды було. А одынъ чоловикъ и выкинувъ туды жывого серебра. Не мало й укынувъ: хунтѣ, чы може й два. Такъ воно якъ почало крутытѣ, якъ почало крутытѣ, та выкрутыло такъ, шо й дна не можна достать. Вы глянтѣ, якъ по йому витерѣ хвылю гонє. Такъ и выдно, шо глыбыня.

— На шо жъ той чоловикъ жывого серебра кыдавъ?

— Ну, значытѣ, уже йому треба було. То такыи чоловикъ бувъ, шо...

Звощыкъ озырнувся на озеро и не ставъ билше про його розмовляты.

М. Н. Гринченко по дорогѣ изъ Чернигова на вокзалъ. 1898.

II. Чы правда, що живого серебра не можна у ріѣчку кыдаты? У насъ кажуть, шо не можна.

— Чому жъ не можна?

— Кажуть, шо яму здорову выкруте. У насъ у ріѣчціѣ не було ямы, а теперь стала та така глыбока. Такъ хлопци кажуть, шо то воны живого серебра вкынулы, такъ воно й выкрутыло.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 году.

Къ отдѣлу II-му.

343. Про годышу.

1. Качкы и горобци хлюпощуться на дощъ, а якъ дзюбки ховають пидъ крыла—холодъ.

2. Якъ у вуси свербыть,—буде дощъ.

Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

344. Дытына.

1. Якъ нарощенному завъязують пупокъ плоскинню, то не буде йому ладу у жытти.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

2. Якъ дытына стуляе кулакы, то скупе буде, а якъ растуляни долони держыть, то буде щедре.

3. Якъ пелюшка заночуе на льори, то дытына не спатыме.

4. По заходъ-сонця не вынось купелю на двуиръ—дытына неспокойна буде.

№№ 2—4 записалъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

345. Хвороба. Смерть.

1. Не годыться личыть зубивъ у роти, бо падатымуть.

2. Переступаты черезъ коромысло не годыться, бо спына болитыме.

3. Якъ несуть мерця, то не годыться у викно дывыться.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко,

4. Хворы мисце перемина—на смерть.

5. Нисъ свербыть — на покойныка, а переносья на смерть.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

6. Якъ хто гукае уночи пидъ викномъ, такъ треба лаять: «Иды за чортовымъ батькомъ!» або «За лысымъ дидомъ!»... Воно й пиде. А обзыватися не можно, а то ше хто вмре.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ, Черниг. у., въ 1900 г. Харьк. г.

346. Йижа.

1. По заходи сонця не годыться почынаты хлиба ризаты.

2. Не годыться зъ ножа хлибъ йисты.

3. Не годыться въ молоко крышыты хлиба ножемъ, бо корова захворіе на жывить.

4. Якъ умре хто въ сели, не клады въ той день ва-рева въ погрибъ—буде сныдиты.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

347. Кваша.

— А то ще хотілося мінії дознаться, якъ квашу звать, такъ matka, ажъ была мене, щобъ не дознавалася.

— Та якъ же це якъ квашу звать? И за що жъ васъ matka была?

— Та знаете, въ насъ такъ кажутъ, шо квашу якось звать, ну не коженъ знае якъ, и не можна визнавати, бо якъ хто есть у хати такой, шо знае, такъ уже тоды хочъ не робы кваши, бо не вдасться. Такъ мене matka й была, щобъ я не визнавала, а то бъ и въ насъ кваша не вдалася.

— А есть же въ васъ у сели таки, шо знаютъ, якъ квашу звать?

— Ну, звісно есть. Тамъ у насъ одинъ чоловікъ, такъ вонъ до безконешности квашу любить, ну знае, якъ йийъ звать, такъ у йихъ зроду не вдасться. Уже якъ схочуть, щобъ удалася, такъ у сусіѣдъ роблють, або хочъ и дома, такъ такъ, щобъ вонъ не знавъ, бо якъ узнае, такъ усе одно хочъ заразъ геть выльи, бо не вдасться. Спасыбы матціѣ, шо мене тоды побыла, а то якъ бы знала, такъ и въ насъ бы не вдалася, а я жъ йийъ шо люблю!

С. Жевель Черниговск. у. М. Н. Гринченко 1900.

348. Одежа.

1. На соби одежи не зашивай, бо й разумъ зашьешъ.

2. Хлопцямъ не годыться намыста надиваты, бо будуть вовка боятысь, а дивчатамъ — шапки, щобъ урокивъ не боятысь.

3. По дви шапки не годыться надиваты, бо дурнымъ будешъ.

Каневскій уѣздъ В. Ф. Степаненко.

349. Гарбузы.

I. Ты жъ гледи, у Переплавну середу гарбузы посади. Та не поленись, раненько встань, шобъ до сходу сонца вже й посадила. Такъ шо солодкїи будуть!

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ с. Котовъ Черниг. у., въ 1900.

II. Треба пустоцвиту зъ гарбузивъ позривати та мижъ череду кинуты, такъ дуже багато гарбузивъ буде. И зъ огиркивъ такъ саме.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко 1900.

350. Свїйська тварь.

1. Якъ собака потягнеться на кого,—той подарокъ получе.

2. Якъ собака вые, пиднявши вгору голову, то ан пожарь, а якъ унызь опускае—на мерця.

Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Не колялуй у писть, бо куры не нестымутъся.

4. Не перевертай куркы, бо не нестыметься.

5. На Благовисныка ничего не шля гребты, шобъ куры не греблы грядокъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

6. Вы знаете, шо якъ бубобъ цвите та макъ, такъ гусяткамъ тоды дужей погано буває. Якъ попрыходють до дому, такъ якъ п'янийи, такъ и валяютьсе, та дохнуть. Я вже й сама не знаю, чога воно такъ, а туюльки добре знаю, шо покуойна матка такъ було плаче, якъ макъ цвите, бо то вже знае, шо дохтываютъ. Уже було вона й ихъ и гнїздомъ подкуруе, знарошне було гусяче гнїздо зоставляе, и чога вона й имъ не робыть! И чога воно такъ? Шо вже жъ вони тоды й чымалыйи поростуть, а дужей й имъ нездорово буває. Чы то може духъ такый одъ маку недобрый на й ихъ буває?

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

351. Не годяться робыты на порози.

1. На порози не годяться зустрічатись.
2. Черезъ поригъ ничего не подаваты: не годяться.
3. Рубаты до порога не шля.
4. На порози йисты не годяться.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

352. Що и колы не годяться робыты.

1. Проты п'ятниці не годяться мыты ложокъ.
2. Винька не годяться кыдаты у пичъ,—сажа займатиметься.
3. Жинкамъ топтаты помела не годяться.
4. Проты велького свята зъ свитломъ не годяться выходьты на двиръ.
5. Понедилокъ та четверъ важки дни.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

353. Якъ продаваты.

Якъ несешъ або везешъ на базарь, щось продаваты, такъ не треба ставаты на дорози, якъ хто хоче купыты, бо добре якъ купыть, а якъ не купыть та заторгуе, то вже ништо бильшойи цины не дасть, а то й зовсимъ не продасы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

354. Злагода.

1. Шобъ була злагода, треба суиль на хлиби передавать.
2. Ножа не даруй: посердышся.

Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

Къ отдѣлу III-му.

355. Ночныця.

Я бѣ хотила, щобъ на мене ночныця напала, щобъ не спаты... А то такъ сплю!

С. Жеведь, Черниг. у. Б. Д. Гринченко.

356. Золотуха.

Одъ золотухы помагають золоти сережки, куплени безъ торгу.

Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

357. Грызь.

— Прийшла до Одарки, щобъ нуогу погрызла. Оце прийшла въ городъ, а вона такъ дужей заболѣла. Ду маю, шо жъ воно такее? Уже жъ минѣ не первына въ городъ ходыть. Коны слухаю, ажъ рыпыть,—ну, грызь значыть. Такъ оце й прощу Одарку, щобъ погрызла. Вона жъ послѣдняя, такъ одъ йѣ поможетьсе. Одъ первого й одъ послѣднього помогаетьсе, а одъ сере редульшыхъ уже нѣ. И чого воно такъ?

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ Черниговск. у., въ 1900 г.

358. Отрута жабою.

— Ой Боже мій! Така въ мене болисть, шо вже ма-
буть навикы я нещасна черезъ нейи буду. Хочъ бы вже
и вмерты, такъ не дае Богъ смерты.

— Шо жъ у васъ болять?

— У животи болыть. Дано мени. Ось нате, полапайте, якый у мене жывить; а теперь прытулиться отутъ вухомъ та послушайте. А шо, чуєте?

— Ничого не чую.

— Ой, Боже мій, якъ же такы вы не чуєте? И шо жъ мени на свити Божому исъ такимъ лыхомъ робыты?

— Та роскажить же, шо вамъ таке?

— Охъ, лышенько мое тяжке! Хазяйинъ мій, то жывъ якъ слидъ, а то й почавъ ходыты до одніейи удовы, полюбовныця, значыть, вона йому була. Мени й сказано. Господы, шо я попомучылася! Уже жъ такы мы не молоденьки, сына оженыты диждали, а винъ отаке надумавъ. Я вже ййи й не чипаю, бо такы жъ и проты свойихъ дитей, и проты людей соромъ, шо отаке на старистъ. А йому кажу нышкомъ, уговоряю. Такъ и не блызко, такимъ важкымъ духомъ на мене дыхаты почавъ. Ну, вже терплю, а винъ уже такъ почавъ носыты до нейи, шо вже й сынови выдно. Такъ йй же мало того: схотилося замижъ за його питы, шобъ уже все хазяйство посисты. Такъ вона й надумала мене зъ свиту звесты и сына. На весилли увъ одныхъ людей гулялы мы, и вона гуляла, такъ вона тамъ и дала и мени, й сынови.

— Чого жъ вона дала?

— Мени чоловикъ такый, шо знае, росказувавъ. Я, якъ сталося мени лихо, пойихала до його, такъ винъ и каже: «Це,—каже,—тоби дано, чорнява молодыця у горилци дала». А шобъ дала, такъ и казаты страшно. «Узяла,—каже,—жабу та съ чорнойи гадюкы голову, высушыла, зомъяла та въ горилци й дала. И я,—каже,—тоби не поможу, шукай людей». Я зновъ до бабы пойихала,—не пособылося. Нездужаю та й годи: сама сохну, а жывить росте. Бачыте, якый вырисъ, це його кубло такъ роспирае.

— Яке кубло?

— Та вони жъ выплодылыся тамъ. Та, Господы, якъ заворушуться, якъ почнуть крюкаты, то вже, якъ бы гриха не боялася, то смерть бы соби заподіяла. Другый годъ оце мучымося и я, и сынъ.

— И въ сына жъ така хвороба?

— Ни, винъ тилькы сохне. Йому такъ и дано, щобъ сохъ. Де вже я не була, кого не пытала, такъ ниhto не пособляе одъ цюго лыха. Оце прыйшла до святагеля Феодосія, одговіюся, та може чы не напытаю людей, бо тутъ, кажуть, багато народу буває.

— Хотите, бабо, я поведу васъ до ликаря та попросю, щобъ прыняли васъ у ликарню, може тамъ пособлють?

— Э ни, спасыби вамъ, що клопочетеся, а тилькы я туды не пиду, не хочу.

— Чому?

— Мени вже давно казано: иды, бабо, до ликаря! а я не йду. Хыба я ликаривь не знаю? Вони, звисно, ради булы бъ, якъ бы я до йихъ пишла исъ такою болистю: «Отъ, бабка, харашо сдилала, шо прыйшла, мы тебе выличымъ». А якъ бы бабка була дурна та послухала бъ йихъ, то вони бъ ййи швыдко выличылы. Дали бъ бабци такого, щобъ заснула та ничего не чула, та жывій и розризали бъ жывить.

— На шо?

— На те, щобъ подывыться, що тамъ таке, бо така болюсть не часто буває, такъ йимъ и треба роздывыться. А тоди зварылы бъ бабку на кгокголь.

— На якый кгокголь?

— На такый, щобъ людей нымъ личыты. Та й нехай диты шукають тоди матери. Ни вже, спасыби вамъ, шо клопочетеся, а я до ликаривь не пиду. Вже якъ не найду соби людей, щобъ пособылы, такъ пиду додому та й дождыдатыму смерты. И выповидаюся, и запрычастюся, и поховають якъ слидъ. А то пишла бъ я до ликаривь, щобъ

зриси
Ой-ой
М.

359.

самъ
стары
рнты
внты
вми
за г
хлор
(зт)
тат
де
а і

заризалы та зварылы, та й пропадай хрыстыянська душа...
Ой-ой-ой, уже заворушылыся!..

М. Н. Гринченко отъ прочанки изъ Полтавщины, въ 1898 г.

Къ отдѣлу IV-му.

359. Нечыста сыла у непосвяченій хати.

Була въ чоловіка хата непосвященная. Винъ бувъ самъ, а до його ходывъ небожъ ночуваты. На ту ничъ старшый небожъ не хоче йты: — «Дидь, — каже, — говорыть зъ кымсь». И меншый не хоче, вже сылою його вытаскалы. Дидь спавъ на печи, а хлопецъ на полу. Ажъ влитае наче коршыкъ красный зъ верха. Дида заразъ за глотку, перекусывъ йому глотку, подравъ бикъ, а хлопця даывъ, а той кынувся тикать, а хата защабнута (хто його знае звидкиль). Коло порога языка йому вытягъ, подравъ когтямы груди...

Назавтра не одмыкаються, ничего не чуть. Такъ люде зибралыся, одбылы двери, ажъ дидь совсимъ мертвый, а въ хлопця языкъ вытягнутый.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу V-му.

360. Москаль и упырь.

Ишовъ москаль зъ службы, ажъ у лиси стойть хатка, а у хатци лежыть мертвецъ и всего наготовлено: и горилка на столи, и сало, и все... Винъ найився, напывся, та тилкы ставъ хрестытыся, ажъ мертвецъ и встает. Москаль перелякався и сивъ на лавци. И собака чорный

лежавъ тамъ. Такъ мертвецъ зсунувся, а москаль хотивъ зъ хаты; мертвецъ його за полу, повалывъ його та й задушывъ. Людей насходилося та москаля однесли въ церкву, одправили надъ йимъ панахыду, а того мерця положили въ труну, обложили дошками, та тоди привели другого москаля, щобъ винъ штыкомъ пробывъ труну, щобъ и груды мерцю проколовъ. Пробывъ той труну, выскочыла кровъ, попала попу на рызы, пидняло його високо и той убывся.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

361. Щобъ видьма не влизла.

Протывъ Ивана застыркують кропыву за викна, щобъ видьма не влизла.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣму IX-му.

362. Про жинку скупого чоловика.

Бувъ соби на сели одинъ чоловикъ—такий скупый, що не дай Господы! Жинка його скильки не заробить, а все ходыть у драному и боса й гола, ше й голодна. Жалко йй дитокъ, та ничего не може вдіять, такий поганный у нейи бувъ чоловикъ: скрыню одъ нейи замыкае и ничего йй не дае, а самъ на себе тратыть. Пишла тая жинка до попа—росказала усе. А пипъ каже:

— А ты ось що зроби—умры. Я тебе наче поховаю, потимъ побачымъ, що буде. Нехай тильки про це знае твоя кума, а бильшь ниhto.

Пошла тая жинка та й каже усе куми, щобъ вона прыйшла, якъ вона вмирать буде. На другый день жинка тая лягла та й стогне. И кума ййи прыйшла.

— Идить, каже, куме, жинка ваша вмирае.

Вона певне знае, що то тилькы кумедія.

Прыйшовъ чоловікъ, подывывся, баче, що справди такы вмирае. А винъ ййи не любывъ.

— Дайте жъ хочъ билу сорочку на мертву надить,— каже кума.

Винъ вытягъ зъ скрыни таку драгу сорочку, що кума якъ надила, дакъ и соромъ дывыться: ажъ гришне тило свитыться. Закрыла вона ййи рядомъ, поклала вже й у труну.

Тая жинка чуе, що биля нейи диты плачуть. Якъ ййи, бидній, було лежаты! Але вона все терпила. Тоди була зима, то на кладовыще ништо не пишовъ: тилькы чоловікъ, кума, та тйи люде, що неслы. Оце вже треба ййи ховать у яму, та ни на чимъ спуськать. Батюшка каже до чоловіка:

— Иды додому да прынесы полотно.

Винъ пишовъ додому за полотномъ, а батюшка вже каже жинци:

— Вставай швидче!

Вона встала. Кума надила на нейи кожушанку.

— Бижы,— каже пипъ,— до мене.

Побигла жинка до попа. Прынисъ чоловікъ тее полотно, труну порожню поховалы. Жыве тая жинка у батюшкы, а чоловікъ зъ дитьмы бидуе: хата не топлена, диты голодни й не мыти. Не знае винъ, що зъ нымы робыты. Клыче його батюшка до себе на роботу. Колись увйшовъ тый чоловікъ у хату, баче—жинка коло печи пораеться.

— Якъ бы оце я самъ не бачывъ, батюшко, якъ вы мою жинку ховалы, то подумавъ бы, що це моя жинка,— каже мужыкъ до попа.

А пипъ йому каже:

— Се удова зъ сусиднього села; вона въ мене другий рикъ живе, дуже гарна жинка: роботяща така.

Черезъ килькы днивъ прыходить чоловикъ зновъ до попа.

— Се я,—каже,— хочу одружиться, та не знаю, чи пйде жъ хто за мене, що въ мене дитей багато?

— А може моя наймычка й пйде? Та тилькы я боюся йий и казаты про тебе, бо ты и зъ нею будешъ такъ жить, якъ зъ першою. Ты въ гости и до шинку, а вона дома. Ты гарно вдягнутый, а вона въ драній спидныци.

— Йий Богу, батюшко, теперь уже я такъ не буду, абы ся жинка пишла за мене.

— Та хто жъ його знае? Може й пйде? Я зъ нею поговорю—каже пипъ .

Дакъ у того чоловика ажъ очи загоримься—такъ уже йому тая жинка подобалась. Винъ до нейи усе прывляється, а вона скаже слово, два, та й зновъ за роботу. Не дуже то на його й дывыться.

Зновъ прыходить чоловикъ до попа, а його нема дома. А пипъ уже навчывъ жинку, що треба й казаты.

— Се,—каже,—я до васъ. — Та й ставъ коло порога и очей не зведе.

— Та чого жъ вы стали коло порога? Идить сюды,—каже його жинка.

Вытягла зъ пемы млынцы, поставыла на стиль горилку. Винъ такой радый. Пойивъ, попывъ, потимъ каже:—«Се я прыйшовъ до васъ, та боюсь, що вы й слухаты мене не схочете».

— Та кажить уже, може й послухаю.

— Чы не пйдете вы за мене замижъ? Въ мене дитей багато, та ще й мали.

— Дакъ шо жъ? Я дитей люблю.

Винъ такой радый, а вона ще бильшь. Повинчавъ йихъ батюшка. Якъ увишла вона въ хату, то старша

Мачуха думает:—Якъ вона похожа на нашу матинку, та чы
буде жъ вона така добра, якъ маты?

Чоловикъ каже:

— Мы ляжемъ на пичь, а диты нехай доли сплять.

А въ нейи ажъ сердце болыть, та вона йому ничего
не каже. Винъ клыче старшу дочку:

— Нахыльсь, нехай маты на твою спыну стане, щобъ
на пичь злизты.

Бидна дытына думает: Якъ наступыть мачуха на
спыну, то й кисткы поламае. А вона легесенько ступыла—
тыльки шо доторкнулась ногою.

Тоди диты лежать та нышкомъ розмовляють: «Ма-
будь и мачуха така буде добра, якъ маты». Зъ того часу
взяла тая жинка все добро въ свои руки. Диты вже
не спалы доли. Вона гарно одягнута. Шо хоче те й ро-
быть. Чоловикъ зовсимъ другый ставъ. Выйдутъ диты
на вулицю, дакъ инши кажутъ: «Въ насъ мачуха
лыха». А вони кажутъ:—«А наша мачуха така добра,
якъ ридна маты».—Такъ отъ якый чоловикъ зробывся,
якъ удруге побрався зъ своею жинкою.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго
уѣзда, Черниг. губ., Василисы Наконечной.

363. Стрыжено! Стрыжено!

Йихавъ чоловикъ зъ жинкою полемъ. Було се ли-
томъ, саме о ту пору, якъ на поли такъ хороше, такъ
весело та любо, шо й додому не хочеться. Йихалы вони
дорижкою помижъ пашнею. Кобыла тупае соби пома-
леньку, а лоша попереду—вскубне трохы травыци, зробыть
выбрыка та й дали. Дывыться чоловикъ, хтось на ныви
ячминь покосывъ.

— Дывись,—каже,—жинко: вже й ячминь покошено.
А жинка каже: «Стрыжено».

Булы вони въ кума въ гостяхъ, дакъ ще тамъ жинка чогось росприндылась. Чоловикъ подывивсь на нейи та й каже:—«Опъять?»—А вона закопылыла пысокъ та й одвигуе:—«Опъять».—«Жинко, — ставъ винъ изновъ казаты,—мовчы колы хочь!..»—«Чого я буду мовчаты?»—«А чого жъ ты перечышъ: стрыжено, колы воно кошено.» А вона изновъ:—«Ни, стрыжено!»—«Ой, та будешъ быта; кажуть тоби: кошено!»—«Стрыжено!» Чоловикъ зопынивъ кобылу. Злизъ винъ зъ воза та й пытае, держучы батигъ наготови: — «Чы кошено?»—«Стрыжено!»—«Злизъ зъ воза!»—grimнувъ на нейи чоловикъ: А вона:—«Не злизу!»—«Геть зъ воза, кажуть тоби!»—«Не злизу я зъ воза... чого я злизу?»—«Злазь, тогди побачымо, чы кошено!» А вона изновъ:—«Стрыжено!»—«Брешешъ, кошено!»—закрычавъ чоловикъ та й почавъ ййи чустрыть батогомъ. Чустрыть та прыговорюе:—«Кажуть тоби: кошено! Кажуть тоби кошено! Бисова баба ажъ пыцтыть пидъ батогомъ та знай свое грае:—«Стрыжено! стрыжено!»

Кобыла, почувшы, якъ чоловикъ трактуе батогомъ свою жинку, стала комызыться, трохи воза не перекинула; побигла бъ, дакъ хазяйинъ въ одній руци вижки держыть. Бачыть чоловикъ, що зъ сього дыва не буде пыва. сивъ на визъ та й пойхавъ дали.—«Ось потрывай,—каже,—суча дочко, прыйидемо до господы: буде въ мене кошено!»—«Стрыжено!»—«Буде й кошено!»—«Стрыжено!»—«Потрывай! потрывай! Буде й кошено!»

Прыйихалы додому. Ставъ пытать чоловикъ жинку:—«Чы кошено?» А вона изновъ:—«Стрыжено!» Пйймавъ винъ ййи за космакы та й потаскавъ до коморы.—«Кажы, суча дочко, чы кошено?»—«Стрыжено!»

Роздягъ винъ ййи, прывъязавъ до стовпа та й почавъ частуваты батогомъ. Бывъ, бывъ, а потимъ пытае:—«А чы, що кошено?»—А жинка изновъ свое:—«Стры-

жжено!»—«Ось постой же!—каже ййи чоловік: я тебе, про-
жлятушу бабу, втоплю!»—та й потягъ ййи до ричкы.
А ричка була недалечко, заразъ на городи.

Прывивъ до берега, пытае:—«Кажы, шо кошено, бо
втоплю!» А вона:—«Стрыжено!» Винъ ййи шубовть у воду!..
Подержавъ трохы въ води—вытягъ, пытае:—«А шо, чы
й теперь стрыжено?»—«Стрыжено!»

Винъ ййи изновъ у воду... Отъ-отъ пропаде дурна
баба.. ажъ бульбашкы стала пускаты, а ще такы пидня-
ла зъ воды руку та й стала выробляты пальцямы такъ,
яче кравецъ ножицямы риже: се бъ то: — «Стрыжено!
стрыжено!»

Бачыть чоловікъ, шо нельзя здолаты завзятойи
бабы, вытягъ ййи зъ воды та й плюнувъ.

Полтавская губ. Л. И. Глѣбовъ.

364. Чортъ посварывъ чоловіка зъ жинкою.

Бувъ соби на сели мужыкъ зъ жинкою, жылы во-
ны гарно багато рокивъ, николы мижъ нмы не було
сваркы. Чорту ажъ нудно стало, шо вони такъ гарно
жывуть. Винъ всякъ думавъ, якъ бы йихъ скусыть. Пры-
йшовъ винъ у хату до жинкы, вона саме пичку топыла.
Самъ одягнутый якъ мужыкъ.

— Ось, каже, якъ ты гарно зъ чоловікомъ живешъ,
а винъ сю ничъ умре.

А вона каже:

— Лышенько! Чого жъ се винъ умре?—Злякалась.

А винъ каже:

— Стій, молодыце, не лякайся! Ось я тебе навчу, шо
робыть. Якъ винъ засне, то ты йому пидъ шыею одрижъ
тры волосыны. Та якъ будешъ ризать, то не рижъ ни
ножемъ, ни ножицямы, а брытвою. Тоди твій чоло-
викъ буде жывый.

Дакъ жинка не знала, якъ дождаты вечера. Приготовыла брытву, а чортъ пишовъ до ййи чоловика, що въ поли оравъ. Чоловикъ зъ наймытомъ оддыхають писля обиды, и чортъ сивъ зъ нмы; попросывъ у мужыка воды. Выкресавъ вогню. Закурылы. Тоди чортъ каже:

— Отъ якъ ты гарно зъ жинкою живешъ, а вона тебе сю ничъ зариже.

А чоловикъ не йме виры.

— За шо?—каже.

А чортъ каже:—Отъ побачышъ.

Чортъ попрощався та й пишовъ, а чоловикъ засмутився дуже.

— Чого жъ се вона мене вбъе? Мо въ нейи другий е?

Ще й рано було, а винъ каже наймыту:

— Пойидьмо вже, сыну, додому.

А наймытъ каже:

— Та чого жъ, дядьку, такъ рано додому? Може огонь дви ще проженемъ?

— Колы мени, сыну, щось не spokійно: руки трусютъся и плуга не вдержу.

— То й пойидьмо.

Прийихалы до ворить, а жинка выскочыла зъ хаты.

— Чого се вы такъ рано прийихалы? Поламалось що, чы шо?

— Не поламалось. Утомывся,—каже чоловикъ. А сердце въ його болыть, болыть, що отъ-отъ смерть.

Попоралы скотыну. Силы, повечерялы. Жинка скореньки послала постиль.

— Лягай, чоловиче, колы тоби недобре, а я ще горшки помыю та ложки писля вечери.

Винъ лигъ. Чуе жинка, що чоловикъ спыть (а винъ нарочыто прытайився), закачала рукава. Поставыла каганецъ бльжче, щобъ краще роздывтыся, де тйи волосыны на горли. А въ його справди була тамъ бородавка зъ трома волосынамы.

Взяла жинка бритву и прыступае до чоловіка зъ жахомъ. Серце въ нейи затайилося, руки трусются. Тильки протягла зъ бритвою руку, а чоловікъ ййи за руку:

— А що се ты хочешъ скойиты? Надойивъ?

Та й давай ййи быть. Бывъ, бывъ—тильки шо жыву оставывъ.

Посидалы вони на лавци, та й плачуть обое. Жинка каже:

— За шо ты мене вбывъ?

А чоловікъ пытае:

— На шо ты мене заризать хотила?

Вона одъ болю та плачу не може говорить.

— Подожды, переплачу.

Отъ, потимъ уже, якъ выплакалась добре, тоди усе розказала, якъ було.

А чоловікъ и соби розказуе. Колы чують, шось якъ зарегоче въ синяхъ, та заплеще въ долони.

— А шо, каже, и дождався, а то я вже засохъ пидъ личкою сыдячы та дывлячыся, якъ вы гарно жывете.

Сказавъ и шезъ.

Тоди мужикъ упавъ навколишки и почавъ у жинки прощеніе просыть: — Покры вмру, не буду тебе вже бильшъ быты.

Записала Одарка Романова отъ Василисы Наконечной, крестьянки с. Филевки Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.

365. Якъ жинка чоловіка вбывала.

— Чы вы не чулы чого про Мытрохвана? Чы вуонъ очунявъ?

— Про якого Мытрохвана?

— Та про того, шо йому дивчына межи очы кислоты лынула.

— А! Кажуть шо очунявъ, туольки на одно око слѣпый zostавсе. А це зновъ, кажуть, дѣвка лежить. Мо-

лодыца якась хоті́ла йой очи выпекты, да якась Буогъ давъ, шо не попала въ очи. а туольки выдъ попалыла та руки, не въ мою мі́ру мі́раючы, отъ поты. Та ще, кажуть, такъ хытро: повночи лынула та й побі́гла, шобъ и не знали, хто, шобъ, значыть йой ничего за тее не було. Такъ дозналисє: ді́вка сказала, на кого вона думас. До йие, ажъ у йие юпка попалена. Вона, значыть, якъ лынула, такъ и собі́ на юпку та й попалыла. По тому й узналы, шо то вона зробыла. Якъ по вашо-му: я думаю, шо тую кыслоту скоро зовсі́мъ зныштожуть?

— А воно добре було бъ, якъ бы зныштожылы, бо таке теперь повелосє, шо якъ шо, такъ заразы кыслотою очи выпекты. Бо кожде пидє въ обтеку й возьме, абы гывеныкъ.

— Ні́, оцє въ насъ гомоні́лы людє про одну сторію, до кравца прый́здылы, такъ розказувалы. Кажуть, у Рабцахъ случылосє. Одъ насъ и Рабцы тме недалечко. Дакъ розказувалы, якъ одна жуонка чолові́кови своему хорошей зробыть хоті́ла. Пошла, значыть, до дохтора и каже: «Дайте мині́ мышаку». Дохторъ пытає: «На шо тобі́ мышаку?» Ну, вона вже тамъ шось исказала йому, зві́сно, збрехала. Дохторъ заразы и догадавсє та й думас: Ну постуой же, голубко, я жъ тебе выверу! И давъ йой, замі́сто мышаку, того, шо горло нымъ полощуть, якъ болыть. Ну, вона вже забрала тую суоль, чы шо воно тамъ такєє, и пошла, раді́є вже, шо одурыла дохтора. А дохторъ знавъ, шо вона не въ согласі́и съ своимъ чолові́комъ жывє. Заразы пославъ по того чолові́ка и каже: «Твоя жуонка въ мене мышаку просыла, то вона мабутъ тебе отруйить хочє. Такъ ты не бойся—усє й́жъ, шо даватыме, бо я йой такого давъ, шо не отруиссє. Туолькы прымі́чай, шо якъ вона дасть тобі́ такого, шо сама не й́стыме, такъ ты послі́ його зробысє неначє хворый. Побачымо, шо вже вона тоды ро-

бытyme». Той чоловікъ пошовъ додому и вже прыгледається до йие, примічае, значыть. Отъ вона:

— Шо це въ мене ця курка така чогось смутная? Мабуть йие зарізати треба!

Зарізала, натерла тымъ мышакомъ, шо докторъ давъ, бо вона жъ думала, шо то мышакъ, ижжарыла и подае. Подала, а сама не сіѣдае йѣсти. Чоловікъ каже:

— Чому жъ ты сама не сіѣдаешъ йѣсти?

А вона: «Я, каже, впусти іѣстиму, бо теперъ миніѣ ніѣколи».

Ну, вуонъ самъ найѣвсе добре, тоды й починае, такъ, наче йому вже погано:

— Охъ-охъ! Чогось у мене живуотъ такъ дужей заболіѣвъ!—Такъ стогне и вже й піѣну зъ рота пустывъ.

—Охъ-охъ! Пойду въ хліѣвіѣ ляжу!

Пошовъ, а вона радіѣе, шо вже його взяло. Туольки до хліѣва все біѣжыть, наслухуе, чы ще вуонъ живый. А вуонъ то дужей стогнавъ, а то вже тыхшей-тыхшей, а тоды вже й замовкъ. Вона думае:—«Ну, слава Богу, вмеръ уже». Заразъ узела вировку, пошла въ хліѣвъ, зачепыла його вировкою за шыю и тягне, шобъ повіѣсить.

— На шо то ще й вѣшати, колы вже вона думае, шо вуонъ и такъ неживый уже?

— Такъ шобъ не подумалы люде на йие, шобъ подумалы, шо то вуонъ самъ завіѣсивсе. Ну, значыть вона його зачепыла вировкою и хоче тую вировку перекрынуть угоріѣ та ніякъ не перекрыне. Кыдала-кыдала—ніякъ.

— Треба,—каже,—палку взяти, такъ палкою перекрыну.

Пошла палку шукать, а чоловікъ уставъ, узывъ товкачъ изъ ступы и зачепывъ вировкою, заміѣсто себе, значыть, а самъ пошовъ у хату и люогъ на печи. А вона прийшла съ палкою, тоды вже палкою перекрынула вировку и тягне його. А товкачъ вѣжкый и повночи въ хліѣвіѣ, такъ йой не выдко, и думае вона, шо чоловіѣка

тягне. Повісила той товкачъ и тоды вже голосить и біѣжыть до сусіѣдъ, кричыть:

— Ой ретуйте, муой чоловікъ завісивсе.

Сусіѣды позбіѣгались, засвіѣтили свіѣтло, пошли въ хлібъ, ажъ тамъ товкачъ изъ ступы высить. Вони въ хату, а той чоловікъ на печіѣ лежыть та смейтысе:

— Дывитысе, люде добри, яка въ мене жуонка! То жъ вона мене и труйила, и вішала!

Такъ йіе заразъ и забрамы. Кажуть, шо на віѣки въ каторжну роботу пуойде.

М. Н. Гринченко отъ молодыци Марыи Коваленковой изъ с. Пѣцовъ Черниг. уѣзда, 1900.

366. Старшына.

Въ окружнуимъ суди чытають ришинець одному старшыни: — Ришаемо всихъ правъ состоянния й видъ должности устраняемо.

— Покирно вамъ дякую, господа судди, за ласку; та ще бъ я васъ просывъ по ласци, що-бъ ослобонены й видъ сільського одбутку, та щобъ и на греблю не гонено.

Нѣжинскій уѣздъ. Е. Н. Гаврилей.

367. Старцевы гроши.

Хто й зна, чы се правда, чы такъ брехенька. Кажуть, живъ у одного пана старецъ, и такый винъ бувъ бидный, ну зовсимъ старецъ. А тоди винъ умеръ. И осталася його свыта така погана, шо дворныкъ погыдувавъ ййи и въ руки взяты, а взявъ та выламы й закнувъ на хату. Отъ вона тамъ и лежыть. Ну, треба було хату перекрывать. Сталы тую свыту исъ хаты ски-

дать, а вона вже зогнула. Тилькы взялы ййи на выла, а вона й распалася, зогнула значыть, а гроши зъ нейи такъ и посыпалыся. Воны тоди до пана:

— Такъ и такъ, гроши въ старцевій свыти найшылся.

Ну, забралы ти гроши и думаютъ, шо зъ йимы робыты. Панъ людей избравъ и пытае:

— Шо съ цымы гришмы старцевымы робыты?

Люде прысудылы, шобъ йихъ на вбогыхъ людей виддаты. А панъ каже:

— Ни, не можна на вбогыхъ отдаваты. Ти гроши зъ жадности, бо винъ якимъ старцемъ прыставлявся та все йихъ збиравъ. Йихъ не можна на добре дило повернуты.

Думалы, думалы и надумалы за ти гроши купыты свыней и годуваты. Ну, купылы свыню й кабана и годуютъ йихъ за ти гроши. Свыня поросятъ навела и йихъ годуотъ. Отъ и не стало вже грошей. Панъ каже:

— Вже свыни вси гроши пойилы, шо жъ теперъ изъ йимы робытымемъ?

И прысудылы такъ, шо нехай теперъ свыни самы себе йидять. Якъ зачалы свыни самы себе йисты,—усихъ поросятъ пойилы, зосталыся тилькы свыня то кабанъ. А тоди кабанъ и свыню ззийъ. Отъ иззивъ та й пишовъ. А панъ каже:

— Визьмите десятеро коней и йидьте за нымъ назырци,—куды винъ пиде?

Отъ посидалы на кони и йидуть за кабаномъ, назырци, звисно—не швыдко, бо винъ не швыдко йде, та ще й стане, и воны стануть—дожыдають його. Отъ винъ прыйшовъ на кладовыще и ставъ старцеву могылу рыты. А панъ каже:

— Нехай рые!

Отъ винъ рывъ, рывъ, дорывся до труны, тоди расплатався на ййи та й здохъ.

Отаки то старцевы гроши. Такъ воны й пропалы.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, рѣ 1898г.

368. Про добру панію.

Звісно, всякійи паны бувалы... Отъ у нашуомъ селіѣ одна панія, К—ка, такъ, кажуть, лужей гарна до людей ла.бу Вона знала, шой сама вона до людей гарна, и було каже своїмъ уже панськымъ (я сама не знаю, а маг-ка покуойна було росказуе, шо було каже): «Молить за мене Бога, шобъ давъ меніѣ царство небесне, шо я до васъ добра». Такъ шо вы думаете? -- и молылы Бога. Оце й за стуолъ посядуть, такъ молютьсе и спать лягають, молютьсе. Ще бъ не молылысь, колы йимъ куды жъ луччей було жыть, якъ у иныхъ якыхъ пануовъ. И вона така була, шо все знала и людямъ росказувала. Оце вже хочъ и не панськи булы, а йдуть до нейи пытать, колы шо робить, колы тамъ шо сіѣять чы садыть. Такъ вона й росказуе, бо вже вона знала. Отъ було не вельть кіяхы садыть тоды, якъ у печи горить, а то головня въ кіяхахъ буде. И-и-и багато було чого росказуе людямъ про хазяйство! Такъ шо вы думаете?—плакалы наши люде, якъ вона вмерла и Богу за йие молылысе.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

369. Догадавсь.

Ще за панського права одынъ чоловікъ та зробивъ соби парныкы и выкохавъ уже пару огиркивъ передъ Велькоднемъ. Отъ и понисъ до пана на подарунокъ. Зрадивъ панъ, шо такый у його хазяйноватый мужыкъ и подарувавъ йому за пару огиркивъ пару воливъ.

Зачувъ се багачъ та й думае соби: «Ну, вже жъ я лучче зроблю! Я йому визъ огиркивъ повезу. Дастъ мени панъ не пару воливъ!»

Та диждавши лита, якъ зародылы огиркы, насы-
павъ йихъ визъ та й до пана.

— Такъ и такъ, пане,—прывизъ вамъ огиркивъ.

— Спасыби! спасыби! — каже панъ, — оддай тамъ на
кухни.

Стойить чоловикъ, не йде зъ хаты.

— Чого жъ ты стоишь?

— Та дождаюся—що ваша мылость пожалуете.

— За що?

— Та за огиркы-жъ... Онъ Мытрови за пару огир-
кивъ пару воливъ дали, а я жъ визъ прывизъ.

Якъ росердыться жъ панъ, якъ закрычыть на слугы:

— Визьмитъ його! прывъязить його до стовпа!

Заразъ його вхопылы та й прывъязалы въ двори
до стовпа.

— Берить огиркы, цияйте въ його огиркамы, быйте!

Беруть слугы огиркы та й ну влучаты въ багача.

То оце тилькы который—лусь! то заразъ той: «Дога-
давсь!» Другый—лусь! а сей знову: «Догадавсь!» И такъ
за кожnymъ разомъ. Почувъ сее панъ, крычыть:

— Стрывайте! ведить його сюды!

Одъязалы, привелы.

— Що ты тамъ кажешъ? шо ты догадавсь?

— А вже жъ догадавсь! Жинка казала: визьмы,—каже,—
чоловиче ще й кавунивъ, а я й не схотивъ узяты...
Хыба жъ и не догадавсь? Шо бъ то воно було, якъ бы
ще й кавунамы почалы цияты?

Зареготавсь панъ та вже й пустывъ його.

Харьковскій уѣздъ, Б. Д. Гринченко.

Прибавление.

Старая рукопись.

Цѣликомъ печатающаяся ниже рукопись представляетъ изъ себя тетрадку въ четвертушку сѣрой бумаги, въ которой заполнены только первыя 14 листовъ. Письмо начала XIX вѣка.

Копія сдѣлана небрежно, очень много искаженныхъ словъ. (Гдѣ могли, мы возстановляли въ скобкахъ первоначальный текстъ). Правописаніе непослѣдовательно; мы удержали его, сдѣлавъ лишь, для облегченія чтенія, слѣдующія измѣненія: а) разставили почти отсутствующіе въ рукописи знаки препинанія (кромѣ нѣсколькихъ испорченныхъ мѣстъ), б) отдѣлили союзы а и и, которые систематически стоятъ въ рукописи вмѣстѣ со слѣдующими за ними словами, в) раздѣлили нѣсколько словъ, случайно написанныхъ переписчикомъ вмѣстѣ (напр.: ботяти, покриего), г) большія буквы, разставленныя въ рукописи случайно, безъ всякой системы, поставили только тамъ, гдѣ требуетъ современное правописаніе. Необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ рукописи отмѣчается йотированіе и, производится это тѣмъ же знакомъ, который обозначаетъ и краткость и, т. е. °, напр. «тийи, що дѣти свои стратятъ» написано такъ: тий, що дѣти свой стратятъ». Этого же значекъ(°) стоитъ иногда и надъ і.

Рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненкомъ изъ Каневского у Кіевск губ.

Сторія о мудромъ младенцу.

Билъ нѣкоторый младенецъ изпростого стану, барзо мудрый и учоний внауцѣ своей и умудрости своей. Мовить: «пойду где воиншое панство и пристану доякого цара, жемъ зласки Божой науки маю доброй». Але онъ неимѣлъ зашо сукнѣ справити. Теди продалъ оца,—купилъ коня, матку продалъ,—сукнѣ справилъ. И всѣвши наконя поехалъ вдалеку страну. Случилося ему зихатися здругимъ младенцемъ, которому онъ (конь!) присталъ, и дали собѣ добриденъ. Запиталъ его мудри младенецъ: «околь ти идешъ? Вижу, же тѣбѣ конь присталъ». И они мовить младенецъ: «иду доцаря злистомъ». Мовить м(у)дри младенецъ «дай мнѣ той листъ, я знимъ поѣду доцаря, бо мой еще конь добри». А они младенецъ уклонился и далъ листъ мудрому младенцу, а самъ пойшолъ додому. Мудрый мла-

дениць, взявши листъ, и мислить себѣ: щобъ би втомъ листу написано? Отволилъ и почаль читати, и тамъ написано: хто той листъ доцаря донесе, тому чоловѣку утьяти (голову) и напаль избити. Почитавши, подраль: «хваляю тя, Боже мой, щомъ о(т)безумія моего незгинуль»!

И приихаль дотого мѣста, которого о(т)чотирехъ странъ оточили води, и обачиль мудрый младенець около замки голови напалыхъ человѣчи. Барзо собѣ мислилъ: Що то запричина? Буду я того питати. И сталъ уедной жени ночовати, барзо старой. А втой жени билъ единъ синь, и натои часъ умеръ, и она уфрасунку била посвоему сину. И обачила того младенца и мовить: «сину мой, младенцу!» Увойшовши оній младенець удомъ ей и назвалъ ей маткою, и она его засина приняла. И мовить младенець: «матко моя, щото за голови напалыхъ позбитія?» И рече: «сину мой, то мѣсто царское, а утого царя только една дочка, барзо учона, не только, але и отецъ ей слухаетъ. Тая скаждимъ гадаеть, и нѣхто ей непрегадаеть, бо жадень человѣкъ неможетъ ей о(т)казати нетолько, але всвѣтѣ ей нихто неоткажетъ что загадаеть и така есть красна и учона. Много младенцовъ ей скарбовъ показовали, а она натое негладѣла, только зними онаукахъ диспутовала, мовить: мнѣ скарби непотребна; хто хочеть мене взяти нехай отъкаже тую науку, чого я запитаю и коли би мене хто перегадае, той мене озметъ; а неперегадаеть мене, то кажу ему голову отяти и напаль избити». Жена мовить: «сину мой, то голови паничовъ тихъ, которіе царевнѣ неотповѣдали». А потомъ жена младенца запитала: «околь ти, младенче, приихаль?» И оповѣдѣлъ ей: «матко моя, я затвоимъ благословеніемъ пойду доцаревни обозьку науку гадати й спробую щастя. Я тую науку добре знаю: за божию помощію перегадаю ей и озму засебе». Мовить жена: «для Бога прошу я тебе, сину мой, дай тому по-

кѣй, бо жаденъ невийшовъ о(т)твоей царевне виѣло-сти». Младенецъ мовить: «матко моя, хто боїтсѧ смер-ти, нѣколи добраго дѣла незробить». Жена мовить: «Богъ тебѣ вспомошь».

А потомъ младенецъ пойшолъ доцаревни, при-шолъ до вратъ царскихъ и обачилъ стражу стоячую и мовить младенецъ: «позвольте мнѣ доцаревни увойти!» И вїйде первїе доцара и мовить: «найяснѣйший цару! позволь мнѣ с(с)воею цоркою поговорити». И риче царь: «нейди! мало ти науки знаешъ,—нинѣшняго дня страченъ будешъ». И рече младенецъ: «и я позволяю, тилько, цару, дай знати царевнѣ отомъ». И заразъ дано знати, и сказала прийти досебе. Младенецъ прийшолъ доней и далъ ей добридень, а она, поздоровивши его, казала принести кресло злоцѣное. Сѣвши млденицъ без-печне, неглянулъ нацаревну и умисли своей гадае: «если буду нацаревну пилно глядѣти,—скваплюся ей красотѣ, той зийду зрозуму». Якъ сѣлъ, и мовить доцаревни: «питай мене чого хочешъ,—буду тебѣ о(т)казувати».

Царевна мовить: «уцѣмъ сидишъ?»

Младенецъ мо: «шати мой намѣнѣ, оусвоихъ сижу».

Царѣвна мовить: «хто такой безмеча воже?»

Мла: мо: «риба вморѣ, же кораблѣ вивертае злюди».

Ца: мо: «хто такой умогилѣ лежалъ три дни?»

Мла: мо: Иона пророкъ вочревѣ рибномъ».

Ца: мо: «хто такой умогилу увойшолъ, да гроб-ной муки невидѣлъ?»

Мла: мо: «той, котораго Богъ о(т)ъ гроба четверо-дневнаго воскресивъ».

Царѣвна мо: «хто такой родился безъ матки?»

Мла: мо: «1-й—Адамъ, 2-а—Ева, 3—барановъ (ба-ранокъ!), которїй закланъ бистъ вмѣсто Исака, 4—крестъ, накоторомъ Христосъ распятся булъ».

«Которїй ангели (лгали!) и посвари чинили?»

Младенца: «братій Иосифови, породавши (продавши!) его, оцу своему Иякову лгали».

Ца: мо: «которихъ Богъ дванадцять принялъ и грѣхи имъ прибачилъ? вмѣсто воины (?) изновъ вийшли шесть тысяць народу?»

Мла: мо: «Ияковъ зда надесятима вийхаль до Мисера мѣста и тамъ сина своего знайшолъ и радъ билъ, що его синъ Иосифъ уцарствѣ осѣлъ, потомъ тая шо-ста своего добра догала преведене пророка Моисея».

Ца: мислить собѣ: «кождое рече, що тилько запитаю, тое минѣ отказуе».

Мислить себѣ: «Боже мой милостивий, аби мой младенець неперегадалъ мене!»

И мовить царевна: «сего дня вѣлости о(т)мене видешъ, а завтра рожнихъ клопотовъ учиню тобѣ».

Младенець мовить: «сего дня Господь помогъ мнѣ и завтра поможе».

И потомъ, вставши, и пошолъ догосподи. Господиня мовить: «якъ вийшолъ еси отоей царевни здоровий?» Младенець мови: «хваляю Бога моего Спасителя, жемъ вишолъ.» Другаго дня вставши, пойшолъ зновъ доцаревни и далъ ей добридень, накрѣслѣ (сѣлъ).

И царѣвна почала гадати: «що то есть за древо, що внемъ есть 12 гѣлей и накаждой гѣлѣ потридцять листовъ, уверху древо болѣ (бѣло!), а усподѣ черно?»

Мла: мо: «латво мнѣ тое угадати: древо то есть рокъ, а дванадцять гѣлей, то есть дванадцять мѣсяцѣвъ, а вкаждомъ мѣсяцѣ потридцять дней, уверху бѣле, то есть день, а усподѣ чорне, то есть ношъ».

Ца: мо: «що то з(а)птахъ: яйце несе, дѣтей неплодитъ?»

Мла: мо: «то есть рокъ: нѣпребувае, нѣодбувае».

Ца: мо: «много есть птаховъ именемъ названихъ?»

Мла: мо: «1 ластовицу, 2 воронъ, 3 голубъ, 4 пчелѣ, 5 удоудъ, 6 соловей, 7 жайворонокъ».

Мла: мо: «царевно, много есть губила паничовъ, а нехочешъ ся каяти!»

А той царевни имя било Сельгадка грецкими словами.

Мла: мо: «ну вже три дни гадаю стобою и все тобѣ отказую. Теперъ я тобѣ запитаю одной речи, але якъ неоткажишъ, то я (скажу) тобѣ голову утяти и напаль избити, а если откажешъ, то будешъ мнѣ женою».

Ца: мо: «на я натое позволяю; любо твоя власть надомною, а мой надтобою».

Мла: мо: царевнѣ: «хто таки мудрий и уродою хорошой и зотца учинилъ коня, а зматки учинилъ сукнѣ».

Ца: мо: «прошу тебе, младенце, вижу тебе предсобою якъ свѣшу свѣтлу, немашъ тилко, якъ ти много разумѣешъ! Прошу тебе, дай мѣне по(ко)й натую ноцъ, завтра прийдешъ, откажу тобѣ, а еслѣ неоткажешъ (не откажу!), волно тобѣ шо моя (твоя?) мисль поднесе: хочъ голову отяти, хочъ зажену узяти».

Младенець далъ ей добривѣчоръ, а царевна зосталася звеликимъ фрасункомъ. И почала мислити: «оБоже мой! дивуюся барзо, шо неоткажу загадки тоей, тилько уставши и пойду дотого младенца, питаючися его озагадку (онъ мя невидѣлъ много, неп(о)знаеть мя), питаючися, чий онъ есть синъ: если царскій, то пойду занего, а если простаго стану,—непойду занего. Вѣдаю я добре, же онъ мнѣ скаже свою загадку». И убравшиися вшати дорогѣ: «хто намене гляне, то изрозуму зийдетъ!» И взяла ис(с)обою напитки дрозѣ и пянїе, а младенца (младенцу!) Богъ напомощъ. И приїде царевна догосподи, закалатала и вийшла донеи господиня и мовить: «небого дѣво, чого ти прийшла?» Ца: мо: «Матко моя, позволь минѣ увойти удомъ свой: маю потребу подлюю (пилную?)»—И поблагословившиися и поїде до младенца и мовить: «добривѣчоръ, младенце!»—Мла: мо: «здорова ходила,ясная! скоро (скажи?) очемъ прийшла?»—«Мисль твоя прийшла (привела?)мя дотебе»—

Младенецъ мовить: «якого ти роду?»—Она мовить: «естемъ ковалѣвна, мой отецъ коваль и слюсарь. А ти, младенце, що маешъ запотребу унашомъ мѣстѣ? Тебе люди хвалятъ и рицаромъ называютъ».—Мла: мо: «естемъ я такой, якъ мене бачишъ».—Ца: мо: «якого ти роду?»—Младенецъ мовить: «непамятаю, бомъ уночѣ ви-хавъ здому».—Ца: мо: «тебе люде хвалятъ, же царевну перегадалъ, нѣмѣла тобѣ отказати. Отецъ мой приволилъ (прислалъ?) мя престерѣгати, я тежъ, просячи (милуючи?) тя приймалъ (прийшла?). Ца:

Отъ (онъ!) бачилъ ей красоту, немогъ ся догадати. И почали напитки пити, царевна сама наливаєтъ. И стали между собою увеселятися и сидячи наложку его едно другого сѣловати. Царевна мовить: «мой мили младенце, прошу ты для Бога, скажи мнѣ, чого питала царевна утебе? Повѣдали люде, що царевну перегадалъ».—Мла: мо: «я то власни отца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукню справилъ и учужое панство служить пойхалъ и того я запиталъ,—она мнѣ неотказала». Ца: мо: «мой милый младенце, я нѣзкимъ нѣфила, нѣпила, а дотебе пю люблячи тебе».—Мла: мовить: «дай тобѣ, Боже, здоровіе и мысль долгу!»—Отакъ розмовляючи (зъ) младенцемъ и сѣлующися, ноцъ щося младенцу уподобало, то робили. Заразъ ся младенцемъ (младенецъ!) зпянчилъ, а вона вставши злужка, заразъ пойшла до покоювъ своихъ, бо южъ близко день билъ.

И рано младенецъ ледво дорозуму прийшолъ, зафрасовался барзо, нипозналъ, що царевна била. Младенецъ уставши, глянулъ налужко свое и знайшолъ ей золотий (перстинь), наверху перстня камѣнь аспѣшовий, имя ей написано било. И взявши той перстинь, пошолъ доцаревнѣ, далъ ей добридень и сѣлъ накреслѣ. Царевна мовить: «я твою загадку отгадаю. Ти самъ той оца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукнѣ справилъ,—ото твоя загадка, младенце!» И уводала слугъ своихъ

и мови
И
мовити
мовити
вещь:
ского
чужое
его, и
привн
доцар
голуб
«шо
перо,
обзчи
ко! и
мови
непо
(ве :
вити
ревн
зол
нзр
асп
дал
ли
сти
во
егс
вз
и
вѣ
зс
в
(«

и мовить: «повидѣте его настрату, бо его перегадала».

И взявши его слуги повели доцаря наросудокъ. И мовить младенецъ: «найяснѣйши цару! маю одно слово мовити». Царь говорить: «мовъ смѣле!»—И рече младенецъ: «що то такое есть, же летѣвъ голубъ одцарского двора и прелетѣвъ навѣдовинъ дворъ яко нѣби чужоземичъ, надѣл того голуба хорошего и поймалемъ его, що хотѣлемъ, той изнимъ чинилъ. Обезпечившись, привикъ домене и обознался зомною и полетѣлъ зновъ доцарского (двора). Але хвалю Бога моего, же стого голуба одно пиро зосталося оумене».—Царь питае: «що то запричина?»—Перстень показалъ: «отожъ, цару, перо, которое я знайшолъ насвоему лужку».—Царь обачилъ, зафрасовался о цорцѣ своей и мовить: «о цорко! що той перстинъ чинить утого младенца?»—Царевна мовить: «то перстень немой, але сей гдижъ перстень неподобенъ моему, а вмене (мене?) онъ нецѣнотливи (не цнотливу?) передочима вашими вдаетъ».—Царь мовить: «а чомъ я твоего невижу перстиня притобѣ?» Царевна вставши и пошла и сказала закликати и превести золотара, и превели. Ца: мо: «прошу тебе, золотару мой, изроби минѣ перстинъ загодину злоцѣсти, зроби камень аспѣсовий, имя мое напиши». И заразъ сталъ робити. И дала ему кѣлка черво(н)ихъ и почала просити: «Мой мили золотару, невидавай мене оттого!» И взявши той перстинъ и пошла доцара своего и мовить: «отожъ, отецъ, мой перстень примѣнѣ, а то немой, що умладенца, але его визволяю».

Отого часу били доца(ра) гостѣ далекіе, воеводи. И взяли воеводи оба перснѣ и приклали еденъ додругого и немогли зрозумѣти,—оба ровніе, только вцаревни новій билъ. Теди царъ мовить: «одамъ я тебе, цорко моя, занего и будешъ въ мудрости царствовати». Цурка мовить: «я(къ) твоя воля, оче, билъ, и я рада що билъ (би-мъ?) клопоти болшъ немала». Учинилъ царъ веселя,

а посмотри отримати (по смерти цара отримали) царство, и жили собою и потомъ болшу власть мужъ имѣть, нижели жена. Амѣнь.

Повѣсть о царѣ Филименѣ.

повѣсть о агий оцару.

Бисть воградѣ Филименѣ царь славенъ зѣло и богатъ. И прилучися ему стояти всоборной церкви въ престола божественной литургіи (литургіи!), а чтуше иерей святое евангеліе, вънемже написано: «богатый обнищаша и нищій обогатиша». И слыша царь Агѣя они евангельскія словеса и размыслише воумѣ своемъ вой(с)тину ложъ сие восвятомъ евангеліи написано, понеже естемъ царь славенъ и богатъ, а нищему невозможно обогатѣти». А егда скончися святая евангелія, то царь Агѣя повелѣлъ иерея втемницу всадити, а взявъ евангеліе, листъ вонъ видралъ. И поиде царь Агѣя сомногими боляри вцарскія свої палаты и началъ пити. Его вѣрній слуга и возвѣсти царю: «проявися вотвоихъ лукахъ елень вельми красенъ, и нѣхто его несмѣетъ безтвоего царского велѣнія ловить». И слышавъ царь Агѣя, повелѣлъ предстоимъ осѣдлати коня своего и взявъ (съ) собою двадцать одного юношу, и поиде въ царскіе свои луга и увидѣлъ царь Агѣя еленя зѣло прекрасного и погна заеленемъ послѣдъ. И прибѣжа елень зарѣку, царь же Агѣя устремися заеленемъ и глагола кюношамъ: «стоите ви здѣ, азъ еденъ уловлю еленя». И скинувъ зсебе царскую одежду заеленемъ попли, препли рѣку и наеленя порегу вслѣдъ его жебѣ ради царь Агѣя вельми утомленъ бисть, ангелъ Господень вообразѣ царя Агѣя прииде креченимъ юношамъ соонаго полу рѣки и рече имъ: «подайте мнѣ платѣе и коня моего! Елень бо убѣжа изочей моихъ». И одѣлся ангелъ Господень воодежду

Агѣя
сослав
А
бисть.
его, ни
мон о
тѣи п
Пасту
кнему
же р
зе: /
жи
себе
и тр
вост
бою.
и ум
та п
ни
пис:
сво:
его
нез
гла
Аг
ду
ду
во
же
аз
а
е
и
с

Агѣя цара. Сядеть на коня и поиде вградъ Филименъ
сославою царскою.

Агѣя же царь гнавъ заеленемъ, елень же невидимъ
бисть. И возвратися впятъ, препли рѣку и невидимъ коня сво-
его, ниплатя, ниюношей, сталъ нагъ, задумался и смотри съ-
мо и овамо и видѣ пастуха, пасучи овци. И прииде к нему на-
гій просить: «пастуше-братія! гдѣ видѣлъ коня и юношей?»
Пастухъ же глагола к нему: «ти хто еси?»—Царже отвѣща
к нему: «азъ есть царь вашъ Агѣя, града Филимена». Пастухъ
же рече к нему: «окаяни! како ти смѣешь царемъ наречи-
ся? Азъ видѣлъ царя Агѣя, приижалъ сославсю вельмо-
жи и сомногими юноши, а ти окаяний нагій и нарикаешъ
себе царемъ Агѣемъ?» И началъ его бити долгимъ батогомъ
и трубою, Агѣя же началъ бѣжати. Пастухъ же гнаше
волци (овци!) вослѣдъ его и бѣяше кнотомъ и швирая тру-
бою. Егдаже Агѣя бѣжа далече о(тѣ) пастуха и нача плакати
и умильно каятися предбогомъ: «войстину согрѣшилъ и Бо-
га прогнѣвилъ и святое евангеліе похулилъ и ерея втем-
ницу посадилъ безвине и листъ изевангелій видрахъ на-
писаніе: богатій обнищаютъ, а нищій обогатѣютъ. Загрѣхи
своя азъ жукшее (хужшее) всѣхъ неимущихъ: царствія сво-
его лишился и царици». И воставъ поиде Агѣя царь, пойшолъ
незнаемимъ путемъ и стрѣтоша его напути торговѣ люде,
глаголя к нему: «человѣче, чтоти еси нагъ? гдѣ твоя одежда?»
Агѣя же поклонися имъ доземъли и рече к нимъ: «одеж-
ду мою разбойники похитиша».—Ониже даша ему ху-
дую одежду, вкотоую одѣяся царь Агѣя, поки (паки?)
поиде путемъ и стрѣтишася снимъ нищія братія. Агѣя
же поклонися нищимъ братій: «возмите мене (съ) собою,
азъ вамъ готовъ служить, понеже я работатъ неумѣю,
а просить стижуся». Онеже (они же!) воспросяще его:
«ти хто еси таковъ?»—Агѣя же рече к нимъ: «азъ естемъ
единъ отубогихъ и нищихъ». Взяша его (съ) собою
и даша ему суму засобою нести, и поидоша нищій во-
свояси. Агѣя же воспросиша оунищихъ: «братія моя,

скажите ви мнѣ: кто есть воградъ Филименѣ царь
есть?»—Ониже рекоша к нему: «безумни! или ти нина-
шой земли, яко невѣси? унасъ царь Агѣя царствуетъ
воградъ Филименѣ, оуже тому пять десять и единъ
годъ». Агѣя же воздихнулъ (воздихнулъ!) сосълезамъ и ка-
яся: «Господи Боже!» день и(но)щъ освоемъ согрѣшеній. И
пристъ (И пребистъ?) Агѣя царь впорабощеній, внищеть два
года, и услыша Господь моленія его и покаяніе и теплія сле-
зи. По третѣмъ же лѣтѣмъ ангелъ Господень сотвори пирь про-
убогихъ и пронищихъ братій и повелѣтъ собѣратъ повсе-
му градъ Филименѣ и покаждимъ силамъ и деревнямъ
водворецъ царскій. И повелѣнію ангеловому поставиша
трапезу изобильная пища. И снищею братією приде
царь Агѣя вовеликомъ оужасѣ и трепетѣ и стояше на цар-
скомъ дворѣ и помишляше воумѣ своемъ: «како азъ
окаяни лишень бистъ чертога своего царскаго з(а)грѣхъ
свой!» И услыша Господь воздыханіе Агѣя царя. Ан-
гелъ Господень глаголя копредстоящимъ: «возмитѣ ко-
мнѣ снищія братій единаго мѣхоношу, котораго азъ
самъ повелю, преведите в мой царскіе палати!»—Пред-
стоящимъ же повелѣнію его превидоша Агѣя царя, (не)
знаяше, что царь ихъ есть. Ангелъ же Господень поять
его сособою и его наказа, Агѣя царя, и научи его
евангельскія слова нехулити, абисѣ коротку и смирну
доубогихъ и нищихъ милостивий и вручи ему царство
и заповѣда ему никому осебѣ повѣдати сие, ангелъ
Господень невидимъ бистъ. Агѣя же царь попрежнему
нача царствовати и вельми донищихъ много милостивъ
и кротокъ билъ и тако сконча жизнь свою воблагоду-
шій. А: Ко: Жи:

Печатные варианты этого рассказа указаны в «Этнографическомъ
Обозрѣніи» 1894, III, 126.

Чудо святителя Христова Николая.

Чапу одного ствятий Николай ишолъ путемъ пищею (пущею) навидѣти святаго Макарія пустиножителя. И тамъ срѣтилъ его дияволъ напути, образомъ барзо страшнимъ, сталъ великъ и космать, очи ему огненіе, зуби ему железніе, языкъ ему голи и росоховати, ноги ему якъ уведмедя, волосы ему наголовѣ, набородѣ—якъ стрѣли огненіе, огнемъ лютимъ и страшнимъ дише, изухъ его димъ виходитъ якъ спечи, и весь страшни показался, хотячи устрашити святителя Христова Николая правой тута (пути!). Видевшеего святи Николай, знаменается крестомъ святимъ и рече: «Господи, оружіе надѣявола крестъ Твой далъ еси намъ». Изнову рекохъ: «небоюся страха бѣса полуденаго». Потомъ придетъ нанего Духъ Святій и покри его и укрѣпилъ мощно Святителя Николая. Святитель Николай, ставше смѣле посредѣ пути, и риче кодияволу: «Ктоти еси, идолъ, идешъ, якъ имя есть тебѣ.» Дияволъ рече: «имя минѣ есть Вселзавишъ и иду свѣта повѣжати и святихъ божиихъ посѣщати». Святи Николай рече ему: «але ти есть зли духъ неприязни, отийди отмене, сатано!» Дияволъ рече святому Николаю: «о Неколаю, якъ ти смѣшъ мовити такому ангелу великому, которому и весь свѣтъ кланяется и хвалитъ и вси людіе мнѣ повинуются». Тутъ Святи Духъ указался святому Николаю и повелѣ узяти его вруцѣ свой и бити мощно того лютого диявола. И такъ святи Николай оузявъ его заволоса, извернулъ его наземлю и вложилъ ему мѣзиний вротъ палець свой и рече ему: «Повѣждь ми, сатано, отъколъ ти ходишъ и где ти идешъ и що твоя заробота?» И такъ дияволъ сталъ молити святаго Николая: «о святителю Христовъ Николае! молютися, оче святи, ослабити мало и вийми святи свой палець изрота моего, онъ бо мя палеть, немогу терпѣти, и все тебѣ повѣмъ». И тако попустилъ ему святи Николай, и тако сталъ повѣдати святому Николаю: «теперь естемъ избездний, амо едѣло таковое

есть: я сна сотцемъ звожу на свари, цорку изматкою невѣстку зосвекрухою, нагнѣвъ привожу врага, избратомъ и систрою наблудъ привожу; и я дитину приотцевѣ и приматцѣ сномъ твердимъ одавляю; я на всезлостий, шо дѣти свой стратятъ и живихъ возьму. заколають, наводу вътопятъ, научаю, всякого злого дѣла чинити и труити людей на(у)чаютъ, аби своїхъ власнихъ мужей труили и отрукъ ихъ умерали и мужи своихъ власныхъ женъ забивали и загубляли, въ корчмахъ и нагосподахъ и(з)води чиню, шо единъ другаго забивае насмерть; я кума скумою наблудъ привожу; я навесеяхъ мижисвятими наймилишими приятелями изводи чиню безобитного руганя, крово пролитія и межи молодыми нелюбовьюкидаю, межкати (мешкати!) имъ недаю; я напразникахъ зводи и збойства чиню я въсего злого дѣла привожу; я тамъ, где хошетъ добрее дѣло изробити, то я тамъ, и перешкоду роблю, и тамъ где хто хошетъ рано дочеркви ити, то я его сномъ тяжкимъ пресипаю; я тамъ, где хто хошетъ офіру Богу принести, то тое згубить; я тамъ где хто хошетъ наотпустъ ити, тоя его и женою нагнѣвъ изведу, альбо то(до!) смертельного грѣха приведу; я и тамъ где отецъ сина любить, альбо и matka дочеръ свою кохае, я тамо между ними осуругу въкидаю еше забийство великое, которое неможется насвѣтъ показати. Я теперь щобъ града кирскаго сина наотца изводити, аби синъ отца своего роднаго забилъ, и еше стого града возвратившиися назадъ догемона и тамо булабимнѣ похвала вилика отнашего цара Фамадея и зплату себѣ затое дѣло отрималъ би иеще вознелся, а теперь ти, святей Николае, пости (пусти!) мя и(з)своихъ святыхъ рукъ, боуже немогу отвоего страха видужати, пусти мя хочъ ницѣла, аби жива и большъ забываема». И тутъ Духъ Святей показался Николаю и сказавъ его связати и бити и заклинати именовемъ Господа Бога Творца, которій оувесь свѣтъ сотворилъ. И тако роступайся зем-

ля, увернулъ его вбездну и тако яму Духъ Святый глаго-
ла: «иди во свой путь». А конецъ житѣя

Слово о смерти и рицеру богатомъ и славномъ.

Слово осмерти. Билъ нѣкотори рицеръ веляможнѣй
годний панъ и во всемъ рицерствѣ потежнѣй и грознѣй
и моцнѣй, которѣй рицерствѣ своемъ много вѣску также
потежне побиваль и поражаль кождаго дня (слово не ра-
зоб.) и пиваль, гайноваль а набога неуповаль, непамяталь.
Еднаго часу самъ всобѣ: «пшоту люде много биваютъ, же яка
смерть есть потужная и страшная, радъ я ей видѣти, щото
она затакая рицеръ, щося ей люде боютъ и лякаются.
Много, чую, людей и пановъ и кролевъ побираетъ, щото
она затакая рицеръ. Гди би я ей хочъ окомъ накинулъ,
нехайби зомною пограла, погралася бъ я ей? То глупѣе
що ея боить, або и дають побирати, я естемъ панъ
славни, потежни и богати, а дотого и рицеръ моцнѣй
и потужнѣй».

И трафилося еднаго часу, альбо еднаго дня, оубравшися
рицеръ ведлугъ строю своего вовшелаку зброю свою
рицерскую и взявши оружие свое барзо подуфалое, шу-
каюче скимъ бися попограти або речи и побити, и заи-
халь вполе далеко седнимъ хлопяткомъ своимъ и то не-
великимъ. А кди южъ издили пополю много, надибали
смерть. Барзо страшнимъ образомъ ему показала: самие
голие кости, худая, сухая, блѣдая, голенатая, кострубатая,
зубатая, окатая, ногатая, во всемъ непристойная, головатая,
плечистая, постредѣ барзо суптелная, во всемъ зѣло
страшная, косячи косою своею всѣ зброй, всѣ свой риш-
тунки: косу кривую а острую, серпъ, пилу, мечъ, лопа-
ту, заступъ, мѣтельку, грабли, мѣтлу. Видѣвше рицеръ
такую отособи страшную, непристойную, засмѣялся и до-

бывши своего меча, хоцетъ тости (тяги!) изближившися и рече: «хто еси такое, повѣждь ми, жесь такая ходишь оружиемъ непристойнимъ доволно? чого ходишь пополю?» Рече смерть ему: «человѣче, хочъ мое оружие здается непристойне, але я пристойнихъ людей тимъ оружиемъ посѣкаю и всего свѣта побѣраю, да не слухай ти коли предя осмерти, бо смерть бо я. Самъ потребовалъ абымъ я видѣлъ, изомною ся побити,—отомъ готова зовсѣмъ своимъ риштункомъ». Глагола рицеръ: «да чи того смерть, що побираетъ краснихъ людей сего свѣта, даже щося люде боятъ и лякаютъ». Рече ему смерть: «отож тою якъ мя видишь, яковая ся то здаю воочахъ твоихъ?» Глагола рицеръ: «тфу ствоимъ рицерствомъ, своимъ риштункомъ та своєю уродою!» И риче ему смерть: «неплюй, але перше да спитай да спробуйся зомною, якъ видишь никрасную, але я людей мно(го) краснихъ сего свѣта побирала, и ато и потебе прийшла? Що ти гадаешъ?» Глагола ей рицеръ: «щоти, страшилище, страшишь людей слабихъ, а дотого еще душнихъ охъ, бѣдо сухая, куструбатая, голѣнатая, носатая, зубатая, окатая, головатая, та ти мене хоцешъ узяти а чи неслухала ти орицере вѣмоцномъ и славному и пану богатомъ, а неслухала ти омоей моци, якихъ я людей, войскѣвъ, рицеровъ позабивалъ, порубилъ, посѣклъ, накопие отой моей рицерской голови досвоего вобозу приношалъ? Ото то коли слыхала овеликомъ пану—осимъ моимъ билитовимъ (булатовимъ) мечемъ посѣкалъ, а ти мене хоцешъ оузяти! Есть умене мечъ рицерскій, копие надахъ остріе, стрильба барзо огнистая. Если хоце еще потомъ полю ходити та немного говорити, бо чего хочешъ достати оумене, заразъ достанешъ».—Рече ему смерть: «да що ти ся хвалишь своимъ риштункомъ? тое все вмене врукахъ, маю я на тебе косу кривую, серпъ барзо остри, лопата, мечъ, долги пила, заступъ, граблѣ, мѣтла, отого штука, человѣче, отожъ слухай що тобѣ повѣдаю: хочъ оружие просте, але шляхетнихъ людей руба-

сть. Г
вружн
зророю
своимъ
пкъ з
голод
звоею
здрѣс
твни
вечь
ни, а в
втих
очи
остріе
барзо
гоиде
оготъ
да по
зогус
а ти,
яко
жель
сѣдн
бесѣ
лѣш
векъ
рице
ли
шо
шо
твза
знав
вхъ
вст
бав
бок

етъ». Глагола ей рицеръ: «що ти ся хвалишь своимъ неужитнимъ оружиемъ и непристойнимъ и нестройною зброєю своею, коси ти косою поболоту шувахъ, жни ти своимъ серпомъ полугахъ тростини, сѣчи ти своимъ долгимъ мечемъ сухии хащи, три ти своею пилою гнилие колоди, копа ти своимъ рискелемъ суху землю, мечи ти своею лопатою гной, загриба ти своими граблями солому, загрѣба ти, своею мѣтлою полову замѣта ти,—твой риштунки дотога подобнїи, а не довойни. Умене натебе мечь булатовий рицерскїи, дотога подобни, а не довойни, а умене натебе котори внемъ я возму потохъ сухихъ голенатихъ и високихъ вѣчимъ симъ умене стрѣли которїи очи твой окатие повыстрилю, есть умене копїе дахъ остріе, котримъ я наскрузъ прободу, есть у мене стрила барзо огнистая, копїе кости твой сухие, намя смотри и пойди отмене собѣ безбѣди, еще то мя догнѣву и доохоти рицерской и нерушися, о смерти и нерожважная да подобно и глупая, нетакимъ я рицаромъ сего свѣта погубихъ, да нетакихъ я головъ рицерскихъ постинахъ, а ти, смерте сухая, голенатая омнѣ ся видишь воочахъ яко муха изгинешъ; яколи хочешъ зомною грати, грайже!»—Рече смерть: «человѣче, послухай перше моей бесѣди, которую я тебѣ повѣдати буду, и перше собѣ побесѣдуймо, то вжеса будемъ сѣчи хто будетъ знасъ лѣпши, альбо дужши».—Глагола ей рицеръ: «южь вижу, жися мя большъ (боишъ) такого славного пана и рицера потужного и (з)витяжци моцнаго, вижу же трохи небудешъ ся озгоду умене просити. А втомъ—мовъ що маешъ, даю ти волю».—Рече ему смерть: «человѣче, що тися хвалишь своимъ рицерскимъ, же много позвизязаль, посѣкаль и войска побиваль? Отожь то я знаю добре, що безмене тамъ небило, що есь тамъ возвахъ и втинахъ, стрѣлахъ, забивахъ, колохъ, топтахъ, которихъ пробивахъ, то я тобѣ помагала, иншихъ прибивала, хоч ти мене невидѣль, а я тамъ завужди стобю била».—Глагола ей рицеръ: «о смерте! тожь иль-

жешъ, яко неправдивая и нещотливая! Та ти зомною тамъ бувала? Нѣгди то неправда! Я розумѣмъ, ошосми (що сми!) мовити мешъ доречи, а ти плетешъ нѣте, нѣте. Я тебе нѣвидѣвъ ажъ донинѣ».—Рече смерть: «я хожду невидимо и некождому явни. Где кого застану, тамо его втомъ и озму, рече, забожимъ розказомъ. А теперь а тобѣмъся показала явно, бо тяти згола хочу взяти, бо я по тебе додвора твоего неходила, самъ ти потребоваль,—отожъ теперь конечно ходи, южъ тобѣ впанскомъ домѣ небути и слугъ своихъ неоглядати и впалацахъ роскошнихъ негуляти, але тутъ натомъ чистомъ полю лежати, и звѣримъ будетъ ипташки тѣло твое около костей обѣрати и кости твой розносити, абися смерти могль бояти».—Глагола ей рицеръ: «а пойди собѣ, напасниче, прочъ отмене, бо достоися тутъ бѣди оумене, бо умене тилько жаль моего меча булатового, абомъ его обтвой голие и сухие кости непригупиль, а що больше стрѣлба огнистая, а зѣло певная, а сухи кости намуку потреть, копіе надахъ остріе мню и зелѣзо просадить,—обачимо чійся кости будутъ жмежи насъ валяти будутъ наполю». И южъ ся барзо рицеръ розгнѣвахъ, добивши мича, хошетъ тяти наню,—сежъ ему рука всхла, альбо зомлѣла. Рече ему смерть: «що ти, человекѣ, робишъ? вижу, жеся розгнѣвахъ, а я твого гнѣву небоюся. Ти мя хочешъ нипорицерску, але позрадечку тяти. Постой, моцній рицеру и богаті пане, зачимъ ся будешъ бити волно ти (ми?) исобою и поговорити. Нехай тимъ булатовимъ остримъ мичемъ!—острѣшая моя пела, певнѣшая моя мотика албо рискель, неж твоя огнистая албо певная стрѣла, лучая моя лопата и мѣтла, нѣжъ твоя надахъ копіе остріе, нихъвалися самъ собою, албо силую твоею противъко моей уроди сухой, блѣдой, еще и гагеречь (на геречь?) зомною неиздиль, и южъ ти рука умлѣла».—Глагола ей рицеръ: «когожъ би то такіе слова поганѣе догнѣву незрушили, якъ ти

мовишь и ганишь нетилко мене самого, але оружје, що мовлю надахъ остріе, коли хочешъ его дознати,—озмѣмся пробовати, южъ я багато такихъ страшнихъ пловихъ ялити тися натое взяла, що ми рука отмича умлѣла, недивуюся, бо живъ; южъ ти пополудню третя наспѣла».—Рече ему смерть: «щоже такъ ослабѣлъ, що килька годинъ неилъ? я мало коли що идаю, але прудко ся зсвоимъ отимъ всѣмъ оружіемъ убиваю. Южимся болше небавмо, далѣ южъ будетъ вечеръ,—що маешъ мовити,—мовмо».—Глагола ей рицеръ: «твой слова порожнѣи и неуважнїи нѣгди мя непрепритъ и допокори мя претобою недоведуть, атѣся ти поколонихъ плетешъ, нѣсе нѣте правишь, о Адамѣ и потопѣ (слово не розобрано) тихъ копѣ твое будетъ вроботѣ». И то ся порветъ докопѣя. Рече ему смерть: «постояно, человекѣ! щося такъ розгнѣвахъ? послухайно, человекѣ, щоти мнѣ плотки завдаешъ о Адамѣ альбо о потопѣ? послухай, що повѣмъ! Еше отсотворенїя свѣта амъ (я-мъ?) другая по Адамѣ родомъ, бо коли Богъ доАдама: аще будете воотцу (овошчу?) одревати заказного,—смертію умрети; скоро Адамъ воотцу (овошчу?) вкусивъ, я заразъ ся тамъ знайшла. Послуха(й)же: Адамъ вашъ прадѣдъ билъ,—того я взяла; Аврамъ билъ патриарха старозаконѣ,—того я взяла; тайже Исаакъ, Ияковъ, царей, кролевъ предпотомъ и попотопѣ—и тихъ я взяла; Ной билъ которий животъ людски о(т)потопу у(ков)чезѣ заховалъ,—того я взяла; Александеръ крадмакедонскїй (краль македонскїй) и немензскїй, барзо моцнїй и славнїй билъ,—и того я взяла; Мойсей пророкъ божи, игаманъ игаманъ жидовскїй,—и того я взяла; и такъ ти иНавинъ, Самсонъ силнїй билъ, та кїй моцнїй, ижъ онъ самъ повѣдалъ мнѣ—такїй найшолся майстеръ, жебы втой села(?) посродку руску управни абися некрушила тоби якъ млиное имъ каменемъ албо карповимъ и оберто,—и того я взяла, кромихъ и всякаго стану мужескаго и женскаго и малихъ

дѣтей краснихъ и некраснихъ, старихъ и молодыхъ
нѣщаду, але заровне косою своею кошу и граблями
загрѣбаю и лопатою закидаю, мѣтлою замѣтаю и сер-
помъ пожинаю и пилюю потираю и рискелемъ приси-
паю, нѣкогося небою, нивстидаю и грози небою нѣ-
чией».—Тое вислухавши рицеръ зумѣлся, сердце внемъ
нача трепетатися и натѣлѣ почаль слабѣти, южъ сила
почала отступати

Сл.

По

историче
скъ жєн
нъ людє
о вѣто
снъ и
в 120
Рє
вєвєнн
17; де
днъ, I
274; С
о зѣвѣ
Лєтєвє
вѣ дє
дєнє о
лѣтѣ X
1600-г
1602

Притѣчанія и параллели.

№ 1.

См. Гринченко, Этногр. матеріалы, II, № 10: Гадюка.

№ 2—7.

По истолкованію крестьянъ, метеоры — это огненные змѣи, которые есть не что иное какъ тѣ-же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ, какъ икъ любовники, или-же, чтобы носить деньги людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Поэтому рассказы о метеорахъ незамѣтно переходятъ къ рассказамъ вообще о чертахъ и специально о «перелесныкахъ» (см., напр., въ этой книгѣ № 120, стр. 94).

Различные рассказы, относящіеся къ этому предмету: Чубинскій, «Труды», I, Падающія звѣзды, Падающіе камни, 16—17; Перелестникъ, 193.—Гринченко, «Этнографическіе матеріалы», II, № 2: Змѣй (метеоръ).—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274: Огненный змѣй, Змѣй-любовникъ.—Манжура, «Сказки», 9: О змѣяхъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр. Новоросс. края, 78: Лятавецъ (перелесныкъ).—Данильченко, 21—22: Перелесныкъ.—Къ легендамъ о летающихъ змѣяхъ, И. Манжуры (Этнографическое обозрѣніе, 1892, II—III, 254).—Этнографическое обозрѣніе, XXXV (1897), 126—128.—Сборникъ Харьковскаго историко-филолог. об-ва, V, 58—59.—Этногр. Обозрѣніе, XIII—XIV (1892), 81—82, 254; XXXI (1896), 153—154; XXXV (1897),

126—128; XXI (1894), 87, 91—94.—Сумцовъ, Культурныя переживанія, № 125: Украинскіе инкубы и суккубы. (Кіевск. Стар. 1890, I, 68—73).—См. примѣчаніе къ № 125 настоящей книги.—Кіевская Старина, 1899, IX, 396—400.—Аванасьевъ, Зооморфическія божества у славянъ, III, 1, 98, 109—110, въ «Отеч. Запискахъ» 1852, №№ 1—3).—Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 251.—Ивановъ: Разск. о вѣдьмахъ, 216. (Сб. Харьк. и-ф. о-ва, III).—Руданський, Творы, II. 237.

№ 9.

См.: М. Васильевъ, Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа: Вѣтеръ—въ «Этногр. Обзорѣніи» 1892, IV, 159.

№ 10.

Этнографичный Збирникъ, V, 78, № 8: Градь.—Харьковскій Сборникъ, II, 88.—Чубинскій, Труды, I, 28: Градь.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 7.—Bartoś, Moravsky lid, 293.

№ 11.

Совершенно обратный взглядъ на климатъ земли: Гринченко «Этн. мат., II, № 1: Тепло въ старовыну.

№ 12.

Жыте и слово, III (1895), 386, № 21: Дытына зиму ззила.

№ 14—18.

Разказы эти перепечатаны изъ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1859 г., гдѣ они помѣщены въ №№ 23 и 38. Первые три нумера передаютъ нар. вѣрованія въ то, что волками управляетъ или св. Юрій, или волчій богъ Полисунъ (Лисунъ); послѣдніе два не имѣютъ отношенія къ волкамъ, но ихъ связываетъ съ предыдущими образъ Лисуна, почему мы и помѣстили

ихъ здѣсь, а не въ отдѣлѣ IV-мъ. Вотъ относящаяся къ предмету литература: Харьковскій Сборникъ, I, 75—76; VIII, 117.— Ястребовъ, Мат. по этн., 11, 71.— Драгомановъ, Мал. пред., стр. 5, № 9: Волки.—Манжура, Сказки, стр. 147: Св. Юрій та вовкы.—Этнографическое Обзорѣніе, VII (1890), 85—86 (св. Юрій замѣненъ св. Петромъ).—Кіевская Старина, 1887, XI, 405—408; 1894, XII, 495—497.—Чубинскій, Труды, I, 51—52: Волкъ; 171; II, 7, № 1.—Булгаковскій, Пинчуки, 179: Св. Юрій.—Гривченко, Этн. мат., II, № 69: Вовкъ та св. Юрій (сказка, связывающая рассказы о волкахъ и волчьемъ богѣ со сказкою о чертѣ, отслуживающемъ краюшку хлѣба).—Номысь, Укр. прык, №№ 434 и 435.—Этнографичный збирныкъ, II, Дикаревъ, стр. 12—13, № 11: Гр. Побидоносець, № 12: Про св. Георгія, еще стр. 34—35.—Ефименко, О Ярилѣ (отд. брош. и въ «Запискахъ И. Р. Г. О-ва, II, 77).—Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій храбрый—въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1879, XII; 1880, I и II.—А. Н. Веселовскій, Разысканія etc., II, 1—227.—Н. Сумцовъ, Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольск. сказкахъ — въ «Этногр. обзор.», 1890 III, 18—20.—Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣн., I, 699—711.—Valjaves Краспанов, Narodne pripowiedke, 93—94.—Черниговск. губ. вѣд., 1861, № 4: Ефименко, Нѣск. словъ о Полисунѣ; № 6: Павловскій, Волчьи праздники.—Nowosielski, II, 225.

Къ этой темѣ близко примыкаетъ тема про *бидного вовка* (вовка-дурня): Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, 1—12, №№ 1—5: Бидный вовкъ, Кравецъ и вовкъ, Марко и убогий вовкъ, Кравецъ и вовкъ.—Чубинскій, Труды, II, 124, № 42: Про вовка; стр. 126, № 43: Куцый вивкъ та кравецъ.—Этногр. збирныкъ, I, 25—26: Дурный вовцюга, Вовкъ и кравецъ; IV, 167, № 2: Про вовка, що не мавъ нигде щастя.—Черниг. Губ. Вѣд. 1861, № 21, стр. 159—161.—Запыскы наук. Т. и. Шевч., XXIX (1899), Верхратскый, 149—150.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 31—43, № 24: Волкъ-дурень.—Даль, Повѣсти, сказки и разск. козака Луганскаго, II, 459.—Эзопъ, басня «О лошади и львѣ». — Эзоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, перев. Д. Т. Москва (1792), стр. 36 и

348—350. — Haupt und Smolar, Volkslieder der Wenden (1843), II, 161—164: Des Wolfes glücklicher Tag.—Glin-ski, Bajarz polski (1853), III, 177—191.—Матер. для изуче-ніе нар. словесн., 42—47.—Библиотека для чтенія, 1836, томъ XIV, стр. 133.—Шейнъ, Матеріалы для изуч. быта и языка р. нас. сѣв.-зап. края, II, 344—348: Голодны воукъ, 262—263: Баранъ и волкъ.—Materiały antropologiczno-archeolog. i etno-graficzne, T. II, 2, стр. 61—62, № 33.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 267—269: Vuk-Rimljan. — Романовъ, Вѣлорус-скій сборникъ, т. I, вып. III, стр. 15—20.—Hahn, Griechie-sche u. albanesische Märchen, II, № 92—93.—Wolf, Deut-sche Hausmärchen, 419—421.—Руданський, Творы, I, 146—148, № 90: Старый вовкъ.—Erben, Vybrané báje a povesti národní, 256—258: O hloupém vlkovi.—S. Barącz, Bajki, 215—219.—Бидный вовкъ. Нар. казка, Харьк., 1885. (Пере-печатка № 1 изъ Рудченка).

№ 19.

Гринченко, Этногр. матер., I, № 192: Дрикъ та виль.—Кіевская Старина, 1888, VI, 359 (въ «Молотникахъ» Г. Бар-винокъ).

№ 20.

Разсказчикъ очевидно забылъ легенду и лапуталь.

№ 21.

Гринченко, Этногр. мат., I, 253, № 196.

№ 23.

Разсказъ взятъ изъ № 26 «Черниг. губ. вѣд.» за 1852 г. Иные разсказы о дятлѣ: Чубинскій, Труды, I, 61.—Гринченко, Этн. мат., I, № 155; II, № 5.—Ястребовъ, Мат. по этн., 164—165, № 24.

№ 24.

Подобное относительно журавлей и гусей: Драгомановъ Млр. пред., 7—8, № 24 и 25. — Ефименко, Млр. закл., 37, № 112.—Номысь, Укр. прык., №№ 327 и 13387.—Чубинскій, Труды, I, 62.—Правда, журн., 1867, № 13.—Етногр. збирникъ, V, 80, № 5: Журавель.—Nowosielski, Lud Ukr., II, 127, 128.

№ 25.

Данильченко, 16: Липа. — Чубинскій, Труды, I, 76: Липа.

№№ 27—112.

Указатели различнымъ примѣтъ, повѣрій, заговоровъ и пр. см.: Гринченко, Этн. мат., II, 27—30, 48—54, 355;—Сумцовъ. Заговоры, библиогр. указат. — въ Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, IV, 258—273; а также тамъ-же стр. 291—292.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» взяты: въ № 27 примѣты 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23 (изъ № 9-го 1863 г.), въ № 30 примѣта 1 (оттуда-же), въ № 33 прим. 6 (№ 46-й 1862 г.), въ № 39 пр. 9 (изъ № 9 за 1863), въ № 43 прим. 4 (изъ № 23 за 1859), въ № 68 средства 3 и 4 (изъ № 6 за 1860), № 85 (изъ № 23 за 1859), (въ № 36 прим. 13, въ № 38 прим. 4, №№ 48, 55, 59, въ № 60 средство 1, № 67, въ № 99 ср. 4, въ № 101 ср. 2—взяты изъ брошюры Исаенко: «Село Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860 (первоначально была въ №№ 43, 44 и 46 «Черн. губ. вѣд»).

Въ № 112, на стр. 80, слѣдуетъ исправить опечатку: въ строкѣ 6-й сверху должно быть: а; ѱ; к; і (1712).

№ 115.

Иной разказъ о появленіи черта въ видѣ паныча: Чубинскій, Труды, I, 184.

№ 122.

Изъ брош. Исаенка «С. Голенка», стр. 12—13.

№ 123.

Драгомановъ, Млр. пред., 54, № 2: Чертъ заводить чело-
вѣка съ дороги.

№ 125.

Грипченко, Этн. мат., 95, № 79.—Сборникъ Харьк. ист.-ф.
о-ва, III, 225; V, 58, 59.—Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897),
II, 331, № 212: Вдова и бѣсъ.—Кіевская Старина, 1899, IX,
381—382, 384.—Казанскія Губ. Вѣдомости, 1859, № 7, стр.
62.—Podania i legendy Семеньскаго, 36—37.—См. еще при-
мѣчаніе къ №№ 2—7 настоящей книги.—Харьк. Сборникъ,
VIII, 391—392.

№№ 127 и 128.

Различные рассказы о чертяхъ, слушающихъ музыку и тан-
цующихъ: Чубинскій, Труды, I, 186, 187, 190; II, 364, № 99.
—Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, V, 64—65.—Драгомановъ,
Млр. пред., 52—54, №№ 19 и 20.—Рудченко, Н. ю. р. сказки,
I, № 41.—Гринченко, Этн. мат., II, №№ 60 и 61.—Данильчен-
ко, 20. Nowosielski, II, 32—34, 38—41.

№ 132.

Чубинскій, Труды, II, 379, № 105: Про бидного чоловіка
и чорта.—Эварницкій, По слѣдамъ запорожцевъ, стр. 117: Чо-
ловикъ у чорта на позычкахъ; стр. 133—134.

№ 133.

Номысъ, Украинскія приказки, 284, № 1254.—Tausend
und eine Nacht, übertr. v. M. Henning (Leipzig, Verlag v.
P. Reclam), T. I, 35: Der Fischer und der Ifrit.—Этими сю-
жетомъ воспользовался Le Sage въ своей книгѣ: «Le diable
boiteux».

Якъ .
№ 31
441.
—До
пор.

ист.

VI
II
V
A
C
C

№ 134.

«Малор. преданія» Драг., № 1,з.— Основа, 1862, V, 80: Якъ Анцыболоть дражнывъ Бога.—Этногр. збирникъ, IV, 147, № 31: Чому громы б'ють.—Харьковскій сборникъ, II, 87; VII, 441.—Жыте и слово, III (1895), 218, 372; II (1894), 180.—Добровольскій, Смол. сб. I, 226, № 2, 3, 5.—Revue trad. pop. I, 94; II, 269; X, 222.—Этногр. Обзор. XXVIII, 116.

№ 135.

«Малор. преданія» Драг., 48, № 13.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, V, 61—63.

№ 140.

Чубинскій, Труды, I, 192.

№ 141.

Чубинскій, Труды, I, 49: Лошадь.

№ 145.

Сборникъ Харьковскаго историко-фил. о-ва, V, 67.

№ 155.

Различныя сказки о смерти-кумѣ и о врачѣ, находившемся въ союзѣ со смертью (иногда съ замѣной смерти чертомъ): Ивановъ, Изъ области млр. н. легендъ—въ «Этногр. Обзорѣніи» V (1890), 154; VII (1890), 83—84.—Чубинскій, Труды, I, 217, № 93; 428, № 130: Про пятницю.—Кіевская Старина, 1892, VIII, 147—148; 1899, VII, 71.—Жыте и слово, III (1895), 219, № 31: Смерть кумою.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 31—32.—Moszyńska, Bajki i zagadki, № 22: Якъ баба чорта голыла.—Шейковскій, Быть подолянъ, II, 66—68: Смерть за куму.—Стороженко, Украинськи оповидання (Спб., 1897), 36—40: Жонатый чортъ.—Стихотворная передѣлка: Осташевскій, Piw kory kazok (Wilno, 1850), 116—124: Мартынъ Знахарь (то-же во второмъ изданіи той-же книги:

«Пивъ сотни казокъ», Кіевъ, 1869, стр. 199—204, № XXX). — Гринченко, Этн. мат., II, № 75. — Зоря, 1890, 151. — Стихотворная передѣлка по русски: Данилевскій, Украинскія сказки, 6-е изд., стр. 58, № XIV: Смерть. — Шапкаревъ, № 241. — Carnoy et Nicolaides, 144, 172 (ново-греческая). — Сборникъ за народ. умотворенія, VI, 162. — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1892, III, 299 (указаніе на сходное талмудическое сказаніе). — Добровольскій, I, 314. — Сотавинъ, Очерки с.-з. Монголіи, IV, 498. — Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, § 88, 92, 104. — Караджичъ, 145 (сербская). — Ciszewski въ IX т. «Zbiór wiadomości» (польская). — Потанинъ, IV, 498 (монгольская). — Фламанскія сказки, пер. Галибина (Спб., 1893), 59—71: Кумъ смерти; 201—215: Крестникъ смерти. — Kúnos, Oszmán török nép költésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецкихъ сказокъ, № 78). — О лубочномъ рисункѣ на эту тему см. въ «Кіевской Старинѣ» 1890, XII, 506—507.

№ 164.

Испорченная редакція. Подобное о вовкулакѣ см.: Гринченко, II, 126, № 93.

№ 166.

Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43—44. — Чубинскій, Труды, II, 416—417, № 122. — Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, III, 225. — Малор. преданія, 392. — У Ястребова (135, № 10) за дѣвучкою гнались черти, а она старалась спастись отъ нихъ при помощи такой хитрости, какъ и въ нашемъ разсказѣ.

№ 170.

Легенда эта относится къ Василю Борковскому, сотнику выбельскому, впоследствии полковнику черниговскому (до 1686.) и наконецъ генеральному обозному. О существованіи легенды сообщалъ еще Н. Маркевичъ въ своей книгѣ: «Обычаи, повѣрья...

мало
Кіев
«Гет
довс
188
стаѣ

вог
поп
18
Сл

За
36

д
в
т

малороссіяня» (Кіевъ, 1860, стр. 79). Кромѣ него см. еще: Кіевская Старица: 1883, VI, 376; 1894, III, 530 — 536; «Генер. обозный В. К. Борковскій»; 1886, VI: Сѣлецкій, Колдовство въ юго-западн. Руси въ XVIII в., стр. 209—210; 1883, VI, 376: Ефименко, Упыри.—Иловайскій, Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ, 35—37.

№ 171.

Малорусск. преданія, 62, № 2: Мертвякова намитка.—Харьковскій Сборникъ, IX, 259—261, № 36: О тимъ, якъ дівка пошуткувала.—Чубинскій, Труды, II, 422.—Кіевская Старица 1899, VIII, 203.—Аванасьева, Р. н. сказки, 314, № 205.—См. еще № 174 настоящей книги.

№ 172.

Объ обсыпаніи мертвецовъ и ушырей макомъ: Ефименко, Заклинанія, 70, № 221.—Зоря, 1890, 152.—Етнографичн. збирникъ, I, 5—8; № 2: Чоловикъ безъ страху и упырь.

№ 173.

О мертвецахъ, пребывающихъ временно среди живыхъ людей: Кіевская Старица 1889, VII; 88—89 (въ разск. Г. Барвинокъ «Русалка»); 1899, VIII, 198.—Буслаевъ въ «Библ. для чтенія» 1864, III, 6.

№ 174.

Чубинскій, Труды, I, 91: Битье о закладъ; II, 422, № 125. Про ковпакъ мертвеца.—Данильченко, стр. 12: Битье о закладъ: Харьковскій Сборникъ, IX, 259: Якъ дивчына зняла хустку зъ мары.—Аванасьева, Р. н. сказки (1897), II, 314—315, № 205: Разказы о мертвецахъ. А.—См. еще № 171-й настоящей книги.

№ 175 и 176.

Иные разказы на ту-же тему: Харьковскій Сборникъ,

VIII, 44, 289.—Кіевская Старина 1894, III, 553.—Сборникъ Харьков. и. ф. о-ва, III, 170—172, 175.—Чубинскій, Труды, I, 198—199.—Nowosielski, II, 84—85.

№ 177.

Кіевская Старина, 1889, V—VI, 505.

№ 178.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165. — Харьков. Сборникъ, VII, 449; VIII, 43, 290, IX, 245.—Манжура, Сказки, 135.—Малорусск. пред., 69 и 70.

№ 179.

Различные виды, въ которыхъ является вѣдьма: Гринченко, I, № 87.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 177—202, 220.—Харьковский Сборникъ, VII, 449, 451, 452; VIII, 44, 83, 288, 290—291; IX, 248, 250.—Чубинскій, Труды, I, 199.—Малорусск. преданія, 68, 69, 73 (№ 15).—Этнографичный збирникъ, V, 216.—Ястребовъ, Матер. по этн., 64.

№ 181.

Сборникъ Харьков. и.-ф. о-ва, III, 166,

№ 187.

Кіевская Старина 1899, III, 139.

№ 188.

Гринченко, I, № 87.—Сборн. Харьк. ист. ф. о-ва, III, 167.—Кулишъ, Записки о Ю. Руси, II, 38.

№ 189.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165, 166; V, 41—43.—Этнографическій сборникъ, V, 97, 3.—Харьковский Сборникъ, VII, 449; IX, 24, 310, 427.—Малолорусск. пред., 35, № 41;

70, 3
Трудь

III,
Кіевс

вн
В. С
Кі
сЯ
вн
19
чеп
17
VI

1:

70, № 9.—Гринченко, Этн. м., I, № 87 и 207.—Чубинский, Труды, I, 198, 205.—Кіевская Старина 1889, VII, 38.

№ 192.

Харьковскій Сборникъ, II, 86.—Сб. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 214.—Малор. пред., 68, № 3.—Манжура, Сказки, 134.—Кіевская Старина, 1890, I, 60.—Чубинский, Труды, I, 17.

№ 193.

Спеціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки (преимуществ. объ иранскихъ повѣрьяхъ) принадлежитъ В. Ө. Миллеру. См. также *Revue d. trad. populaires* 1890, «Кіевская Старина», 1895, V, 192—193. Объясненіе слова «Ярчукъ» см. у Потебни: «Этимологическія замѣтки» въ III вып. «Живой Старины» 1891 г., стр. 17.—Чубинский, I, 53, 198.—Ястребовъ, 9.—Кіевск. Старина, 1894, III, 553.—Гринченко, Этн. мат., I, № 87.—Сборн. Харьков. и.-ф. о-ва, III, 177, 179—180. — Харьковскій Сборникъ, II, 93; VII, 451; VIII, 302.—Малорусск. пред., 69.

№ 194.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 178.—Манжура, Сказки, 140.

№ 195.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, V, 57.

№ 199.

Кіевская Старина, 1889, XII, 588.—Г. Барвинокъ, Перемогла (Першый винокъ, альм., стр. 54—55). — Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 15, № 3. Орендарь. — Nowosielski, II, 103—108.

№ 201.

О летаніи вслѣдствіе колдовства: Кулишъ, Записки о Ю. Руси,—II, 39. Ястребовъ, Этн. мат., 69—70.—Квитка, Конопська видьма. Nowosielski, II, 147. — Wojcicki, Klechdy I, 94—100.

№ 203.

Гринченко, Этн. мат., I, 283, № 208.

№ 208.

Малорусск. нар. преданія, стр. 79, № 3.

№ 214.

Чубинскій, Труды, II, 505, № 10 (вторая половина); 520 № 16: Скупый (первая половина).—Харьковскій Сборникъ, IV 35.—Гринченко, II, № 97: Задра на гроши.

№ 217.

Вторая половина этой сказки, разрабатывающая мотивъ о путешествіи къ солнцу, входитъ въ составъ сказки о Маркѣ Богатомъ. Параллели для этой половины: Чубинскій, Труды, II, 11, № 2; 133, № 47; 290, № 76; 341—344.—Драгомановъ, Млр. преданія, 329, № 22.—Kolberg, Pokucie, IV, № 5 и 6 Етнографичн. збирникъ, I, стр. 3, № 1: Подорижъ до сонця; стр. 81, № 21: Дубъ-береза и його подорижъ до сонця; т. IV, 132, № 26. — Ивановъ—въ «Этн. Обзоръ», кн. VII, 80—83. Moszyńska въ Zbiór wiad., кн. IX, № 1.—Данилевскій, Украинскія сказки, 6 изд., 76, № XIX.—Казки Игнатія зъ Никловичъ, 39—44 (то-же, что и въ «Млр. пред.»).—Обширная литература сказки указана М. Драгомановымъ въ статьѣ: «Славянскитѣ сказанія за рождението на Константина Великий»—въ «Сборникъ за нар. умотворения», т. II, 132—184; т. III, 206—246; также Н. Сумцовымъ: «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ»—въ «Этногр. Обзоръ», XX (1894), стр. 9; см. еще IV томъ «Етнографичного збирника», стр. 136, при № 26-мъ. Národopisny sborn. csl. III, 5. sl., 118. sl. c. 55—Andrews, Contes ligures, № 52.

№ 219.

Гринченко, Этногр. мат., II, 151. № 103.

№№ 220 и 221.

Чубинский, Труды, II, 432, № 132.—Харьковский Сборникъ, VIII, 264. — Киевская Старина, 1885, XI, 186—187; 1887, XI, 415.—Этнографическое Обозрѣніе, XXV (1895), 147.—Руданський, Творы, II, 223—225, 256, № 6: П'ятниця и неділя.

№ 225.

Гнатюкъ, Гал.-р. анекдоты въ VI т. «Этногр. Збирника», №№ 382, 482, 483.—Ананасьевъ, Р. н. сказки, II, 419.—Вук Врчевич, Срп. н. прип., 58—59, № 131.—Magazyn anekdotów, IV, 17—18.

№ 226.

«Записки о Ю. Руси» Кулиша, II, 30.—Драгомановъ, Малорусск. н. пред., 247, № II.—Номысь, Укр. приказки, 10, № 430.

№ 227.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Киевская Старина, 1886, III, 463: Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ укр. н. словестности.—*La facescie del Piovano Arcotto ed Giuseppe Vasconi*, Firenze, 1884, стр. 80.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ «Етн. Збирн.», VI, №№ 273, 274 и 298.—Жыте и слово, IV (1895), 366, № 4.—Ананасьевъ, Р. н. сказки, II, 434 ррр.—Насрадинъ-Ходжа, Београдъ, 1896, стр. 6—7, № 10.—*Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem* (Verl. v. P. Reklam), 19, № 30.

№ 228.

Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, № 188: Смерть.

№ 230.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Этнографичный Збирникъ, I, стр. 10, № VI: Зъ подрыганіемъ; стр.

28, № V.—Рудченко, Н. ю.-р. сказки, II, 196, № III.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 274.—Mozzyńska, Bajki, №28 (также въ «Zbiór wiadomości», IX, 142—146).—Сборникъ Харьковскаго и.-ф. о-ва, XI, 141.—Супцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 24.

№ 232.

Руданський, Творы, I, 151: Пинъ зъ кропыломъ.

№ 234.

Сказка эта принадлежитъ къ циклу сказокъ объ удостовѣреніи вѣрности жены (невинности дѣвушки); сюжетъ этотъ часто слетается съ другимъ: объ отсутствіи жены для выручки изъ неволи мужа и объ обвиненіи ее изъ-за этого въ невѣрности; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются иногда у супруговъ сорочки, остающіяся бѣлоснѣжными до тѣхъ поръ, пока сохранена вѣрность. Вотъ извѣстные намъ сказки этого цикла въ обихъ его развѣтленіяхъ: Аонасьевъ, Русскія н. сказки (1897), II, № 194. Оклеветанная купеческая дочь, 195. Царица-гусярь. — Вольфъ, Deutsche Hausmärchen, 98—115.—Zeitschrift für D. M., II, 377—384 (Die getreue Frau).—Нѣмецкая пѣсня: «Der graf v. Rom (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 638—639). — Московскій Наблюдатель 1837, XI, 350—352 («Германскія преданія»).—Янчукъ, Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ (въ «Юбил. Сборникъ въ честь В. Θ. Миллера» 1900 г., ст. 353 и слѣд., а въ отдѣльн. оттискѣ 6 и слѣд.). Въ этой статьѣ приводится, какъ народная, «Дума про княгню-кобзаря» и говорится: «М. С. Кононенко, пишущій малорусскіе стихи и перелагающій въ стихотворную форму нар. рассказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы «балладу» слѣдующ. ритмич. склада: «Не туманъ ото сывіе |И не курява чорніе, |И не хмара йде, |Ни, то лавою живою, |Вже знаряжене до бою |Військо князя жде. (М. С. Кононенко, Княгня Кобзарь. Баллада,

Кіевъ,
содержа
ство, с
не пер
въ Хар
статій
къ при
въ при
ство, в
звоти,
сюжетъ
я вид
въ: въ
гдеча
стѣвол
сказокъ
аршо
в (роп
—На
ности
ав'а
Schul
Матер
іе. 2
La se
и не
Zagre
гожа
ваде
ваго
ваго
восту
Иван
звот
восту
вде

Кіевъ, 1893). На мой (г. Янчука) запросъ, откуда имъ взято содержаніе для этой баллады, г. Кононенко отвѣчалъ мнѣ любовно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк. и Кіевск. губ., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій. Харьковскій вариантъ и есть тотъ самый, который мы привели», (стр. 358 въ «Юб. Сб.» или 11 въ оттискѣ). Но приведенный въ статьѣ г. Янчука текстъ думы есть не что иное, какъ *собственное стихотвореніе* редактора настоящей книги, написанное въ формѣ малорусской кобзарской думы на сюжетъ сказки Аванасьева, № 195. Царица-Гусларь и никогда и нигдѣ не былъ записанъ отъ народа. Стихотвореніе это изданное въ 1891 г. въ сборникѣ «Колоски» (Одесса, 71—79), перепечатывалось потомъ въ журн. «Дзвінокъ», 1891, № 10, и нѣсколько разъ въ сборникахъ стихотворнахъ передѣлокъ нар. сказокъ В. Гринченка (В. Чайченка), — см. «Книга казокъ виршомъ» (Львѣвъ, 1894, стр. 99 и Одесса, 1895, стр. 72) и брошурки львовскаго (1891) и харьковскаго (1893) изданія. — На тотъ же сюжетъ, но, съ значительно отличными подробностями написана (въ 1859 г.) поэма чешскаго поэта Vitezslav'a Hálek'a: «Krásná Lejla» (Spisy Hálkovy, porada F. Schultz, V Praze 1879, díl II, p. 67—80). — Вс. Миллеръ, Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, Этногр. Обзорѣніе, XVIII (1893), стр. 65—66. — Boccacci, II Derameron. La seconda giornata, Novella nona.—Tran Kurelac, Jacke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga, Zagreb, 1871, стр. 138—147: «Aleksander», — стихотворная поэма. Издатель (стр. LIII) догадывается, что хорватскій текстъ, найденный въ двухъ копіяхъ XVII в., представляетъ переводъ какой-то старонѣмецкой поэмы, написанной вѣроятно въ Вѣнѣ и называвшейся должно быть: «Die schöne Juliane». Этотъ текстъ послужилъ основою для малорусской «Поэмы про билу сорочку» Ивана Франка, первоначально появившейся въ V-й книгѣ «Литературно-научнаго Вистныка» за 1899 г. (стр. 117—140) и повторенной въ сборникѣ стихотвореній Франка: «Поэмы». — См. еще «Кіевскую Старину» 1900, VII—VIII, Библиогр., 39.

№ 235.

Номысь, Укр. прыказкы, 252, № 12827. — Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 50. — Комаровъ, Нова збирка н. м. прыказокъ, № 1011.

№ 236.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ VI т. «Ет. Збирн.», № 168.

№ 237.

Иные рассказы о мнимомъ мертвецѣ: Ястребовъ, Матер. по этн. 172, № 32. — Чубинскій, Труды, II, 540, № 31. — Манжура, Сказки, 132: Наказанный скупецъ. — См. еще: Киевская Старина 1894, III, 440: Н. Сумцовъ, Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ; также Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 107—113, № XXXVI.—Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 26, № 45.

№ 238.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 697: Дурни люде. Тамъ-же указана и литература.

№ 241.

Указаніе на польскіе варианты у Ciszewskiego. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 89. — Вольвачивна, Кажы жинци правду, та не всю. Харьк. 1893.

№ 242.

Перепечатана изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1859, № 29, стр. 208.—Чубинскій, Труды, II, 530—537, №№ 25—28.—Сборникъ Харьковскаго ист.-ф. о-ва, VI, 177. — Киевская Старина 1883, XII, 701—703; 1894, XII, 395.—А. Торяшній, Жаръ птыця, Катерынославъ, 1884. — Cosquin, Contes popul. de Lorraine, II, 317—322. — Бѣлорусская сказка у Шейна въ

«Матер.
—Остг
дзвськ
рідня.

I

7-1

Хурв
этн.,
цзгт
кзгт

пом
взв
Авс
слв
№
зат
18

«Матер.», II, болгарская, Шапкарева, въ VIII кн. «Сборника».
—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 158, № 24: Иванъ.—Руданскій, Творы, I, 101, № 62: Чужая дытына не то, що ридня.

№ 245.

Номысь, Укр. приказки, 183, № 9450.

№ 246.

Изъ № 2 «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1854, стр. 7—11.

№ 247.

Оттуда-же, 1857, № 4, стр. 28—32.

№ 250.

Разсказъ принадлежитъ къ циклу сказокъ о попыткахъ дурня жениться. См. сказки этого цикла: Ястребовъ, Мат. по этн., 163.—Квитка, Пидбрехачъ.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 145 (Сб. X. и.-ф. о-ва, XI, 262).—Сумцовъ, Квитка какъ этнографъ—въ «Кіевск. Старинѣ» 1893, VIII.

№ 252.

Мѣсто этой сказкѣ собственно въ XIII отдѣлѣ; здѣсь она помѣщается какъ образчикъ примѣненія сказочнаго мотива къ известной нравоучительной цѣли. См. Манжура, Сказки, 143.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 52: Морозко.—Жыте и слово, II (1894), 360: Морозъ.—Етнографичн. Збирныкъ, VI, № 142.—Чубинскій, Труды, II, 434, № 133.—Сумцовъ, Сказанія о займѣ дней—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1891, № 3.

№ 253.

Чубинскій, Труды, II, 543—546, № 33.—Ястребовъ, Ма-

тер. по этн., 170, № 31.—Етнографичв, Збирникъ, III, 189, № 27: Царъ, панъ и царивна (вторая половина сказки).—Сто-роженко, Укр. оповидання (1897), стр. 6: Вчы ливного не молотомъ, а голодомъ (то-же въ «Основѣ» 1861, № 1).—Илю-стрована библиотека для молодежи, 1891, № 6, стр. 86—88: Малына, Кто ся колыше, най ся колыше.—Добровольскій, Смо-ленскій этнографич. сборникъ, 359—361: Упирливая дѣвка.— Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 307: Празнишная жонка

№ 254.

См. стр. 365 настоящей книги, прыказка № 117.

№ 255.

Разсказъ этотъ въ разныхъ селахъ прилагается къ опре-дѣленнымъ людямъ. Въ дѣтствѣ составитель этой книги слы-шалъ его отъ своего отца, пріуроченнымъ къ одному знакомому крестьянину на х. Немышля, Харьковск. у. Въ Черниговѣ отъ г. Зборовскаго составитель слышалъ его въ 1900 г., какъ мѣст-ное происшествіе. Вотъ еще варіантъ, доставленный Д. К. Ле-бедемъ изъ м. Веркиевки Нѣжинскаго уѣзда: «Два чоловіки йдуть уночи,—колы-жъ вовкъ; посталы вони тай дывляться. Колыжъ вовкъ, проломавъ дырку у хливи та й полизъ туды. Отъ одынъ чоловікъ прысивъ надъ диркою передомъ до тыну та й заслопывъ дирку, а другый побигъ людей нагукаты. Чуе вовкъ, що люде бижать, та якъ розженеться у дирку. та головою у матню чоловікови; чоловікъ и повысь на йому, а вовкъ повисъ та й повисъ його. Але й вовкъ такъ перелякався, що тилькы за село выбигъ та й здохъ. Отъ тоби й піймавъ вовка; на що те сило та ружже!»

№ 257.

Folklore de l'Ukraine. Украинскый фольклоръ. Ext. des *Kpυπτάδια*, t V, 1898, Paris, p. 138—139: Tziganes.—M. Tewnik, Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reclam), 75, № 87.

№ 258.

Драгомановъ, Малорусск. преданія, 181, № 15: Сосѣдское добро.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 59.

№ 261.

Чубинскій, Труды, II, 647, № 108.—Этнографичныѣ Збирныкъ, IV, 187: Якъ цыганъ зъ паномъ обидавъ.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 204.—Жыте и слово, III (1895), 70: Якъ цыганъ штукою найився.

№ 262.

Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VIII; XIII, стр. 243
Линьва кума.—Этнографичный Збирныкъ, VI, № 201: Зюбрій.

№ 270.

Этнографичный Збирныкъ, VI, № 60: Хлопъ и мищухъ, № 93: Видтяла.—Жыте и слово, IV (1895), 364, № 3: Богачи и бидни. 2.—Насрадин-Ходжа, Београд, 1894, ст. 32, № 48.

№ 271.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 15—16, стр. 3.

№ 272.

Гринченко, Этногр. Мат., I, 89, № 115.

№ 275.

Этнографичный Збирныкъ, VI, № 237: Розмова (конецъ).

№ 276.

Тотъ-же анекдотъ составитель книгн слышалъ въ дѣтствѣ въ Харьковскомъ уѣздѣ.

№ 277.

Этнографичный Збирныкъ, VI, 194, № 441: Быколашъ.— Вотъ еще вариантъ, доставленный изъ Нѣжинскаго уѣзда Д. К. Лебедежъ въ 1900 г.: «Москали украли теля, заризали його та й шкуру зняли. А ихъ началныкъ и потуравъ йимъ въ симъ. Колы-жъ пиднялась трусанына, йдутъ трусаты й москаливъ. Воны положили теля на стиль, прыкрыли його рядномъ, а одинъ москаль сивъ у головахъ та й псавтырь чыта. Колы ввходятъ и сюды трусаты; бачать — покойныкъ. Ну, якъ же тутъ трусаты!—«Хто умеръ?—пытають.—«Бычковъ».

№ 278.

Различные рассказы о покражѣ солдатами масла: Рудченко Н. ю. р. сказки, II, 167, № 38: Чоловикъ зъ масломъ и моска ли.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 431 666.

№ 279.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 17—18.

№ 282.

Драгомановъ, Малор. преданія, 195, № 38.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 142.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 425 и.—Календарь Просвѣты на р. 1870, стр. 78.—Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VII, 3, стр. 32, № 84.—Этнографичный Збирныкъ, I, стр. 13, № III: Грынджолы; VI, 175, № 390: Русынь и мазуръ.—Ястребовъ, Матер. по этн., 186, № 3.—Билецкий-Носенко, Казкы сліпого бандурыста (Кіевъ, 1871), стр. 34, № V: Лыцвынь да Украйинець.

№ 284.

Этнографичный Збирныкъ, II, Дыкаригъ, 22, № 21: Цыганъ-монахъ; IV, 185, № 6: Цыганъ у монастыри.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 410, № 248.

№ 289.

Записки Юго-Зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Об-ва, I, 295.—
Кулишъ, Зап. о ю. Руси, I, 277.

№ 290.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 114: Легенда о Б. Хмѣль-
ницкомъ,

№ 291.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 295.—Кулишъ, Зап.
о Ю. Р., I, 277.

№ 292.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 299—300: Ведме-
дивська попивна.

№ 293.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Паліѣ: Rulikowski, Zapiski
etnograficzne z Ukrainy w Zbiór wiadom., III, 139—140.—
Легенды о Паліѣ въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, I,
115, 117, 123.—Записки Юго-Зап. Отд. Геогр. О., I, 298.—
Основа, 1861, XII, 29; 1862, VIII: Замѣчат. варианты укр.
пѣсень,—Драгомановъ, Млр. пред., 201—208, №№ 11—13.—
Вл. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ бе-
регу Днѣпра, 61—73 (Архивъ юго-зап. Россіи, т. II, ч. III,
Предисл., 61—73).—Кіевская Старина: 1882, III, 611—615;
IX, 579; 1886, II, 405; 1888, V, 47: Легенда о
Паліѣ.—Черниговскія губернскія вѣдомости 1860, № 14.—
Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach—«Rubon»,
Вильно, 1845, VI, 169—174.—Чубинскій, Нѣсколько народ-
ныхъ ист. пред., Кіевъ, 1873, 8—9 (тоже, что въ Зап. Ю:
З. О., I).—Полит. писни укр. н., т. I, вып. 2, 37—46.—Кіев-
лянинъ 1868, № 111: Комаръ Хмыничъ, Коростышевъ.—Кіевля-

нинъ, 1870, № 57: Свидницкій, Легенда о С. Паліѣ.—Черниговск. Епарх. Извѣстія, 1868, № 7, ч. неофф., 256-257.—Черниговск. Губ. Вѣдом., 1888, № 11.—Новости, 1889, № 66, Мордовцевъ.—Этнографическое Обзорѣніе, II (1889), 80: Каллашъ, Палій и Мазепа въ нар. поэзіи.—Журналь Мин. Нар. Просв., 1839, 5: А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, XII.—Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1888, № 10, Новецкій.—Эварницкій, Запорожье, II, 233.—Кулишъ, Укр. нар. пред., Москва, 1847, отд. I.—Кіевлянинъ, 1888, № 34.—Якушкинъ, Сочиненія; Спб., 1884, стр. 312: великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ.—Лисенко, Збирн. укр. писень, II, № 1.—Кіевск. Губ. Вѣд., 1868, №№ 14 и 147.—Полтавск. Губ. Вѣд., 1860, № 14.

№ 294.

Гринченко, Этногр. Матер., I, № 149.

№ 295.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1853, № 10, стр. 69—71.—О Бондаренкѣ: Кіевская Старина, 1882, III, 530, XI, 393; 1886, II, 405; 1890, IV, 30, 31.

№ 296.

Кулишъ, Записки. о Ю. Руси, I, 151 (иной рассказъ о походе гайдамакъ въ Каневѣ).

№ 297.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 149.

№ 302.

Гринченко, Этногр. Мат., II, 233, № 173.

№№ 303—304.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Кармелюкѣ: Кіевск.

Стар
Карп
698:
495:
старс
что
VIII
На
(18С
186:
скія
съ-
Кар
длин
№№
во,

рши
IX,
16:
чек
19
18
№
ус
д.

С
д
1
1

Старина: 1882, X, 183: Кармелюкъ; 1883, II, 466: Визитъ Кармелюка; VI, 393: Гнидко, вариантъ Кармелюка; 1884, IV, 698: Е. Маковский, Изъ разказовъ о Кармелюкъ; 1886, III, 495: Ролле, Кармелюкъ; VI, 371: Олтаржевскій, Воспоминанія старожила о Кармелюкъ; VII, 553: Венгржиновскій, Еще кое что о Кармелюкъ; 1887, XI, 588: Пѣсня о Кармелюкъ; 1889, VIII, 533: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ; 1892, X, 118: На родинѣ Кармелюка. — Этнографическое Обзорѣніе, XX (1894), 131: А. Малинка, Преданія о Кармелюкъ. — Основа 1862, VIII, Дневникъ Шевченка, 17: пѣсня. — Екатеринославскій Губ. Вѣдомости, 1889, № 70: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ. — Зоря, 1894, № 11: В. Боржковскій, Нар. згадка про Кармалюка. — Литературная обработка: Марко Вовчокъ, Оповідання (Спб., 1865): Кармелюкъ (то-же въ «Правди» 1867, №№ 4 и слѣд.). — Чайка, альм. 1875, № 4. — См. еще: Гринченко, Этногр. Мат., III, 618—619.

№ 306.

Различные нар. рассказы и пр. о Шевченко: Кіевск я Старина: 1882, VIII, 371: Взглядъ народа на Шевченка; 1885, IX, 187: Нар. пѣсня о Шевченкѣ; 1887, VIII, 711; 1894, II, 165: Н. Бѣляшевскій, Разказы крестьянъ с. Пекарей о Шевченкѣ; 1896, II: А. Крымскій, Шевченко въ нар. разказахъ; 1900, VI, 141: М. Васильевъ, Т. Шевченко въ легендѣ. — Зоря, 1891, № 5: Хв. Крымскій, Нар. пажъять про Шевченка; 1892, № 5: М. Школыченко, Оповідання про Т. Шевченка (зъ нар. усть); 1895, № 3: Два анекдоты про Шевченка; №№ 5 и 6: Д. Писочынецъ, Шевченко и народъ.

№ 307.

Изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1854, № 15, стр. 102—103. — Соединено два мотива: а) Заклятіе рѣчки матерью за утопленіе дочери (сына); б) переходъ рѣчки съ одного мѣста на другое. Параллели перваго мотива: Гринченко, Этногр. мат., I, № 153: Преданіе о болотѣ Замглай (то-же въ «Кіевской Старинѣ» 1893, VI, 521). — См. еще №№ 311 и 315 настоящей книги.

№ 308.

Изъ № 32, стр. 227—229, «Черниговск. губ. вѣд.» 1854. — Сюда вошелъ мотивъ о паханіи змѣемъ, имѣющей обширную литературу; къ нему примыкають рассказы о Кир. Кожемякѣ и змѣѣ: Рудченко, Н. ю. р. сказки, II, № 23: Поповичъ Ясать.— Манжура. Сказки, 24—26: Марко Сучченко.— Гринченко, Этнограф. мат., II, 233, № 175.—Кіевская Старина 1898, X, 13; III, 95.—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 38, № 6: Змійивъ валъ.—Moszynska, Bajki, № 10: Про Сучченка.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 196—197, № 85; въ томъ-же томѣ №№ 75 и 76.—Русская Бесѣда, 1856, III, статья Максимо-вича, 74.—Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣній, I, 560—562.—Кулишъ, Зап. о Ю. р., II, 27: Кир. Кожемяка.— Драгомановъ, Малор. пред., 248, № 1. Илья Швець и змій.—Nowoselski Lud Ukraiński, I, 133—135; 254—284.—Москвитянинъ, XII, 146—149. Въ Малор. преданіяхъ Драгом., 248, указано еще: сербскую пѣсню о больномъ Дайчинѣ у Караджича, II, 460, № 78.—Древне-русскій рассказъ объ Усмошвецѣ см. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, I, 53.—Больной Георгій. Dozon, Chansons pop. Bulgares, № 40. О кракѣ и змѣѣ въ Вавелѣ см. San Marte Polens Vorzeit, 16.—Другіе примѣры у Вуслаева: Клинообразныя надписи Аземенидовъ, Рус. Вѣсти. 1873, № 12.

№ 311.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» 1858, № 51, стр. 400.— См. № 307 настоящей книги.

№ 312.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей», 1857 г., № 3, стр. 17—18.

№ 313.

Оттуда-же, 1856, № 48, стр. 372—374.—Стихотворныя.

обраб
1860
(9) —
шова

Куле
дану

Чер
186

ваз

ст
ан
5-
М.
К
6
П
У
3
С
С
3
1

обработки темы: П. Кузьменко, Погане поле (Черниговск. губ. вѣд. 1860, № 21;—Основа, 1861, II, 41;—Чайка, альм. 1876, стр. 9).—Осташевський, Пивъ сотни казокъ, 9, № 2: Гандзя кошового.

№ 314.

О вѣтряныхъ барабанахъ см. въ «Запискахъ о Ю. Руси» Кулиша, I, 114—115, гдѣ устройство ихъ приписывается Богдану Хмѣльницкому.

№ 315.

Изъ брошюры М. Исаенка: «С. Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860. стр. 4. (Печаталось первонач. въ Черн. Г. В.» 1860 г.).—См. № 311 этой книги.

№ 317.

Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 31.—Номысь, Укр. прыказки, № 10970.

№ 318.

Сказка о безстрашномъ, желающемъ узнать что такое страхъ и отыскивающимъ его, существуетъ во множествѣ вариантовъ у различныхъ народовъ: Етнографичный Збирникъ, I, 5—8, № 2: Чоловикъ безъ страху и упырѣ.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, 49, № 85.—Чубинскій, Труды, II, 366, № 101.—Kolberg, Pokucie, IV, № 30.—Манжура, Сказки, 60.—Ястребовъ, Матер. по этногр., 81.—Аванасьева, Р. нар. сказки (1897), II, 310—314, № 204: Безстрашной.—Kolberg, Lud, III, 119, VIII, 133 (здѣсь указаны польскіе варианты).—Kozłowski, Lud, 336, 358.—Ciszewski, Krakowiacu, 209, 210.—Шалкаревъ, Сборникъ за нар. умотвор., №№ 122, 248.—Верецагинъ, Вотяки Соснов. края, 161.—Нѣмецкія сказки изъ Верхняго Пфальца указаны Кольбергомъ въ вышецит. мѣстѣ «Lud'a».—Grimm, Kinder- und Hausmärchen, I, № 4: Märchen von einem, der auszog

das Fürchten zu lernen и въ III т. примѣчаніе къ ней (стр. 13—19 изд. «Univ. Bibl.»).—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 408—416.—Schleicher, Litauische Märchen, 79—83.—Gonzenbach, Sicil. Märchen, II, 237.—Hahn, 24, 32, 64.—Schott, Walach. Märchen, 27.—Cosquin, Contes pop. de Lorraine, II, 253—263, № LXVII. Jean sans peur (здѣсь указана литература).—Фламандскія нар. сказки, пер. Галибина, изд. Ледерле (Сиб. 1893), стр. 95—116: Побѣдитель дракона.

№ 319 и 320.

Мотивъ объ отдачѣ обманщику женщиной предназначенныхъ для другого лица вещей и погонѣ за нимъ ея мужа, который въ свою очередь тоже оказывается одураченнымъ, разрабатывается въ двухъ версіяхъ: а) жена, не понявъ мужа, отдаетъ обманщику вещь, предназначенную для сбереженія, б) жена отдаетъ челоуѣку, выдавшему себя за идущаго съ того свѣта, вещи для передачи умершему родственнику (вторая половина—о погонѣ мужа—обѣихъ версій сходна). Варіантъ первой редакціи: Манжура, Сказки, 108.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, XI, 110—111, 143.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 238—240.—У Цингерле—тирольскій варіантъ.—Етнографическій Сборникъ, III, 130, № 2. Дурна баба (литература къ этой сказкѣ въ т. IV «Етн. Зб.», 201).—Krauss, Sagen und Märchen d. südslav, II, 232.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 122, 147 (то-же въ Сборн. Х. и. ф. о., XI, 239, 264).—Аванасьевъ, Р. и. сказки (1897), II, № 227 в, стр. 367.

Вторая сказка существуетъ или самостоятельно, или является частью болѣе обширной сказки объ исканіи даннымъ лицомъ людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его домашніе (плакавшіе о несчастной смерти возможнаго въ будущемъ ребенка). Излѣдованія (съ указаніемъ многочисленныхъ варіантовъ) послѣдней сказки (съ составными ея элементами), а также и сказки о передачѣ вещей умершему см.: Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 237—245, № XXII, Jeanne et Brimboriau.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы.

Авектс
о-ва,
рецие
Старин
(1897
of по
I
р. анс
дятся
für s.

въ ст
IV,
Р., I
Чуб
Крал
Сборн
René
сест
Рудч
шуро
50
Cisz
tesy
№ 7

ных
XXI

Ду

Анекдоты о глупцахъ, стр. 23—56 (то-же въ Сб. Харьк. и. ф. о-ва, XI, 140—173, а также 110—111).—Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности (Кіевск. Старина, 1886, III, 445—450).—Аванасевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 220. Вороватый мужикъ.—Clouston, The book of poodles, 204 и слѣд.

Кромѣ всего указаннаго, см. №№ 696—697 въ «Галицко-р. анекдотахъ» Гнатюка (VI т. «Етн. Збирчыка»), гдѣ находятся и дополненія къ литературѣ предмета, а также Archiv für slavische Philologie, XXII Band, отдѣлъ критики, стр. 310.

№ 321.

Вариантъ очень распространенной въ Европѣ, Азіи и Африкѣ сказки о **матери-предательницѣ**. См.: Kolberg, Pokucie, IV, № 17.—Мавжура, Сказки, 33—59.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57.—Гринченко, Этн. Мат., I, №№ 157 и 158.—Чубинскій, Труды, II, 285—290, № 75.—Халанскій о Маркѣ Кралевичѣ, I, 17.—Zawiliński, № 4.—Садовниковъ, 69, 133.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, XVIII, 18, 79.—René Basset, Berberes, 222.—Къ этой темѣ примыкаетъ тема о **сестрѣ предательницѣ**: Kolberg, Pokucie, IV, №№ 13 и 14.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 49 (перепечатана отдѣльн. брошурою въ Кіевѣ, 1890, подъ заглав. «Братъ и сестра»); №№ 50 и 51; II, № 22.—Чубинскій, II, 138—167, №№ 48—50.—Ciszewski, Krakowiacy, 89.—Kunoó, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см. Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 71).

Литература входящаго въ эту сказку мотива о **благодарныхъ животныхъ** указана г. Сумцовымъ въ «Этногр. обзорѣни» XXII (1894), 103.

№ 322.

Драгомановъ, Малорус. пред., 355, № 33: Мальчикъ-мизинецъ.—Худяковъ, Влкр. сказки, II, № 64.—Hahn, Griechische und

albanesische Märchen, I, № 55; II, № 99.—Schleicher, Litauische Märchen, 7—8.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen (Verl. v. P. Reclam), I, 178, № 37: Daumesdick; 201, № 45: Daumerlings Wanderschaft; III, 72, № 37; 76, № 45.—Norweg. Volksmärchen, II, № 14.—Zeitschrift für D. M., I, 48—49 и 381.—Valjavec Краќманов, Narodne pripovedke, стр. 116—119.—Аванасьевъ, Поэтич. възрѣнія, II, стр. 738—739.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 225—228, № 168: Мальчикъ съ пальчикъ.—Vogl, Volksmärchen (slawonische, 1851), № 6.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, II, 147—155, № LIII: Le petit poucet.—Данилевскій, Укр. сказки (6 изд.), 49, № XII: Коротышки (стихотв. русск. передѣлка).

№ 323.

Kolberg, Pokucie, IV, № 9.—Kolberg, Lud, XVII, стр. 180; XIV, № 15.—Kunoš, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 68).—Сравни. Cosquin, Contes popul., I, № XXVIII: Le taureau d'or; № LXXVIII: La fille du marchand de Lyon.

№ 324.

Чубинскій, II, 355, № 93.—Moszyńska, Bajki, № 24.—Этногр. Обзорѣніе, XXII (1894), 129.—Этногр. Збирникъ, VI, № 167.—Руданскій, Творы, I, 106, № 65: Крыва баба.—Жыте и слово, II (1894), 359: Якъ бидна баба ворожкой стала; IV (1895), 357, № 22: Якъ баба пана вылычыла.—Zbiór Wiadomości do antr. Kraj., T. XI (3), стр. 62.—Календаръ Просвѣты на рикъ 1872, стр. 61—62.

№ 325.

Изъ малорусскихъ варіантовъ намъ извѣстны только литературныя обработки сюжета: прозаическая у Квитки: «Пархимове свидання» и стихотворная у Руданскаго, Творы, I, 66, №

34: Цыганъ зъ хрономъ. —Сходная индусская сказка: Минаевъ, Инд. сказанія, 15. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 41.

№ 328.

Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 248: Разказы объ инородцахъ. z.

№ 330.

Подобныя «Розмовы»: Гринченко, Этн. Мат., II, № 203.— Чубинскій, II, 679, № 146: Роспыталысь.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 64 и 171.

№ 331.

Чубинскій, II, 677, № 142.—Руданський, Творы, IV, 15: Ни зле, ни добре.—Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 230: Хорошо да худо.

№№ 333—336.

Kolberg, Pokucie, IV, № 73: Кошалки-опалки.—Moszyńska, Bajki, № 29 и 30: Про мудрого дурня и Якъ то соби сынъ зъ батькомъ хазайнувалы.—Мавжура, Сказки, 83—84: Брехня; 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатилы, а батька ше на свити не було, Небыльця, Приказки.—Чубинскій, Труды, II, 83—85, 336. № 85; 517—519, № 13; 678, № 143.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 11—13: Одъ чого зайци купи? 178—180, №№ 35 и 36.—Драгомановъ, Малоруск. преданія, 372—374, №№ 42 и 44; 338—339: Дурень на неби.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Об-тва, VI, 171—175.—Харьковский Сборникъ, VIII, 29, 114.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, №№ 176—179; II №№ 241—247.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, I, 228—233. (Отсюда перепечатано: Гринченко, Веселый Оповидачъ, Черниг., 1898, № 74).—Дзвизокъ, газета для дѣтей, 1890, стр. 47.—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, № 26, Сказка о трехъ братахъ Кондратахъ.—Етнографичный Збирникъ, IV,

157—161, №№ 37. Казка безъ правды, 38. Казка-небелыця.— Руданський, Творы, I, 126—133, № 85.—Этнографическое Обозрѣніе, 1894, I, 9; II, 176.—Wisła, 1890, стр. 76.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, IX, 70; XII, 93; XV, 47.—Добровольскій, 659.—Календарь «Просвѣты» на р. 1894, стр. 111.—Wunderbare Reisen und Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen (изд. Мейера, Реклама).—Этнографичный Збирныкъ, т. VI: Гнатюкъ, Галицько-руськи анекдоты, №№ 641—642, 645, 648—652, 657, 664, 665.—Этнографичный Збирныкъ, т. III, 49—51, №№ 16—17.—Литературная обработка въ стихахъ въ «Украинскихъ сказкахъ» Данилевскаго, 6-е изд., стр. 61, № XV: Сонъ въ Ивановскую ночь.—Пуцанський-Кривый, Перлы фантазійи югового-руського народу, 1894.—Запыски наукового т-ва им. Шенченка, XXIX (1899): Верхратскій, Знадобы до пизнаня угорьско-руськыхъ говоривъ, 148—149.—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ (Кіевъ, 1869), 314, № 50: Правда (стихотворная передѣлка).—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 117—118, № 112, Der Dreschflegel vom Himmel, 247, № 159: Das Dietmarsische Lügenmärchen; III, 208—210, 257—258.—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 424—425.—Haltrich, Deutsche Volksmärchen aus d. Sachsenlande in Siebenbürgen, № 56.—Wolt, Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 201—203: Der Märchenerzähler.—Аданасьевъ, Р. н. сказки (изд. 1897), II, 374—383, № 231: Не любо—не слушай.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 74.—Нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай, пер. съ нѣмецкаго; было много изданій, по изданію И. Гурьянова (Москва, 1844) см. 213 и 448—449.—Народ. сказки, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 24.—Труды Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 148—149.—Даль, Пословицы русскаго народа, стр. 1095.—Slovenski Glasnik, X (1864), 316, № 38.—Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, № 39 и 59.—Kylida, Moravske narodni pohádky a povesti, II, № 39 и 41.—Schleicher, Litauische Märchen, 37—38.—Stier, Ungarische Volksmärchen, № 18.—Norwegische Volksmärchen, I, № 1.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 264—265.—Mate-

ryały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, II, 2, стр. 95—96, № 68; стр. 112, № 85.—Wisła, IX, 329—330, № 12: Niepodobieństwo.—Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, I, 467—470: Абъ старикъ—«самъ на кутъ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; 663—665: А мужикъ, што лоука урать умбу.—Романовъ, Вѣлорусскій сборникъ, I, вып. III, 413—418: Не любо—не слушай.—Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣверо-западнаго края, II, 244—257: Не любо—не слушай; 167—168: Шавецъ и рыбаць.—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, III, 221—229.—Караджич, Српске народне приповијетке № 44: Лаж за опкладу.—Ciszewski, Krakowiacy, I, № 194—196.—Chelchowski, Powieści i opow. ludowe z okolic Przasnycza, № 6.—Kolberg, Lud., т. XIV, № 103.—Zbiór wiadomości do antrp. kraj, т. VIII, 299; IX, 3, стр. 146; XVI, 2, стр. 19 и 71.—Dobsinsky, Slov. pohadky, T. III, 33—38.—Świętek, Lud Nadgrabski, 429—431, № 52.—Kolberg, Lud. Kujawy, I, 193—194: Dziwy.—Караджич, Српске нар. приповијетке и заг., стр. 73—81: Усудъ.—Erben, Vybr. báje a pov. nář., 73—75: Stesti a nestesti.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. На стр. 181—197 подробное указаніе мотивовъ «нисевитныць» и литературы каждаго мотива.

№ 339.

Харьковскій Сборникъ, II, 93.—Ястребовъ, Мат. по этн., 10.

№ 358.

Объ отравѣ жабою см. еще: Гринченко, Этн. Мат., I, № 58.—Чубинскій, Труды, I, 136: Дання.

№ 359.

Разказы о солдатѣ, боровшемся съ упыремъ: Гринченко, Этн. мат., I, № 86; II, №№ 83, 84, 85 и 88.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 205.

№ 363.

Изь Черн. Губ. Вѣдомостей 1858, № 16, стр. 120—121.—
Аванассевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 237: Жена спорщика.—
Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ,
202, 268.—Русск. Вѣстникъ, 1857, IX, статья Забѣлина.—
Врчевич, Српске народ. приповѣд. [(1868), № 7.—Караджич,
Српске пословиц., стр. 159.—Гринченко, Этногр. матеріалы, II,
№ 113, Унерта жинка.

№ 364.

Стороженко, Укр. оповидання (1897), 1: Се така баба, що
чортъ їй на маховыхъ вылахъ чоботы отдававъ (первоначально
было напечатано въ Основѣ 1861, IX, потомъ отдѣльно и въ пер-
вомъ изд. «Укр. оповид.»).—Н. Сумцовъ, Повѣсть о томъ, какъ
чертъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П.
Стороженко «Се така баба» etc)—въ «Юбил. сборникъ въ честь
В. Θ. Миллера», Москва, 1900, стр. 169.—Добровольскій, Смо-
ленскій Этногр. Сборн., I, 346.—Худяковъ, Великорусскія сказ-
ки, II, 131—Schleicher, Litauische Märchen, 50.—С. Wurzbach,
Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert, Wien,
2 Ausg., 1852, pp. 178—182.—Puibusque, Le conte
Lucanor, 402—409.

№ 365.

Разсказъ этотъ намъ приходилось и раньше слышать, если
не ошибаемся, въ Харьковской губ. Мы сочли его тогда переда-
чею (быть можетъ,—искаженною) дѣйствительно случившагося
въ названномъ намъ тогда селѣ событія и не внесли въ свои
записи. Теперь онъ оказывается живущихъ въ устахъ крестьянъ
Черниговскаго уѣзда. Уже послѣ доставленія этой записи при-
шлося прочесть въ № 159-мъ газеты «Кіевлянинъ» за 1900 г.
слѣдующее:

Семейная трагикомедія. Въ станицѣ Роговской, Кубанск-
обл., по словамъ «Крыма», разыгралась семейная драма. Жена

казака Люльки, Минодора, влюбилась въ фельдшера Пацюка и, чтобы избавиться отъ мужа, попросила Пацюка дать ей, для этой цѣли, яду. Фельдшеръ пообѣщалъ. Встрѣтившись на улицѣ со своимъ противникомъ, Пацюкъ разсказалъ ему о замыслахъ жены его и предупредилъ, что когда онъ вечеромъ выпьетъ стаканъ чаю, въ которомъ будетъ заключаться не ядъ, а гофманскія капли, то пусть притворится больнымъ. Поступая по совѣту Пацюка, Люлька, послѣ перваго стакана чаю, схватился за сердце и попросилъ жену вывести его на чистый воздухъ, въ сарай, гдѣ и притворился умершимъ. Жена, видя, что мужъ скончался, схватила веревку и, надѣвъ петлю на шею, другой конецъ ея забросила на балку съ цѣлью повѣсить свою жертву для отвода глазъ. Когда Минодора доставала конецъ веревки, Люлька снялъ съ шеи петлю, надѣлъ ее на деревянный чурбанъ, а самъ спрятался въ углу сарая. Когда же она созвала сосѣдѣй и стала кричать, что мужъ повѣсился, сосѣдямъ пришлось только убѣдиться, что виситъ не человѣкъ, а деревянный чурбанъ.

№ 369.

Сочиненія Г. и С. Карпенко на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, Спб., 1860, книга II, стр. 31—39 (пересказъ по русски).—Въ № 174 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» 1900 г. перепечатанъ изъ газ. «Гражданинъ» тотъ-же анекдотъ (по русски), при чемъ разсказъ уже поіуроченъ къ князю Потемкину, который является здѣсь въ роли пана. Въ ст. Кузьмичевского: «Турецкіе анекдоты въ украинской нар. словесности» (Кіевская Старина 1886, II, 213—220) указаны иностранныя параллели анекдота.

Сторія и мудромъ младенцу.

«Сторія» есть вариантъ восточной сказки о царевнѣ Тюррандо; сказка эта вошла въ составъ сборника «Тысяча дней и одинъ» (см. Von der Hagen, Tausend und ein Tag, morgenländische Erzählungen, Prenzlau, 1836, т. I), сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Западной Европѣ въ XVIII в.

Малорусская редакція ея (съ рукописи) опубликована впервые въ журналѣ «Жыте и слово», II (1894), 136—142; затѣмъ, если не ошибаемся, въ черновецкой газетѣ «Буковина» за 1897 г. (№ 144 ?) помѣщенъ былъ новый варіантъ.—См. еще: Moszyńska, № 25, Казка-загадка.—Kolberg, Pokucie, IV, № 49; польскій варіантъ послѣдней сказки въ «Wisła» 1891, I, 139, а сходная великорусская пѣсня въ соч. Хомякова.—Аванасьевъ, Р. и. сказки, II, 109—110, № 132: Царевна разрѣшаетъ загадки; I № 116a.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 127, № 114: Vom klugen Schneiderlein; III, 210, № 114.—Walachische Märchen, №№ 9 и 16.—Караджич, Српске народne приповијетке, № 45: Краль и чобанинь.—Гоцци воспользовался сказкой для сценическаго произведенія, а Шиллеръ передѣлалъ пьесу Гоцци по нѣмецки.

Повѣсть о Агий цару.

Это варіантъ «Сказанія о Едномъ цесари Ювианѣ». Литературную исторію обоихъ варіантовъ см. у проф. Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», гдѣ напечатанъ и текстъ разсказа объ Аггеѣ. Малорусскій текстъ «Сказанія о Ювианѣ» см. въ «Запискахъ науков. Т. и. Шевченка», т. XVI (1897), Гнатюкъ, 20—27, гдѣ указана и литература. Къ ней прибавимъ наиболѣе близкій къ нашему варіантъ у Рудченка, II, 159, № 36: Гордый царь.—Moszyńska, Wajki, № 14: Про царя Юна. Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ г. Сумцовъ указываетъ литературу: Этногр. Обзор. 1894, III, 126—127.

Слово о смерти и о рицери.

Рукописный варіантъ см. въ «Запискахъ наук. т-ва им. Шевченка, XVI (1897), Гнатюкъ, Легенды зъ Хитарського збирныка, 14—20. Здѣсь же и устный варіантъ, перепечатанный въ III т. «Етногр. збирныка», 120—121, № 46: Про рыцаря и смерть. См. еще брошуру для народа: Рыцарь и смерть. Коломня. Зъ печати М. Бѣлоуса. 1894. (Второе изданіе).

*Указатель содержания потъщенныхъ въ
этой книгѣ записей.*

**I. Представленія и рассказы о явленіяхъ
природы и изобрѣтеніяхъ.**

1. **Сонце** плачетъ, если бросить на виду убитую гадюку. 2.
2. **Змій летивъ** (*метеоръ*), неся деньги сапожнику. 2.
3. **Змій** носитъ гроши вѣкоему П-чу. 3.
4. **Змій** якъ нуль соломы летѣлъ по селу, неся деньги Б. 3.
5. **Змій** видѣми гроши носить и сидитъ у нея на крышѣ. 3.
6. **Змій** сныдае свои крыла. Змій леталъ въ хату, гдѣ повѣсилась женщина, при чемъ оставлялъ свои крылья на дворѣ. Наймытъ перекрестилъ крылья, и змій не могъ ихъ взять до тѣхъ поръ, пока наймытъ самъ не отдалъ ему ихъ за кучу червонцевъ, насыпанную въ шапку съ дырой. 4.
7. **Одуреный змій** палывъ чоловика. Змій обязался наносить челоуѣку мѣрку денегъ, но не могъ исполнить этого, такъ какъ челоуѣкъ обманулъ его: желѣзную мѣрку безъ дна поставилъ надъ глубокой ямой. Разсерженный змій приказалъ челоуѣку расписаться своей кровью въ полученіи денегъ, а потомъ ежегодно жегъ его; челоуѣкъ избавился отъ этого тѣмъ, что началъ пристраивать ежегодно что либо новое; но все же обѣднѣлъ. 4—5.
8. **Визъ** (зирки). Свѣтатъ начинается, когда *Визъ* перевернется низомъ вверхъ. 6.

9. Витеръ сильно дуетъ отъ злости, что жена дала ему толстую рубашку. 6.

10. Грядъ—наказаніе людямъ за работу въ праздникъ. Береги отъ него. 6.

11. Зима стае теплиша. Прежде бывалы такіе холода, что птица замерзала на лету, но земля поворачивается другою стороною и потому все теплѣетъ и теплѣетъ. 6—7.

12. Чомъ зима безснижна. Родился удивительный ребенокъ, который при крещеніи потребовалъ ѣсть. Ему дали снѣгу и потому будетъ семь (три) безснѣжныхъ зимы; а если бы дали хлѣба, то былъ бы голодь. 7—8.

13 Обизяны. Бабы оставляютъ въ лѣсу лапти, въ которые обуваются любопытныя обезьяны,—тогда ихъ ловятъ. 8.

14. Вовнамъ Св. Юрій роздае що йисты. Св. Юрій указываетъ волкамъ каждое живое существо, которое они должны съѣсть. Три случая подслушиванья людьми на деревѣ распоряженій св. Юрія: одинъ окончился счастливо, а въ двухъ остальныхъ подслушивавшій былъ отданъ на съѣденіе волкамъ. 8—10.

15. Вовчый богъ Полисунъ—похожъ на человѣка, гоняетъ волковъ туда, гдѣ есть имъ пища, напр., на войну; онъ устанавливаетъ цѣну на ярмаркахъ. 10—11.

16. Лисунъ годуе вовнивъ. Вѣдникъ ночевалъ въ лѣсу на деревѣ и случайно видѣлъ, какъ Лисунъ раздавалъ волкамъ куски хлѣба, привезеннаго на возу; оставшуюся краюшку онъ отдалъ вѣднику, который разбогатѣлъ отъ этого. Его богатый братъ, отправившійся за такою-же несъѣдаемою краюшкою въ лѣсъ, былъ разорванъ волками. Мѣсто жительства Лисуна и способъ узнать его. 11—12.

17. Лисунка выкупила свою дытыну. Баба нашла въ лѣсу дитя Лисунки и возвратила послѣдней. Въ награду за это Лисунка подарила ей богатство, но по ея смерти, проплакавъ за ней три дня, сожгла ея жилище. 13.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну. Украденное Лисункою дитя человѣкъ случайно нашелъ въ лѣсу и возвратилъ родителямъ. 44.

19. Виль и кинь. Конь и волю бѣгали въ перегонку, волю упалъ въ ровъ, подумалъ, что земля провалилась и съ тѣхъ поръ не хочетъ бѣгать. 14.

20. Чомъ ежанъ схожый съ свинею. Освященный на праздникъ пасхи въ церкви поросенокъ превратился въ ежа. 15.

21. Сорока начинаетъ вить гнѣздо на Хресте. 15.

22. Бусоль. Поселившійся на хатѣ аистъ ежегодно выбрасываетъ изъ гнѣзда или аистенка, или яйцо: въ первомъ случаѣ будетъ урожай, во второмъ—наоборотъ. 16.

23. Дятель. Человѣка, рубившаго дрова по праздникамъ, Богъ обратилъ въ дятла, заставивъ его вѣчно рубить носомъ. 16—17.

24. Журавли вылетаютъ изъ ирія на двѣнадцатой недѣлѣ; они любятъ, чтобы ихъ называли не журавлями, а «веселками». 17.

25. Лыпа та осына. (*Де дивается жоноча клятва*)—вся брань женщинъ, обращенная къ мужьямъ, падаетъ не на этихъ послѣднихъ, а на липу и осину, превращаясь тамъ въ наросты. 17.

26. Чого стали неврожайи. Неурожаи появились отъ неуваженія къ старымъ обычаямъ и отъ заводящихся новшествъ; также отъ неуваженія женщинъ къ работѣ ратаевъ. 18.

339. Кишка. Кошку нельзя брать на возъ: лошади не повезутъ. 377.

340. Мыши выживаютъ хозяевъ. 377.

341. Гадюна. Крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ. 377.

342. Жыве серебро, брошенное въ воду, вырываетъ въ днѣ глубокую яму. 378.

II. Примѣты и повѣрья.

27. Яна колы година бува—примѣты о погодѣ по растеніямъ, животнымъ и различнымъ явленіямъ. 20—22. № 343—379.

28. Весилля—примѣты о свадьбѣ. 22.

29. Дытына--примѣты о ребенкѣ. 22--23. № 344--379--380.
30. Здоровле. Хвороба. Примѣты. 23—24. № 345—380.
31. Сонъ—на какую сторону ложиться. 24.
32. Поганый на языкъ. Отъ поганныхъ глазъ или поганого языка человекъ болѣеть. Одинъ генераль, «поганый на языкъ» похвалилъ утятъ, и всѣ они передохли. 24—25.
33. Смерть—примѣты о смерти. 25—26. № 345—380.
34. Мрецъ. Обычай при мертвецѣ; примѣты. 27—29.
35. Той свить—примѣты о загробной жизни. 30.
36. Йина, напытны. Примѣты о хлѣбѣ, блинахъ, варивѣ, огурцахъ, квасѣ, водѣ, ѣдѣ въ разное время. 31—32. №№ 346 и 347—380—381.
37. Одежа, обува—о времени мытья одежды и обуви, о пользованіи ею и пр. 32—33. № 348—381.
38. Хата. Погрибъ—о постройкѣ и пользованіи ими 33—34. № 351. Не годиться роботы на пороги. 383.
39. Урожай—примѣты объ урожаѣ. 34.
40. Колы й якъ ораты й сіяты. 35—36.
41. Садъ. 42. Городъ. Примѣты. 36—37. № 349—382.
43. Свійсьна тварь. Примѣты о скотинѣ вообще, о коровѣ, теленкѣ, конѣ, поросенкѣ, птицѣ, гусяхъ, пѣтухахъ, пчелахъ. 37—39, № 350—382
- 44 и 352. Колы не треба роботы. 39—40, 383.
45. Съ краденого краще заведешъ, нежели отъ купленнаго. Поэтому крадутъ, для разведенія, сѣмена и птицу. 40.
46. Даваты—когда и какъ давать. 40—41.
47. Жылавый понедилонъ—примѣты о немъ. 41.
48. Зустричъ—нельзя проходить посрединѣ между двумя идущими. 41.
49. Що вищуе. О ногтяхъ, костѣ, глазахъ, носѣ, бородѣ, правой ладони, паукѣ, котѣ, углѣ, пѣтухѣ, ложкахъ. 41—42.
50. Злодій. Если громъ загремитъ когда еще деревья безъ листьевъ, то уворованное не будетъ отыскиваться. 42.
353. Якъ продаваты. 383.
354. Злагода. 383

чы
вы
55
ар
ст
49
63
65
гр
ну
72
ш
54
К
8
6
п
Е

III. Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго проживешъ. 44.—52. Угадать, чы вси у симйи будутъ живи. 44.—53. Щобъ быть здоровымъ. 45.—54, Щобъ -щастыло на войны и на суди. 45. 55. Одъ усянойи болизни. 45—46.—56. Передать болизь другому. 46.—57. Одъ урокивь. 46—47.—58. Видъ прыстриту. 48.—59. Одъ простуды. 49.—60. Одъ лыхоманкы. 49—50.—61. Одъ жовтяныци. 50.—62. Голова. 50—51. 63. Одъ болячкы у вуси. 51.—64. Одъ зубивъ. 51—52. 65. Якъ охрыпнешъ. 52.—66. Видъ очей. 52—53. 67. Одъ груднойи боли. 53.—68. Одъ живота. 53—54.—69. Якъ нудно. 54.—70. Одъ печайкы. 54.—71. Одъ пияцтва. (55). 72. Щобъ не болилы руки и ноги. 55.—73. Одъ бежа, бешыхы и прыстриту. 55—57.—74. Опухъ. 58.—75. Огныкъ. 58.—76. Одъ бородавокъ. 58.—77. Раны. 58—59.—78. Кровъ замовляты. 59—60.—79. Дытячи хворобы. 60—61. 80. Щобъ довго не було дитей. 61.—81. Кумування. 61. 82. Змовленіе гада. 61—62.—83. Знахарка—ея лѣкарство. 62.—84. Позихання. 63.—85. Одъ вовкивь. 63.—86. Шобъ плаваты гарно. 63.—87. Спать лягаючы, промовляты. 63. 88. Щобъ не посердытыся, даючы. 63.

89. Любощи, сватання, весилля. 1. Пряныкы зъ любощамы. 2. Шобъ хлопци вѣязлы. 3. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ.). 4. За якого пидешъ замижъ. 5. Старосты. 6. Сватання. 7. Весилля. 8. Щобъ зъ чоловікомъ зійтыся. 64—66.

90. Варыво—щобъ не було слызьке. 66.

91. Дижя—что дѣлать съ дижею, чтобы былъ вкусный хлѣбъ. 66.

92. Одежа—когда мыть, не надѣвать на изнанку. 67.

93. Чы гарна на жыття хата—способъ узнать. 67.

94. Щобъ у хати не вельсы прусы, жуны, жабы—различныя средства. 67—68.

95. Огонь у хати й на поли—заклинаніа огню, чтобы горѣлъ, способъ узнавать время дня по огню. 68—69.

96. Скотына, щобъ пишла у руку. Яка масть буде у руку. Якъ годувать, берегты и проч. 69—70.

97. Коровы. Купленная корова. Чтобъ корова больше молока давала. Вѣдма учить, какъ имѣть хорошую сметану. Обращеніе съ молокомъ. Исправить испорченую корову. Лѣченіе перелоговъ. 70—72.

98. Конь. 1. Если въ возъ, на которомъ должны ѣхать «жолди», положить съ приговоромъ три стрючка, въ которыхъ въ каждомъ по девять горошинъ, то кони не могутъ двинуться съ мѣста. 2. Какъ поить потную лошаадь. 73.

99. Свѣни—средства для успѣшнаго разведенія свиней. 74

100. Ягнята. Способъ имѣть кудрявыхъ ягнятъ. 74.

101. Гусенята да курчата. Средство отъ хищной птицы. 74—75.

102. Бджолы. Ловленіе роевъ; средство сдѣлать пчелъ злыми и сильными. 75.

103. Садъ. Средство имѣть урожай въ саду. 76.

104. Городъ. Уходъ за овощами. 76.

105. Поле. Средство чтобы не было «спору» въ хлѣбѣ, щобъ былъ урожай, чтобы не нападала птица. 77.

106. Щобъ дощъ ишовъ—вѣшать на плетень земляного рака. 78.

107. Бычь на ципъ. Обрядъ отрѣзыванія его. 78.

108. Щобъ була удача. 78.

109. Щобъ була удача на охоти. 78.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа. 79.

111. Злодіеви одъ суда спосибъ. 79.

112. Изъ старой рукописи. Сказаніе о пчелахъ. Отъ укушенія змѣи. Перелогы у коня. Заговаривать кровь. Черви выщептывать. «Лекарство статчинѣ». Бѣльмо у коня или вола. Гвилецъ замовити. Гостецъ. Рана ножная. Францѣ. Заговоръ отъ ружья. 79—87.

355. Ночныця. 384.

356. Золотуха. 384.

357. Грызь. 384.

358. Отрута жабою. 384.

IV. О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно: отъ черта вполне защищаетъ крестъ, а русалка и вѣдьма гораздо страшнѣе. 90.

114. Чортъ конемъ. Двѣ дѣвушки возлѣ рѣчки встрѣтили черта въ образѣ сѣраго коня. 90—91.

115. Чортъ панычемъ на пасици. Чертъ въ видѣ панича пришелъ къ пасѣчнику во время грозы, но когда тотъ перекрестился, бѣсъ исчезъ. 91.

116. Нечистый на кони. Разказчикъ видѣлъ черта, скакавшаго на сѣромъ пламенѣющемъ конѣ и бросившагося въ Десну. 92.

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ). Черти въ образѣ велосипедистовъ ѣхали прямо по водѣ черезъ Десну. 92.

118. Нечыста сыла голосыть. Нечистая сила гоняла табунъ пасшихся лошадей и плакала, проклиная жизнь. 92—93.

119. Нечистый просыть перевозу—у бабъ, ловившихъ бреднежъ рыбу. 93.

120. Нечыста сыла несе гроши: а) въ образѣ огненнаго полотна и б) огненнаго индюка безъ головы. 94.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ. Чертъ хотѣлъ перевернуть будку пасѣчника, въ которой спало два человѣка. 94—95.

122. Чортъ коней гоня на ночлигахъ, не желая, чтобы хлопцы пасли ихъ на извѣстномъ мѣстѣ. 95.

123. Нечыста сыла возыла. Паны, ѣхавшіе въ каретѣ шестерикомъ, попросили встрѣтившагося крестьянина показать имъ дорогу къ парому. Онъ поѣхалъ съ ними и они, заплативъ ему за услугу, вдругъ исчезли, и оказалось, что это черти, завезшіе его въ чужое село, а вмѣсто денегъ они дали черепки. 95—96.

124. Чортъ лякае детей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ. Нечистая сила ходила по ночамъ, стучала, бросала на дѣтей камнями, обливала ихъ и пр. 96—97.

125. Чортъ до молодойци ходыть ййи чолвикомъ. Женци-на нашла въ полѣ клубокъ ленточекъ и съ этого времени сталь

къ ней ходить по ночамъ чертъ подъ видомъ ея мужа, почевавшаго на ночлегахъ. Узнавъ кто это, она избавилась при помощи средства, указаннаго знахаркою. 97.

126. Чортъ однявъ дытну. Черти отняли у женщины въ лѣсу дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ этой женщины нашель свою, выросшую уже, сестру въ пустой хатѣ за селомъ и, по совѣту дѣвушки, привель священника посвятить хату. Но когда это было исполнено, — все провалилось сквозь землю. 98.

127. Парубонъ гравъ чортамъ. Черти мужескаго и женскаго пола заставили парубка играть себѣ на скрипкѣ и цѣлую ночь танцовали. Они представлялись ему парубками и дивчатами, но на утро все исчезло, а онъ увидѣлъ себя въ болотѣ. 99.

128. Чортъ платитъ за танци. Чертъ въ болотѣ сидѣлъ около сундука съ деньгами и игралъ на скрипку. Человѣку, согласившемуся танцевать подъ его игру, онъ заплатилъ такъ щедро, что тотъ разбогатѣлъ. 99.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика. Чертъ встрѣтился человѣку въ полѣ въ видѣ знакомаго монаха и сталъ его угощать водкой; но когда тотъ перекрестился, все исчезло. 100.

130. Чортыци частують чоловина. Чертовки въ видѣ знакомыхъ бабъ угощали крестьянина водкой, но когда онъ, передъ тѣмъ, какъ выпить, перекрестился, все исчезло. 100.

131. Чортъ та русалки частують чоловина. Чертъ съ русалками пировалъ среди поля во ржи и угощаль крестьянина; но предъ крестомъ все исчезло. 101.

132. Позычае въ чорта гроши. Бѣднякъ завялъ у черта на годъ деньги и когда принесъ долгъ, то оказалось, что его кредитора разорвали волки, а другіе черти сочли себя не вправѣ брать чужія деньги и оставили ихъ человѣку. 101—103.

133. Чортъ у неволи въ глечыку. Чертъ искушалъ на разные лады пустытника и наконецъ превратился въ рыбку и прыгнулъ въ кувшинъ, которымъ набиралъ пустытникъ воду. Пустытникъ перекрестилъ кувшинъ, завязалъ и бросилъ въ воду. Черезъ тридцать лѣтъ мужикъ, поймалъ сѣтью кувшинъ, открылъ его, и чертъ очутился на свободѣ. Но мужикъ, посредствомъ хитрости, снова засадилъ его въ кувшинъ и бросилъ въ озеро. 103—107.

134. Стрелецъ застрельвъ чорта, дразнившого Бога. За это Богъ далъ охотнику постоянную удачу на охотѣ. 108.

135. Водяныкъ дытыною. Рыболовъ вытащилъ изъ воды смѣющагося ребенка, который потомъ исчезъ отъ креста. 108.

136. Манея не пускала. Манея не давала рыболову пройти, онъ прочиталъ молитвы, ударилъ весломъ, и все исчезло. 109.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловіка. Что-то, домовикъ или манея, сѣло парубку на шею и заставило нести себя, а потомъ толкнуло его и исчезло. 109.

138. Домовыкъ душивъ мачиху рассказчицы. 110.

139. Домовикъ не любитъ, якъ ночують у хливи, давить и выбрасываетъ вонъ челоуѣка, нѣчующаго тамъ. 110—111.

140. Домовыкъ ныдае коня въ ясла, что и подсмотрѣлъ челоуѣкъ, спрятавшіеся въ конюшнѣ. 111.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня—путаеъ ему гриву и пр. 111.

142. Домовыкъ не дае робыты вночи и пугаетъ работавшаго въ клунѣ ночью хозяина. 111—112.

143. Домовыкови треба окропу. Для домовыхъ нужно нѣтъ въ печи кипятокъ: они его пьютъ. За неисполненіе этого домовой сжегъ своего хозяина. 112.

144. Домовыкъ на ночлигахъ. Челоуѣкъ зоветъ товарищей, а домовой отвѣчаетъ ихъ голосомъ, а затѣмъ ночью душиеть спящаго. 113.

145. Дви чирточны зъ нашихъ русалокъ. I. Женщина «на Зелену недилю» видѣла въ полѣ множество поющихъ, скачущихъ и плещущихъ руками дѣтей—это были русалки. II. Плачущей за умершей матерью дочери явилась во свѣ дивчина и сообщила, что мать ея превратилась въ русалку. 114.

146. Русалкы женуться за жинкою. Шедшая по полю женщина увидала во ржи двухъ дѣтей. Они сейчасъ-же превратились въ большихъ русалокъ и погнались за нею. Она убѣжала, но отъ страха заболѣла и умерла. 114—115.

147. Русалкы не дали ловыты рыбы. Двѣ женщины «на Русалкы» ловили ночью рыбу, за ними погнались двѣ русалки

и хоть не догнали, но женщины со страху долго потомъ были больны. 115.

148. Русалки прогнали человека зъ работы. Крестьянинъ копалъ въ полѣ канаву на саранчу, за нимъ погнались двѣ русалки, изъ которыхъ одна была съ книжкою; онъ заболѣлъ со страху. 115—116.

149. У русальну недилю не можна робыты: мужъ и жена, поѣхавшіе въ это время полоть просо, выдержали нападеніе русалки, отъ которой избавились они тѣмъ, что мужъ очертилъ возъ и воловъ кругомъ и отмахивался топоромъ, а жена читала молитвы. 116.

150. Чоловикъ сховався видъ русалки. Отъ погнавшей за челоукомъ съ поля русалки онъ спрятался въ клунѣ, въ которую русалка не вошла. 111

151. Русалка не може переступыты круга. Русалка, напавъ на челоука въ полѣ, не могла сдѣлать ему вреда, такъ какъ не имѣла возможности переступить черезъ кругъ, которымъ онъ себя очертилъ. 117.

152 Русалны гойдаются на гильнахъ,—это увидалъ въ лѣсу челоукъ, и тогда русалки бросилися за нимъ и такъ его испугали, что онъ на другой день умеръ. 117.

153. Одавъ русалкамъ дытя. Челоукъ, когда на него напали въ полѣ русалки, пообѣщаль имъ, за сохраненіе своей жизни, дитя. Возвратясь домой, онъ засталъ своего ребенка мертвымъ. 117—118.

154. Русалны залоскоталы дытыну. На хлопцевъ и дивчатъ напали русалки; всѣ убѣжали, кромѣ маленькой дѣвочки, и русалки зачекотали ее. 118.

155. Добра смерть. I. Челоукъ служилъ у хозяина за одинъ обѣдъ. Отлуживъ свой срокъ и, возвращаясь домой, встрѣтилъ Бога, затѣмъ смерть, которую онъ накормилъ, а она дала ему краюшку хлѣба, которую, когда онъ пришелъ домой, никакъ не могла съѣсть вся семья. Затѣмъ смерть пришла къ нему въ гости и сдѣлала такъ, что у него всѣ закромы стали полны хлѣба.—II. Челоукъ покумился со смертью, и она ему

пос
вог
бол
буз
ни
ра:
къ
и
ви
оди
ви
ло
дѣ
бу
по
ко
рѣ
л:
и
е:
ви
ч
и
и
д

посоветывала лѣчить больныхъ: если она будетъ стоять у больного въ ногахъ, то пусть смѣло лѣчить, а если въ головахъ—больной умретъ. Человѣкъ объявилъ себя знахаремъ, многихъ будто бы вылѣчилъ и разбогатѣлъ. Наконецъ смерть пришла за нимъ самимъ. Увидѣвъ ее у себя въ головахъ, онъ нѣсколько разъ заставлялъ переставлять свою постель такъ, чтобы лежать къ смерти ногами; но смерть перемѣщалась вмѣстѣ съ постелью, и человѣкъ долженъ былъ умереть. 118—124.

156. Смерть увиходе въ хату. Смерть вошла въ хату и вышла, и какъ разъ въ этотъ моментъ больное дитя умерло. 124.

157. Смерть домовною встрѣтилась двумъ женщинамъ, и одна изъ нихъ упала мертвою. 124.

158. Смерть зострила на вулицы. Женщина шла съ больнымъ ребенкомъ отъ знахарки, встрѣтила смерть, и дитя умерло. 125.

159. Манея звищае смерть, встрѣчаяся въ черной одеждѣ съ людьми или плача. 125—126

160. Смерть голосыла, идя на кладбище,—это значить, что будетъ эпидемія. 126.

161. Моровыця трычи на ринъ ходыть въ видѣ коровы по улицамъ и въ какой дворъ войдетъ,—тамъ передохнуть всѣ коровы и собаки. 126.

162. Моровыця конемъ. Конскій скелеть, обтянутый шкурою трижды пробѣжалъ ночью по селу,—будетъ моръ животныхъ. 126—127.

163. Моровыця лякае молодижъ, явившись ночью хлопцамъ и дивчатамъ въ страшномъ видѣ, съ блестящими глазами; при ея исчезновеніи ударилъ громъ. 127.

164. Чудо. За то, что мужъ и жена работали на праздникъ Чуда, оно явилось ночью, а нечистая сила такъ сдѣлала, что мужъ съѣлъ жену. 127—128.

359 Нечыста сыла у непосвяченій хати. Дѣдъ съ племянникомъ ночевали въ неосвященной хатѣ. Ночью вылетѣлъ изъ печи красный «коршикъ», перекусилъ глотку и поцарапалъ бокъ дѣду, а племяннику изорвалъ когтями грудь и вытанулъ языкъ. 387.

V. О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылитае до сына. Мать-упырь прелетааетъ на крыльяхъ къ сыну въ мельницу. Ее откапываютъ и пробиваютъ осиновымъ коломъ. 130.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе. Дѣвушку, попавшую въ церковь въ то время, когда тамъ говѣли мертвецы, выводитъ оттуда крестная мать, чтобы спасти отъ родной, которая съѣла-бы дочь. Другая дѣвушка, въ подобномъ случаѣ, спасла себя жизнь тѣмъ, что, не переставая говорить съ родной матерью, уходила отъ нея, стоя къ ней лицомъ. 130—131.

167. Завишенный не мае на тимъ свити спокою, — ходить по селу, поеть, плачетъ. 131.

168. Мертви говіють на второй недѣлѣ великаго поста. 132.

169. Мертвыхъ треба помынаты. I. Къ женщицѣ, ничего не приготовившей на поминки «на диды», явились мертвецы, и она спаслась отъ нихъ только тѣмъ, что поставила ихъ на окно бутылку съ водою и рюмку. — II. Умершая баба по ночамъ ходила въ свою хату и дѣлала всякія непріятности хозяевамъ; а какъ только стали ее поминать, — все это прекратилось. 132—133.

170. Панъ-упырь. I. Умершій панъ ѣздилъ по Чернигову. Архіерей заклалъ его на Красномъ мосту, и онъ провалился въ мость. Затѣмъ его откопали и пробилъ осиновымъ коломъ. II. Тотъ же панъ пропалъ въ болотѣ на Трисвятской греблѣ отъ проклятія встрѣтившагося ему челоуѣка. 133—134.

171. Не беры ничего зъ мертвяна. Дѣвушка встрѣтила мертвеца и сняла съ него платокъ. Мертвецъ явился за нимъ, заставилъ дѣвушку надѣтъ на него платокъ, схватилъ ее за руку и провалился вмѣстѣ съ нею. 134—135.

172. Макъ держыть мерця у труни. При похоровахъ за гробомъ мертвеца, въ которомъ предполагаютъ упыря, сѣютъ «макъ-выдуту», также и въ гробъ кладутъ узелокъ съ макомъ. Тогда упырь, отправляясь съ кладбища, долженъ предварительно посчитать весь тотъ макъ, который у него въ гробу и на дорогѣ, чего онъ не можетъ успѣть сдѣлать. Но одна баба-упырь все, таки успѣва-

ла и ходила въ свою хату до тѣхъ поръ, пока священникъ не заклалъ ее. 136—137.

173. Мертва живе на землѣ. Мать молила Бога, чтобы хоть во свѣ увидѣть свою умершую дочь. Въ поминальный день она встрѣтила ее и увела съ собою. Дочь жила у нея цѣлый годъ и затѣмъ исчезла въ тотъ-же самый день, въ какой явилась. 137.

174. Закладъ. Биться объ закладъ—грѣхъ. I. Парубокъ бился съ товарищами объ закладъ, что пойдетъ ночью на кладбище и приберетъ къ кресту хустку. Но прибывая, онъ, незамѣтно для себя, прибилъ и свой рукавъ, и умеръ тамъ же со страху.—II. Подобное же (приколоть къ землѣ свою полу) и съ тѣмъ же результатомъ случилось съ парубкомъ, который бился объ закладъ, что оббѣжитъ ночью вокругъ старой богадѣльни, гдѣ жила нечистая сила.—III. Парубокъ, побившись объ закладъ, принесъ ночью съ колокольни языкъ церковнаго колокола; но что то бѣлое погналось за нимъ; всѣ парубки отнесли назадъ и повѣсили на мѣсто языкъ; но невѣдомая сила потребовала, чтобы виновникъ самъ его привѣсилъ. Тотъ отправился на колокольню и больше не возвратился: провалился сквозь землю. 137—142.

360. Мосналь-упырь. Солдатъ заходитъ въ пустую хату, гдѣ лежитъ мертвецъ, ѣсть и пьетъ тамъ. Мертвецъ всталъ и задушилъ солдата. Днем упыря положили въ гробъ, другой солдатъ пробилъ его штыкомъ. Брызнула кровь, попала на ризу священнику, его подбросило высоко и убило. 387—388.

VI. О людяхъ съ чудесною силою (вѣдьмы, ворожки, волшебники и проч.)

175. Видьмы вчатся видьмыты. Костоправъ показалъ ѣхавшей съ нимъ женщинѣ, какъ двѣ вѣдьмы доучивались своей наукѣ, стоя надъ берегомъ рѣки среди множества гадовъ. 144.

176. Въ науци у знахарны. Молодая женщина попросила знахарку научить ее «видьмуваты». Подробности науки, которая оказалась такою страшною, что ученица, все бросивъ, убѣжала съ перепугу. 145—147.

177. Одъ видьомъ—обереги. 147—148.

178. Якъ побачыты видьму—пять способовъ. 148.

179. Чымъ видьма является. Разказы о явленіяхъ вѣдьмы: въ видѣ чловѣка, овцы, сороки, щенка, собаки, кота, сига, праныка, полотна, стѣны. 149—153.

180. Черезъ видьму убывъ чловика. Вѣдьма вскочила на плечи одному чловѣку, а другой, не зная того, что нужно бить не самую вѣдьму, а ея тѣнь, бросился бить ее и убилъ чловѣка. 153.

181. Видьмы на Вельидень стараются прикоснуться къ ризѣ священника, но мужчины отгоняють ихъ. Одна изъ вѣдьм отомстила отгонявшему тѣмъ, что у него въ церкви опали штаны. 153—155.

182. Видьма на процессіи—не можетъ обойти вокругъ церкви трижды. 155.

183. Видьма вночи видьмуе. Дивчата заночевали у вѣдьмы, которая ночью раздѣлась и, съ пѣной у рта, начала бѣгать по хатѣ, ухвативъ «рубель и качалку». Испуганныя дивчата едва убѣжали при помощи ночного сторожа. 155.

184. Видьмыне молоко. Ночевавшій у бабы солдатъ видѣлъ, какъ она, возвратясь ночью, выблевывала изъ себя молоко. Утромъ онъ отказался его пить. 156.

185. Видьма продае масло. Вѣдьму, продававшую на базарѣ масло, панъ потащилъ въ полицію. Вѣдьма убѣжала, а за нею убѣжало и все масло изъ горшка. 156.

186. Будякове масло. Панъ не далъ поденнымъ работникамъ въ поле ничего, кромѣ хлѣба. Тогда одна женщина начала крутить верхній цвѣтокъ бѣлаго будяка и накрутила много масла, а пани жаловалась потомъ, что въ тотъ день не получила и капли масла отъ своихъ семи коровъ. 157.

187. Завитка и видьма. Когда крѣстьяне пригласили свя-

щен
прос
чем
дус
внѣ
ласо
вин
нѣ
за
вн
это
нек
вра
сдѣ
нѣ
нѣ
окс
од
вы
вѣ
сн
ов
ле
р
вн
в
у

щеника вырвать въ житѣ завитку, прилетѣла вѣдьма и начала просить не трогать завитки, но ее не послушали. 158.

188. Вѣдьмамъ треба попилъ съ купалового вогню, почему онѣ и приходятъ за нимъ, когда хлопцы и дивчата разойдутся отъ огня. Но разъ двое хлопцевъ засѣли около остатковъ купальскаго огня, и одинъ изъ нихъ проганялъ отъ него вѣдьмъ лозою. 158.

189. Вѣдьмамъ треба сыру зъ варенына, що на загоины варюють. Если этого сыру оставить на ночь за зубами, то, иѣтя его, можно на Велыкдень увидать вѣдьмъ или вымѣнять за него неразмѣнный рубль. Поэтому вѣдьмы стараются всякими способами похитить этотъ сыръ. 159—160.

190. Вѣдьма краде нехрещену дытыну, а чтобы избѣжать этого, необходимо имѣть горящую свѣчу въ той хатѣ, гдѣ есть некрещеный ребенокъ. 160.

191. Вѣдьма выпльовуе часточку св. Даровъ, которая превращается въ пчелку и улетааетъ вверхъ. 160.

192. Вѣдьма здѣймае зирны зъ неба. Одна вѣдьма это сдѣлала и запрятала звѣзду въ горшкѣ въ погребъ; но дѣти, играя, выпустили ее. Оттого и звѣздъ меньше стало, что вѣдьмы ихъ снимають. 160—161.

193. Вѣдьма бойиться йирчука и потому гдѣ таковой окажется, убиваетъ его. 161—162.

194. Вѣдьмы возылы вѣдьмана. Вѣдьмы, разсердясь на одного человекъ, который постоянно на нихъ указывалъ людямъ, вывезли его во время сна на возу «на разстанькы». Но человекъ этотъ былъ вѣдьмакъ и сдѣлалъ такъ, что вѣдьмы не могли уйти отъ воза до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не отпустилъ.

195. Дядько Хведиръ знахарь—однимъ своимъ желаніемъ онъ останавливаетъ лошадей или мельницу, заставляя даже колесо ея вертѣться въ обратную сторону; если онъ захочетъ, то ружье не стрѣляетъ, рыба не ловится, дорога не находится, велосипедистъ падаетъ съ велосипеда. 163—166.

196. Вѣдьмакъ занапастывъ чоловика—за то, что тотъ вкосился въ его сѣно: только глянулъ на него, тотъ заболѣлъ и умеръ. 166—167.

197. Свечоръ ворожбытъ. Невѣстка не захотѣла подать свекру воды и ушла, но не могла найти дороги и должна была возвратиться назадъ; подавъ воду, получила способность находить дорогу. 167.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку. Знахарь служилъ у еврея старшимъ рыбакомъ, и если еврей не давалъ ему водки, то онъ свистомъ сзывалъ въ его хату гадовъ и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ водки. 167—168.

199. Якъ коняча шкура полизла у шинь. Шинярь, желая, чтобы богатый хозяинъ распился, попросилъ его наймычу добыть ему волосъ хозяина. Та принесла ему волосъ съ конской шкуры, которая сама собою ползла въ шинюкъ. 168.

200. Гончарь видьмакъ. Хлопецъ прогналъ гончара съ его мѣста, а тотъ сдѣлалъ такъ, что у хлопца голова повернулась задомъ напередъ. По просьбѣ матери потерпѣвшаго гончаря возвратилъ ему прежній видъ. 168—169.

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ. Солдатъ отказался поподчивать бѣлорусса водкою, за что тотъ такъ сдѣлалъ, что солдатъ полетѣлъ по воздуху. Знающій человекъ съумѣлъ спустить его на землю. 169—170.

202. Лытвынъ одъ чаривъ вызволяе. Въ Нѣжинѣ одинъ парубокъ посваталъ дѣвушку, которая не знала, что у жениха была другая и двое дѣтей отъ нея. Покинутая обсыпала «молоду» какимъ то зельемъ при выходѣ ея изъ церкви, и та сошла съ ума. Случайно заѣхавшій въ хату бѣлоруссъ вылѣчилъ ее своими шептаньями. 170—173.

203. Якъ лытвынъ дывчину покаравъ. Дивчина украдала два горшка у бѣлорусса-гончара, но онъ сдѣлалъ такъ, что она никакъ не могла дойти домой, а всю ночь и утро, ходила отъ воза къ своему двору и обратно. 173—174.

204. Лытвынъ просывъ воды. Дивчата, идя въ поле жать, не дали воды бѣлоруссу-гончару. Ихъ вода превратилась въ пѣну и вылилась на землю. 174.

205. Вовкуланъ переводють черезъ хомутъ. Оскорбленный на свадьбѣ «боярынъ», перевель «молодыхъ» черезъ хомутъ,

и они превратились въ вовкулаковъ. Одною изъ нихъ, жену, поймали и возвратили ей прежній видъ, переведя черезъ хомутъ, а другою, мужъ, и до сихъ поръ бѣгаетъ. 175.

206. Панъ вовкулакою робыть. Панъ превратилъ мужика въ волка; случайно этотъ волкъ забѣжалъ во дворъ къ прирожденному вовкулаку; послѣдній сорвалъ съ него шкуру и возвратилъ ему человѣческой видъ. 175—176.

361. Щобъ видьма не влила—подъ Ивана Купала за-тыкають крапиву за окна. 388.

VII. О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ явился къ женщинѣ въ хату подъ Велыкдень, прося ѣсть, и рассыпался деньгами отъ удара кочергою. 178.

208. Скарбъ у скрыни появился ночью и надъ нимъ горѣла свѣчка. Хлопецъ дважды бралъ изъ него червонцы, а въ третій разъ скрыня захлопнулась и провалилась сквозь землю и вышла потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимъ. 178—179.

209. Пожаливъ табану и утерявъ скарбъ. Голосъ изъ оказавшейся въ лозахъ скрыни попросилъ у прохожаго понюхать, а когда тотъ отказалъ, кладъ провалился. 179.

210. Скарбъ—Мазепина карета. I. Увидѣвъ свѣчу въ полѣ, человѣкъ бросилъ на то мѣсто поясъ, но кладъ загрохоталъ внизъ и свѣча потухла. Это была или Мазепина золотая карета, или скрыня червонцевъ.—II. На мѣстѣ, гдѣ закопана около Выбель Мазепина золотая карета, полная денегъ, подъ землю грохочетъ и земля колыхается; но на Велыкдень, при извѣстныхъ условіяхъ, можно откопать этотъ скарбъ.—III. Черезъ каждые три года Мазепина карета выходитъ на верхъ и бѣгаетъ надъ Десною въ видѣ коня, котораго и видѣли бабы. 179—181.

211. Злянався скарбу.—Кладъ явился человѣку въ видѣ скрыни съ деньгами; онъ хотѣлъ было ихъ брать, но испугался и убѣжалъ. 181.

212. Скарбъ знынае одъ хреста. Человѣкъ выкопалъ два

сундука денегъ; предъ тѣмъ какъ братъ ихъ, жена его перекрестилась, и сундуки съ деньгами превратились въ гнилыя колоды. 181—182.

213. Снарбъ коровою, а также и другими животными, а именно: а) коровою, которая разсыпалась деньгами отъ удара, б) бѣлымъ конемъ, — такой кладъ всегда на бѣду людямъ и его не слѣдуетъ брать; брать кладъ можно, когда онъ является медвѣдемъ, волкомъ, свѣчкою; а кладъ, являющійся въ видѣ бѣлаго коня, кладутъ недобрые люди, какъ и здѣсь, — Шведы во время Мазепы. — Три разсказа о копаніи кладовъ, при чемъ въ одномъ случаѣ знахарь находитъ кладъ палочкою, но кладъ проваливается, такъ какъ копавшіе разсердили его бранью. 182—186.

214. Шкарбъ и панська мода. Человѣкъ откопалъ кладъ, но кладъ былъ съ заклятіемъ: имъ могъ пользоваться только тотъ, кто съѣстъ лежавшія на котелкѣ человѣческія испраженія. Пришлось исполнить это, и человѣкъ разбогатѣлъ. Его жена захотѣла одѣваться по пански, но, вмѣсто панскаго платья, надѣла воловью кожу съ рогами, за что ее и выгнали изъ церкви. 187—188.

VIII.

215. Каянова жъунна была первою вѣдьмою и ходила доить коровъ Авелевой жены. Ей встрѣтился «богъ Валосько», но не могъ ей воспрепятствовать, а она заставила его стоять неподвижно на мѣстѣ. 190—191.

216. Громныци — праздникъ «на другой день після дарной недѣли»: когда воскресій Спаситель сошелъ въ адъ, то мертвецы отъ радости стали цѣловаться и обниматься; Господь, видя, что ихъ никакъ нельзя развести, загремѣлъ громомъ и только тогда они съ испугу разнялись. 191.

217. Чоловикъ у Бога. Богъ былъ въ гостяхъ у человѣка Пылыпъ, пригласилъ его къ себѣ и прислалъ за нимъ бѣлаго коня. По дорогѣ Пылыпъ видитъ: а) человѣка, бьющагося объ стѣны, б) человѣка, стоящаго въ водѣ и просящаго пить,

в) человека, переливающего изъ ковша въ ковшъ воду. Богъ объясняетъ, что это наказываются три грѣшника: а) не пустившій прохожаго въ мятель въ хату, б) не давшій жаждавшему воды, в) шинкаръ, подливавшій въ водку воду. 191—193.

218. Богъ лучше знаетъ, чего намъ треба. Человекъ угодилъ Богу, и за это Богъ ему далъ то, чего тому хотѣлось: возможности имѣть всегда, когда захочешь, дождь. Но хотя дождь и шелъ во время, однако человекъ забылъ попросить на время цвѣтенія пшеницы легкаго вѣтерка, и оттого пшеница уродилась безъ зерна. 193.

219. Камяный горохъ. Съявшій горохъ человекъ на вопросъ Божіей Матери сказалъ, что онъ сѣетъ камень, и выросшій горохъ оказался съ каменными зернами. Одну такую горошину принесъ человекъ изъ Іерусалима. 194.

220. Среда и пятница караютъ людей. Среда и пятница, въ видѣ двухъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ходятъ въ полночь по селу и спорятъ, какую кару на людей послать: моръ и пожаръ или голодъ и войну. 194.

221. Среда и пятница гниваются, що люде ихъ не шануютъ. Человекъ, заночевавшій въ пустой хатѣ, услышалъ жалобы пришедшихъ туда среды и пятницы на то, что первую колятъ, а вторую замазываютъ и засыпаютъ кострицею. Онѣ приказываютъ въ среду не шить, а въ пятницу не мазать и не прясть. 194—195.

222. Среда штовхнула съ мѣста спавшаго человека за то, что онъ въ среду вечеромъ ѣлъ сало, заявивъ, что среда уже спать лягла. 195.

223. Про Ерусалимъ. Одинъ здоровый парубокъ возвратился изъ Іерусалима больнымъ, такъ какъ за созерцаніемъ чудесъ забывалъ ѣсть. Тамъ, на Аѳонской горѣ, живетъ и Божія Матерь. Туда не пускаютъ женщинъ; одна женщина переодѣлась мужчиною и начала всходить на гору, но сорвалась и свалилась внизъ. Божія Матерь питается лишь святымъ духомъ, съ нея срисовали и прислали къ намъ икону. 195—196.

224. Хлопецъ, монахи и скарбъ. На болотѣ Трубайлѣ

стояла статуя человека съ надписью о томъ, что кто попадетъ ей въ голову, тотъ найдетъ деньги. Мальчикъ догадался, что нужно копать тамъ, гдѣ падаетъ тѣнь отъ головы статуи. Выкопавъ чугунный сундукъ съ деньгами и не будучи въ состояніи его поднять, онъ обратился къ игумену Михайловскаго монастыря; послѣдній послалъ съ нимъ двухъ монаховъ. Монахи утопили мальчика, а деньги взяли себѣ. Но мальчикъ остался невредимъ и вышелъ подъ престоломъ въ монастырѣ. Освобожденный оттуда, онъ обвинилъ монаховъ. 196—198.

225. Де бильше празныкивъ—объ этомъ заспорили еврей и христіанинъ и рѣшили за каждый праздникъ вырывать по волоску изъ бороды: еврей за еврейскіе праздники у христіанина и наоборотъ. Побѣдителемъ остался христіанинъ. 198—200.

226. Чы Велындень велькый день? Это хотѣла узнать баба и пропряла цѣлый первый день праздника въ погребѣ; день оказался такимъ же, какъ и въ филиповки. 200.

227. Непысьменный пипъ—находить каждый разъ причину не говорить проповѣди. 200—201.

228. Дви проповиди надъ покойникомъ—украинца и бѣлорусса.—201.

229. Помылывсь. Архіерей, услышавъ сильный голосъ плотщика, сдѣлалъ его дьячкомъ; но дьячекъ какъ то разъ забылся и крикнулъ въ церкви вмѣсто «Многія лѣта»—«Прычалою!» Былъ изгнанъ. 201—202.

230. Жарына. Пріѣхалъ священникъ въ село, гдѣ люди никогда не были въ церкви. Онъ велѣлъ имъ слѣдовать,—когда они находятся въ—церкви, его примѣру. Но случайно ему упалъ за голенище сапога горящій уголекъ изъ кадила. Онъ началъ топтать ногою, разуваться и проч., а міряне подражали ему. 202—203.

231. Хытрый бляхаръ, желая на обѣдѣ самъ ѣсть куриное мясо, котораго ему не доставалось за священникомъ, сказалъ послѣднему, что бабы для священника рѣжутъ издыхающихъ курей. Священникъ послѣ того никогда не ѣлъ привосимаго прихожанами мяса. 203—204.

232. Незвычайна хазяйка запряталась на печь (на чердакъ) отъ священника, пришедшаго съ молитвою, но такъ, что видны были ея ноги (юпка); священникъ (діаконъ) посовѣтывалъ ей брать съ собою, уходя, и ноги (не вѣшать юпки). 203—204.

233. Страшный судъ. Жгли жуковъ на свекловичн. плантаціи, а въ народѣ распространился слухъ, что уже земля горитъ и начинается страшный судъ. Ошибка обнаружена была осаулою, приказавшимъ идти ловить жуковъ. 205—206.

IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Верна дружина. Чумакъ и его жена дали другъ другу обѣтъ въ вѣрности и, на время отсутствія перваго, надѣли онъ и она бѣлыя сорочки: кто согрѣшитъ, у того сорочка почернѣетъ. Узнавъ объ этомъ, встрѣтившійся чумаку купецъ бьется объ закладъ съ послѣднимъ, что онъ соблазнитъ его жену, ѣдетъ къ ней, принуждаетъ ее провести съ нимъ ночь, но она подмѣнила и вмѣсто себя подставила вдову, у которой и отрѣзалъ въ доказательство своей побѣды косу. По возвращеніи чумака оказывается, что купецъ ошибся. 208—210.

235. Хытра жинка силится задутаннымъ счетомъ скрыть отъ мужа растрату денегъ. 210.

236. Ленива жинка не пряде. Жена все откладывала пряденье до самой страстной субботы. Чтобы избавиться отъ нареканій мужа, она положила въ чугуны, подъ видомъ полотна, ленъ и конопля и начала парить, а мужъ долженъ былъ не пускать собаки-кудлы, иначе полотна «покудлаться». Заманивъ хлѣбомъ кудлу въ хату, жена обвинила мужа въ порчѣ полотень. 211.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убирае. Мужъ укорялъ жену, не любившую прясть, что ей не во что будетъ и одѣть его на смерть. Притворился мертвымъ, и жена одѣла его въ сѣтъ. Онъ побилъ ее. 211—212.

238. Жинка безъ десятой клепки. Жена, продала на базарѣ еврею яйца; деньги онъ долженъ былъ принести изъ

дому, а чтобы легче другъ друга узнать, онъ предлагалъ ей одѣть свое негодное пальто, а самъ надѣлъ ея хорошій кофужь, съ которыми и исчезъ. Услышавъ отъ мужа, что у нея нѣтъ «десятойи клепки», она упросила бондаря сдѣлать ее ей и заплатила за это большимъ саломъ. 212—213.

239. Янъ жинку ярмарокъ налянавъ. Жена, не бывъ никогда на ярмаркѣ, все приставала къ мужу, чтобы онъ ее туда повезъ. Мужъ повезъ, но подговорилъ полицейскаго назваться «ярмаркомъ» и побить его жену. Увидѣвъ послѣ этого въ церкви солдата, испуганная женщина убѣждала, подумавъ, что это «ярмарокъ». 213—214.

240. Жюноча пошестъ. Жена больна: лежитъ безъ просыну и ѣсть безъ пощады. 214.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты. Желая проверить свою жену, мужъ сказалъ за тайну, что у него вылетѣла изо рта ворона. Жена рассказала о двухъ воронахъ и въ концѣ концовъ дошло до разбора дѣла на сходкѣ по обвиненію мужа въ излетѣ изъ него 12 воронъ. 214—215.

242. Батьнова правда. Умирая, отецъ приказалъ сыну съ паномъ не кумиться, съ евреями не брататься, женѣ правды не говорить, чужихъ дѣтей не усыновлять, собакъ не вѣрить. Сынъ сдѣлался у пана приказчикомъ и покумился съ нимъ; послѣдній, отлѣзжая, поручилъ ему своего сокола. Желая проверить отцову правду, приказчикъ сказалъ женѣ какъ тайну, будто бы онъ зарѣзалъ сокола; жена сообщила кумѣ и т. д. Панъ хочетъ повѣсить приказчика, но дозволяетъ ему попроситься съ родичами. Приказчикъ идетъ изъ дому,—на него бросается собств. собака, еврей не отдаетъ денегъ, а приемышь готовъ за деньги принять на себя обязанности его палача. Въ концѣ концовъ приказчикъ разъясняетъ все дѣло. 215—217.

243. Удова. Обычай бросать во дворъ вдовы дрова, дерево. 218.

244. Недогадлыва дочка, услышавъ отъ матери приказаніе мѣсить хлѣбъ, пока «съ стрижи почне капаты», все ходитъ смотрѣть стрижу; а оказывается, что мать говорила о потѣ со лба. 218.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ. Сыновья хотѣли разнять дерущихся отца и мать, но потомъ рѣшили оставить ихъ, т. к. они сами родные братья, а тѣ «зводни черти». 219.

246. Батькивъ прокльонъ. Сынъ обращался съ отцомъ грубо, а когда тотъ заболѣлъ, оставлялъ его голодать. Отецъ проклялъ сына, вслѣдствіе чего онъ постепенно обѣдаѣлъ, онъ и жена распяяствовались, самъ онъ умеръ отъ голода, попавъ пьяный въ пашенную яму, изъ которой не могъ вылѣзть, а жена—отъ пьянства. 219—226.

247. Сила клятвы. Умирая, отецъ-вдoveцъ поручилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и ихъ имущество пріятелю, который поклялся быть имъ вмѣсто отца. Но, желая забрать имѣніе сиротъ, опекунъ отравилъ одного сына мышьякомъ, а другого рѣшилъ зарѣзать и отправилъ его на ночлегъ въ поле. Но сила клятвы покарала его: случайно вмѣсто сироты поѣхалъ собств. сынъ опекуна, котораго послѣдній и зарѣзалъ. 227—236.

248. Гарно, якъ батько вмирае—такъ говорилъ маленькій мальчикъ убогой семьи, т. к., по случаю поминокъ покойника, было вдоволь ѣды. 237.

249. Одурена дивчына. Глупая дивчина жаловалась, что ее никто не сватаетъ. Парубокъ подслушалъ и предложилъ ей сдѣлаться его женой, убѣжавъ отъ матери и забравъ все приданое. Увезя дивчину съ скрынями, онъ повозилъ ее по селу и снова привезъ къ ея же хатѣ, которой она не узнала, а самъ скрылся съ скрынями. 237—238.

250. Брехливый староста. Сватъ посваталъ дивчину для лѣниваго пѣрубка, выставивъ его работающимъ при помощи двузначнаго выраженія, потомъ истина обнаружилась. 238—239.

251. Якъ невестка маныла свыней—не разобравъ указанія свекрухи, она звала ихъ фразою «лкъ у васъ, такъ и въ насъ». 239.

252. Якъ невестка навчылася свекруху шануваты. Въ семьѣ жили двѣ матери: мать мужа и мать жены. По требованію жены мужъ отвезъ свою мать въ поле. Къ ней приходитъ Морозъ и за ея вѣжливыя отвѣты награждаетъ ее шубою, послѣ

чего она возвращается домой. Позавидовавъ шубѣ, жена отпра- росо.
ляетъ въ поле свою мать, которую Морозъ за грубость заморо- что о
зилъ. Невѣстка стала тогда уважать свекровь. 240—242.

253. Якъ навчено линыву невестку робыты. Отецъ и мать вичок
избаловали свою дочь, кот. ничего не хотѣла дѣлать. Когда она сымѣ
вышла замужъ, то въ семьѣ мужа ее приучили работать, обусло- къ к
вивъ полученіе пищи исполненіемъ работы. 242—246. пред.

254. Хлѣбъ. Человѣку тяжело было нести хлѣбъ и онъ оказ
бросилъ его на дорогѣ. Проголодавшись, долженъ былъ вернуться тель
за хлѣбомъ, сказавъ, что не онъ хлѣбъ несетъ, а хлѣбъ его
несетъ. 246.

255. Якъ селянынъ пймавъ вовка. Ночью волкъ за- ваче
брался въ кошару; когда хозяинъ пошелъ туда, то волкъ, вы-
скакивая, попалъ ему промежъ ногъ, и человѣкъ поѣхалъ вер- сѣк
хомъ на волкѣ. Волкъ съ перепугу издохъ, да и человѣкъ пере- 256
пугался. 246—247.

256. Чоловикъ, заваленый у глыныщи. Человѣка завалило ван
глинице, его сочли тамъ похороненнымъ и отслужили надъ нимъ кот
похоронную службу. Но онъ былъ живъ, выбрался и пришелъ во
ночью домой. Тамъ всѣ испугались, думая, что это мертвецъ. 250
247—250.

257. Лины линывому. Крестьянинъ попросилъ доктора от
вылѣчить его воловъ отъ лѣности; докторъ помазалъ имъ подъ
хвостами скипидаромъ, отчего волю побѣжали. Не будучи въ
состояніи ихъ догнать, крестьянинъ попросилъ доктора и ему
сдѣлать то-же. 251.

258. Выпытавъ. Посредствомъ хитрости хозяинъ узналъ, от
что просившій у него топора парубокъ рубить дрова на землѣ,
и не далъ ему топора. 251.

259. Якъ чоловикъ гостей прймавъ. Хозяинъ такъ за- в
говорился, что забылъ подчивать гостей и самъ съ женою вы-
пилъ всю водку. 251.

260. Добри люде. Нѣтъ надобности въ собакахъ: люди
«оббрешутъ». 252.

261. Убогій за столомъ у попа. Бѣднякъ и богачъ дер-
жали пари, что священникъ приметъ перваго лучше, чѣмъ вто-

рого. Бѣднякъ достигаетъ почетнаго пріема, сказавъ священнику, что онъ нашель кладъ—боченокъ золота. 252—254.

262. Якъ кума куму не послухала. Кума просила куму помочь ей жать, но та отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что «жыбирь колеться». Но когда отказавшая въ помощи явилась къ кумѣ зимою просить муки, то та отказала ей подъ тѣмъ же предлогомъ. 254—255.

263. Лакей и наймытъ не одно. Разговоръ, изъ котораго оказывается, что въ понятіяхъ крестьянъ должность лакея унизительна. 255—256.

264. Злодій жалуется, что нѣтъ удачи съ тѣхъ поръ, какъ началъ водить вмѣсто лошадей воловъ. 256.

265. Про воровство. Кумъ укралъ у кума медь на паськѣ, а другой человекъ подсмотрѣлъ и потомъ указалъ вора. 256—260.

266. Пысарь—требоваль, чтобы отецъ ругалъ курицу словами: «Штобъ тебя писарь искушалъ». Отецъ примѣнилъ это къ котенку. 260.

267. Судди. Вирша, описывающая несправедливый судъ волостныхъ судей-пьяницъ. 260—262.

268. Хытрый чоловікъ—заставилъ пана ловкою фразою отдать захваченные паномъ волю. 262—263.

269. Добре росказавъ. Панъ побилъ не понимающаго словъ наймита; послѣдній находитъ этотъ пріемъ подобающимъ способомъ разъясненія. 263.

270. Скупый панъ заставлялъ повара покупать все подешвле. Тотъ ему купилъ «хлякивъ» и сдѣлалъ обидное предложеніе. 263.

271. Допытався. Малорусская передѣлка фамиліи кн. Гогенлоге. 263—264.

272. Черезъ чай сварна. Панъ угощалъ мужиковъ чаемъ: одному далъ съ сахаромъ, другому безъ, а третьему съ солью. Первый хвалилъ чай, второй былъ къ нему равнодушенъ, а третій находилъ его никуда не годнымъ. 264.

273. Хто скилько чаю пье—выходить, что больше всѣхъ—мужикъ. 265.

274. **Похвалывъ.** Деньщикъ сравнилъ офицера со львомъ, при чемъ оказалось, что львомъ называется у него животное, на кот. въѣзжалъ І. Христосъ въ Іерусалимъ. 265.

275. **Одмова по щыроты.** Денщикъ разъясняетъ офицеру, почему прислали къ нему самого плохого деньщика. 265.

276. **Москали вкралы гусну** и запрятали ее въ барабанъ, почему во время обыска ее и не могли найти. 266.

277. **Москали вкралы норову,** зарѣзали и во время обыска положили ее на столѣ подъ шинель какъ будто покойника-солдата. 266—267.

278. **Москалы крадутъ масло**—у бабы на базарѣ. 267.

279. **Козаки вкралы коецъ зъ гусьмы** у еврея, который поэтому не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что она потомъ взяла Плевну. 267—268.

280. **Два звоцыкы**—малороссъ и великороссъ, заспоривъ изъ за пассажира, говорятъ оскорбительныя вещи относительно происхожденія «хохла» и «кацапа». 268.

281. **Хохлу не давай объясняться а просто бей**—это сказалъ панъ, ревизовавшій писаря, и старосту, которые очень удачно изворачивались во время объясненій. 269.

282. **Не зрозумили.** Бѣлороссъ и малороссъ, говоря объ одномъ (потерянной торбѣ), считаютъ, вслѣдств. непониманія языка, что говорятъ о различномъ. 269.

283. **Лытвыны помынають дидивъ** и сильно объѣдаются при этомъ. 270.

284. **Цыганъ у монастыри.** Сперва ему тамъ понравилось, но потомъ онъ такъ отощалъ на постной пищѣ, что совѣтывалъ человѣку, хотѣвшему повѣсить собаку, отвести ее въ монастырь: тамъ она издохнетъ отъ голода. 270—271.

285. **Цыганъ зъ того свиту.** Цыганъ совѣтуетъ, чтобы покойнику положили хлѣба, т. к. онъ самъ на тотъ свѣтѣ былъ, но отъ голода долженъ былъ возвратиться. 272.

286. **Обое кращи.** Цыгану предоставили выбрать себѣ для ѣды что ему лучше: или сало, или поросятину. Цыганъ находитъ лучшимъ и то, и другое. 272.

287. Поповна за цыганомъ. Поповна влюбилась въ цыгана, вышла за него замужъ, но не могла жить цыганской жизнью и убѣжала къ отцу. 272—283.

288. Жыдъ-выхрестъ находить, что за крещеніе его маленького сына слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за крещеніе старшаго. 283.

362. Про жинку скупого чоловина. Скупой мужъ плохо обращался со своею женою. По совѣту священника, она притворно умираетъ, скрывается у священника, а хоронятъ пустой гробъ. Мужъ узнаетъ всю тяжесть жизни вдовца съ малыи дѣтьми. Встрѣчаетъ свою жену у священника, женится на ней какъ на второй женѣ и старается изо всѣхъ силъ ей угождать. 388—391.

363. Стрижено! Стрижено! Мужъ утверждалъ, что ячмень скошено, жена, что его острижено. Поссорились, мужъ бьетъ ее, желая заставить согласиться съ собою, бросаетъ въ воду, но она и утопая показываетъ изъ воды пальцами, что стрижено. Мужъ спасаетъ ее. 391—393.

364. Чортъ посварывъ чоловика зъ жинною. Желая поссорить хорошо жившихъ мужа съ женою, чертъ сказалъ женѣ, что мужъ умретъ, если жена не отрѣжетъ ему бритвою подъ бородою три волоска; а мужу, что жена его хочетъ зарѣзать. Увидѣвъ въ рукахъ у жены бритву, мужъ едва ее не убилъ. 393—395.

365. Якъ жинка чоловика вбывала. Жена взяла у доктора мышьяку, чтобы отравить мужа. Докторъ его предупреждаетъ. Мужъ притворяется отравленнымъ, мертвымъ. Жена хочетъ еще и повѣсить его, на время уходитъ, а мужъ привязываетъ вмѣсто себя товкачъ. Въ темнотѣ жена вѣшаетъ его вмѣсто мужа и объявляетъ людямъ, что ея мужъ повѣсился. Все открывается. 395—398.

366. Старшина, котораго судъ лишилъ правъ состоянія и устранилъ отъ должности, благодарить и просить еще и объ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. 398.

367. Старцевы гроши Нищій умеръ и въ его свитѣ нашли зашитыми много денегъ, на кот. купили свиней. Свиньи проѣли всѣ деньги нищаго, поѣли другъ друга. Оставшійся кабанъ разрылъ могилу нищаго и умеръ на его гробу. 398—399.

368. Про добру панію. Крѣпостные плакали о смерти доброй помѣщицы, учившей, кромѣ того, ихъ хозяйничать и постоянно за нее молились. 400.

396. Догадавсь. Соблазненный тѣмъ, что бѣднякъ за два вырощенные зимою огурца получилъ отъ пана пару воловъ, богачъ повезъ къ послѣдному лѣтомъ возъ огурцовъ. Панъ велѣлъ его бить этими огурцами. Мужикъ находить, что онъ былъ очень догадливъ, не привезя еще и арбузовъ, взять которые совѣтывала ему жена. 400—401.

Х. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Б.-та Ю. Хмельныцки. Ю. Хмѣльницкій возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ отцовской церкви въ Суботовѣ. 288.

290. Б. Хмельныцый та король. Б. Хмѣльницкій взбунтовался, но былъ пойманъ и приведенъ предъ короля, кот. его и простилъ. 287.

291. Про Хмилныцныхъ, про Мамаю. Сынъ Хмѣльницкаго по бусурманился, возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ церкви въ Суботовѣ, желая найти тамъ деньги. За это онъ и до сихъ поръ бродить въ лѣсахъ, и змѣя сосеть его сердце. Послѣ Хм. былъ съ запорожцами козакъ Мамай, въ честь его названъ Мамаемъ дубъ, подъ кот. былъ его лагерь. 287—288.

292. Орда въ Ведмедивку вошла при помощи измѣнника; село обороняла попадьѣ. 288.

293. Про Палія. Палій застрѣлилъ (сжегъ своимъ выстрѣломъ черта), за что и прозванъ былъ Паліемъ. Онъ сталъ пьянствовать и заложилъ у Мошки свою сивую кобылу. Когда Мазепа возсталъ противъ царицы Екатерины, Потемкинъ совѣтывалъ пригласить Палія. Палій перебираетъ лошадей, отыскивая свою кобылу и выставляетъ свое знамя, увидѣвъ которое Мазепа смиряется. 288—291.

294. Мазепина хрещениця. Къ стоявшему у Мазепина дома въ Черниговѣ часовому подошла женщина, прося креста. Онъ не далъ. Это Мазепина крестная дочь, выходящая на землю черезъ каждыя 7 лѣтъ. 591.

295. Гайдаманы. Разсказъ о кошовомъ запорожскомъ (?), вербовавшемъ гайдамакъ и трехъ гайдамацкихъ атаманыхъ его ученикахъ: Гордіѣ Саповичѣ, Бондаренко и Рацьовѣ; плѣнь семьи Саповича татарами, освобожденіе и похороны ея; набѣги Бондаренка на поляковъ, пѣсня о немъ и Якименкѣ, смерть Бондаренка. Рацьовъ былъ и чумакомъ. 291—295.

296. Гайдаманы у Каневи. Сожженіе и разграбленіе Канева гайдамаками; битва гайдамаковъ съ гетманцами; гайдамаки—«характерныкы»; Хмѣльницкій — гайдамацкій полковникъ. 295—297.

297. Золота грамота. Притѣсненія поляковъ; монахи Николаевского монастыря поддѣлали и дали запорожцамъ золотую грамоту отъ имени царицы, съ позволеніемъ рѣзать поляковъ. Возстаніе и еще худшія притѣсненія со стороны поляковъ. 296—297.

298. Понятовскій та царица Катерина. Понятовскаго паны хотѣли убить; онъ не захотѣлъ быть королемъ, подарилъ Екатеринѣ Польшу, а она сдѣлала его министромъ въ Петербургѣ. 297—298.

299. Конфедераты. Паны взбунтовались противъ своего короля, а такъ какъ до него далеко, то они мучили народъ. 298.

300 Запорожци на Кубани. Насмѣшка надъ черноморскими козаками, жаловавшимися на свою плохую жизнь. 298—299.

301. Про смерть козака Половаго, возвратившагося съ Гладкимъ изъ Турціи. Онъ приказалъ вывести себя въ поле и умереть, обратившись лицомъ къ мѣсту бывшей Сѣчи. 299.

302 Звидны узялась панщина—о томъ, какъ паны постепенно обратили свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. 300—301.

303. Кармалюкъ. I. Баба, встрѣтивъ въ лѣсу Кармелюка и не зная его въ лицо, бранила его. За это онъ подковалъ ее. **II.** Кармалюкъ далъ бѣдняку денегъ и велѣлъ ему устроить балъ, на который обѣщаль явиться. Панъ, узнавъ о балѣ у мужика

отправился туда съ цѣлью наказать мужика, а Кармелюкъ тѣмъ временемъ ограбилъ пана. 302—304.

304. Писня про Кармалюка будто бы заклета въ Пакульской церкви, т. к. ее пѣлъ нечистый. 305.

305. Крипаны дожидали воли и дарили чѣмъ могли того, кто предвѣщалъ имъ скорое освобожденіе. 306.

306. Про Т. Шевченка. Шевченко является людянь трижды въ день: мальчиномъ, взрослымъ и старикомъ. 306.

XI. Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ Буковище въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго уѣзда. Въ рѣчкѣ Буковище утопилась дочь вѣдьмы; вѣдьма заклала рѣчку, и послѣдняя, въ видѣ дѣвушки, перешла въ Бѣлицу. 308—310.

308. Озеро Синее. Въ лѣсу жили братья кузнецы Кузьма и Демьянъ. Появилась змѣюка, пожиравшая людей и звѣрей. Она напала на кузню братьевъ и прогрызла двери. Братья ухватили ее за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ соху и проорали ею ровъ до озера; здѣсь она начала пить воду и лопнула, отчего вода въ озерѣ провонялась и посинѣла. 310—311.

309. Про Глуховъ. Разсказъ старожила о расположеніи и постройкахъ Глухова въ прежнее время, о пожрѣ 1784 г., о ярмаркѣ и подымной подати. 313—315.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи. въ Черниговѣ, выстроенной будто бы по праздникамъ каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. 315—316.

311. О м. Красномъ Колядинѣ Конотопск. у. I. Рѣка Ромень высохла отъ проклятія пани Покорской, сынъ которой утопулъ въ Ромнѣ.—II. Нападеніе гайдамаковъ на жившаго въ Колядинѣ поляка Коляду; спрятанный имъ подъ воду кладъ.—III. О провалѣ церкви сквозь землю. 316—318.

312. М. Понорница Кролевецк. у. Объясненіе названія мѣстечка прозваніемъ основателя поселенія. 318—320.

313. Легенда о Поганомъ полѣ. Во времена Мазепы шве-

ды поймали двухъ дивчатъ: Катрю и Фесю; продержавъ недѣлю, отпустили. У обѣихъ родились дѣти, но Фesia уморила своего ребенка и поэтому ее оставили безъ наказанія за пребываніе у шведовъ; а Катрю родной отецъ Миронъ живую закопалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ въ землю. Ночью сдѣлалась страшная буря, напугавшая Мирона. Терзаемый совѣстью, онъ умеръ. Земля его не принимала, пока не заклалъ его священникъ; но семь лѣтъ ежегодно въ ночь его преступленія поднималась буря и изъ могилы Катри слышалась мольба о прощеніи. 320—325.

314. Могила Деречыха. Во время нашествія шведовъ послѣдніе забирали народъ. Гетманъ выслалъ противъ нихъ своего сына. Они его отравили. Не имѣя войска, онъ устроилъ на Деречихѣ мельницу съ барабанами, которые такъ напугали шведовъ, что послѣдніе ушли. 326—327.

315. Ричка Ромень высохла оттого, что мать утонувшаго въ ней сына забила ея источникъ. 327—328.

316. Г. Зиньковъ названъ такъ по имени его основателя — Зинця. 328.

ХІІІ. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Ракова скоро работа. Ракъ семь лѣтъ ходилъ по дрожжи и въ концѣ—разлилъ ихъ. 330.

318. Про хлопца, що ничего не боявся. Сынъ все просилъ отца показать ему страхъ; его пробовали испугать: а) дьячекъ на колокольнѣ, нарядившись мертвецомъ, б) оставивъ его ночью въ лѣсу около висѣлицы съ трупами, в) оставивъ ночевать въ пустомъ домѣ, гдѣ обитала нечистая сила. Все напрасно. Наконецъ, отецъ испугалъ его, плеснувъ на соннаго холодною водою. 330—331.

319. Негода. Зарѣзавъ свинью, мужъ оставилъ часть сала «Негоди». Жена приняла за негодую женщину въ синей одеждѣ и отдала ей сало. 332.

320. Нужда. Мужъ откладывалъ деньги «про нужду». Жена передала деньги нуждѣ черезъ солдата. Узнавъ объ этомъ,

мужъ бросился догонять солдата верхомъ на лошади, но солдатъ хитростью получилъ отъ него и лошадь. 332—333.

321. Маты зрадняца. Вдова имѣла двухъ дѣтей, Петра и Настю, окрещенныхъ Богомъ и св. Петромъ; послѣдній подарилъ Петру жупанокъ, дающій ему силу, и ружье, благодаря которому онъ былъ превосходнымъ охотникомъ. Сойдясь съ змѣей, мать притворяется больной и даетъ сыну опасныя порученія, въ которыхъ онъ долженъ лишиться жизни; она ему велитъ: а) добыть дикой поросятины, б) добыть дикаго яблока, в) добыть «спялющой и живущей» воды. При помощи сестры, уже вышедшей замужъ, Петро все исполняетъ. Подъ предлогомъ испытанія силы, мать заставляетъ сына снять жупанокъ и связываетъ его шелкомъ; змѣй надѣваетъ жупанокъ и убиваетъ его. Сестра оживляетъ брата «спялющою и живущою» водою. Подъ видомъ птички онъ прилетаетъ къ матери. Змѣй хочетъ поймать птичку для своего ребенка и сбрасываетъ жупанокъ, который надѣваетъ Петро и убиваетъ змѣя.—II. Вариантъ той же сказки. 333—341.

322. Про хлопчика Покоти-Горошна. У бездѣтныхъ дѣда и бабы, при помощи ворожки, изъ яйца появляется крохотный сыночекъ Покоти-Горошко. На полѣ онъ сѣлъ волю на роги и оралъ. Увидѣлъ его панъ и купилъ у старика. Мальчикъ убѣжалъ домой. Панъ снова его взялъ, но не могъ и на этотъ разъ уберечь. 341—346.

323. Про богатога купца дочку. Купецъ отдалъ дочь въ науку къ попу, который напрасно дѣлалъ ей нечистыя предложенія. Онъ оклеветалъ ее предъ отцомъ. Отецъ послалъ двухъ сыновей съ приказаніемъ привезти сердце сестры. Пожалѣвъ сестру, братья привезли отцу сердце собаки. Дѣвушка бродила въ лѣсу гдѣ ее встрѣтилъ купецъ и женился на ней. Однажды онъ заболѣлъ и послалъ жену вмѣстѣ съ своимъ кумомъ на корабль за товаромъ. Она отвергаетъ нечистыя предложенія кума, который бросаетъ ее съ ребенкомъ въ море. Ребенокъ утонулъ; а она выплыла на берегъ, случайно набрела на домъ своего отца, гдѣ ее не узнаютъ и она занимается тамъ въ услуженіе. Туда заѣзжаетъ ее мужъ, дѣло разъясняется, куму отрѣзываютъ голову. 346—347.

324. Шептуха. Не имѣя средствъ къ жизни, баба, по совѣту священника, сдѣлалась шептухою. Случайно она была позвана къ тому-же священнику лѣчить его, отъ нарыва въ горлѣ. Увидѣвъ ее, священникъ расхохотался, и нарывъ прорвался. 348.

325 Бачылы очи що купувалы: йижте, хочъ повилазьте— такъ говорилъ челоуѣкъ, купившій на копейку хрѣна. 348—349.

326. Навунъ-рябчыкъ былъ любимцемъ хозяина. Когда хозяинъ везъ арбузы, возъ опрокинулся, арбузы раскатились, а хозяинъ радуется, что рябчыкъ впереди всѣхъ. 349.

327. Смерти спужалась. Жена пьяницы призывала смерть. Солдатъ пустилъ ей въ хату ошипаннаго индюка, сказавъ, что это смерть. Испуганная жена посылаетъ смерть къ мужу. 349—350.

328. Скупый чоловинъ. Ища пропавшую лошадь, челоуѣкъ даетъ обѣтъ поставить въ церкви свѣчу за полтинникъ и во время произнесенія этихъ словъ находитъ лошадь. Радуется, что полтинникъ остался цѣлъ. 350.

329. Дрова плохіе: одно полѣно положить въ печь, и то не горитъ. 350.

330. Розмова. Неподдающійся пересказу разговоръ встрѣтившихся крестьянъ. 351.

331 Добре, та не дуже. Разговоръ, въ которомъ все хорошее, что ни случается, оказывается имѣющимъ дурную сторону. 351—352.

332. Чого хоче. Нищій не видитъ ни одного, ни двухъ грошей, но беретъ три. 352.

333—336. Нисенитныци. 352—357.—**337. Прыказыны—** 358—372.—**338. Загадны.** 372—376.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Сторія о мудромъ младенцу. Мудрый и ученый младенецъ для покушки платья и коня продаетъ отца и мать и ѣдетъ къ

царю. Получивъ отъ встрѣтившагося младенца письмо къ царю, прочитываетъ въ немъ, что подателя его должны казнить, и уничтожаетъ его. Вокругъ замка царя головы на кольяхъ. Установившая младенца вдова разъясняетъ причину этого: прекрасная дочь царя только за того выйдетъ замужъ, кто побѣдитъ ее въ диспутахъ; въ противномъ случаѣ долженъ потерять жизнь. Младенецъ хочетъ добыть царевну. Три дня щастливо отвѣчаетъ на ея вопросы и задаетъ ей вопросъ: кто отца превратилъ въ коня, а мать въ одежду. Царевна проситъ отсрочки до утра, неузнанная приходитъ къ младенцу, опьяняетъ его напитками и поцѣлуями и вывѣдываетъ отвѣтъ. Но она забыла у младенца перстень со своимъ именемъ. Когда ведутъ его на казнь, онъ показываетъ перстень царю. Царевна отрицаетъ принадлежность ей перстня, утверждаетъ, что ея перстень у нея и представляетъ поддѣльный. Царь выдаетъ ее замужъ за младенца. 402—410.

Повѣсть о Агій о царю. Царь Агій нашелъ ложными евангельскія слова о томъ, что богатые обнищаютъ, а нищіе обогащаются, вырвалъ листъ съ ними изъ Евангелія, а священника заключилъ въ тюрьму. На охотѣ царь погнался за оленемъ, соросилъ одежду, чтобы переплыть рѣку. Ангелъ принялъ на себя видъ царя, взялъ его одежды и царствовалъ вѣсто него три года, Агій-же три года былъ нищимъ, послѣ чего царство было снова ему возвращено. 410—412.

Чудо святителя Христова Николая. Св. Николаю явился въ дорогѣ въ страшномъ образѣ діаволь. Укрѣпленный св. Духомъ, св. Николай повергаетъ діавола на землю и заставляетъ признаться въ его намѣреніяхъ, затѣмъ ввергаетъ его въ бездну. 413—415.

Слово о смерти и о рицери богатомъ и славномъ, который не боялся смерти и искалъ ее; встрѣтилъ, хвасталъ своею силою, а смерть доказывала свою. Оружіе не помогло ему, и онъ умеръ. 415—420.